

P. o. germ. 4285^h.

Schiller

1274

<36629151440016

S

<36629151440016

Bayer. Staatsbibliothek

Op. 38^e

1848

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

ШИЛЛЕРА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКАХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ШИЛЛЕРЪ

САНКТУ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ КОЛЛЕЖІИ

1837

ДРАМАТИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ

ШЕВЧЕВ

ВЪВЕДЕНИЕ

ШЕВЧЕВ

III

КАНИСТЕРСКИЕ

ВЪВЕДЕНИЕ

1857

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

ШИЛЛЕРА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

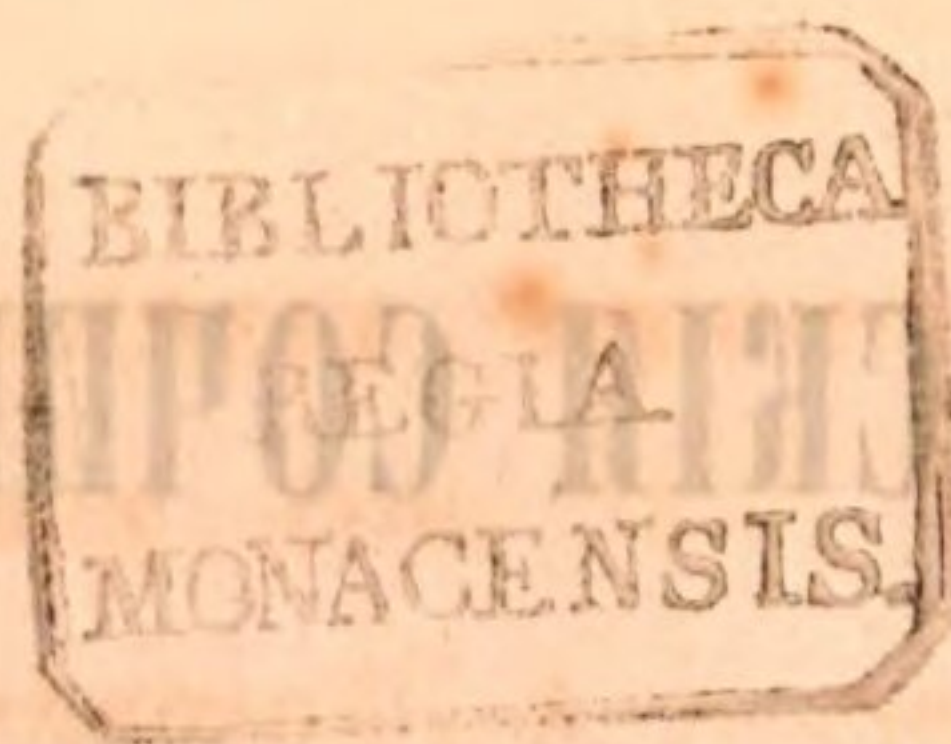
НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

III

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1857

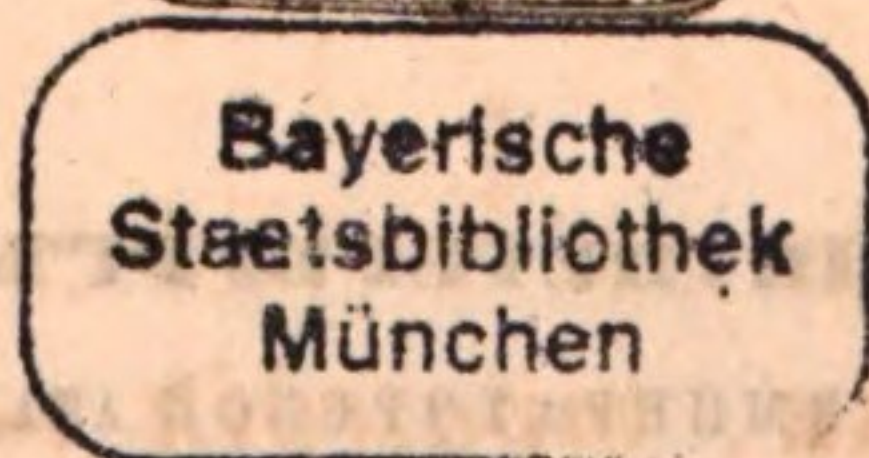

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 26 Апрѣля 1857 года.

Ценсоръ **В. Бекетовъ.**

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Объ драмы Шиллера: «Разбойники» и «Донъ-Карлосъ», предлагаемыя нынѣ вниманію читающей публики, первая въ новомъ, а вторая—въ исправленномъ и дополненномъ переводѣ Михаила Михайловича Достоевскаго, уже были неоднократно переводимы на русскій языкъ. Вотъ списокъ этихъ переводовъ:

I.

1. *Разбойники, трагедія 2-на Шиллера. Перевелъ съ нѣмецкаго Н. Сандуновъ. Москва. 1793.*

2. Разбойники, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Шиллера. Переводъ съ нѣмецкаго (Н. Х. Кетчера). Москва. 1828.

II.

1. Донъ - Карлосъ, инфантъ испанскій. Трагедія Шиллера. Переводъ П. Ободовскаго. (Переводъ этотъ, за исключеніемъ небольшого отрывка, о которомъ будетъ сказано ниже, не былъ напечатанъ. Онъ сдѣланъ прозою и давался на сценѣ).

2. Донъ-Карлосъ, инфантъ Испаніи. Драматическое представленіе Фридриха Шиллера. Переводъ М. Лихонина. Москва. 1833.

3. Донъ - Карлосъ, инфантъ испанскій. Драматическое стихотвореніе Шиллера. Переводъ М. Достоевскаго. («Библиотека для Чтенія», 1848, т. LXXXVI, отд. II, стр. 111, т. LXXXVII, отд. II, стр. 1 и 81 и т. LXXXVIII, отд. II, стр. 1).

Кромѣ того мы имѣемъ еще четыре отрывка изъ «Донъ-Карлоса». Вотъ они:

4. *Донъ - Карлосъ, инфантъ Гишпаніи*
Драматическая поэма сочиненія Шил-
лера. (2-е явленіе 1-го дѣйствія). Пере-
водъ Н. Колачевскаго. («Русскій Зритель»,
1828, ч. IV, стр. 181).
5. *Отрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи:*
«Донъ - Карлосъ». (Дѣйствіе первое,
явленіе первое). Переводъ Н.Н. («Москов-
скій Вѣстникъ», 1829, ч. I, стр. 194).
6. *Отрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи:*
«Донъ-Карлосъ». Переводъ П. Ободов-
скаго. («Сѣверные Цвѣты», 1829, стр. 156).
7. *Первыя пять явленій изъ перваго дѣй-*
ствія «Донъ-Карлоса», Шиллеровой
трагедіи. Переводъ (въ прозѣ) Олина.
(«Колокольчикъ», 1831, №№ 18, 19, 21,
30 и 31, стр. 69, 73, 81, 117 и 121).

За этою частью послѣдуютъ *четвертая, пя-*
тая и шестая, куда войдутъ остальные драмы
Шиллера. Именно: въ *четвертую* — «Заговоръ
Фіеско въ Генуѣ», (въ новомъ переводѣ издателя),
«Коварство и Любовь» (тоже въ новомъ переводѣ
М. М. Достоевскаго) и «Вильгельмъ Телль» (въ

исправленномъ и дополненномъ переводѣ *Θ. Б. Миллера*); въ *пятую* — весь «*Валленштейнъ*» (въ переводахъ: новомъ — *В. Н. Лялина* и старомъ — *А. А. Шишкова 2-го*); въ *шестую* — «*Мессинская Невѣста*» (въ новомъ переводѣ *Θ. Б. Миллера*), «*Дѣва Орлеанская*» и «*Марія Стюартъ*» (въ старыхъ переводахъ *В. А. Жуковского* и *А. А. Шишкова 2-го*).

Н. Гербель.

21-го Марта 1857 года.

С. Петербургъ.

РАЗБОЙНИКИ

ДРАМА

Переводъ Михаила Достоевскаго

Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat,
quae ferrum non sanat, ignis sanat.

Hippocrates.

Дѣйствующія лица:

Максимиліанъ фонъ-Мооръ, владѣтельный графъ.

Карлъ }
Францъ } его сыновья.

Амалія фонъ Эдельрейхъ.

Германъ, побочный сынъ одного дворянина.

Шпигельбергъ

Швейцеръ

Гриммъ

Рацманъ

Шуфтерле

Роллеръ

Косинскій

Шварцъ

} развратные молодые люди, потомъ
разбойники.

Даниель, дворецкій графа Моора.

Пасторъ Мозеръ.

Патеръ.

Шайка разбойниковъ.

Мѣсто дѣйствія — Германія. Время — около двухъ лѣтъ.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

—

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Франконія.

Залъ въ замкѣ Мооровъ.

Францъ. Старикъ Мооръ.

Францъ. Но точно ли вы здоровы, батюшка? Вы что-то блѣдны.

Ст. Мооръ. Здоровъ... что скажешь?

Францъ. Пришла почта—письмо отъ нашего лейпцигскаго корреспондента...

Ст. Мооръ (*съ живостію*). Вѣсти о Карлѣ?

Францъ. Гм! гм!—да, вѣсти. Но я боюсь... не знаю... долженъ ли... ваше здоровье... но, точно ли вы здоровы, батюшка?

Ст. Мооръ. Какъ рыба въ водѣ. О моемъ сынѣ пишетъ онъ? Что ты такъ безпокоишься обо мнѣ? — два раза спрашивалъ о здоровьѣ?

Францъ. Если вы больны — имѣете хоть малѣйшее предчувствіе быть больнымъ, то позвольте мнѣ уйти — я выберу другое время. (*въ помолоса*) Такая вѣсть не для дряхлаго тѣла.

Ст. Мооръ. Боже! Боже! что я еще услышу?

Францъ. Позвольте мнѣ сперва отойти въ сторону и пролить слезы состраданія о моемъ погибшемъ братѣ. Я бы долженъ былъ вѣчно молчать — потому что онъ вашъ сынъ. Я бы долженъ былъ вѣчно скрывать его срамъ — потому что онъ мой братъ. Но повиноваться вамъ — моя первая, печальная обязанность; потому — простите меня.

Ст. Мооръ. О, Карлъ! Карлъ! когда-бъ ты зналъ, какъ поведеніе твое терзаетъ отцовское сердце! когда-бъ ты зналъ, что единственная добрая вѣсть о тебѣ придала бы десять лѣтъ къ моей жизни — юношей сдѣлала бы меня... тогда какъ всякая, ахъ! съ каждымъ шагомъ приближаетъ меня къ гробу!

Францъ. Если такъ, батюшка, — прощайте! а то мы еще нынче будемъ рвать волосы надъ вашимъ гробомъ.

Ст. Мооръ. Остановись! — Вѣдь ужъ мнѣ и такъ недолго жить — пусть его, какъ хочетъ... (*Садясь*) Грѣхи отцовъ взыщутся въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ...

Францъ (*вынимаетъ письмо изъ кармана*). Вы знаете нашего корреспондента? Палецъ съ моей правой руки отдалъ бы я, лишь бы имѣть право сказать, что онъ лжець, низкій, ядовитый лжець. Соберитесь съ силами. Простите меня, что я не даю вамъ самому читать письмо — вамъ и слышать-то нельзя всего.

Ст. Мооръ. Все, все — Францъ: ты избавишь меня отъ костылей.

Францъ (*читаетъ*). «Лейпцигъ. 1-го Мая. — «Если-бъ меня не связывало нерушимое обѣщаніе не

« скрывать отъ тебя ничего, что бы я ни узналъ о
« похожденіяхъ твоего брата, любезный другъ, никогда
« мое неповинное перо не причинило бы тебѣ столько
« горя. Изъ сотни твоихъ писемъ могу заключить, какъ
« подобныя вѣсти должны терзать твое братское серд-
« це. Я какъ будто уже вижу тебя, какъ ты объ этомъ
« безпутномъ, развратномъ » . . . (*Ст. Мооръ закрыва-
« етъ лицо руками*) Видите ли , батюшка , я читаю
« еще самое сносное : — « о развратномъ льешь жгучія
« слезы » . . . ахъ ! онѣ текутъ , ручьями стремятся съ
« моихъ щекъ ! « я какъ будто вижу твоего стараго , поч-
« теннаго отца , какъ онѣ блѣдный , какъ смерть » . . .
« Iesus Maria ! — и въ самомъ дѣлѣ ! хотя еще и ничего
« не знаете !

Ст. Мооръ. Дальше ! дальше !

Францъ. — « блѣдный , какъ смерть , падаетъ на
« стулъ и прокликаетъ день , когда въ первый разъ его
« назвали отцомъ . Я не могъ всего развѣдать , и изъ
« немногаго , что знаю , сообщаю тебѣ только очень не-
« многое . Твой братъ , кажется , ужь преисполнилъ мѣру
« своего безстыдства ; я , по крайней мѣрѣ , не могу ни-
« чего придумать , чего бы ужь онѣ не сдѣлалъ , если
« только его геній въ этомъ отношеніи не превосходитъ
« мой собственный . Вчера ночью , надѣлавъ на сорокъ
« тысячъ дукатовъ долгу » . . . Славныя денежки , ба-
« тюшка ! — « обезчестивъ еще прежде дочь здѣшняго
« банкира , и смертельно ранивъ на дуэли ея жениха ,
« добраго молодого человѣка хорошей фамиліи , онѣ , съ
« семью другими , вовлеченными имъ же въ распутную
« жизнь , бѣжалъ отъ рукъ правосудія » . Батюшка ! ради
« Бога ! батюшка , что съ вами ?

Ст. Мооръ. Довольно , перестань !

Францъ. Я щажу васъ. — «За нимъ послана погоня; оскорбленные громко вопіють объ удовлетвореніи; цѣна назначена за его голову; имя Мооровъ»... Нѣтъ, мой бѣдный языкъ да не будетъ отцеубійцею! *(разрываетъ письмо)* Невѣрьте, батюшка! неvěрьте ему ни въ одномъ словѣ!

Ст. Мооръ *(горько плачетъ)*. Мое имя! Мое честное имя!

Францъ *(падаетъ къ нему на грудь)*. Безчеловѣчный, тысячу разъ безчеловѣчный Карлъ! Я, какъ будто, это предчувствовалъ, когда онъ еще мальчикомъ все увивался около женщинъ; таскался съ мальчишками и всякою сволочью по лугамъ и горамъ; отъ церкви бѣгалъ, какъ преступникъ отъ темницы, и бросалъ деньги, которыя онъ всегда умѣлъ выконючивать, первому встрѣчному нищему въ шляпу, тогда какъ мы назидали себя молитвами и чтеніемъ священныхъ книгъ. Я, какъ будто, это предчувствовалъ, когда онъ гораздо охотнѣе читалъ жизнеописаніе Юлія Цесаря, Александра Великаго и другихъ такихъ же безбожныхъ язычниковъ, чѣмъ исторію благочестиваго Товіа. Сто разъ я ужъ это вамъ предсказывалъ, потому что моя любовь къ нему не выходила никогда за черту сыновнихъ обязанностей: этотъ малый насъ всѣхъ ввергнетъ въ срамъ и гибель!... О, не бейся такъ сильно для него мое сердце! Безбожная любовь, которой я не въ силахъ уничтожить, будетъ еще нѣкогда свидѣтельствовать на меня передъ престоломъ Судіи.

Ст. Мооръ. О, мои планы! мои золотые грѣзы!

Францъ. Это ужъ мы слышали. Вотъ объ этомъ-то я сейчасъ и толковалъ. Пылкій духъ, который бродитъ въ мальчикѣ, говаривали вы всегда, который за-

ставляетъ его сочувствовать всему великому и прекрасному, эта откровенность, отражающая, какъ въ зеркалѣ, его душу во взорахъ, эта мягкость чувства, расплавляющая его, при каждомъ страданіи, въ слезливую симпатію, этотъ мужественный духъ, заставляющій его карабкаться по вершинамъ столѣтнихъ дубовъ, перескакивать черезъ рвы и палисады и гремучіе потоки, это дѣтское честолюбіе, это непреклонное упрямство и всѣ эти прекрасныя, блестящія добродѣтели, которыя росли въ батюшкиномъ сынкѣ, сдѣлаютъ изъ него нѣкогда вѣрнаго друга, примѣрнаго гражданина, героя, великаго, великаго человѣка! Вотъ вамъ и великій человѣкъ, батюшка! — Пылкой-то духъ и развился и расширился; нечего сказать, прекрасныя плоды принесъ онъ. Видите ли, эта откровенность — какъ она мило переродилась въ дерзость; эта мягкость — какъ нѣжно вьетъ она около кокетокъ, какъ сочувствуетъ прелестямъ какой нибудь Фрины; видите ли, этотъ пламенный геній — какъ чисто онъ въ шесть какихъ нибудь годочковъ до того выжегъ масло его жизни, что на немъ остался одинъ остовъ, а люди такъ безсовѣстны, что говорятъ: *c'est l'amour, qui a fait ça!* Га! полюбуйтесь-ка на эту смѣлую, предприимчивую голову; какъ она куется и выполняетъ планы, предъ которыми блѣднѣютъ геройскіе подвиги Картушей и Говардовъ! А когда эти прекрасныя сѣмена дорастутъ еще до своего полного развитія! — теперь отъ его молодыхъ лѣтъ нельзя же и требовать ничего совершеннаго. Можетъ быть, батюшка, доживете вы еще до радости увидѣть его предводителемъ войска, которое квартируетъ въ священной тиши дремучихъ лѣсовъ и облегчаетъ усталого путника на половину его ноши; можетъ быть, прежде

нежели сойдете въ могилу, вы успѣете еще совершить странствіе къ его монументу, который онъ созидаетъ себѣ между небомъ и землею; можетъ быть... О батюшка, батюшка, батюшка! — хлопчите о другомъ имени, а то всѣ мальчишки и разнощики, видѣвшіе портретъ вашего сына на Лейпцигскомъ рынкѣ, станутъ указывать на васъ пальцами.

Ст. Мооръ. И ты также, Францъ? и ты также? О, дѣти, дѣти! какъ вы мѣтко попадаете въ мое сердце!

Францъ. Видите, и я могу быть остроумнымъ; но мое остроуміе — жало скорпіона. Ктому-жъ этотъ сухой, вседневный человѣкъ, этотъ холодный, неотесанный Францъ, и — какъ бишь вы еще меня тамъ называли въ контрастъ съ своимъ любимцемъ, когда онъ сидѣлъ у васъ на колѣнахъ и пощипывалъ ваши щеки — тотъ и умереть и истлѣть въ четырехъ стѣнахъ и забудутъ-то всѣ о немъ, тогда какъ слава этаго универсальнаго генія промчится отъ полюса къ полюсу. Га! съ сокрушеннымъ сердцемъ благодарю тебя, Создатель, что холодный, сухой, неотесанный Францъ не похожъ на него!

Ст. Мооръ. Прости меня, сынъ мой! Не сердись на отца, обманувшагося въ надеждахъ. Господь, посылающій мнѣ слезы черезъ Карла, обсушитъ ихъ черезъ тебя, мой Францъ.

Францъ. Да, батюшка, онъ обсушитъ ихъ. Вашъ Францъ пожертвуетъ своею жизнію, чтобъ продлить вашу собственную. Ваша жизнь — для меня оракулъ, который я всегда вопрошаю передъ всякимъ предпріятіемъ; зеркало, въ которомъ я все созерцаю. Нѣтъ долга для меня столь священнаго, котораго бы я въ

мигъ не нарушилъ , когда дѣло идетъ о вашей драгоценной жизни. Вѣрите ли вы мнѣ , батюшка?

Ст. Мооръ. На тебѣ лежатъ еще большія обязанности , Францъ. Богъ да благословить тебя за все , чѣмъ ты мнѣ былъ и будешь!

Францъ. Ну скажите-жъ теперь — еслибъ вы этаго сына не называли своимъ , вы были бы счастливымъ человекомъ ?

Ст. Мооръ. Тише! о тише! Когда его впервые подала мнѣ мать, я поднялъ его къ небу и воскликнулъ: « я счастливѣйшій человекъ въ мірѣ! »

Францъ. Тогда было такъ , а теперь вышло совсемъ иначе. Теперь вы чай завидуете послѣднему изъ вашихъ крестьянъ , что онъ не отецъ такого негодяя. Вы до тѣхъ поръ не разстанетесь съ горемъ , пока у васъ будетъ подобный сынъ. Это горе будетъ расти съ Карломъ. Это горе подточитъ жизнь вашу.

Ст. Мооръ. О, онъ уже сдѣлалъ меня восьмидесятилѣтнимъ старикомъ.

Францъ. Вотъ видите-ли! — что, еслибъ вы отреклись отъ вашего сына ?

Ст. Мооръ (*вздрагивая*). Францъ! Францъ! что говоришь ты?

Францъ. Развѣ не любовь къ нему причиняетъ вамъ все это горе? Безъ этой любви онъ для васъ ничто. Безъ этой непростительной, преступной любви онъ для васъ умеръ — никогда не рождался. Не плоть и кровь, — сердце дѣлаетъ насъ отцами и сыновьями. Не любите его — и это отродье ужъ болѣе не сынъ вашъ, хотя бы онъ былъ вырѣзанъ изъ вашего собственнаго тѣла. До сихъ поръ онъ былъ для васъ зеницею ока; но — еще соблазняетъ тебя око, говоритъ писаніе, вырви его вонъ.

Лучше съ однимъ глазомъ попасть въ небо чѣмъ съ обоими въ адъ. Лучше бездѣтнымъ предстать Богу, чѣмъ обоимъ, отцу и сыну, низринуться въ гіену. Вотъ что завѣщало намъ Божество.

Ст. Мооръ. Ты хочешь, чтобъ я проклялъ своего сына?

Францъ. Э, совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! — Кто говоритъ вамъ, чтобъ вы его прокляли? Кого вы называете сыномъ? — того, кому вы дали жизнь, тогда какъ онъ употребляетъ всѣ возможные усилія, чтобы сократить вашу собственную.

Ст. Мооръ. О, это правда! это судъ Божій надо мною. Богъ самъ избралъ его на это.

Францъ. Полюбуйтесь же, какъ дѣтски поступаетъ съ вами вашъ любимчикъ. Вашимъ же отеческимъ участіемъ губить онъ васъ, убиваетъ вашею же любовью; даже ваше отеческое сердце подкупилъ онъ, чтобъ оно дало вамъ карачунъ. Не стань васъ — и онъ сдѣлается господиномъ вашихъ помѣстій, властелиномъ своихъ желаній. Прочь плотина — и потокъ его похотей помчится свободнѣе. Поставьте себя на его мѣстѣ. Съ какимъ нетерпѣніемъ долженъ онъ ожидать смерти своего отца и брата, которые такъ немилосердо стоятъ на дорогѣ его распутства? А это развѣ любовь за любовь? Развѣ это дѣтская благодарность за отцовскія ласки, — когда онъ похотливому щекотанію мига жертвуетъ десятию годами вашей жизни? когда онъ славу своихъ предковъ, славу, незапятнанную впродолженіи семи столѣтій, ставитъ на карту въ одну минуту сладострастія? Это вы называете сыномъ? Отвѣчайте! — это вы называете сыномъ?

Ст. Мооръ. Неблагодарный, но все же мой сынъ!

Францъ. Примѣрный, драгоцѣнный сынъ, котораго вѣчная забота — какъ бы поскорѣй лишиться отца. О, когда вы вразумитесь! когда спадетъ завѣса съ глазъ вашихъ? Но ваше снисхожденіе укоренить его въ распутствѣ, а ваша нерѣшительность придастъ имъ видъ правоты. Конечно, вы снимете этимъ проклятіе съ его головы; но за то на васъ, батюшка, на васъ падетъ это проклятіе.

Ст. Мооръ. Правда, правда! Я всему виною!

Францъ. Сколько тысячей, упивавшихся прежде изъ чаши сладострастія, исправлены были потѣмъ страданіями! Болѣзнь тѣла, сопровождающая всякую чрезмѣрность — не есть ли это указующій перстъ божественной воли? Въ правѣ ли человѣкъ, побуждаемый преступною любовью, перетолковывать ее по своему въ правѣ ли отецъ губить на вѣки залогъ, порученный ему небомъ? Подумайте, батюшка! — когда вы на нѣкоторое время предоставите его на произволъ бѣдствій: онъ — или обратится на путь истины и исправится, или — и въ школѣ страданій и несчастій останется негодяемъ, и тогда — горе отцу, уничтожающему потворствомъ предначертанія вышей мудрости! — Ну, батюшка?

Ст. Мооръ. Я ему напишу, что я отклоняю отъ него свою руку.

Францъ. И прекрасно, преумно сдѣлаете.

Ст. Мооръ. Чтобъ онъ мнѣ и на глаза не являлся...

Францъ. Это окажетъ спасительное дѣйствіе.

Ст. Мооръ (*нѣжно*). Пока онъ не исправится.

Францъ. Хорошо! очень хорошо! — А ну, какъ онъ, прикрывшись маской лицемѣрія, выплачетъ у васъ со-

страданіе, выконючить прощеніе, и на другой же день, въ объятіяхъ развратныхъ женщинъ, станетъ насмѣхаться надъ вашею слабостію? — Нѣтъ, батюшка! — онъ и самъ возвратится, когда совѣсть перестанетъ упрекать его.

Ст. Мооръ. Ну, такъ я это сей часъ же напишу ему.

Францъ. Позвольте! еще одно слово, батюшка! Я боюсь, чтобъ гнѣвъ не подсунулъ подъ перо ваше слишкомъ жесткихъ выраженій, которыя могутъ растерзать его сердце. Ктому-жъ — неужели вы думаете, что онъ не приметъ за прощеніе то, что вы его удостоиваете собственноручнаго письма? Не лучше ли будетъ, если вы это предоставите мнѣ.

Ст. Мооръ. Хорошо, Францъ. — Ахъ! это бы и въ самомъ дѣлѣ растерзало мнѣ сердце! Напиши ему.

Францъ (*скоро*). Такъ вы согласны?

Ст. Мооръ. Напиши ему, что я ручьи кровавыхъ слезъ, тысячи безсонныхъ ночей... но смотри, не приводи его въ отчаяніе!

Францъ. Не хотите ли прилечь, батюшка? Вы такъ встревожены.

Ст. Мооръ. Напиши ему, что отцовское сердце... повторяю тебѣ: не доводи его до отчаянія (*печально уходитъ*).

Францъ (*Со слѣзхою смотритъ ему въ слѣдъ*). Утѣшься, старикъ! ты ужь не прижмешь его къ своему сердцу; путь къ нему заваленъ для него, какъ дьяволу къ небу. Онъ былъ вырванъ изъ твоихъ объятій прежде, нежели ты зналъ, что, можетъ быть, самъ захочешь этого. Я былъ бы жалкимъ ротозѣемъ, еслибъ не сумѣлъ исторгнуть сына изъ родительскаго

сердца, хотя бы онъ былъ прикованъ къ нему желѣзными цѣпями. Я очертилъ около него магическій кругъ проклятій, черезъ который онъ никогда не перешагнетъ. Смѣлѣй, Францъ! сына-любимца не стало — поле чисто. Однако, надобно поднять эти лоскутки, а то, пожалуй, еще кто нибудь узнаетъ мой почеркъ. (*читаетъ по разодраннымъ лоскуткамъ письма*) А горе скоро и старика приберетъ къ мѣсту. Остается вырвать Карла изъ ея сердца; и я вырву его, хоть зависъ отъ этого половина ея жизни.

На моей сторонѣ всѣ права быть недовольнымъ природою; и, клянусь честію, я воспользуюсь ими. Зачѣмъ не я первый выползъ изъ материнскаго чрева? Зачѣмъ она заклеила меня этими отвратительными чертами? — такъ-таки непременно меня? Какъ будто, создавая меня, она изъ экономіи употребила свои залежалые остатки. Зачѣмъ именно мнѣ этотъ лапландскій носъ? мнѣ — этотъ ротъ, какъ у арапа? эти готтентотскіе глаза? Право, я думаю, что она у всѣхъ націй взяла самое отвратительное, смѣшала все въ одну кучу и испекла меня изъ этого гадкаго тѣста. Адъ и смерть! Кто далъ ей полномочіе *ею* одарить всѣмъ, *мнѣ* во всемъ отказать? Развѣ могъ ей кто нибудь строить куры до моего рожденія, или оскорбить её, прежде нежели я увидѣлъ свѣтъ? Зачѣмъ она была такъ пристрастна въ этомъ дѣлѣ?

Нѣтъ! нѣтъ! я несправедливъ къ ней. Она намъ дала изобрѣтательный умъ, посадила насъ голыхъ и жалкихъ на берегъ этаго безграничнаго океана — *свѣта*: плыви, кто можетъ плыть, а кто тяжелъ — тони... Мнѣ она ничего не дала... Чѣмъ я хочу быть, это ужь мое дѣло... Всякъ имѣетъ одинакое право на большее и ма-

ное. Притязаніе разбивается о притязаніе, воля о волю, сила о силу. Право на сторонѣ побѣдителя, а въ предѣлахъ нашихъ силъ — наши законы.

Конечно, есть пожалуй общеизвѣстные пакты, принятые для того, чтобъ ускорять пульсъ міроваго круговращенія. Честное имя — славная монета, которою можно дѣлать чудесные обороты, умѣй только пустить её въ ходъ. Совѣсть! — о да, конечно, — знатное чучело пугать воробьевъ съ гороху! — это — хорошо написанный вексель, съ которымъ и банкротъ иногда выпутывается изъ бѣды.

И въ самомъ дѣлѣ, похвальные учрежденія: пугать дураковъ и держать чернь подъ каблукомъ для того, чтобъ люди съ толкомъ могли тѣмъ свободнѣе дѣйствовать. Право прехитрыя учрежденія! Ну, точь въ точь плетни, которыми мои мужики прехитро огораживаютъ поля свои, чтобъ чрезъ нихъ не перескочилъ — сохрани Богъ — какой нибудь заяцъ. А баринъ пришпориваетъ коня и лихо галопируетъ по бывшей жатвѣ.

Бѣдный заяцъ! Вѣдь прескверная роль быть на этомъ свѣтѣ зайцемъ. Но барину нужны также и зайцы.

И такъ — смѣлѣе впередъ! Кто ничего не боится также силенъ, какъ и тотъ, кто всего боится. Теперь въ модѣ пряжки на панталонахъ, чтобъ стягивать или расшнуровывать ихъ по волѣ. Мы постараемся сшить себѣ совѣсть по самому новому фасону, чтобъ пошире растягивать её, по мѣрѣ того, какъ сами будемъ толстѣть. Намъ что до этого за дѣло? Ступайте къ портнымъ. Мнѣ дотога всѣ уши прожужжали о такъ называемой *кровной любви*, что у порядочнаго человѣка голова бы затрещала. Это твой братъ! — другими словами: онъ испеченъ въ той же печи, изъ которой ты явился

на свѣтъ, и потому — да будетъ онъ тебѣ священъ! Замѣтьте, ради Бога, этотъ запутанный силлогизмъ, это смѣшное заключеніе отъ сосѣдства тѣлъ къ гармоніи душъ, отъ одного мѣста рожденія къ одинакимъ ощущеніямъ, отъ одной и той же пищи къ однѣмъ и тѣмъ же склонностямъ. Далѣе — это твой отецъ! онъ далъ тебѣ жизнь, ты его плоть, его кровь, и потому — да будетъ онъ для тебя священъ! Опять претонкая штука. Хотѣлось бы мнѣ знать, *зачѣмъ* онъ меня произвелъ на свѣтъ? Или думалъ онъ обо мнѣ, какъ меня дѣлалъ? или угадывалъ, что изъ меня будетъ? Этого я бы ему не совѣтывалъ, потому что могъ бы, пожалуй, наказать его за то, что онъ мой отецъ. Неужели мнѣ благодарить его за то, что я родился мужчиною? Это все равно, что жаловаться, еслибъ изъ меня вышла женщина? Могу ли я признавать любовь, которая не основывается на уваженіи къ моему собственному *я*? Но могло ли быть тутъ уваженіе къ моему *я*, которое именно произошло изъ того, чему оно само должно служить началомъ? Гдѣ же тутъ — священное? Развѣ въ самомъ актѣ, черезъ который я получилъ бытіе? Какъ будто это было что нибудь особенное, а не скотской процессъ удовлетворенія скотской похоти? Или, можетъ быть, оно въ самомъ результатѣ этого акта, что, впрочемъ, ничто иное, какъ желѣзная необходимость, безъ которой, право, всѣ бы обошлись, еслибъ только плоть и кровь того не требовали? Или развѣ за то мнѣ быть благодарнымъ, что онъ меня любитъ? Но это одно его тщеславіе, прародительскій грѣхъ всѣхъ художниковъ, которые кокетничаютъ своимъ произведеніемъ, будь оно отвратительно. Вотъ вамъ и все колдовство, которое вы завѣшиваете священнымъ туманомъ, чтобъ только во зло

употреблять нашу трусость. Вѣдь я не мальчикъ, чтобъ позволить убаюкивать себя подобными пѣснями.

И такъ — смѣлѣе! Вокругъ себя я вырву съ корнемъ все, что мнѣ преграждаетъ дорогу къ власти. Полнымъ властелиномъ хочу я быть, чтобъ силою добывать то, чего не могъ взять своею любезностью (*уходитъ*).

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Корчма на границахъ Саксоніи.

КАРЛЪ МООРЪ (*углубленный въ чтеніе*). ШПИГЕЛЬБЕРГЪ (*пьетъ, сидя за столомъ*).

КАРЛЪ МООРЪ (*закрывая книгу*). Мнѣ становится гадокъ этотъ чернильный вѣкъ, когда я читаю въ «Плутархѣ» о великихъ людяхъ.

ШПИГЕЛЬБЕРГЪ (*становитъ передъ нимъ стаканъ и пьетъ*). Такъ читай Іосифа.

МООРЪ. Священная искра Прометея выгорѣла, такъ стали добывать пламя изъ медвѣжьяго сала — театральнй огонь, на которомъ нельзя раскурить и трубки табаку. И вотъ они заползали, какъ крысы по палицѣ Геркулеса. Французскій аббатикъ проповѣдуетъ, что Александръ былъ трусливъ, какъ заяцъ; чахоточный профессоръ, который, при каждомъ словѣ, подноситъ флакончикъ съ салміакомъ къ носу, читаетъ лекцію о силѣ. Люди, падающіе въ обморокъ отъ всякихъ пустяковъ, критикуютъ тактику Аннибала; вислоухіе ребята ло-

вять фразы изъ битвы при Каннахъ и скалятъ зубы на побѣды Сципіона, потому что должны экспонировать ихъ.

Шпигельбергъ. Да, это, братецъ, чисто по александрійски.

Мооръ. Въ награду за вашъ кровавый потъ въ жару битвъ, — вы живете теперь въ гимназіяхъ, и ваше безсмертіе прозябаетъ въ жалкихъ риѣмахъ. Изъ благодарности за пролитую вами кровь, Нюрембергскій торгашъ завернетъ въ васъ грошевые пряники, а при особенномъ счастіи, какой нибудь французскій драматургъ привинтитъ васъ на ходули и заставитъ плясать на проволокъ. Ха, ха, ха!

Шпигельбергъ (*пьетъ*). Читай-ка, братъ, Юсифа.

Мооръ. Право, этотъ гнусный вѣкъ кастратовъ ни къ чему болѣе неспособенъ, какъ дразничать о подвигахъ прежнихъ временъ, и героевъ древности шпиговать коментаріями, или тискать ихъ въ трагедіи. Сила мышцъ его выкипѣла, и вотъ теперь пивные дрожжи помогаютъ воспроизводимости людей.

Шпигельбергъ. Читай, братецъ, читай!

Мооръ. И вотъ они искажаютъ свою здоровую природу безвкусными условіями; не могутъ собраться съ духомъ осушить стаканъ, потому что имъ придется пить за здоровье; жмутъ руку лакею, чтобъ онъ замолвилъ словечко его сіятельству, и нападаютъ на бѣдняка, котораго небоятся; обожаютъ за обѣдъ и готовы отравить другъ друга за послѣднюю тряпку, перекупленную у нихъ на аукціонѣ; проклиная Садукея за то, что онъ рѣдко ходитъ въ церковь, а сами разсчитываютъ свои жидовскіе барыши у самого алта-

ря; становятся на колѣна, чтобъ только выказать складки своего платья; не сводятъ глазъ съ проповѣдника, чтобъ только высмотрѣть, какъ причесанъ на немъ парикъ; падаютъ въ обморокъ при видѣ зарѣзаннаго гуся, и рукоплещутъ, когда ихъ соперникъ уходитъ банкротомъ съ биржи... Какъ горячо жалъ я имъ руки: «Только одинъ день!» Куда!... «Хоть въ петлю полѣзай!» Просьбы! клятвы! слезы!... *(топая ногой)* Адъ и черти!

Шпигельбергъ. И все изъ за какихъ нибудь двухъ тысячъ дрянныхъ дукатовъ?..

Мооръ. Нѣтъ! я не въ силахъ болѣе объ этомъ думать! Мнѣ ли сдavitъ свое тѣло шнуровкою и заковать свою волю въ законы? Законъ превратилъ въ улитокъ то, что бы взвилось орлинымъ полетомъ. Законъ не образовалъ еще ни одного великаго человѣка, тогда какъ свобода высиживаетъ крайности и колосовъ. О, еслибъ духъ Германа жилъ еще въ его прахѣ! Дайте мнѣ войско такихъ головъ, какъ я, и изъ Германіи выйдетъ республика, передъ которой Римъ и Спарта покажутся женскими монастырями *(бросаетъ шпату на столъ и встаетъ)*.

Шпигельбергъ *(вскакивая)*. Браво! брависимо! Ты наводишь меня на мысль. Я тебѣ шепну кое что на ухо, Мооръ, мысль о чемъ уже давно не выходитъ у меня изъ головы. Ты для меня прямая находка... Пей же, братецъ, пей! — Слушай, сдѣлаемся жидами и возстановимъ Іудейское царство. Признайся! вѣдь это хитро задуманный планъ? Мы издаемъ манифестъ, рассылаемъ его во всѣ четыре страны свѣта и приглашаемъ все, что только не ѣсть свинины, въ Палестину. Тамъ достовѣрными документами доказываю я, что Иродъ,

четвертый царь, былъ мой предокъ и такъ далѣе. То-то будетъ торжество, братецъ, когда они опять немного пообсохнутъ и увидятъ возможность возобновить Іерусалимъ. А пока желѣзо горячо — прочь Турокъ изъ Азіи, руби кедры на Ливанѣ, строй корабли, закладывай верфи, крути всѣмъ народомъ! Между тѣмъ . . .

Мооръ (*улыбаясь, беретъ его за руку*). Товарищъ, пора бросить дурачества.

Шпигельбергъ (*озадаченный, съ удивленіемъ*). Не играть же тебѣ роль блуднаго сына! Малый, какъ ты, написавшій шпагою на лицахъ болѣе, нежели три писца въ добрый годъ въ приказной книгѣ! — рассказать тебѣ что ли о нашихъ похоронахъ? Га! мнѣ придется вызвать твой собстаенный образъ предъ твои очи, чтобъ снова вздулись огнемъ твои жилы, когда уже ничто болѣе тебя не вдохновляетъ. Помнишь, какъ господа изъ коллегіи подстрѣлили лапу твоему бульдогу, а ты въ реваншъ предписалъ постъ всему городу. Да, ты самъ не промахъ: скупаешь все мясо во всемъ Лейпцигѣ, такъ, что въ продолженіи восьми часовъ въ цѣломъ округѣ не было обглоданной кости и рыба начала подниматься въ цѣнѣ. Магистратъ, бюргерство готовы были лопнуть со злости. Мы малые, въ числѣ тысячи-семисотъ, съ тобой во главѣ, а за нами и мясники и разнощики, трактирщики, цирюльники и всѣ цѣхи, поклялись разбить въ пухъ весь городъ, если хоть кого изъ насъ тронуть пальцемъ. Вышло, какъ стрѣльба при Горнбергѣ, — то есть ушли съ носомъ. Ты созываешь докторовъ на консилиумъ и предлагаешь три дуката тому, кто пропишетъ собакѣ рецептъ. Мы боялись, что господа заупрямятся и скажутъ *нѣтъ*, и ужь сговорились было прибѣгнуть къ насилію. Не тутъ-

то было : господа передрались изъ за трехъ дукатовъ и сбили цѣну на три баца (*); въ одну минуту написано двѣнадцать рецептовъ — и бѣдное животное протягиваетъ ноги.

Мооръ. Подлецы!

Шпигельбергъ. Собаку зарыли мы съ подобающимъ шумомъ. Потомъ начался кутѣжъ, который продолжался до ранняго утра. Ты поблагодарилъ господъ за сердечное участіе, и приказалъ продавать мясо по половинной цѣнѣ. Mort de ma vie! то-то былъ тебѣ почетъ!

Мооръ. И ты не стыдишься этимъ хвастаться? Въ тебѣ нѣтъ на столько совѣсти, чтобъ краснѣть отъ подобныхъ воспоминаній?

Шпигельбергъ. Ступай, ступай! — ты болѣе не Мооръ. Или забылъ, какъ тысячу разъ за бутылкою вина подтрунивалъ надъ своимъ старымъ хрычемъ, и еще говаривалъ: «пусть его копитъ и скряжничаетъ, а я буду пить такъ, что небу станетъ жарко». — Помнишь ли это? а? помнишь? Ахъ ты безсовѣстный, хвастунишка ты эдакой! тогда говорилъ ты по-молodeцки, по дворянски, а теперь...

Мооръ. Будь проклятъ ты за то, что мнѣ это напомнилъ! проклятъ я, что сказалъ это! То вино говорило во мнѣ, и мое сердце не слушало, что болталъ языкъ.

Шпигельбергъ (*качая головой*). Нѣтъ! нѣтъ! Не можетъ быть, чтобъ ты говорилъ серьезно. Признайся, ужь не нужда ли тебя такъ приструнила? Дай-ка, я расскажу тебѣ кое что изъ моихъ ребяческихъ похожденій. Возлѣ нашего дома былъ ровъ, небольшой, такъ футъ восемь въ ширину, и мы ребята,

(*) Условная мелкая монета.

бывало, все бьемся какъ-бы черезъ него перескочить. Все напрасно. Скокъ — и летишь кувыркомъ на дно, а вокругъ смѣхъ, крикъ, хохотъ, всего закидаютъ снѣжками. У сосѣднихъ воротъ ходила на цѣпи огромная собака, да такая бестія, что бывало дѣвкамъ не было проходу: такъ и рветъ за платье. Первымъ моимъ удовольствіемъ было дразнить собаку, и я бывало помиралъ со смѣху, когда животное на меня бросалось: еслибъ не цѣпь, вотъ такъ бы, кажется, и растерзала. Чтожъ случилось? Разъ, дразня её, я такъ утрафилъ её по ребрамъ камнемъ, что она въ бѣшенствѣ сорвалась съ цѣпи, да за мною; я — бѣжать, какъ угорѣлый. Чортъ возьми! проклятый ровъ, какъ тутъ передо мною. Что дѣлать? Собака на пятахъ. Не долго думая, я перевелъ дыханье — скокъ — и прямо черезъ ровъ! Прыжку этому обязанъ я жизни: бестія въ клочки бы меня разорвала.

Мооръ. Ну чтожъ изъ этаго?

Шпигельбергъ. То, что силы растутъ съ нуждою. Потому — я никогда не трушу, когда доходитъ до крайности. Мужество растетъ съ опасностію, — сила среди притесненій. Судьба, вѣрно, хочетъ сдѣлать изъ меня великаго человѣка, когда такъ упрямо загораживаетъ дорогу.

Мооръ (*съ сердцемъ*). Право не знаю на что намъ еще мужество, и гдѣ намъ его не хватало?

Шпигельбергъ. Право? — Такъ ты хочешь, чтобъ твои дарованія выдохлись, таланты погибли? Ужъ не думаешь ли ты, что твои лейпцигскія проказы переходятъ предѣлъ человѣческаго остроумія? Дай-ка намъ сперва втерется въ большой свѣтъ. Парижъ! Лондонъ! — гдѣ съѣшь оплеуху, когда назовешь кого честнымъ че-

ловѣкомъ. Душа радуется, какъ тамъ практикуютъ ремесло въ большомъ размѣрѣ. Глаза, братъ, вытаращишь! Какъ поддѣлываютъ подписи, фальшивятъ кости, ломаютъ замки и вытряхиваютъ требуху изъ ящиковъ: этому всему поучись, братъ, у Шпигельберга. На первую висѣлицу повѣсилъ бы я того, кто голодаетъ изъ чести.

Мооръ (*разсѣяннo*). Какъ? неужели ты все это перепробывалъ?

Шпигельбергъ. Чего добраго, ты, пожалуй, мнѣ не вѣришь. Не то еще увидишь, дай мнѣ только разходиться; у тебя мозгъ затрещитъ, когда разродится мое остроуміе. (*встаетъ, съ жаромъ*) Какъ все свѣтлѣетъ во мнѣ. Великія мысли занимаются въ душѣ моей. Великіе планы бродятъ въ творческомъ черепѣ. Проклятая сонливость (*ударяетъ себя по лбу*) оковывала до-сихъ-поръ мои силы, застилала будущность, преграждала дорогу. Я пробуждаюсь, сознаю кто я, кѣмъ буду!

Мооръ. Ты глупъ. У тебя зашумѣло вино въ головѣ.

Шпигельбергъ (*болѣе и болѣе разгорячаясь*). Шпигельбергъ, закричатъ тогда, ты чародѣй Шпигельбергъ! Жаль, что ты не сдѣлался полководцемъ, Шпигельбергъ, скажетъ король: въ мышиную щелку прогналъ бы Австрійцевъ. Да, слышу я, какъ сѣтуютъ доктора, непростительно, что этотъ человѣкъ не взялся за медицину: онъ изобрѣлъ бы новую систему. Ахъ, какъ жаль, что онъ не захотѣлъ быть министромъ, вздохнуть Сюлли въ своихъ кабинетахъ: онъ бы камни превратилъ въ луйдоры! И о Шпигельбергѣ заговорятъ на востокѣ и западѣ, и тогда — плесните вы тру-

сы, вы гадины, между тѣмъ какъ Шпигельбергъ, распустивъ крылья, полетитъ въ храмъ безсмертія.

Мооръ. Счастливый путь! карабкайся по позорнымъ столбамъ на верхушку славы. Въ тѣни отцовскихъ рощъ, въ объятіяхъ моей Амаліи меня вдохновятъ другія радости. Еще на той недѣлѣ писалъ я къ отцу о прощеніи, не скрылъ отъ него ни малѣйшаго обстоятельства; а гдѣ чистосердечіе, тамъ и состраданіе и помощь. Простимся съ тобой, Морицъ. Мы ужъ болѣе никогда не увидимся. Почта пришла. Отцовское прощеніе ужъ въ городскихъ стѣнахъ.

Швейцеръ. Гриммъ. Роллеръ. Шуфтерле.

Рацманъ (входятъ).

Роллеръ. Да знаете ли вы, что насъ ловятъ?

Гриммъ. Что мы ни на минуту не безопасны?

Мооръ. Я этому не удивляюсь. Будь что будетъ! Не видали-ли вы Шварца? Не говорилъ ли онъ о письмѣ ко мнѣ.

Роллеръ. Онъ давно тебя ищетъ; говорилъ что-то такое.

Мооръ. Гдѣ онъ? гдѣ, гдѣ? (хочетъ выбѣжать вонъ).

Роллеръ. Стой! Мы его послали сюда. Ты дрожишь?

Мооръ. Я не дрожу. Отчего мнѣ дрожать? Товарищи — это письмо... радуйтесь вмѣстѣ со мною: я счастливѣйшій человѣкъ подъ солнцемъ! Чего мнѣ дрожать!

ШВАРЦЪ (*входитъ*).

МООРЪ (*бѣжитъ ему на встрѣчу*). Братъ! братъ! письмо! письмо!

ШВАРЦЪ (*подаетъ ему письмо; онъ его почтино распечатываетъ*). Что это съ тобой? ты какъ полотно?

МООРЪ. Рука моего брата!

ШВАРЦЪ. Да что это съ Шпигельбергомъ?

ГРИММЪ. Видно съ ума спятилъ. Дѣлаетъ какіе-то жесты, словно танцуетъ!

ШУФТЕРЛЕ. У него умъ за разумъ зашолъ. Стихи сочиняетъ.

РАЦМАНЪ. Шпигельбергъ! а, Шпигельбергъ! Не слышитъ, бестія.

ГРИММЪ (*толкаетъ его*). Что ты спишь что-ли?

ШПИГЕЛЬБЕРГЪ. (*стоявшій въ продолженіе всего разговора въ углу и разсуждавшій самъ съ собою, вдругъ дико вскрикиваетъ*): La bourse ou la vie! (*и хватаетъ Швейцера за горло, который преспокойно отбрасываетъ его къ стѣнѣ. Мооръ роняетъ письмо и, какъ сумасшедшій, убѣгаетъ. Всѣ въ изумленіи*).

РОЛЛЕРЪ (*ему вслѣдъ*). Мооръ! куда ты, Мооръ? что съ тобою?

ГРИММЪ. Что это съ нимъ? Что онъ сдѣлалъ? онъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

ШВЕЙЦЕРЪ. Хороши должны быть вѣсти! — посмотримъ!

РОЛЛЕРЪ (*поднявъ съ полу письмо, читаетъ*). «Несчастный братъ!» веселое начало! «Только вкратцѣ приказано мнѣ увѣдомить тебя, что твои надежды

«погибли. — Ступай, говоритъ тебѣ отецъ, куда ве-
«деть тебя твое распутство. Также — велитъ онъ
«сказать тебѣ, чтобъ ты и не надѣялся когда-нибудь
«выплакать прощеніе у ногъ его, если не хочешь про-
«сидѣть въ подвалахъ его башенъ до тѣхъ поръ пока
«волосы не выростутъ у тебя съ орлиныя перья, а
«ногти съ птичьи когти. Это его собственныя слова.
«Онъ приказываетъ мнѣ кончить письмо. Прощай на
«вѣки. Сожалѣю о тебѣ. —

Францъ фонъ-Мооръ.»

ШВЕЙЦЕРЪ. Нечего сказать! Сахарный братецъ! —
Францъ, значить, каналья!

ШПИГЕЛЬБЕРГЪ (*тихо подходитъ къ нимъ*).
О хлѣбъ и водѣ идетъ рѣчь. Славная жизнь! Я для
васъ кое-что другое придумалъ. Не говорилъ ли я вамъ,
что мнѣ еще за всѣхъ васъ придется думать?

ШВЕЙЦЕРЪ. Что вретъ тамъ эта баранья голова?
онъ хочетъ за всѣхъ насъ думать?

ШПИГЕЛЬБЕРГЪ. Зайцы, колѣки, хромоногія со-
баки вы всѣ, если у васъ не хватить духа предпринять
что-нибудь великое!

РОЛЛЕРЪ. Но выведетъ ли насъ твое средство изъ
этого проклятаго положенія? выведетъ ли?

ШПИГЕЛЬБЕРГЪ (*съ гордымъ смѣхомъ*). Жал-
кій глупецъ! вывести изъ этого положенія?... ха, ха,
ха!... изъ этого положенія? — на бѣльшее то, видно,
не способенъ твой крошечный умишко? Съ твоей фи-
зіогноміей сидѣть бы тебѣ дома! Шпигельбергъ былъ
бы жалкимъ, ничтожнымъ человѣкомъ, еслибъ только
съ этого началъ. Героями, говорю я тебѣ, баронами,
князьями, богами сдѣлаю я васъ!

РАЦМАНЪ. Для перваго раза это, пожалуй, и мно-

го! Но не будетъ ли это намъ стоять головоломныхъ работъ, а, можетъ, и самой головы?

Шпигельбергъ. Ничуть! — только одного мужества, потому что, все касающееся ума и изобрѣтательности, — я беру на себя. Крѣпись, говорю я, Швейцеръ! крѣпись, Роллеръ, Гриммъ, Рацманъ, Шуфтерле! крѣпитесь!

Швейцеръ. Крѣпиться? Если только за этимъ дѣло стало — у меня хватитъ мужества, чтобъ босикомъ пройти черезъ адъ.

Шуфтерле. Чтобъ у висѣлицы подраться съ самимъ чортомъ за трупъ удушенника.

Шпигельбергъ. Вотъ это по-мнѣ! Если въ васъ точно есть мужество, то пусть кто-нибудь изъ васъ скажетъ, что онъ боится еще что-нибудь потерять и не надѣется всего выиграть!

Шварцъ. Въ такомъ случаѣ я бы все растерялъ безъ сожалѣнія, если можно терять то, что еще только надѣешься выиграть.

Рацманъ. А я бы, чортъ возьми, все выигралъ, еслибъ только хотѣлъ выигрывать то, чего нельзя терять.

Шуфтерле. Еслибъ мнѣ случилось потерять то, что теперь на мнѣ надѣто, и то въ долгъ, — завтра и мнѣ нечего было бы терять.

Шпигельбергъ. И такъ — (*онъ становится среди ихъ и говоритъ таинственнымъ голосомъ*) если хоть капля нѣмецкой крови еще есть въ жилахъ вашихъ — пойдете! Поселимся въ богемскихъ лѣсахъ, соберемъ шайку разбойниковъ и . . . Что вы на меня уставили глаза-то? — Ваше мужество, видно, ужъ выдохлось?

Роллеръ. Ты не первый красобай, у котораго все въ памяти, кромѣ вистѣлицы. И все-таки намъ не остается другого выбора!

Шпигельбергъ. Выбора? что? — нѣтъ для васъ никакого выбора! Хотите сидѣть въ долговой тюрьмѣ и плеснѣть тамъ до страшнаго суда? хотите возиться съ сохой и заступомъ изъ за куска чорстваго хлѣба? у оконъ жалобной пѣснью вымаливать у людей тощую милостыню? или хотите присягнуть на телячьей шкурѣ . . . и тутъ еще вопросъ, повѣрять ли вашимъ ро-
жамъ! . . . и тамъ подъ бранью и побоями безмозглаго капрала предвкушать чистилище? или прогуливаться подъ музыку и подъ тактъ барабана? или въ галерномъ раю влачить за собою весь желѣзный магазинъ Вулкана? — Вотъ что остается вамъ выбирать! Выбирайте, коль хотите!

Роллеръ. Шпигельбергъ отчасти правъ. Я задумалъ также нѣкоторые планы, но это почти одно и то же. Какъ бы, думалъ я, намъ всѣмъ присѣсть да скропѣть журналъ, или альманахъ, или что нибудь въ этомъ родѣ, и за грошъ писать рецензіи, какъ это теперь вошло въ моду?

Шуфтерле. Чортъ возьми! это вы все у меня украли. Я также про себя думалъ, какъ бы эдакъ сдѣлаться пѣтистомъ и разъ въ недѣлю приглашать къ себѣ на назидательныя бесѣды.

Гриммъ. А не пойдетъ на ладъ — такъ атеистомъ.

Рацманъ. Или пойти на французовъ. Я знаю одного доктора, который выстроилъ себѣ домъ изъ чистаго меркурія, какъ говорится въ эпиграмѣ, прибитой къ его воротамъ.

Швейцеръ (*встаетъ и подаетъ Шпигельбергу*

руку). Морицъ, ты великій человѣкъ!... или жолудь найденъ слѣпой свиньею.

Шварцъ. Чудесные планы! честныя ремесла! Какъ это симпатизируютъ великія души!... Теперь намъ не остается ничего болѣе, какъ сдѣлаться бабами и своднями.

Шпигельбергъ. Пѣсни, братецъ, пѣсни! Ктожь помѣшаетъ вамъ достигнуть всего, чего ни захотите? Мой планъ вамъ всего скорѣе проложить дорогу... Кому-жь у васъ еще въ виду безсмертіе и слава. Ротозѣи вы эдакіе! и объ этомъ надобно подумать! — о потомствѣ, о сладкомъ чувствѣ неувядаемой памяти...

Роллеръ. И сверхъ того въ списокъ честныхъ людей — ты славный ораторъ, Шпигельбергъ, когда дѣло идетъ, какъ бы изъ честнаго человѣка сдѣлать мошенника... Но скажите, куда это пропалъ Мооръ?

Шпигельбергъ. Честнаго, говоришь ты! Ужь недумаешь ли, что тогда ты будешь менѣе честенъ, чѣмъ теперь? Что называешь ты честнымъ человѣкомъ? Богатымъ скрягамъ сваливать съ шеи цѣлую треть заботъ, лишаящихъ ихъ только золотого сна; залежалые ихъ капиталы пускать въ обороты... И при каждомъ кускѣ, который глотаешь съ удовольствіемъ, подумать: тебѣ даютъ его твоя хитрость, твое львиное мужество, неутомимое бдѣніе... у мала и велика быть въ почетѣ...

Роллеръ. И наконецъ заживо быть вознесенну на небо, и, не смотря на бури и вѣтры, не смотря на прожорливый желудокъ дряхлаго времени, качаться подъ солнцемъ и мѣсяцемъ и всѣми созвѣздіями, качаться тамъ, гдѣ птицы небесныя, привлеченныя благородною похотью, слетаются пѣть свои концерты? не-такъ-ли?... и имѣть

честь принимать визиты отъ царской птицы Юпитера? — Морицъ, Морицъ, Морицъ! берегись треногаго звѣря!

Шпигельбергъ. И тебя это пугаетъ, заячье сердце? Сколько универсальныхъ геніевъ, могшихъ преобразовать весь міръ, сгнило на живодеёрнѣ, а объ нихъ говорятъ цѣлыя столѣтія, тысячелѣтія, тогда-какъ много королей и курфирстовъ были бы пропущены исторіей, еслибъ ихъ историки не боялись пустоты въ родословномъ деревѣ, и ихъ книга невыигрывала отъ того двухъ октавныхъ страницъ, за которыя издатель платитъ имъ наличными деньгами... А если прохожій и увидитъ, какъ ты будешь раскачиваться туда и сюда по вѣтру — «у молодца не было, видно, воды въ мозгу», проворчитъ онъ, и вздохнетъ о худыхъ временахъ.

Швейцеръ (*треплетъ его по плечу*). Славно, Шпигельбергъ! славно! Что же, чортъ возьми, вы стоите тамъ и медлите?

Шварцъ. И хотъ бы это просто называлось казнію — чтожъ изъ этого? Развѣ нельзя про случай носить съ собой порошокъ, который тихохонько тебя спровадитъ за Ахэрочъ, такъ-что ни одна собака не залаетъ! Нѣтъ, братъ Морицъ! Твой планъ хорошъ и для моего катехизца!

Шуфтерле. Громъ и молнія! — и для моего также. Шпигельбергъ, ты меня завербовалъ.

Рацманъ. Ты, какъ новой Орфей своею музыкой, усыпилъ моего звѣря — совѣсть. Я твой, Шпигельбергъ!

Гриммъ. Si omnes consentiunt ego non dissensio. Замѣтьте, безъ запятой. Въ моей головѣ цѣлый хаосъ: пьетисты, шарлатаны, рецензенты и плуты. Кто

больше дать, тому и я служить гораздъ. Руку, Мо-рицъ!

Роллеръ. И ты также, Швейцеръ? (*подаетъ Шпигельбергу правую руку*). Такъ закладываю я свою душу дьяволу.

Шпигельбергъ. А имя звѣздамъ! Что нужды въ томъ, куда пойдетъ душа, когда цѣлыя толпы впередъ отправленныхъ курьеровъ возвѣстятъ о нашемъ шествіи, такъ что черти нарядятся въ праздничныя одежды и сотрутъ тысячелѣтнюю сажу съ рѣсницъ своихъ, и міриады рогатыхъ головъ закишатъ изъ дымнаго жерла своего сѣрнаго камина, чтобъ только посмотреть на въѣздъ нашъ! Товарищи! (*вскакивая*) живѣй, товарищи! что въ свѣтѣ стоитъ этаго чада восторга! Идемъ, товарищи!

Роллеръ. Потихе! потихе! куда? звѣрю нужна голова, ребята!

Шпигельбергъ (*колко*). Что бредишь, пустомеля? Голова то была, когда еще не было членовъ. За мной, товарищи!

Роллеръ. Подожди, говорю я. И у свободы долженъ быть владыка. Безъ головы погибли Римъ и Спарта.

Шпигельбергъ (*лѣстиво*). Да, точно! — Роллеръ правъ. И это должна быть умная голова. Понимаете ли вы? тонкая, политическая голова. Да, когда я подумаю, что вы были съ часъ тому назадъ, и чѣмъ вы теперь стали — отъ одной счастливой идеи стали... Да, конечно, конечно, у васъ долженъ быть начальникъ... И кому пришла такая идея, скажите, развѣ тотъ не тонкая, политическая голова?

Роллеръ. Когда-бъ только была надежда, хоть тѣнь надежды... но нѣтъ! онъ никогда не согласится.

Шпигельбергъ. Почему-жь и нѣтъ? Говори смѣлѣе, другъ! Какъ ни трудно править кораблемъ противъ упрямаго вѣтра, какъ ни тяжело бремя коронъ — говори смѣлѣе, Роллеръ! Можетъ-быть, онъ и согласится.

Роллеръ. И все на мели, если откажетъ. Безъ Моора — мы тѣло безъ души.

Шпигельбергъ (*съ негодованіемъ отходитъ отъ него*). Треска!

Мооръ (*входитъ въ сильномъ волненіи, и, шагая назадъ и впередъ по комнатѣ, говоритъ самъ съ собою*). Люди! люди! лживое, коварное отродье крокодиловъ! Вода ваши очи, сердце — желѣзо! На уста поцѣлуй, кинжалъ въ сердцѣ! Львы и леопарды кормятъ своихъ дѣтей, вѣроны носятъ падалъ птенцамъ своимъ, а онъ... я привыкъ сносить злость; могу улыбаться, когда озлобленный врагъ будетъ по каплѣ точить кровь изъ моего сердца... но если кровная любовь дѣлается измѣнницей, если любовь отца дѣлается Мегерой: о, тогда пылай огнемъ мужское терпѣніе! дичай тигромъ кроткая овца! и всякая былинка роста на вредъ и погибель!

Роллеръ. Слушай, Мооръ! какъ ты объ этомъ думаешь? Разбойничья жизнь вѣдь лучше, чѣмъ хлѣбъ и вода въ подвалахъ отцовскихъ башенъ.

Мооръ. Зачѣмъ эта душа не въ тѣлѣ тигра, питающагося человѣчьимъ мясомъ? Родительская ли это нѣжность? Любовь ли за любовь? Мнѣ бы хотѣлось быть медвѣдемъ и всѣми медвѣдями Ледовитаго Моря затравить это отродье убійць!... Раскаяніе — и нѣтъ прощенія. О, еслибъ я могъ отравить океанъ, чтобъ они изо всѣхъ источниковъ опились смертью!

Довѣрчивость, непреклонное упованіе — и нѣтъ милосердія!

Роллеръ. Да слушай же, Мооръ, что я скажу тебѣ!

Мооръ. Это невѣроятно, это сонъ, мечта воображенія! Такая трогательная просьба, такое живое описаніе горя и слезнаго раскаянія... дикій звѣрь растаялъ бы отъ состраданія; камни бы пролили слёзы, и что-жь?... Да это примутъ за пасквиль на весь человѣческій родъ, если рассказать — и что-жь, и что-жь?... О, когда-бъ я могъ черезъ всю природу кликнуть кличъ возмущенія, и воздухъ, землю и океаны повести войною на этотъ родъ гіенъ и крокодиловъ!

Роллеръ. Да, слушай ты, слушай! Отъ бѣшенства онъ слышать ничего не хочетъ.

Мооръ. Прочь, прочь отъ меня! Развѣ имя твое не человѣкъ? не женщина родила тебя? — Съ глазъ моихъ, ты — съ лицомъ человѣка! — Я такъ невыразимо любилъ его! такъ еще не любилъ ни одинъ сынъ; тысячу жизней положилъ бы я за него... (*въ ярости топаетъ ногою*) Га! еслибъ кто мнѣ далъ теперь мечъ и велѣлъ нанести этому эхидному отродью неизлечимую рану; еслибъ кто научилъ меня мѣтить въ самое сердце его жизни, раздавить, разтерзать его — онъ сталъ бы моимъ другомъ, ангеломъ, богомъ — я бы молился ему!

Роллеръ. Вотъ такими друзьями мы и хотимъ быть, выслушай ты только!

Шварцъ. Пойдемъ съ нами въ богемскія лѣса! Мы соберемъ тамъ шайку разбойниковъ и ты... (*Мооръ дико смотритъ на него*)

Швейцеръ. Ты будешь нашимъ атаманомъ! да, ты долженъ быть нашимъ атаманомъ!

Шпигельбергъ (*въ ярости бросается въ кресло*). Рабы и твари!

Мооръ. Кто шепнулъ тебѣ эту мысль? Слушай, малый! (*сильно хватая Роллера*) Это вышло не изъ твоей человѣчьей души! Кто шепнулъ тебѣ эту мысль? Да, клянусь тысячерукой смертью! мы это сдѣлаемъ! должны это сдѣлать! Мысль достойна обожанія. — *Разбойники и убійцы!* — я вашъ атаманъ.

Всѣ (*съ шумнымъ крикомъ*). Да здравствуетъ атаманъ!

Шпигельбергъ (*вскакивая, про себя*). Пока я его не спроважу!

Мооръ. Какъ будто бѣльмо спало съ глазъ моихъ! Какой же глупецъ я былъ, что хотѣлъ назадъ въ клѣтку! Духъ мой алчетъ подвиговъ, дыханіе — свободы, — *убійцы, разбойники!* Съ этимъ словомъ я попралъ законъ ногами. Люди застили мнѣ человѣчество, когда я взывалъ къ человѣчеству — прочь же отъ меня симпатія и человѣческое состраданіе! Нѣтъ у меня болѣе отца, нѣтъ болѣе любви, и кровь и смерть да научатъ меня позабыть все, что я любилъ когда-то! — Пойдемъ! пойдемъ! — О, я создамъ для себя ужасное развлеченіе!... Рѣшено, я вашъ атаманъ! и благо тому изъ васъ, кто будетъ неукротимѣе жечь, ужаснѣе убивать: тотъ будетъ по-царски награжденъ!... Становитесь всѣ вокругъ меня, и всякъ клянись мнѣ въ вѣрности и послушаніи на жизнь и смерть! — Клянитесь мнѣ въ этомъ вашей правой рукою!

Всѣ (*протягивая правыя руки*). Клянемся тебѣ въ вѣрности и послушаніи на жизнь и на смерть!

Мооръ. И я этой правой рукою клянусь вамъ, вѣрно и неизмѣнно быть вашимъ атаманомъ — на жизнь

и на смерть! Да обратитъ эта рука того въ безжизненный трупъ, кто когда-либо замедлитъ или усомнится или отступить! Да будетъ тоже самое со мною, если я когда-либо преступлю свою клятву! Довольны ли вы? (*Шпигельбергъ въ бѣшенствѣ бѣгаетъ назадъ и впередъ*).

Всѣ (*бросая шляпы вверхъ*). Да здравствуетъ атаманъ!

Мооръ. И такъ — пойдите! Не бойтесь смерти и опасностей: надъ нами вѣтъ непреклонная судьба! Каждый найдетъ свой конецъ — все равно: на мягкой ли пуховой перинѣ, или средь кроваваго боя, или на висѣлицѣ и колесѣ! Одно изъ всего этого будетъ концемъ нашимъ! (*уходятъ*).

Шпигельбергъ (*глядя имъ вслѣдъ, послѣ нѣкотораго молчанія*). Въ твоємъ реэстрѣ есть пропускъ. Ты позабылъ объ ядѣ. (*уходитъ*)

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Въ замкѣ Мооровъ. Комната Амаліи.

Францъ. Амалія.

Францъ. Ты не смотришь на меня, Амалія? Развѣ въ глазахъ твоихъ я ниже того, надъ кѣмъ тяготѣетъ отцовское проклятiе?

Амалія. Прочь! — Га! чадолюбивый, милосердый отецъ, отдавшій сына на съѣденіе волкамъ и чудовищамъ! Самъ онъ пьетъ дорогія вина, покоитъ свои дряхлые члены на пуховыхъ подушкахъ, тогда-какъ его

великій, благородный сынъ — умираетъ. Стыдитесь — вы, чудовища! стыдитесь — вы, змѣиные души, вы, поношеніе человѣчества!... Своего единственного сына!...

Францъ. Я до-сихъ-поръ думалъ, что у него ихъ двое.

Амалія. Да, онъ стоитъ имѣть такихъ сыновей, какъ ты. На своемъ смертномъ одрѣ онъ тщетно будетъ протягивать исхудалыя руки къ своему Карлу, и съ ужасомъ отдернетъ ихъ, встрѣтивъ ледяную руку Франца.

Францъ. Ты въ бреду, моя милая! Мнѣ жаль тебя.

Амалія. О, прошу покорно!.. А жаль тебѣ твоего брата? — Нѣтъ, чудовище, ты ненавидишь его! А меня? ты также ненавидишь?

Францъ. Я люблю тебя, какъ самого себя, Амалія!

Амалія. Если ты меня любишь, вѣрно не откажешь мнѣ въ просьбѣ?

Францъ. Никогда, никогда! если только она не болѣе моей жизни.

Амалія. О, если такъ — это просьба, которую ты такъ легко можешь исполнить. (*гордо*) Ненавидь меня. Я стараю отъ стыда, когда, думая о Карлѣ, мнѣ приходитъ на мысль, что ты меня не ненавидишь. Ты обѣщаешь мнѣ это? Теперь ступай и оставь меня: мнѣ такъ хорошо одной!

Францъ. Прелестная мечтательница! Какъ удивляюсь я твоему кроткому, любящему сердцу. Здѣсь, здѣсь царствовалъ Карлъ; Карлъ стоялъ передъ тобою на яву; Карлъ управлялъ твоими снами; все созданіе, казалось тебѣ, сливалось въ немъ одномъ, въ немъ одномъ отражалось, объ немъ одномъ звучало твоему сердцу.

Амалія (*растроганная*). Да, я признаюсь въ

томъ. Вамъ извергамъ на зло, предъ цѣлымъ свѣтомъ признаюсь въ томъ — я люблю его!

Францъ. Безчеловѣчно! жестоко!... За такую любовь заплатить такъ! Позабыть ту...

Амалія (*вспыльчиво*). Что? меня позабыть!

Францъ. Не давала ли ты ему перстня на прощанье? бриліантоваго перстня въ залогъ вѣрности? И то правда! — какъ юношѣ противустоятъ прелестямъ какой-нибудь развратницы? Нельзя и осуждать его, когда ему уже нечего было отдать. Она же ему, вѣроятно, съ лихвою заплатила своими ласками и поцѣлуями.

Амалія (*встревоженная*). Мой перстень — развратницѣ?

Францъ. Что за низость! Но это еще ничего! Перстень, какъ бы ни былъ онъ дорогъ, все же можно достать у любого жида. Можетъ быть, работа ему не понравилась; или онъ вымѣнялъ его на лучшій.

Амалія (*вспыльчиво*). Но мой перстень, я говорю — мой перстень?

Францъ. Не другой же, Амалія! Га! этакое сокровище и на моемъ пальцѣ... и еще отъ Амаліи. Смерть его бы у меня не вырвала. Не правда ли, Амалія? Не драгоцѣнность бриліанта, не искусство работы — любовь опредѣляетъ ему цѣну. Милое дитя, ты плачешь? Горе тому, кто выжимаетъ эти драгоцѣнныя капли изъ такихъ небесныхъ глазъ! Ахъ, еслибъ ты еще все знала, его самого видѣла... и въ такомъ видѣ!

Амалія. Чудовище! какъ? въ какомъ видѣ?

Францъ. Тише, тише, ангельская душа! не спрашивай меня ни о чемъ! (*какъ будто про себя, но громко*) Когда-бъ, по крайней мѣрѣ, была завѣса,

чтобъ прикрывать отвратительный порокъ отъ глазъ свѣта! Но онъ страшно смотритъ изъ-за желтыхъ, свинцовыхъ круговъ подъ глазами; измѣняетъ себѣ въ болѣзненно-блѣдномъ, исхудаломъ лицѣ и выставляетъ на показъ острые кости; дрожитъ въ гнусливомъ, искаженномъ голосѣ; говоритъ о себѣ во всемъ слабомъ, шатающемся тѣлѣ; высасываетъ мозгъ изъ костей и разрушаетъ свѣжія силы юности. О, мнѣ становится дурно! Носъ, глаза, уши трясутся... Ты видѣла того несчастнаго, Амалія, который умеръ въ нашей богадѣльнѣ... Казалось, сама стыдливость закрывала передъ нимъ свои скромныя очи... ты плакала надъ нимъ. Повтори въ душѣ своей этотъ ужасный образъ, и — Карлъ передъ тобою. Его поцѣлуй — чума, на губахъ его — ядъ!

Амалія. Безстыдный клеветникъ!

Францъ. Тебѣ страшно за Карла? Дрожишь, передъ блѣдной картиной? Поди-же, полюбуйся на него самого, на твоего прекраснаго, ангельскаго, божественнаго Карла! Поди, упейся его благовоннымъ дыханіемъ и умри отъ амбры, вѣющей изъ его пасти: оно паразитъ тебя тою смертоносною тошнотою, какую производить запахъ расшевеленной падали, или видъ рва, наполненнаго трупами.

Амалія (*отвращивается*).

Францъ. Какое волненіе любви! Сколько сладострастія въ объятіяхъ!... но справедливо ли осуждать человѣка за отвратительную наружность? И въ самомъ гадкомъ эзоповомъ тѣлѣ можетъ блистать великая и нѣжная душа, какъ рубинъ среди грязи. (*злбно улыбаясь*) И на прыщеватыхъ губахъ можетъ любовь...

Правда, если порокъ потрясаетъ также и силу ха-

рактера; когда съ цѣломудріемъ улетаетъ и добродѣтель, какъ испаряется запахъ изъ поблекшей розы; когда вмѣстѣ съ тѣломъ и духъ становится колѣкой...

Амалія (*весело вспрыкивая*). Га! Карлъ! теперь я узнаю тебя снова! Ты все тотъ же! тотъ же! тотъ же! Все это ложь! — Развѣ ты не знаешь, злодѣй, что въ Карлѣ это невозможно? (*Францъ стоитъ нѣкоторое время погруженный въ глубокое размышленіе, потомъ вдругъ оборачивается въ намѣреніи уйти*). Куда такъ скоро? Иль бѣжишь своего собственнаго стыда?

Францъ (*закрывъ лицо руками*). Оставь меня! Оставь меня! — дай литься этимъ слезамъ! Жестокосердый отецъ! лучшаго изъ сыновей своихъ предать на произволъ нищеты, къ нему прильнувшаго порока... Оставь меня, Амалія! я паду къ ногамъ его, буду молить, чтобы онъ меня, меня одного поразилъ своимъ проклятіемъ, меня лишилъ наслѣдства, меня... мою кровь... жизнь... все...

Амалія (*падаетъ ему на шею*). Братъ моего Карла! милый, дорогой Францъ!

Францъ. О, Амалія! какъ люблю я тебя за эту непреклонную вѣрность моему брату! Прости, что я осмѣлился такъ жестоко испытывать любовь твою. Какъ прекрасно оправдала ты мои желанія. Этими слезами, этими вздохами, этимъ небеснымъ негодованіемъ... и для меня, и для меня также... наши души были такъ согласны.

Амалія. О, вѣтъ, этого никогда не было.

Францъ. Ахъ, онѣ были всегда такъ гармонически согласны, что я думалъ — мы родились близнецами! И не будь этого наружнаго различія, гдѣ, конечно, бѣдный

Францъ ему во многомъ уступаетъ , насъ бы десять разъ на день принимали другъ за друга. Ты, говорилъ я часто самому себѣ , ты весь Карлъ , его эхо , его образъ и подобіе !

Амалія (*качаетъ головою*). Нѣтъ , нѣтъ ! клянусь цѣломудреннымъ свѣтомъ небесъ ! ни жилки его , ни искорки его чувствъ...

Францъ. Мы совершенно сходны по склонностямъ... Роза была его любимымъ цвѣткомъ : какой цвѣтокъ для меня лучше розы ? Онъ страстно любилъ музыку : и... вы свидѣтели , всезрящія звѣзды ! вы такъ часто въ ночной тиши подслушивали меня за клавирами , когда все вокругъ меня спало мертвымъ сномъ... И какъ можешь ты еще сомнѣваться , Амалія , когда любовь у насъ обоихъ сосредоточилась въ *одномъ* совершенствѣ ? а если любовь одна и таже — могутъ ли различествовать ея дѣти.

Амалія (*смотритъ на него съ удивленіемъ*).

Францъ. Былъ тихій , весенній вечеръ , послѣдній передъ его отъѣздомъ въ Лейпцигъ , когда онъ меня привелъ въ ту бесѣдку , гдѣ вы часто сиживали , мечтая о любви и о будущемъ... долго мы молчали... наконецъ онъ схватилъ мою руку и тихо со слезами сказалъ мнѣ : я оставляю Амалію , не знаю... какъ-будто предчувствую , что это на вѣки — не покинь её , братъ !... будь ей другомъ — ея Карломъ , если Карлъ никогда не возвратится... (*бросается передъ ней на колѣна и съ жаромъ цѣлуетъ ей руку*). Никогда , никогда , никогда онъ не возвратится , и я далъ ему священную клятву !

Амалія (*отскакивая*). Измѣнникъ , я ловлю тебя на словахъ ! Въ той же самой бесѣдкѣ заклиналъ онъ

меня никого не любить... если ему суждено умереть... Видишь ли, какъ безбоженъ, какъ отвратителенъ ты... прочь съ глазъ моихъ!

Францъ. Ты незнаешь меня, Амалія, ты совсѣмъ меня не знаешь!

Амалія. О! я тебя знаю, съ этой минуты я тебя знаю — и ты хотѣлъ быть похожимъ на него? Передъ тобой онъ станетъ плакать обо-мнѣ? Скорѣй напишетъ онъ мое имя на позорномъ столбѣ! Прочь съ глазъ моихъ!

Францъ. Ты оскорбляешь меня!

Амалія. Поди прочь, говорю я. Ты укралъ у меня драгоцѣнныя минуты... да будутъ они вычтены изъ твоей жизни!

Францъ. Ты ненавидишь меня.

Амалія. Я презираю тебя. Поди прочь!

Францъ (*топая ногою*). Постой же! ты затрепещешь предо-мною! Мнѣ предпочитать нищаго? (*съ интвомъ уходитъ*).

Амалія. Иди, низкій плуть! Я теперь опять съ моимъ Карломъ. Нищій, говоритъ онъ?... стало быть свѣтъ перевернулся! Нищіе стали королями, и короли нищими. Рубище, которое онъ носитъ, я непромѣняю на пурпуръ помазанниковъ Божьихъ. Взглядъ, которымъ онъ проситъ милостыню, долженъ быть царскій взглядъ, взглядъ, уничтожающій величіе, пышность, тріумфы великихъ и сильныхъ! Во прахъ ничтожное украшеніе (*срываетъ съ шеи жемчугъ*). Носите вы — золото, серебро и драгоцѣнныя камни — вы, сильные и великіе! пресыщайтесь за роскошными обѣдами! покойте члены свои на мягкомъ ложѣ сладострастія! Карлъ! Карлъ! безъ нихъ я достойна тебя... (*уходитъ*).

ВТОРОЙ АКТЪ.

—

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Францъ Мооръ

(сидитъ задумавшись въ своей комнатѣ).

Какъ это долго тянется: докторъ думаетъ, что онъ выздоровѣетъ... Жизнь этого старика—сущая вѣчность! А для меня бы открылась ровная, свободная дорога, еслибъ не этотъ несносный, живучій кусокъ мяса, который, какъ подземная собака въ волшебной сказкѣ, заграждаетъ мнѣ входъ къ сокровищамъ.

Но не согнуться же моимъ планамъ подъ желѣзнымъ игомъ механизма? Моему парящему духу не приковать же себя къ улитковому ходу *матеріи*? — Задуть огонь, который и безъ того чуть тлѣетъ на выгорѣвшемъ маслѣ — больше ничего. И все-таки мнѣ не хотѣлось бы самому это сдѣлать, — людей ради. Мнѣ бы хотѣлось его не убить, но только пережить. А это я смастерилъ бы, какъ искусный врачъ, но на оборотъ. Не сталъ бы загораживать дорогу природѣ, а побуждалъ бы еѣ идти скорѣе. Если мы можемъ въ

самомъ дѣлѣ удлиннить условія жизни, почему-жъ бы намъ ихъ и не укорачивать по мѣрѣ надобности?

Философы и медики утверждаютъ, что расположеніе духа дружно гармонируетъ съ движеніемъ организма. Судорожныя ощущенія всякой разъ сопровождаются разстройствомъ механическихъ отправленій: страсти подтачиваютъ тѣлесныя силы, удрученный духъ клонить къ землѣ свою темницу — тѣло. Такъ какъ же бы?... Какъ бы смерти прочистить дорогу къ замку жизни? Духомъ разрушить тѣло? Га! оригинальная идея! когда бы только можно было привести её въ исполненіе? Безподобная идея! Думай, думай, Мооръ! Вотъ искусство! оно заслуживало бы имѣть тебя своимъ изобрѣтателемъ. Вѣдь довели же ядосмѣшеніе до степени обыкновенныхъ наукъ и экспериментами принудили природу опредѣлять ея границы, такъ-что теперь можно за нѣсколько лѣтъ впередъ сосчитать біенія сердца, и сказать пульсу: до сихъ поръ — и не дальше. Какъ же тутъ не испытать своихъ крыльевъ?..

Но какимъ образомъ приступить къ дѣлу, чтобъ уничтожить сладкое, мирное согласіе души съ тѣломъ? Какой родъ ощущеній изберу я? — ужь конечно, тотъ, который наиболѣе угрожаетъ тонкому флѣру жизни? *Гнѣвъ*? — этотъ проголодавшійся волкъ слишкомъ скоро нажирается дѣсыта; *забота*? — этотъ червь точить для меня слишкомъ медленно; *горе*? — этотъ аспидъ ползетъ такъ лѣниво; *страхъ*? — надежда не дастъ ему разыграться. Какъ? и это ужь всѣ палачи челоувѣчества? такъ бѣденъ арсеналь смерти? (*размысливая*) Какъ же бы?... Что же бы?... Нѣтъ! га! (*вскакивая*) *Испугъ*! — Чего не въ состояніи сдѣлать испугъ? Что умъ, религія противъ ледяныхъ объятій этого гиганта?

Но все же... ну, какъ онъ устоитъ и противъ этой бури? Ну какъ?... О, тогда идите на помощь ко мнѣ — *сожалѣніе*, и ты *раскаяніе*, адская Эвменида, смертоносная змѣя, изрыгающая свою пищу, чтобъ снова пожирать ее! и вы, вѣчныя разрушительницы своего яда! и ты — вопіющее *самообвиненіе*, ты, опустошающее свое жилище и терзающее свою собственную мать. Идите и вы ко мнѣ на помощь, вы благодѣтельные граціи — *прошедшее* съ кроткой улыбкой, и ты, съ своимъ переполненнымъ рогомъ изобилія, цвѣтущая *будущность*. Кажите ему въ вашемъ зеркалѣ радости неба и окриленной ногой бѣгите его алчныхъ объятій. Такъ стану я наносить ударъ за ударомъ, бурю за бурей на его слабую жизнь, пока не налетитъ войско самыхъ фурій, называемыхъ *отчаяніемъ*. Триумфъ! планъ готовъ — трудный, искусный, какого еще не бывало; но надежный, вѣрный, потому что (*насмѣшливо*) ножъ хирурга не найдетъ слѣда ни ранъ, ни остраго яда. (*рѣшительно*) И такъ начнемъ (*Германъ входитъ*) Га! Deus ex machina! Германъ!

Германъ. Къ вашимъ услугамъ!

Францъ (*подаетъ ему руку*). И ты ихъ оказываешь не неблагодарному.

Германъ. Знаю на опытѣ.

Францъ. И скоро болѣе получишь — скоро, Германъ! Я хочу съ тобой поговорить.

Германъ. Слушаю тысячью ушами.

Францъ. Я знаю тебя, ты рѣшительный малый, солдатское сердце: что на душѣ, то и на языкѣ. Мой отецъ насолилъ тебѣ, Германъ!

Германъ. Чортъ побери меня, если я это забуду!

Францъ. Вотъ это слова мужчины! Местъ при-

лична мужеской груди. Ты нравишься мнѣ, Германъ. Возьми этотъ кошелекъ. Онъ былъ бы тяжелѣе, будь я здѣсь господиномъ.

Германъ. Это мое всегдашнее желаніе; благодарю васъ.

Францъ. Въ самомъ дѣлѣ, Германъ? ты точно желаешь, чтобъ я былъ господиномъ? Но у моего отца львиныя силы; кому-жъ я младшій сынъ.

Германъ. Я бы желалъ, чтобъ вы были старшимъ сыномъ, а вашъ отецъ слабъ, какъ чахоточная дѣвушка.

Францъ. Га! какъ награждалъ бы тебя тогда этотъ старшій сынъ, какъ бы старался вывести тебя на свѣтъ Божій изъ этой неблагогородной пыли, которая такъ мало идетъ къ твоей душѣ и благородству! — Тогда бы ты ходилъ у меня облитый золотомъ, ѣздилъ бы четверней по улицамъ, — право бы ѣздилъ! Но я и позабылъ, о чемъ хотѣлъ поговорить съ тобою. Ты еще помнишь фрейлейнъ фонъ-Эдельрейхъ, Германъ?

Германъ. Громъ и молнія! о чемъ напоминаете вы мнѣ!

Францъ. Мой братъ подтибрилъ еѣ у тебя.

Германъ. И будетъ каяться въ этомъ!

Францъ. Она тебя оставила съ носомъ. А онъ — чуть ли не сбросилъ тебя съ лѣстницы.

Германъ. Онъ полетитъ у меня за это въ адъ.

Францъ. Онъ говорилъ, что всѣ шепчутъ другъ другу на ухо, будто твой отецъ не можетъ взглянуть на тебя безъ того, чтобъ не рвать волосъ на головѣ и не сказать со вздохомъ: Господи! прости мя многогрѣшнаго!

Германъ (*дико*) Смерть и адъ! да замолчите-ли вы!

Францъ. Онъ совѣтывалъ тебѣ продать дворянскую грамоту на рынкѣ и починить на это чулки.

Германъ. Адъ и черти! я ему выцарапою глаза.

Францъ. Что? ты сердишься? ты, никакъ на него сердишься? чтожъ ты съ него возьмешь? Что можетъ сдѣлать крыса льву? Твой гнѣвъ только увеличитъ его торжество. Тебѣ ни чего болѣе не остается, какъ щелкать зубами и вымѣщать свое бѣшенство на черствомъ хлѣбѣ.

Германъ (*топаетъ ногою*). Я его въ пыль изотру.

Францъ (*треплетъ его по плечу*). Германъ! ты благородный человѣкъ. Ты не долженъ спускать никому обиды. Ты не долженъ уступить ему Амалію, — нѣтъ, ни за что на свѣтѣ, Германъ! Громъ и молнія! я бы на все пошелъ, будь я на твоёмъ мѣстѣ.

Германъ. Не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока *онъ* и *этотъ* не сойдутъ въ могилу.

Францъ. Не горячись, Германъ! Подойди поближе... Амалія будетъ твоею.

Германъ. Будетъ моею, на зло всѣмъ — будетъ моею!

Францъ. Ты получишь её, говорю я, и еще изъ моихъ рукъ. Подойди поближе, говорю я: — ты, можетъ быть, еще не знаешь, что Карлъ все равно, что лишенъ наслѣдства?

Германъ (*приближаясь къ нему*). Что вы говорите! въ первый разъ слышу.

Францъ. Будь покоенъ и слушай далѣе!.. въ другой разъ расскажу тебѣ подробнѣе. Да, говорю тебѣ, ужъ скоро годъ, какъ отецъ выгналъ его изъ дома. Но старикъ уже сожалеетъ о необдуманномъ поступкѣ,

который, *(съ хохотомъ)* можешь быть увѣренъ, онъ сдѣлалъ не по своей волѣ. Ктому-жь и эта Эдельрейхъ надоѣдаетъ ему день-деньской жалобами и упреками. Рано или поздно, а онъ начнетъ искать его на всѣхъ концахъ свѣта и — прощай Германъ, когда отыщетъ. Тогда — отвориай ему униженно карету, когда онъ поѣдетъ съ ней къ вѣнцу.

Германъ. Я его удавлю тамъ.

Францъ. Отецъ передастъ ему тогда правленіе, а самъ будетъ жить на покоѣ въ своихъ замкахъ. И вотъ гордый, вѣтреный повѣса станетъ нашимъ владыкою, станетъ смѣяться надъ своими врагами и завистниками — и я, хотѣвшій сдѣлать изъ тебя великаго человѣка, я самъ, Германъ, буду, низко кланаясь у его дверей...

Германъ *(съ жаромъ)*. Нѣтъ, не будь я Германъ — съ вами этого не случится! если хоть одна искра ума еще тлѣетъ въ моей головѣ, — съ вами этого не случится!

Францъ. Ужь не ты ли помѣшаешь? И ты, мой милый Германъ, попробуешь бича его; онъ наплюетъ тебѣ въ глаза, когда ты встрѣтишься съ нимъ на улицѣ, и горе тебѣ, если ты только пожмешь плечами и скривишь ротъ. Вотъ что будетъ тогда съ твоимъ сватовствомъ на Амаліи, съ твоими планами, съ твоею будущностію.

Германъ. Научите меня, что мнѣ дѣлать?

Францъ. Слушай же, Германъ! видишь, какое горячее участіе принимаю я въ судьбѣ твоей! Ступай — переодѣнься, чтобъ тебя никто не узналъ, явись къ старику, скажи, что ты прямо изъ Богеміи, былъ вмѣстѣ съ братомъ моимъ въ прагской битвѣ и видѣлъ, какъ онъ отдалъ душу Богу.

Германъ. Но повѣрять ли мнѣ?

Францъ. Это ужь моя забота! Возьми этотъ пакетъ: тутъ подробная инструкція, и, сверхъ того, разные документы, которые убѣдятъ, пожалуй, само сомнѣніе. Теперь выходи отъ меня осторожнѣе, чтобъ кто тебя не увидѣлъ. Перелѣзь чрезъ калитку на заднемъ дворѣ, а оттуда по садовой стѣнѣ... а катастрофу этой трагикомедіи предоставь ужь мнѣ!

Германъ. И она будетъ: вивать, новый графъ Францискъ фонъ-Мооръ!

Францъ (*треплетъ его по щекѣ*). Хитрецъ! Видишь ли, такимъ образомъ мы достигнемъ всѣхъ цѣлей разомъ и скоро. Амалія его позабудетъ. Старикъ припишетъ смерть сына себѣ и — захвораетъ. Полуразрушенному зданію не нужно землетрясенія, чтобъ развалиться: онъ не переживетъ этой вѣсти... тогда я его единственный сынъ. Амалія останется безъ защиты, сдѣлается игрушкою моей воли. Остальное легко можешь себѣ представить. Однимъ словомъ, все пойдетъ по желанію, если только ты не откажешься отъ своего слова.

Германъ. Что вы? (*радостно*) скорѣе пуля полетитъ назадъ и завертится въ сердцѣ самого стрѣлка! Положитесь на меня. Увидите сами... Прощайте!

Францъ (*кричитъ ему вслѣдъ*). Жатва твоя, любезный Германъ! (*одинъ*) Когда быкъ сvezетъ весь хлѣбъ на гумно, ему даютъ одно сѣно. Скотницу тебѣ, а не Амалію! (*уходитъ*).

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Спальня старика Моора.

СТАРИКЪ МООРЪ (*спитъ въ креслахъ*). АМАЛІЯ.

АМАЛІЯ (*проходитъ тихо на цыпочкахъ*). Онъ дремлетъ! (*останавливается передъ нимъ*) Какъ онъ прекрасенъ, величествененъ! — такими пишутъ святыхъ. Нѣтъ, я не могу сердиться, сѣдая голова, я не могу сердиться на тебя! Спи спокойно, радостно пробуждайся, — пусть я одна буду страдать и плакать.

СТ. МООРЪ (*во снѣ*). Сынъ мой! сынъ мой! сынъ мой!

АМАЛІЯ (*беретъ его за руку*). Чу! чу! ему снится Карлъ.

СТ. МООРЪ. Ты здѣсь? ты точно здѣсь? Ахъ, какъ ты похудѣлъ! Не смотри на меня такъ грустно... мнѣ и безъ того горько!

АМАЛІЯ (*будитъ его*). Проснитесь! Это только сонъ! Успокойтесь!

СТ. МООРЪ (*въ просонкахъ*). Онъ не былъ здѣсь? Я не жалъ ему рукъ? Жестокій Францъ! ты и во снѣ хочешь отнять его у меня!

АМАЛІЯ. Не Францъ, а Амаля передъ вами!

СТ. МООРЪ (*проснувшись*). Гдѣ онъ? гдѣ? гдѣ я? Ты здѣсь, Амаля?

АМАЛІЯ. Здоровы ли вы? Вашъ сонъ былъ такъ сладокъ.

СТ. МООРЪ. Мнѣ снился сынъ. Зачѣмъ ты меня разбудила? Можетъ быть, онъ простилъ бы меня.

Амалія. Ангелы не помнятъ зла! — онъ васъ прощаетъ. (*беретъ его руку, съ чувствомъ*) Отецъ моего Карла! — я прощаю тебя!

Ст. Мооръ. Нѣтъ, Амалія! эта смертная блѣдность на лицѣ твоёмъ обвиняетъ меня. Бѣдная! я лишилъ тебя всѣхъ радостей молодости! О, не проклинай меня!

Амалія (*цѣлуетъ его руку, съ нѣжностію*). Васъ?

Ст. Мооръ. Знаешь ли ты этотъ портретъ, Амалія?

Амалія. Карлъ!

Ст. Мооръ. Такимъ онъ былъ, когда ему минуло пятнадцать лѣтъ. Теперь онъ измѣнился... Огонь жжетъ мое сердце!... Эта кротость стала негодованіемъ, эта улыбка — отчаяніемъ: не правда ли, Амалія? Ты снимала съ него этотъ портретъ въ день его рожденья, въ жасминной бесѣдкѣ? Ваша любовь такъ радовала меня.

Амалія (*продолжая пристально смотрѣть на портретъ*). Нѣтъ! нѣтъ! это не онъ! это не Карлъ! — здѣсь, здѣсь (*указывая на сердце и на голову*) совсѣмъ иначе, совсѣмъ другой... Блѣднымъ ли краскамъ выразить небесный огонь его пламенныхъ глазъ. Это такъ по-человѣчески. Я искажила его черты...

Ст. Мооръ. Этотъ нѣжный оживляющій взглядъ... Будь онъ у моей постели, я бы жилъ въ самой смерти! Никогда бы не умеръ!

Амалія. Никогда, никогда вы бы не умерли! Это былъ бы переходъ отъ одной мысли къ другой — лучшей... Этотъ взоръ свѣтилъ бы вамъ за гробомъ; этотъ взоръ вознесъ бы васъ къ звѣздамъ.

Ст. Мооръ. Тяжело, грустно! я умираю, и моего

Карла нѣтъ здѣсь; меня положить въ могилу, и онъ не поплачетъ на моей могилѣ. Какъ сладко быть убаюкану въ сонъ смерти молитвою сына... это колыбельная пѣсня.

Амалія (*мечтая*). Да, сладко, небесно - сладко быть убаюканной въ сонъ смерти пѣніемъ любимого человѣка: можетъ быть, и въ могилѣ будешь о томъ же грезить... длинный, вѣчный, безконечный сонъ о Карлѣ... пока не грянетъ труба воскресенія... (*вспрыгивая въ восторгъ*) — и тогда на вѣкъ въ его объятія. (*молчаніе; она идетъ къ клавикордамъ и играетъ*)

Милый Гекторъ! не спѣши въ сраженье,
Гдѣ Ахилловъ мечъ безъ сожаленья
Тѣнь Патрокла жертвами дарить!
Кто-жъ малютку твоего наставитъ
Чтить боговъ, копье и лукъ направить,
Если дикій Ксанфъ тебя умчитъ?

Ст. Мооръ. Что за чудная пѣсня, Амалія. Пой её мнѣ, пока я живъ еще.

Амалія. Это прощаніе Андромахи съ Гекторомъ. Мы съ Карломъ часто пѣвали её подъ звуки лютни. (*играетъ*)

Милый другъ, — копье и щитъ скорѣе!
Тамъ въ кровавой сѣчѣ веселѣе!...
Эта длань отечество спасетъ.
Власть боговъ да будетъ надъ тобою!
Я погибну — но избавлю Трою...
Намъ съ тобой Элизіумъ цвѣтетъ.

ДАНІЕЛЬ (*входитъ*).

Даніель. Васъ спрашиваетъ какой-то человѣкъ. Прикажете впустить его? говоритъ, что пришелъ съ важными вѣстями.

Ст. Мооръ. Мнѣ въ цѣломъ свѣтѣ только одно важно... ты знаешь Амалія? Если это несчастный, требующій моей помощи — онъ не уйдетъ отъ меня со вздохомъ.

Амалія. Если это нищій, топусти его поскорѣе. (*Даніель уходитъ*)

Ст. Мооръ. Амалія! Амалія! пощади меня!

Амалія (*поетъ*).

Смолкнетъ звукъ брони твоей, о боги!
Мечъ твой праздно пролежитъ въ чертогѣ,
И Приамовъ вымретъ славный родъ!
Ты сойдешь въ мѣста, гдѣ день не блещетъ,
Гдѣ Коцитъ волною сонной плещетъ:
Въ Летѣ злой любовь твоя умретъ!

Всѣ мечты, желанья, помышленья
Потоплю я въ ней безъ сожалѣнья,
Только не свою любовь!
Чу! дикарь опять ужь подъ стѣнами...
Дай мнѣ мечъ, простися со слезами:
Въ Летѣ не умретъ моя любовь!

Францъ. Германъ (*переодѣтый*). Даніель.

Францъ. Вотъ этотъ человѣкъ... Онъ говоритъ, что принесъ вамъ страшныя вѣсти. Въ состояніи ли вы ихъ выслушать?

Ст. Мооръ. Для меня дорога только одна вѣсть. Подойди ближе, мой другъ, и не щади меня. Подайте ему стаканъ вина.

Германъ (*измѣнивъ голосъ*). Милостивый графъ! не сердитесь на бѣдняка, если онъ, противъ воли, растерзаетъ ваше сердце. Я чужеземецъ, но знаю очень хорошо, что вы отецъ Карла фонъ-Моора.

Ст. Мооръ. Почему ты знаешь это?

Германъ. Я зналъ вашего сына.

Амалія (*встревоженная*). Онъ живъ? живъ? ты знаешь его? гдѣ онъ? гдѣ? (*хочетъ бѣжать изъ комнаты*)

Ст. Мооръ. Ты зналъ моего сына?

Германъ. Онъ штудировалъ въ Лейпцигѣ, но вдругъ пропалъ оттуда... гдѣ онъ былъ, и какъ далеко — я не знаю. Говорилъ онъ, что обошелъ всю Германію вдоль и поперекъ съ непокрытой головой и босикомъ, вымаливая подаянье у дверей и оконъ. Пять мѣсяцевъ спустя, вспыхнула война между Пруссіей и Австріей, и такъ какъ ему не начто было надѣяться, то онъ и послѣдовалъ за громомъ побѣдоносныхъ барабановъ Фридриха въ Богемію. «Позвольте мнѣ», сказалъ онъ великому Шверину, «умереть смертью героя: у меня нѣтъ болѣе отца!»

Ст. Мооръ. Не смотри на меня, Амалія!

Германъ. Ему поручили знамя, и онъ помчался за побѣдоноснымъ полетомъ Прусаковъ. Мы сошлись съ нимъ въ походной палаткѣ. Много говорилъ онъ о своемъ престарѣломъ отцѣ, о лучшихъ былыхъ временахъ, о несбывшихся надеждахъ... слезы выступали на глазахъ нашихъ.

Ст. Мооръ (*пряча лицо въ подушки*). Полно, о полно!

Германъ. Восемь дней спустя, началось жаркое Прагское дѣло. Смѣю васъ увѣрить, что сынъ вашъ велъ себя, какъ храбрый воинъ. Онъ дѣлалъ чудеса въ глазахъ всей арміи. Пять полковъ смѣнилось около него, — онъ стоялъ. Каленныя ядра сыпались градомъ справа и слѣва, — сынъ вашъ стоялъ. Пуля раздробила ему правую руку, онъ взялъ знамя въ лѣвую и стоялъ.

Амалія (*въ восторгѣ*). Гекторъ!... Гекторъ!...
Слышите-ли? — онъ стоялъ!

Германъ. Вечеромъ, по окончаніи сраженія, я отыскалъ его: онъ лежалъ, пораженный пулями. Лѣвою рукою старался онъ унять текущую кровь... правая была похоронена въ землѣ. «Братъ!» сказалъ онъ мнѣ: «я слышалъ будто нашъ генералъ убитъ?» — Убить, отвѣчалъ я; а ты? — «Кто храбрый солдатъ», вскричалъ онъ, отнявъ руку отъ раны: «тотъ слѣдуй за своимъ генераломъ, какъ я!» И вслѣдъ за тѣмъ его великая душа отлетѣла за героемъ.

Францъ (*грозно подходя къ Герману*). Да прилипнетъ твой проклятый языкъ къ гортани! Развѣ ты за тѣмъ пришелъ сюда, чтобы уморить нашего отца? Батюшка! Амалія! батюшка!

Германъ. Вотъ послѣдняя воля моего покойнаго товарища: «Возьми эту саблю», прохрипѣлъ онъ мнѣ: «и отдай еѣ моему старику-отцу. Кровь его сына запеклась на ней: онъ отмщенъ... пусть его радуется. Скажи ему, что его проклятіе заставило меня искать смерти, и что я умеръ въ отчаяніи!» Послѣдній вздохъ его былъ — Амалія.

Амалія (*будто вдругъ пробуждаясь отъ крѣпкаго сна*). Его послѣдній вздохъ — Амалія!...

Ст. Мооръ (*съ воплемъ рветъ на себѣ волосы*).
Мое проклятіе убило его! ввергло въ отчаяніе!

Францъ (*бѣгая назадъ и впередъ по комнатѣ*).
О! что вы сдѣлали, батюшка? Мой Карлъ! мой братъ!

Германъ. Вотъ сабля и портретъ, который онъ снялъ съ груди своей. (*Амаліи*) Онъ походитъ на васъ, какъ двѣ капли воды. «Это моему брату Францу!» прошепталъ онъ. Что хотѣлъ онъ сказать этимъ — не знаю.

Францъ (съ удивленіемъ). Мнѣ — портретъ Амаліи? Мнѣ... Карль... Амалія? — мнѣ?

Амалія (въ итьвѣ подбѣгаетъ къ Герману). Низкій, подкупленный обманщикъ! (пристально на него смотритъ).

Германъ. Вы ошибаетесь, сударыня. Взгляните сами, — не вашъ ли это портретъ? — Вы же ему, можетъ быть, и дали его.

Францъ. Клянусь Богомъ, Амалія, это твой портретъ!

Амалія (отдавая портретъ). Мой, мой! О Боже!

Ст. Мооръ (вскрикиваетъ, царапая себѣ лицо). Горе, горе мнѣ! мое проклятіе убило, ввергло его въ отчаяніе!

Францъ. И онъ вспомнилъ обо мнѣ въ послѣдній, тяжелый часъ кончины... обо мнѣ! Ангельская душа!... когда уже вѣяло надъ нимъ черное знамя смерти — онъ вспомнилъ обо мнѣ!

Ст. Мооръ (тихо бормоча). Мое проклятіе убило его! ввергло въ отчаяніе!

Германъ. Я не въ силахъ болѣе смотрѣть на ваше страданіе! Прощайте, благородный графъ! (тихо Францу) Къ чему вы все это затѣяли? (хочетъ уйти)

Амалія (бѣжитъ за нимъ). Стой, стой! Его послѣднее слово?

Германъ. Его послѣдній вздохъ былъ — Амалія! (уходитъ).

Амалія. Его послѣдній вздохъ былъ — Амалія! Нѣтъ, ты не обманщикъ! Такъ это правда, правда... онъ умеръ! — умеръ! (шатается и падаетъ) умеръ, Карль умеръ!

Францъ. Что вижу я? Что это за надпись на саблѣ?... Посмотри — видишь кровавыя буквы: *Францъ, не оставляй моей Амаліи!* Посмотри! посмотри! а на другой сторонѣ: *Амалія, твою клятву разрываетъ всесильная смерть!* — Видишь ли теперь, видишь ли? онъ писалъ это окостенѣвшею рукою, писалъ тёплою кровью своего сердца, писалъ на страшномъ рубежѣ вѣчности. Его душа, готовая отлетѣть, остановилась, чтобъ соединить Франца съ Амаліей.

Амалія. Отецъ небесный! Такъ, это его рука! Онъ никогда не любилъ меня! (*поспѣшно уходитъ*).

Францъ (*топая ногой*). Все мое искусство безсильно передъ этой упрямой головою.

Ст. Мооръ. Горе, горе мнѣ! Не оставляй меня, Амалія! Францъ, Францъ, отдай мнѣ моего сына!

Францъ. А кто его проклялъ? кто довелъ его до смерти и отчаянія? О, это былъ ангелъ! чистая, небесная душа! Проклятіе на палачей его! Проклятіе, проклятіе на вашу голову!

Ст. Мооръ (*ударяя себя кулакомъ въ грудь и голову*). Онъ былъ ангелъ! чистая небесная душа! Проклятіе, проклятіе, гибель и проклятіе на мою голову! Я, отецъ — убійца своего сына! Онъ любилъ меня до послѣдней минуты! чтобъ отомстить меня, пошелъ онъ на бой и на смерть! Чудовище! чудовище! (*въ бѣшенствѣ рветъ на себѣ волосы*)

Францъ. Его ужь нѣтъ: ваше оханье не поможетъ! (*злобно улыбаясь*) Легче убить, чѣмъ воскресить. Ваши слёзы не вызовутъ его изъ могилы.

Ст. Мооръ. Никогда, никогда, никогда не вызовутъ изъ могилы. Умеръ, погибъ на вѣки! Но ты

вырвалъ проклятiе изъ моего сердца... ты... ты!.. Отдай мнѣ моего сына!

Францъ. Не раздражайте моего гнѣва. Я оставляю васъ — смерти...

Ст. Мооръ. Чудовище! чудовище! отдай мнѣ моего сына! (*вскакиваетъ съ креселъ и хочетъ схватить Франца за горло, но тотъ съ силою отталкиваетъ его на прежнее мѣсто*).

Францъ. Старыя кости! И вы смѣете!... Умирайте!... казнитесь!...

Старикъ Мооръ.

Тысячи проклятiй да разразятся надъ тобою! ты изъ моихъ рукъ укралъ моего сына! (*въ отчаянiи мечется въ креслахъ*) Горе, горе мнѣ!... Отчаяваться и не умирать!... Они бѣгутъ, оставляютъ меня умирающаго... ангель-хранитель покинулъ меня!... святыя отступились отъ сѣдовласаго убiйцы!... Горе, горе мнѣ! Некому поддержать мою голову, разрѣшить томящуюся душу! Нѣтъ у меня ни сыновей, ни дочери, ни друга! никого... одинъ... оставленъ... Горе, горе мнѣ!... Отчаяваться и не умирать!...

Амалiя (*входитъ съ заплаканными глазами*).

Ст. Мооръ. Амалiя, вѣстникъ неба! ты приходишь разрѣшить мою душу!

Амалiя (*ласково*). Вы потеряли рѣдкаго сына.

Ст. Мооръ. Убилъ, хотѣла ты сказать. Заклейменный этимъ знаменiемъ, предстану я передъ престолъ Всевышняго.

Амалія. Утѣштесь, батюшка! Небесный Отецъ призвалъ его къ себѣ. Мы были бы слишкомъ счастливы на этомъ свѣтѣ... Тамъ, тамъ, надъ солнцами, мы свидимся снова.

Ст. Мооръ. Свидимся, свидимся!... Нѣтъ! душа у меня разорвется, когда я, блаженный, увижу его въ средѣ блаженныхъ. Среди неба на меня повѣютъ ужасы ада. Въ созерцаніи Безконечнаго меня растерзаетъ воспоминаніе: я убилъ своего сына!

Амалія. О, онъ одною улыбкой изгладитъ изъ вашего сердца горькія воспоминанія! Будьте веселы, милый батюшка! Мнѣ такъ весело. Развѣ онъ не пропѣлъ невидимымъ силамъ на арфѣ серафимовъ имя Амаліи, и невидимыя силы не пролепетали его тихо за нимъ? Его послѣдній вздохъ былъ — Амалія! Не будетъ ли и первый крикъ восторга также — Амалія?

Ст. Мооръ. Небесное утѣшеніе изливается изъ устъ твоихъ. Онъ улыбнется мнѣ, говоришь ты? — проститъ мнѣ? Будь при мнѣ, возлюбленная моего Карла, и въ часъ моей смерти.

Амалія. Смерть для насъ есть только полетъ въ его объятія. Благо вамъ! — я вамъ завидую. Зачѣмъ это тѣло не дряхло? эти волосы не сѣды? Горе юношескимъ силамъ! благо тебѣ немощная старость: ты ближе къ небу, ближе къ моему Карлу!

Францъ (входитъ).

Ст. Мооръ. Подойди ко мнѣ, сынъ мой! Прости мнѣ за минутную жестокость! Тебѣ я все прощаю. — Хочу умереть съ миромъ.

Францъ. Ну, наплакались ли вы о вашемъ сынѣ? У васъ теперь кажется только одинъ остался.

Ст. Мооръ. У Іакова было двѣнадцать сыновей; но о своемъ Іосифѣ онъ проливалъ кровавыя слезы.

Францъ. Гм!

Ст. Мооръ. Возьми-ка библію, Амалія, и прочти мнѣ исторію Іакова и Іосифа: она меня всегда трогала, хотя тогда я еще и не былъ Іаковомъ.

Амалія. Которую-жь изъ нихъ прочесть вамъ? *(беретъ библію и перелистываетъ ее)*.

Ст. Мооръ. Прочти мнѣ о горести оставленнаго, когда онъ не нашелъ Іосифа между своими дѣтьми, и тщетно ждалъ его въ средѣ своихъ одиннадцати; и о его жалобныхъ крикахъ, когда онъ услышалъ, что его возлюбленный отнять у него навѣки.

Амалія *(читаетъ)*. «Вземше же ризу Іосифову, заклаша козлище отъ козъ и помазаша ризу кровію. И послаша ризу пеструю и принесоша къ отцу своему, и рекоша: сію обрѣтохомъ, познай аще риза сына твоего есть, или ни. *(Францъ внезапно уходитъ)* И познаю и рече: риза сына моего есть: звѣрь лютъ снѣде его, звѣрь восхити Іосифа.»

Ст. Мооръ *(упадая на подушки)*. Звѣрь лютъ снѣде его, звѣрь восхити Іосифа!

Амалія *(читаетъ далѣе)*. «И растерза Іаковъ ризы своя, и возложи вретище на чресла свои и плакашеся сына своего дни многи. Собрашася же вси сынове его и дщери и придоша утѣшити его; и не хотяще утѣшиться глаголя: яко сниду къ сыну моему, сѣтуя...»

Ст. Мооръ. Перестань, перестань! — мнѣ дурно!

Амалія (*роняетъ книгу и подбѣгаетъ къ нему*).
Боже мой! что съ вами?

Ст. Мооръ. Это смерть!... черная... стоитъ...
передъ моими... глазами... Прошу тебя... позови па-
стора... причаститься... гдѣ... сынъ мой... Францъ?

Амалія. Ушелъ! Боже, умиლოსердись!

Ст. Мооръ. Ушелъ... убѣжалъ отъ смертнаго
одра?... И это все... все... отъ двухъ сыновей!... Ты
далъ ихъ... Ты и отнялъ... да будетъ имя Твое...
(*падаетъ*)

Амалія (*вдругъ вскрикиваетъ*). Умеръ! Все по-
гибло! (*убѣгаетъ въ отчаяніи*)

Францъ (*вбѣгая, радостно*).

Умеръ! кричатъ они, умеръ! Теперь я полный
господинъ. По всему замку только и слышится
умеръ. Но если онъ спитъ? Конечно это сонъ, послѣ
котораго только никогда не желаютъ добраго утра.
Сонъ и смерть — близнецы; стоитъ только употребить
одно названіе вмѣсто другого. Добрый, благодѣтель-
ный сонъ! — мы назовемъ тебя смертію. (*закрываетъ
отцу глаза*) Кто-жъ теперь осмѣлится прійти
и потребовать меня къ суду? или сказать мнѣ въ лицо:
ты бездѣльникъ? Прочь, тяжелая личина кротости и
добродѣтели! Теперь вы увидите нагаго Франца, и
ужаснетесь. Мой отецъ подсахаривалъ свои требова-
нія; сдѣлалъ изъ своихъ подданныхъ одинъ семейный
кругъ; съ ласковой улыбкой сидѣлъ у воротъ и назы-
валъ всѣхъ братьями и дѣтьми. Мои брови нависнутъ
надъ вами, какъ грозныя тучи; мое барское имя про-
несется надъ этими горами, какъ зловѣщая комета;

мое чело будетъ для васъ барометромъ. Онѣ гладилъ, ласкалъ васъ — вы упрямылись, не покорствовали... гладить и ласкать не мое дѣло. Я вонжу въ ваше мясо зубчатые шпоры и заставлю попробовать бича. Я доведу васъ до того, что въ моихъ владѣніяхъ картофель и жидкое пиво будутъ подаваться въ праздники, и горе тому, кто попадется мнѣ на глаза съ полными, румяными щеками. Блѣдность бѣдности и рабскій страхъ станутъ моимъ ливрейнымъ цвѣтомъ, — и въ эту ливрею одѣну я всѣхъ моихъ подданныхъ.
(уходитъ)

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Богемскіе лѣса.

Шпигельбергъ. Рацманъ. Разбойники.

Рацманъ. Ты ли это? Тебя ли вижу? Дай же раздавить себя въ объятіяхъ, дорогой дружище, Морицъ! Милости просимъ къ намъ въ богемскіе лѣса! Экъ ты поздоровѣлъ. Да еще и рекрутовъ привелъ съ собой цѣлое стадо: ай да вербовщикъ!

Шпигельбергъ. Полно, братецъ, полно! А каковы малые-то! Повѣришь ли, видимое Божіе благословеніе надо мною: былъ вѣдь бѣднымъ, голоднымъ дуракомъ, ничего не имѣлъ кромѣ этого посоха, какъ перешелъ чрезъ Іорданъ, а теперь насъ семьдесятъ восемь человѣкъ, и все изъ швабскихъ провинцій.

Это, братецъ, не люди а золото. Повѣришь ли — одинъ у другого пуговицы со штановъ крадетъ; а сами и въ усъ не дуютъ съ заряженными ружьями... Дѣла куча, и сверхъ того, въ славѣ на сорокъ миль кругомъ... Вѣришь ли, не выходитъ ни одной газеты, въ которой бы не было статейки о пролазѣ Шпигельбергѣ; только за тѣмъ и держу ихъ... Съ ногъ до головы такъ меня описали, что я, какъ живой, у нихъ на бумагѣ; пуговицъ моихъ — и тѣхъ не позабыли. Впрочемъ это не мѣшаетъ мнѣ водить ихъ за носъ. Намедни иду я въ типографію, говорю, будто видѣлъ извѣстнаго Шпигельберга и диктую тамъ сидѣвшему писаришкѣ живой портретъ одного шарлатана доктора. Чтожъ ты думаешь? — статейка въ ходу, бѣдняка хватаютъ, насильно допрашиваютъ, и онъ, со страху и глупости, признается, чортъ меня подери! признается, *что онъ точно Шпигельбергъ*. Громъ и молнія! Меня такъ и дергало объявить магистрату кто я, чтобъ бездѣльникъ не безчестилъ только моего имени. Чтожъ ты думаешь?... три мѣсяца спустя виситъ-таки мой докторъ. Ужъ я, братъ, набилъ носъ табакомъ, когда, прогуливаясь около висѣлицы, увидѣлъ, какъ псевдо-Шпигельбергъ парадируетъ на ней во всей своей славѣ. А между тѣмъ, какъ Шпигельбергъ виситъ, Шпигельбергъ тихохонько выпутывается изъ петли, и приставляетъ премудрой юстиціи ослиныя уши, такъ что любо!

Рацманъ (*смѣется*). Ты, какъ видно, все тотъ же.

Шпигельбергъ. Какъ видишь, братецъ, и тѣломъ и душою! Слушай-ка, я расскажу тебѣ штуку, которую сыгралъ въ монастырѣ Цециліи. Въ одно

изъ моихъ странствованій въ сумерки я набрелъ на этотъ монастырь, а какъ въ тотъ день я не сжогъ ни одного патрона... ты знаешь, *diem perdidî* я ненавижу до смерти... то ночь мнѣ вздумалось ознаменовать штукой, стой она хоть обоихъ ушей дьяволу! До поздней ночи мы — ни гугу. Все стихло. Огни погасли. Мы и смекнули, что монахини теперь на пуховикахъ. Вотъ я и беру моего товарища Гримма съ собою... другимъ велю ждать у воротъ, пока не услышатъ моего свистка... хватаю монастырскаго сторожа, беру у него ключи, крадусь кошкой туда, гдѣ спятъ монашенки, забираю ихъ платья и бросаю весь хламъ за ворота. Такъ проходимъ мы изъ кельи въ келью, отбираемъ у каждой сестры поодиначкѣ платье, не исключая и настоятельницы. Я свищу, и мои малые начинаютъ атукать и шумѣть, будто страшный судъ на дворѣ, и съ гамомъ, крикомъ, гвалтомъ прямо въ кельи къ спящимъ сестрамъ. Ха, ха, ха!... Когда-бъ ты видѣлъ всю эту суматоху! Какъ бѣдные звѣрѣчки шныряли онѣ въ темнотѣ за своими платьями и плакали и визжали, ничего не нашедши, между тѣмъ какъ мы — тутъ какъ тутъ у нихъ на шеѣ! Когда-бъ ты видѣлъ, какъ онѣ со страха и ужаса закутывались въ простыни, или, какъ кошки, заползали подъ печь... а этотъ визгъ, этотъ вой!... и наконецъ сама старая корга настоятельница... Ты знаешь, дружище, что на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ для меня созданія противнѣе паука и старой бабы... теперь представь себѣ, что эта черная, морщинистая тварь увивается около меня и закликаетъ еще дѣвственнымъ цѣломудріемъ... адъ и черти! я было ужъ расправилъ локоть и хотѣлъ ей и остальные клыки загнать въ проходную жилу. Расправа коротка: или подавай

серебро, монастырскую казну и всѣ свѣтлые талерчики, или... Увѣряю тебя, я изъ монастыря поживился добромъ цѣною болѣе чѣмъ на десять тысячъ талеровъ, да шуткой въ придачу; а мои малые оставили имъ сувенирчики, которые онѣ протаскаютъ цѣлые девять мѣсяцевъ.

Рацманъ (*топнувъ ногою*). Да меня бы громъ оттуда не выгналъ.

Шпигельбергъ. Вотъ видишь! Говори послѣ того, что это не жизнь! А вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣжѣешь и сильнѣешь и тѣло у тебя цѣло и толстѣетъ, какъ поповское брюхо. Не знаю, а во мнѣ есть нѣчто магнетическое, что всѣхъ мошенниковъ со всего Божьяго свѣту такъ и притягиваетъ, какъ сталь и желѣзо.

Рацманъ. Нечего сказать, славный магнитъ! Но, чортъ меня побери, хотѣлось бы мнѣ знать, какимъ это ты колдовствомъ...

Шпигельбергъ. Колдовствомъ? что тутъ за колдовство... голова, братецъ, голова! да немного практической сноровки, которую, конечно, не выѣшь въ кашѣ. Видишь ли, я всегда говорю: честнаго человѣка сдѣлаешь ты изъ любого пня, но для тонкаго плута и каши мало! — Тутъ нужно не много и національнаго генія, и, такъ сказать, *плутовскаго климата*.

Рацманъ. Братъ! мнѣ хвалили Италію.

Шпигельбергъ. Да, да! не будемъ ни отъ кого отнимать правъ. Италія имѣетъ своихъ мужей, но и Германія, если только пойдетъ по той же дорогѣ и броситъ совершенно библію, что ужъ можно предполагать по блестящимъ успѣхамъ, то, со временемъ, можетъ и изъ Германіи выйти кое-что путное. Вообще, долженъ я сказать тебѣ, что климатъ мало содѣйствуетъ къ

развитію талантовъ; геній одинъ преобладаетъ вездѣ, и прочее, братецъ... самъ знаешь, изъ простаго яблока и въ раю не выйдетъ ананаса.. Но чтобъ напасть на рѣчь... на чемъ бишь я остановился?

Рацманъ. На тонкихъ штукахъ.

Шпигельбергъ. Да, точно на тонкихъ штукахъ. Во первыхъ, когда приходишь въ какой нибудь городъ, сей часъ разнюхай у нищихъ приставовъ, городскихъ, дозорныхъ, кто чаще всего къ нимъ попадаетъ въ лапы, и потомъ отыскивай себѣ молодцевъ. Далѣе — ты гнѣздишься въ кофейняхъ, распутныхъ домахъ, трактирахъ и тамъ щупаешь, высматриваешь, кто больше всѣхъ ругаетъ дешевое время, пять процентовъ, возстаетъ противъ чумы полицейскихъ улучшеній, больше всѣхъ лааетъ на правительство, или нападаетъ на фізіогномику и тому подобное... Вотъ тутъ то братецъ верхъ искусства! Честность еще шатается, какъ гнилой зубъ, — стоитъ только приложить клещи... или, лучше и проще, ты бросаешь полный кошелекъ прямо на середину улицы, а самъ гдѣ нибудь прячешься и подмѣчаешь, кто его подниметъ. Не много погодя, ты выходишь изъ засады, ищешь, кричишь и спрашиваешь, такъ мимоходомъ: «не поднимали-ли, сударь, кошелька съ деньгами?» Скажетъ: да, — чортъ его возьми, ступай мимо; если-жь: нѣтъ, извините, сударь... если не ошибаюсь... очень сожалью... (*вспрыгиваетъ*) тріумфъ, братецъ, тріумфъ! Гасифонарь, хитрый Діогенъ! — ты нашелъ своего чело-вѣка.

Рацманъ. Да ты обтертый практикъ!

Шпигельбергъ. Богъ мой! какъ будто я когда нибудь въ этомъ сомнѣвался. Когда-жь молодецъ

будеть у тебя на удочкѣ, дѣйствуй тонко, чтобъ умѣть его и вытащить. Я тебѣ расскажу, какъ я поступалъ въ подобныхъ случаяхъ. — Я приставалъ къ своему кандидату, какъ репейникъ, пилъ съ нимъ братство... Nota-bene, угощай его на свой счетъ. Конечно это будетъ тебѣ кой-чего стоить, но на это нечего смотрѣть... Далѣе, ты вводишь его въ игорные дома и къ распутнымъ людямъ; увлекаешь его въ драки, запутываешь въ разныя шалости, до тѣхъ поръ, пока въ силѣ, деньгахъ, совѣсти и въ добромъ имени не сдѣлаешь его совершеннымъ банкротомъ; потому что, между нами будь сказано, ничего не сдѣлаешь, не испортивъ сперва души и тѣла. Повѣрь мнѣ, братецъ, разъ пятьдесятъ испыталъ я это въ продолженіе моей огромной практики: если честнаго человѣка спугнуть разъ съ гнѣзда, — онъ чортовъ баранъ. Переходъ такъ легокъ, о, такъ легокъ, какъ скачекъ отъ старой бабы къ святошѣ. Но, чу, чу! что это за трескъ?

Рацманъ. Громъ гремитъ. Продолжай.

Шпигельбергъ. Еще лучше и ближе къ цѣли: обдери молодца, какъ липку, такъ чтобы у него рубахи не осталось на грѣшномъ тѣлѣ: тогда, повѣрь, онъ самъ придетъ къ тебѣ... Ужь меня гдѣ учить, дружище! — Спроси-ка, лучше, эту мѣдную рожу... Чортъ возьми! его я знатно поддѣлъ: обѣщалъ ему сорокъ дукатовъ, если сдѣлаетъ мнѣ восковой слѣпокъ съ барскаго ключа... Что-жь ты думаешь? — бестія вѣдь дѣлаетъ, приносить мнѣ, чортъ меня подери, ключъ и требуетъ денегъ. «Мусьё, говорю я ему, а какъ я съ этимъ ключемъ да пойду въ полицію и найму тебѣ квартиру на висѣлицѣ?» Тысячу сакраментовъ! Нужно было видѣть, какъ малый выпучилъ

глаза и задрожалъ, какъ мокрый пудель. «Ради Бога, смилуйтесь, сударь! я буду... буду...» «Что ты будешь?... хочешь со мной идти къ чорту?» «О, отъ всего сердца! съ большимъ удовольствіемъ!» Ха, ха, ха! Бѣдный малый!... саломъ ловятъ мышей... Да смѣйся же надъ нимъ, Рацманъ! Ха, ха, ха!

Рацманъ. Да, да, признаюсь. Золотыми буквами запишу я у себя на мозгу твою лекцію. Видно, сатана знаетъ людей, что сдѣлалъ тебя своимъ маклеромъ.

Шпигельбергъ. Право, дружище? и я думаю, что если я представлю ему десятокъ, онъ оставитъ меня въ покоѣ. Вѣдь дарить же издатель своему ходатаю десятый экземпляръ, такъ съ какой же стати послѣ этого чорту скупиться, какъ жиду? Рацманъ! я чую порохъ...

Рацманъ. Чортъ возьми! — и я также. Здѣсь не подалеку вѣрно что нибудь да не такъ!... Да, да, ужъ говорю тебѣ, Морицъ, что ты съ своими рекрутами будешь прямой находкой для атамана. Онъ также заманилъ себѣ бравыхъ молодцовъ.

Шпигельбергъ. Но мои, мои...

Рацманъ. Что правда, то правда! и у твоихъ можетъ быть славные пальчики... но, говорю тебѣ, слава нашего атамана ужъ многихъ честныхъ малыхъ привела въ искушеніе.

Шпигельбергъ. Ты ужъ чего не на скажешь.

Рацманъ. Кромѣ шутокъ! И они не стыдятся служить подъ его начальствомъ. Онъ грабитъ не для добычи, какъ мы. О деньгахъ онъ и не заботится съ тѣхъ поръ, какъ можетъ имѣть ихъ сколько душѣ угодно; и даже свою треть добычи, которая слѣдуетъ ему

по праву, отсылаетъ въ сиротскіе дома или употребляетъ на образованіе благонадежныхъ юношей. Но если придется ему пустить кровь помѣщику, который деретъ шкуру съ крестьянъ своихъ, или проучить бездѣльника въ золотыхъ галунахъ, который толкуетъ вкривъ законы и посеребряетъ глаза правосудію, или другаго какого нибудь господчика той же масти — тутъ, братецъ, онъ въ своей стихіи, и чертовски хозяйничаетъ, какъ будто каждая жилка въ немъ становится фуріей.

Шпигельбергъ. Гм! гм!

Рацманъ. Недавно въ корчмѣ узнали мы, что будетъ проѣзжать одинъ богатый графъ изъ Регенсбурга, выигравшій процессъ въ милліонъ плутнями своего адвоката. Онъ сидѣлъ за столомъ. «Сколько насъ?» спросилъ онъ меня, поспѣшно вставая. Я видѣлъ, какъ онъ закусилъ нижнюю губу, что у него бываетъ, когда онъ въ сильномъ гнѣвѣ. «Пятеро», отвѣчалъ я. «Довольно!» сказалъ онъ; бросилъ хозяйкѣ деньги на столъ, оставилъ поданное вино не выпитымъ — и мы отправились. Во всю дорогу онъ не вымолвилъ ни слова, ѣхалъ одиноко въ сторонкѣ отъ насъ и только по временамъ спрашивалъ — не видать ли проѣзжихъ, да приказывалъ намъ иногда прикладывать ухо къ землѣ. Наконецъ, видимъ: ѣдетъ нашъ графъ въ тяжело-нагруженной каретѣ, вмѣстѣ съ своимъ адвокатомъ, со всадникомъ впереди и двумя лакеями на запяткахъ. Вотъ тутъ бы посмотрѣлъ на него, какъ онъ съ пистолетомъ въ каждой рукѣ подскакалъ одинъ къ каретѣ, и громко закричалъ: «стой!» Кучеръ, не хотѣвшій видно стоять, полетѣлъ кувыркомъ съ козелъ; графъ выстрѣлилъ изъ кареты на воздухъ; всадники — давай Богъ ноги. «Твои деньги,

каналья!» закричалъ онъ громовымъ голосомъ... И графъ легъ, какъ быкъ подъ обухомъ. «А это ты бездѣльникъ, торгующійся съ справедливостью, какъ съ развратницей?» У адвоката зубы щелкали со стаха... Кинжалъ вонзился ему въ животъ, какъ жердь въ виноградникъ. «Я сдѣлалъ свое!» вскричалъ онъ, и гордо отворотился отъ насъ: «грабежъ ваше дѣло.» И онъ исчезъ въ лѣсу.

Шпигельбергъ. Гм, гм! Послушай-ка, братъ, что я тебѣ сейчасъ рассказывалъ — остается между нами: ему всего не нужно знать. Понимаешь?

Рацманъ. Хорошо, хорошо, понимаю.

Шпигельбергъ. Ты вѣдь знаешь его! у него есть свои странности. Понимаешь?

Рацманъ. Понимаю, понимаю.

ШВАРЦЪ (*вбѣгаетъ запыхавшись*).

Рацманъ. Что ты? что тамъ такое? проѣзжіе въ лѣсу?

Шварцъ. Скорѣй, скорѣй! гдѣ наши? — Тысячу чертей! Вы стоите здѣсь, да болтаете? Да знаете-ли вы?... такъ вы ничего не знаете? а Роллеръ...

Рацманъ. Что съ нимъ? что съ нимъ?

Шварцъ. Роллеръ повѣшенъ, и еще четверо другихъ...

Рацманъ. Роллеръ? Чортъ возьми! когда? — почему ты это знаешь?

Шварцъ. Ужъ три недѣли, какъ онъ сидитъ, а мы ничего не знаемъ; три раза его водили къ допросу, а мы ничего не слышимъ; его пыткой допрашивали, гдѣ атаманъ? — лихой парень, не выдалъ. Вчера было

послѣднее засѣданіе, а нынѣче утромъ онъ по экстра
почтѣ отправился къ дьяволу.

Рацманъ. Проклятіе! Знаетъ атаманъ?

Шварцъ. Только вчера узналъ. Онъ бѣсится,
какъ дикій вепрь. Ты знаешь, онъ болѣе всѣхъ бла-
говолилъ къ Роллеру... Притомъ-же эта пытка... Ка-
нать и лѣстница были уже у башни, — не помогли.
Онъ самъ въ капуцинской рясѣ прокрался къ нему и
хотѣлъ помѣняться съ нимъ платьемъ. Роллеръ упря-
мо отказался. Теперь онъ далъ клятву, такъ что у
насъ дрожь пробѣжала по тѣлу, засвѣтитъ ему погре-
бальный факель, какого еще не было ни у одного ко-
роля. Мнѣ страшно за городъ. Онъ ужъ давно у него
на зубу за свое срамное ханжество; а ты знаешь, когда
онъ скажетъ: я сдѣлаю! то это все равно, если бы
ктонибудь изъ насъ ужъ сдѣлалъ.

Рацманъ. Это правда! я знаю атамана. — Когда
ужъ онъ даетъ сатанѣ слово идти въ адъ, то не ста-
нетъ молиться, хоть бы и половина «отче нашъ» могла
спасти его! — Но бѣдный Роллеръ! бѣдный Роллеръ!

Шпигельбергъ. Memento mori! Мнѣ до него нѣтъ
дѣла. (*поетъ*)

Я мыслю, если не нарокомъ
Наткнусь на висѣлицу я:
Ты, братъ, висишь здѣсь одиноко,
Кто-жъ въ дуракахъ, ты или я?

Рацманъ (*вспрыгивая*). Чу! выстрѣлъ. (*вы-
стрѣлы и шумъ*)

Шпигельбергъ. Другой!

Рацманъ. Третій! атаманъ!

(*за сценою слышна пѣсня:*)

Нюрембергцамъ насъ повѣсить
Не придется никогда!

ШВЕЙЦЕРЪ. Роллеръ (*за сценою*). Ей, вы! го-го!

Рацманъ. Роллеръ! Роллеръ! тысячу чертей меня поberi!...

ШВЕЙЦЕРЪ. Роллеръ (*за сценою*). Рацманъ! Шварцъ! Шпигельбергъ! Рацманъ!

Рацманъ. Роллеръ! Швейцеръ! Громъ и молнія! (*бѣгутъ ему на встрѣчу*)

РАЗБОЙНИКЪ МООРЪ (*верхомъ*). ШВЕЙЦЕРЪ.

РОЛЛЕРЪ. ГРИММЪ. ШУФТЕРЛЕ. ТОЛПА
РАЗБОЙНИКОВЪ (*покрытыхъ грязью и пылью*).

МООРЪ (*спрыгивая съ лошади*). Свобода! Свобода! Ты на сушѣ Роллеръ. Отведи моего коня, да вымой его виномъ. (*бросается на землю*) Ну, было жарко!

РАЦМАНЪ (*Роллеру*). Ради огненныхъ коней Плутона, — съ колеса воскресъ ты что ли?

ШВАРЦЪ. Ты духъ его? или я сталъ дуракомъ, или это ты въ самомъ дѣлѣ?

РОЛЛЕРЪ (*запыхавшись*). Это я. Живъ. Цѣль. Какъ думаешь, откуда я теперь прихожу къ вамъ?

ШВАРЦЪ. А вѣдьмы тебя знаютъ! Вѣдь жезлъ ужь переломили надъ тобою.

РОЛЛЕРЪ. Переломили! — еще не то было. Я сорвался прямо съ висѣлицы. Вотъ спроси у Швейцера... Дайте мнѣ стаканъ водки. И ты здѣсь, Морицъ? я ужь полагалъ увидѣться съ тобою на томъ свѣтѣ... Да дадите ли вы мнѣ водки! меня всего расломало! О, мой атаманъ! гдѣ мой атаманъ?

ШВАРЦЪ. Сейчасъ, сейчасъ! Да говори же, рассказывай, какъ ты уплѣлъ оттуда? какъ ты опять съ нами? Голова у меня идетъ кругомъ. Съ висѣлицы, говоришь ты?

Роллеръ (*пьетъ водку*). Охъ, славно!... какъ за-
жгло! Прямо съ висѣлицы, говорю вамъ. Что вы сто-
ите, да зѣваете?... я былъ всего въ трехъ шагахъ отъ
лѣстницы, по которой долженъ былъ взойти въ лоно
Авраамово... ужь такъ близко, такъ близко... меня,
было, уже совсѣмъ запродали въ анатомію... За ще-
потку табаку могъ бы ты сторговать мою жизнь. Ата-
ману обязанъ я воздухомъ, свободой и жизнію.

Швейцеръ. Это была знатная штука, братцы!
хоть рассказывать, такъ впору! За день почуяли мы
только черезъ нашихъ шпионовъ, что Роллеру прихо-
дится туго, и, если небо не вмѣшается въ это дѣло,
онъ завтра же, т. е. сегодня, отправится путемъ всей
плоти. «Ребята!» сказалъ атаманъ: «чего не стоитъ
другъ? — Спасемъ ли мы его или нѣтъ, но засвѣтимъ,
покрайней мѣрѣ, ему погребальный факель, какого еще
не было ни у одного короля!» Собралась вся шайка.
Мы шлемъ къ нему нарочнаго, и тотъ въ записочкѣ,
которую успѣлъ подбросить ему въ супъ, извѣщаетъ
его обо всемъ.

Роллеръ. Я отчаявался въ успѣхѣ.

Швейцеръ. Мы выждали время, пока опустѣютъ
проходы. Весь городъ такъ и валилъ къ мѣсту казни;
всадники, пѣшеходы и экипажи, все перемѣшалось.
Шумъ, крикъ, пѣніе псалмовъ далеко раздавались. «Те-
перь, сказалъ атаманъ, зажигай!» Малые пустились,
какъ стрѣлы, зажгли городъ разомъ съ тридцати трехъ
концовъ, бросили зажженные фитили къ пороховымъ
погребамъ, церквамъ и анбарамъ... *Morbleu!* не про-
шло и четверти часа, какъ сѣверовосточный вѣтеръ,
который также, вѣроятно, косился на городъ, славно
помогъ намъ и распугалъ пламя на самыя верхушки.

Между тѣмъ, мы, бѣгаемъ изъ улицы въ улицу, какъ фуріи, и кричимъ на весь городъ: «пожаръ, пожаръ!» Вой, крикъ, стукотня; гудитъ набатъ... наконецъ, пороховую башню взрываетъ на воздухъ: казалось, земля лопнула пополамъ, и небо распалось на части, а адъ ушелъ еще глубже.

Роллеръ. Мой конвой оглянулся назадъ: весь городъ горѣлъ, какъ Содомъ и Гоморра; горизонтъ въ огнѣ; дымъ валитъ клубами; тысяча отзвуковъ повторяетъ адскій грохотъ; паническій страхъ овладѣваетъ всѣми... Тутъ я, пользуясь минутой, мигомъ сбрасываю съ шеи проклятую петлю... Ужъ до того доходило, братцы!... Вижу, всѣ окаменѣли, какъ Лотова жена... Я рванулся, да черезъ толпу, да тягу... Отбѣгаю эдакъ шаговъ на шестьдесятъ, сбрасываю съ себя платье, бросаюсь въ рѣку и плыву подъ водою до тѣхъ поръ пока не скрываюсь у нихъ изъ виду. Мой атаманъ — тутъ какъ тутъ съ лошадьми и платьемъ... Товарищи, вотъ какъ я спасся. Мооръ! Мооръ! дай Богъ тебѣ поскорѣе попасться въ такой же омутъ, чтобъ мнѣ можно было отплатить тебѣ тѣмъ же.

Рацманъ. Щельмовское желаніе, за которое тебя стоитъ повѣсить. Но эта штука была просто умора.

Роллеръ. Помощь въ нуждѣ, товарищъ, ты еще не испыталъ!... Помаршируйте-ка, какъ я, съ петлею на шеѣ, заживо къ могилѣ!... А эти ужасныя приготовленія, эти отвратительныя церемоніи, и съ каждымъ шагомъ, на который становятся тебя дрожащія ноги, все ближе и ближе проклятая машина, гдѣ скоро отведутъ тебѣ квартиру, возстаетъ въ кровавыхъ лучахъ восходящаго солнца... а прохвосты-палачи, а ужасная музыка... еще гремитъ она въ ушахъ моихъ... а карканье проголо-

давшихся вороновъ, сидѣвшихъ десятками на моемъ полусгнившемъ предшественникѣ, это все, все... и сверхъ того еще предвкушеніе того блаженства, которое цвѣтеть для насъ на томъ свѣтѣ... Братцы, братцы! и послѣ всего этого вдругъ лозунгъ свободы. Это былъ сладкій звукъ, какъ будто на небесной чашѣ лопнулъ невидимый обручъ. Слушайте, каналы! — увѣряю васъ, что если бы пришлось изъ раскаленной печи выпрыгнуть въ холодную, какъ ледъ, воду — переходъ былъ бы слабѣе того, который я почувствовалъ на другомъ берегу.

Шпигельбергъ (*хохочетъ*). Бѣдняга! пропотѣлъ же онъ не на шутку. (*пѣетъ*) Съ счастливымъ рожденіемъ!

Роллеръ (*бросаетъ стаканъ*). Нѣтъ! ради всѣхъ сокровищъ Маммона, я не захотѣлъ бы переиспытать всего этого во второй разъ. Смерть не прыжокъ арлекина; а предсмертныя муки еще ужаснѣе самой смерти.

Шпигельбергъ. А взорванная пороховая башня... Смекаешь теперь, Рацманъ?... оттого то цѣлый часъ такъ и пахло кругомъ сѣрой, какъ будто провѣтривался весь гардеробъ Молоха. Это была геніальная штука, атаманъ! я завидую ей.

Швейцеръ. Если весь городъ такъ радуется при видѣ, какъ дорѣзываютъ нашего товарища, будто затравленнаго кабана, намъ и подавно нечего совѣститься того, что мы пожертвовали городомъ изъ любви къ товарищу. Ктому-жъ, нашимъ ребятамъ представлялся славный случай поживиться на счетъ казны. Ну, говорите же, что вы тамъ успѣли подтибрить?

Одинъ изъ шайки. Во время суматохи я про-

брался въ церковь святаго Стефана и споролъ бахромѣ съ покрова алтаря.

ШВЕЙЦЕРЪ. И прекрасно сдѣлалъ! — к чему такое великолѣпіе въ церкви? А ты, Шпангелеръ? — куда ты закинулъ сѣти?

Второй. Мы съ Бюгелемъ обообрали лавку и при-
тащили разныхъ матерій... человѣкъ на пятьдесятъ
будетъ довольно.

ТРЕТІЙ. Я спроворилъ двое золотыхъ часовъ, да
дюжину серебряныхъ ложекъ.

ШВЕЙЦЕРЪ. Хорошо, хорошо. А мы имъ удрали
штуку, которую они протушатъ сорокъ дней. И то
правда, чтобъ справиться съ огнемъ, имъ нужно бу-
детъ затопить городъ водою. Не знаешь ли ты, Шуф-
терле, сколько погибло?

ШУФТЕРЛЕ. Восемьдесятъ три человѣка, говорятъ.
Одна башня раздавила ихъ человѣкъ съ шестьдесятъ.

МООРЪ (*мрачно*). Роллеръ, ты дорого стоишь.

ШУФТЕРЛЕ. Вотъ бѣда! — добро бы это были
еще мужчины, а то все грудныя дѣти, золотившія про-
стыни, согбенныя бабушки, сгонявшія съ нихъ мухъ,
зачерствѣвшіе лежебоки, не могшіе уже болѣе нахо-
дить дверей, больные, жалобно призывавшіе доктора,
который важной рысью слѣдовалъ за процессіей. У
кого только были здоровыя ноги, всѣ пошли смотрѣть
на комедію, а дома остались только одни подонки го-
рода.

МООРЪ. О, бѣдные, безпомощные черви! Больные,
говоришь ты, старцы, дѣти?

ШУФТЕРЛЕ. Да, чортъ возьми! и няньки, и бере-
менные женщины, которыя побоялись, видно, чтобъ не
выкинуть подъ самой висѣлицей, или, заглядѣвши

на привлекательное зрѣлище, не наклеить еще въ материнскомъ чревѣ висѣлицы на горбы своимъ ребятамъ, бѣдные поэты, у которыхъ не было башмаковъ, потому что единственную свою пару отдали въ починку, и тому подобная сволочь; не стоитъ и говорить-то объ этомъ. Проходя мимо одного домишка, слышу что-то пищить: смотрю туда и, при свѣтѣ пламени, что же вижу?... ребеночекъ, да такой свѣженькій, здоровенькій, лежитъ на полу подъ столомъ, а столъ только что загорался. Бѣдный звѣрѣчекъ! сказалъ я, ты озябнешь здѣсь! и бросилъ его въ пламя...

Мооръ. Въ самомъ дѣлѣ, Шуфтерле?... И это пламя — да бушуетъ въ груди твоей до тѣхъ поръ, пока не посядѣетъ сама вѣчность! Прочь, чудовище! Не показывайся болѣе въ моей шайкѣ! Вы ропщете? — разсуждаете?... кто разсуждаетъ, когда я приказываю? Прочь! говорю я. Между вами многіе уже * созрѣли для моего гнѣва. Я знаю тебя, Шпигельбергъ! Но я скоро прійду къ вамъ и сдѣлаю вамъ страшный смотръ.

(Всѣ въ трепетъ уходятъ).

Мооръ *(одинъ, быстро прохаживаясь взадъ и впередъ).*

Не слушай ихъ, Мститель Небесный! я не виновать въ этомъ! Виновать ли Ты, если твой моръ, твой голодъ, твои потопы пожираютъ праведника вмѣстѣ съ злодѣемъ? Кто запретитъ пламени бушевать въ благословенной жатвѣ, когда ему назначено выжечь гнѣзда саранчи? Дѣтоубійство! женоубійство! Какъ тяготитъ меня это злодѣяніе! Оно отравило мои лучшія дѣла. И вотъ стоитъ ребенокъ, пристыженный и

осмѣянный передъ окомъ Неба, за то, что осмѣлился играть палицей Юпитера, и поборолъ Пигмеевъ, когда долженъ былъ низвергнуть Титановъ. Нѣтъ, нѣтъ! не тебѣ править мстительнымъ мечемъ верховнаго трибунала. Ты палъ при первой попыткѣ. Я отказываюсь отъ дерзновеннаго плана; скроюсь гдѣ нибудь въ трущобѣ, гдѣ свѣтъ дневной отпрянетъ навсегда отъ моего срама. *(хочетъ идти)*

Нѣсколько разбойниковъ *(поспѣшно)*.

Атаманъ, здѣсь нечисто! Цѣлыя толпы богемскихъ всадниковъ разъѣзжаютъ въ лѣсу.

Еще разбойники.

Атаманъ, атаманъ! Они напали на слѣдъ нашъ: нѣсколько тысячъ окружаетъ цѣпью средину лѣса.

Еще разбойники.

Бѣда! бѣда! Мы пойманы, колесованы, перевѣшаны! Нѣсколько тысячъ гусаръ, драгунъ и егерей скачутъ по опушкѣ и занимаютъ всѣ проходы.

Швейцеръ. Гриммъ. Роллеръ. Шварцъ.

Шуфтерле. Шпигельбергъ. Рацманъ.

Толпа разбойниковъ.

Швейцеръ. Ну подвiali-жъ мы ихъ съ пуховиковъ! Да радуйся же, Роллеръ; мнѣ ужъ давно хотѣлось

подраться съ этими дармоѣдами. Гдѣ атаманъ? собралась ли вся шайка? Вѣдь у насъ довольно пороху?

Рацманъ. Пороху-то цѣлая пропасть; но насъ всего только восемьдесятъ: стало быть, на одного придется ихъ двадцать.

Швейцеръ. Тѣмъ лучше! Пусть ихъ будетъ хоть пятьдесятъ противъ моего большого ногтя... Вѣдь ждали-жъ бестіи до тѣхъ поръ, пока мы не подожгли у нихъ перинъ подъ задницей. Братцы, братцы! это еще не велика бѣда. Они продаютъ свою жизнь за десять крейцеровъ: мы будемъ драться за свои головы и свободу! Мы грянемъ на нихъ потокомъ и разразимся надъ ними зарницей. Да гдѣ же, чортъ возьми, атаманъ?

Шпигельбергъ. Онъ оставляетъ насъ въ нуждѣ. Да нельзя ли намъ дать тягу?

Швейцеръ. Дать тягу?

Шпигельбергъ. Охъ! зачѣмъ не остался я въ Іерусалимѣ!

Швейцеръ. Чтобъ тебѣ утопиться въ грязи, поганая душонка! Среди беззащитныхъ ты небойсь храбръ, а увидѣлъ два кулака, такъ и трусу празднуешь! Покажи себя теперь, а то зашьемъ тебя въ свиную шкуру и затравимъ собаками.

Рацманъ. Атаманъ, атаманъ!

Мооръ (*медленно про себя*).

Мооръ. Я допустилъ окружить себя со всѣхъ сторонъ. Мы должны теперь драться, какъ отчаянные. (*громко*) Ребята! мы погибли, если не станемъ драться, какъ разъяренные вепри.

ШВЕЙЦЕРЪ. Га! я пальцами распорю имъ брюхо, такъ что кишки у нихъ на аршинъ повылѣзутъ! Веди насъ, атаманъ! Мы пойдемъ за тобой въ самую пасть смерти.

МООРЪ. Зарядить всѣ ружья! Довольно ли у насъ пороху?

ШВЕЙЦЕРЪ (*вспрыгивая*). Пороху довольно, хоть взрываетъ землю до луны.

РАЦМАНЪ. На каждого брата есть по пяти паръ заряженныхъ пистолетовъ, да по три ружья на придачу.

МООРЪ. Хорошо, хорошо! Теперь пусть одна часть влѣзетъ на деревья, или спрячется въ чащу и встрѣтитъ ихъ мѣткимъ огнемъ изъ засады.

ШВЕЙЦЕРЪ. Это по твоей части, Шпигельбергъ.

МООРЪ. А мы, между тѣмъ, какъ фуріи, нападёмъ на ихъ фланги.

ШВЕЙЦЕРЪ. А вотъ это по моей!

МООРЪ. Пусть всякой изъ васъ свищетъ, гаркаетъ, атукаетъ по лѣсу, чтобъ число наше показалось имъ страшнѣе; спустить также всѣхъ собакъ и травить ихъ, разсѣять и подвести подъ ваши выстрѣлы. Мы трое, Роллеръ, Швейцеръ и я, деремся въ самой свалкѣ.

ШВЕЙЦЕРЪ. Славно, чудесно! мы ихъ такъ ошелошимъ, что они не будутъ знать откуда на нихъ сыплются оплеухи. Я бывало вишни изо рту вонъ выстрѣливалъ. Пусть только придутъ. (*Шуфтерле дергаетъ Швейцера за полу, тотъ отводитъ атамана и тихо говоритъ съ нимъ*)

МООРЪ. Молчи.

ШВЕЙЦЕРЪ. Прошу тебя.

МООРЪ. Прочь! Благодарю онъ собственный стыдъ за свое спасеніе. Онъ не долженъ умереть, когда я и

мой Швейцеръ и мой Роллеръ умираемъ. Пусть онъ снимаетъ свое платье... я скажу, что онъ путешественникъ, что я его ограбилъ. Будь покоенъ, Швейцеръ, клянусь тебѣ не нынче такъ послѣ, а онъ будетъ повѣшенъ.

ПАТЕРЪ *(входитъ)*.

ПАТЕРЪ *(про себя, озираясь)*. Здѣсь, что ли змѣиное гнѣздо-то? — Съ позволенія вашего, государи мои! я служитель Божій, а вблизи стоитъ тысяча семьсотъ человѣкъ, отвѣчающихъ за каждый волосъ на головѣ моей!

ШВЕЙЦЕРЪ. Браво! браво! славное начало, чтобъ не простудить себѣ желудка.

МООРЪ. Молчи, товарищъ! — Скажите коротко, господинъ Патеръ, что вамъ угодно?

ПАТЕРЪ. Я присланъ отъ высокомошняго правительства, властнаго даровать жизнь и осуждать на смерть. Вы воры, вы грабители, вы шельмы, ядовитыя ехидны, пресмыкающіяся во тьмѣ и жалящія изъ подтишка, отстой человѣчества, адово отродье, яства для вороновъ и гадовъ, колонія для висѣлицы и колеса...

ШВЕЙЦЕРЪ. Собака! перестанешь ли ты ругаться? или... *(приставляетъ ему прикладъ къ самому лицу)*

МООРЪ. Стыдись, Швейцеръ! ты сбиваешь его съ толку. Онъ такъ славно выучилъ наизусть свою проповѣдь... Продолжайте, господинъ Патеръ! — «для висѣлицы и колеса?»

ПАТЕРЪ. А ты, хитрый атаманъ, князь убійць, король воровъ, великій Моголь всѣхъ шельмъ подѣ

солнцемъ! совершенное подобіе того первороднаго возмутителя, распалившаго пламенемъ бунта тысячу легионовъ невинныхъ ангеловъ, и вовлекшаго ихъ вмѣстѣ съ собою въ бездонный омутъ проклятiя!... Вопли оставленныхъ матерей несутся по стопамъ твоимъ; кровь пьешь ты, какъ воду; люди на твоёмъ убійственномъ кинжалѣ вѣсятъ легче пуху...

Мооръ. Правда, совершенная правда! Чтожь дальше?

Патеръ. Какъ? — правда, совершенная правда? развѣ это отвѣтъ?

Мооръ. Видно вы къ этому не приготовились, господинъ Патеръ? Дальше, дальше! что вы еще намъ скажете?

Патеръ (*разгорячившись*). Ужасный человѣкъ! отстранись отъ меня! Не запеклась ли кровь убитаго рейхсграфа на твоихъ проклятыхъ пальцахъ? Не ты-ли вломился въ свитилище Господне и воровскими руками укралъ священные сосуды? Не ты-ли внесъ пожаръ въ нашъ богобоязненный городъ? Не ты-ли обрушилъ пороховой погребъ на головы добрыхъ христіанъ? (*всплеснувъ руками*) Страшныя, страшныя злодѣйства громко вопіющія къ небу и ускоряющія страшный судъ, созрѣлыя для возмездія, для послѣднихъ звуковъ призывной трубы!...

Мооръ. Мастерски сказано до сихъ поръ! но къ дѣлу! что же возвѣщаетъ мнѣ черезъ васъ высокопочинный магистратъ?

Патеръ. То, чего ты не достоинъ воспріять. Осмотрись, грабитель! куда ни обратится твое око, всюду ты окруженъ нашими всадниками. Нѣтъ болѣе средствъ къ побѣгу; какъ справедливо то, что на этихъ дубахъ растутъ вишни, и зрѣютъ персики на соснахъ,

точно такъ справедливо и то, что вы здраво и невре-
димо выйдете изъ этого лѣса.

Мооръ. Слышишь, Швейцеръ? — Дальше?

Патеръ. Такъ слушай же, какъ милосердо, какъ сострадательно обходится судъ съ злодѣемъ: если ты тотчасъ же согнешься въ дугу и станешь молить о милосердіи и пощадѣ, самая строгость станетъ состраданіемъ, правосудіе — любящею матерью... оно закроетъ око на половину твоихъ преступленій, и ограничится — подумай только! — ограничится однимъ колесованіемъ.

Швейцеръ. И ты это слушаешь, атаманъ? Не славить ли горла этой облѣзлой собакѣ, такъ чтобъ красный сокъ брызнулъ изъ всѣхъ поръ его тѣла?

Роллеръ. Атаманъ! — адъ, громъ и молнія! — атаманъ... какъ онъ стиснулъ зубами нижнюю губу!... Не вздернуть ли мнѣ эту скотину, знаешь, эдакъ повыше.

Швейцеръ. Мнѣ! мнѣ! на колѣнахъ прошу тебя, мнѣ дай наслажденіе раздавить, растереть въ пыль эту бестію!

(Патеръ кричитъ).

Мооръ. Прочь отъ него! Никто не смѣй до него дотронуться! (вынимаетъ шпалу и обращается къ Патеру) Видите ли, господинъ Патеръ, здѣсь семьдесятъ девять человѣкъ и я ихъ атаманъ... ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ шаркать по командѣ, или танцовать подъ пушечную музыку, а тамъ у опушки стоитъ тысяча семьсотъ человѣкъ, посѣдѣлыхъ подъ ружьемъ; но выслушайте, что скажетъ вамъ Мооръ, атаманъ воровъ и грабителей. Правда, я убилъ рейхс-графа, поджогъ и разграбилъ Доминиканскую церковь,

внесъ пламя въ вашъ лицемѣрный городъ и обрушилъ пороховой погребъ на головы добрыхъ христіанъ; но это еще не все. Я еще болѣе сдѣлалъ. (*протягиваетъ правую руку*) Видите вы эти четыре драгоценные перстня у меня на пальцахъ? — Ступайте же и донесите слово въ слово высокопочтенному судилищу на жизнь и на смерть, то, что увидите и услышите. Этотъ рубинъ снялъ я съ пальца одного министра, котораго замертво положилъ на охотѣ къ ногамъ его государя. Онъ изъ черни лестью доползъ до степени любимца; паденіе предшественника было для него ступенью къ почестямъ; слезы сиротъ возвысили его. Этотъ алмазъ снялъ я съ одного совѣтника финансовъ, продававшаго почетныя мѣста и должности тѣмъ, кто больше давалъ, и отгонявшаго отъ дверей своихъ скорбящаго патріота. Этотъ агать ношу я въ честь одного попа, одной масти съ вами, котораго я повѣсилъ собственными руками, за то, что онъ на кафедрѣ передъ всѣмъ приходомъ плакалъ объ упадкѣ инквизиціи. Я могъ бы и больше еще рассказать исторій о своихъ перстняхъ, еслибъ ужъ не раскаявался и въ этихъ двухъ словахъ, которыя напрасно потерялъ передъ вами.

ПАТЕРЪ. О, Фараонъ! Фараонъ!

МООРЪ. Слышите ли вы? замѣчаете ли вы, какъ онъ вздыхаетъ? Взгляните — онъ стоитъ, какъ будто хочетъ созвать всѣ огни небесныя на сонмъ Хореевъ, осуждаетъ пожатіемъ плечъ, проклинаятъ христіанскимъ вздохомъ! Неужели человѣкъ можетъ до того ослѣпнуть! Онъ, у кого есть сто аргусовыхъ глазъ подмѣчать пятна на своемъ братѣ, можетъ ли онъ стать до того слѣпымъ къ самому себѣ? Громовымъ голосомъ заповѣдываютъ они смиренномудріе и терпѣніе, а

сами Богу любви приносятъ въ жертву людей, какъ огнерукому Молоху; поучаютъ любви къ ближнему и гонятъ съ проклятіями восьмидесятилѣтняго слѣпца отъ своего порога; горячо возстаютъ противъ скупости, а сами опустошили Перу за золотые слитки и запрягли язычниковъ, будто скотовъ, въ свои колесницы; они ломаютъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ могла природа произвести Іуду Искаріота, а между тѣмъ и не самые худшіе изъ нихъ съ радостію бы продали тріединого Бога за десять серебрянниковъ. О, вы Фарисеи, вы искажители правды, вы обезьяны божества! И вы не страшитесь преклонять колѣна предъ крестомъ и алтарями, терзать ваши рѣбра ремнемъ и постами убивать плоть; и вы думаете всѣмъ этимъ жалкимъ паясничествомъ пустить пыль въ глаза Тому, Кого вы сами же, глупцы, называете Всевѣдущимъ, ну точно, какъ будто, имѣете дѣло съ тѣми великими и сильными, надъ которыми всего злѣе насмѣхаешься, когда, лѣстя и ползая передъ ними, увѣряешь, что они ненавидятъ льстецовъ; вы толкуете про честность и непорочное житіе, между тѣмъ какъ Богъ, видящій насквозь сердца ваши, прогнѣвался бы на вашего Создателя, еслибъ только не Онъ самъ создалъ нильское чудовище! — Прочь съ глазъ моихъ!

ПАТЕРЪ. Даромъ что злодѣй, а какой гордый!

МООРЪ. Мало съ тебя — такъ я начну говорить съ тобой гордо. Ступай и скажи высокопочтенному судилищу, играющему въ жизнь и смерть: я не воръ, что въ заговорѣ съ сномъ и полуночью карабкается по лѣстницамъ. Что я сдѣлалъ, то безъ сомнѣнія я нѣкогда самъ прочту въ долговой книгѣ Провидѣнія; но съ его жалкими намѣстниками я не хочу терять болѣе

словъ. Скажи имъ: мое ремесло — возмездіе, мечь — мой промыселъ. (*отворачивается отъ него*)

ПАТЕРЪ. Такъ ты отказываешься отъ милосердія и пощады? — Хорошо! съ тобой я кончилъ. (*обращается къ шайкѣ*) Такъ выслушайте хоть вы, что черезъ меня возвѣщаетъ вамъ правосудіе! — Если вы сейчасъ же свяжете и выдадите этого закоснѣлаго злодѣя, вамъ простятся до новой вины всѣ ваши злодѣянія; святая церковь съ возобновленной любовью приметъ васъ, заблудшихъ овецъ, въ свои материнскія объятія и всякому изъ васъ будетъ открыта дорога ко всѣмъ почетнымъ должностямъ. (*съ торжествующею улыбкою*) Ну? что? какъ это кажется вашему величеству? — Смѣлѣй! свяжите его и передъ вами свобода!

МООРЪ. Слышали вы? Поняли вы? Такъ чтожь вы еще медлите? о чемъ задумались? Правительство предлагаетъ вамъ свободу, а вы уже теперь его плѣнники; даритъ вамъ жизнь, и это не пустое хвастовство, потому что вы уже осуждены на смерть; обѣщаетъ вамъ почести и должности, а вашъ жребій, хотя бы вы и остались побѣдителями, все таки будетъ позоръ, преслѣдованіе и проклятіе; оно возвѣщаетъ вамъ примиреніе съ небомъ, а вы уже прокляты. Нѣтъ волоса ни на одномъ изъ васъ, который бы избавился отъ ада. И вы еще медлите? еще колеблетесь? Развѣ такъ труденъ выборъ между небомъ и адомъ? Да помогите же, господинъ Патеръ!

ПАТЕРЪ (*про себя*). Что онъ съ ума сошелъ? (*громко*) Ужь не боитесь ли вы, что это западня, чтобъ только переловить васъ живьемъ? — вотъ читайте, здѣсь подписано всеобщее прощеніе. (*Даетъ Швейцеру бумагу*) Сомнѣваетесь ли вы еще?

Мооръ. Вотъ видите ли? Чего-жь вы еще хотите? Собственноручная подпись — это милость свыше всѣхъ предѣловъ. Или вы, можетъ быть, опасаетесь, чтобъ они не измѣнили своему слову, потому что когда-то слышали, что измѣнникамъ слова не держать? — О, не бойтесь! Одна политика уже принудить ихъ сдержать его, будь оно дано хоть самому Сатанѣ. Кто-жь имъ послѣ того впередъ станетъ вѣрить? Какъ имъ послѣ того будетъ пустить его въ ходъ во второй разъ? Голову свою заложить готовъ — они васъ не обманываютъ. Они знаютъ, что я одинъ васъ возмутилъ, васъ озлобилъ; васъ они считаютъ невинными. Ваши преступленія они принимаютъ за проступки заблужденія молодости. Одного меня имъ нужно; одинъ я понесу наказаніе. Такъ, господинъ Патеръ?

Патеръ. Кой чортъ глаголетъ его устами? Такъ, конечно, конечно такъ... Этотъ малый меня съ ума сводитъ.

Мооръ. Какъ? все нѣтъ отвѣта? Ужь не думаете ли вы оружіемъ проложить себѣ дорогу? Да осмотритесь вы, осмотритесь! на это ужъ вы вѣрно не надѣетесь; это было бы дѣтскими мечтами. Или вы надѣетесь пасть героями, потому-что видѣли, какъ я радовался битвѣ? О, выбросьте изъ головы подобныя идеи! Вы не Мооры! — Вы — низкіе мошенники, жалкія орудія моихъ великихъ плановъ; вы презрительны, какъ петля въ рукѣ палача! Ворами не пасть, какъ падаютъ герои. Жизнь — выигрышъ для воровъ; за ея чертою наступятъ ужасы: воры правы, что трепещатъ смерти. Слышите, какъ трубятъ ихъ трубы! видите, какъ грозно блещутъ ихъ сабли! Какъ? вы еще не рѣшаетесь? Съ ума сошли вы? или поглупѣ-

ли? Это не простительно! Я не скажу вамъ спасибо за жизнь, я стыжусь вашей жертвы!

ПАТЕРЪ (*въ чрезвычайномъ удивленіи*). Я съума сойду... лучше убѣгу отсюда! Слыханое ли это дѣло?

МООРЪ. Или не боитесь ли вы, что я лишу себя жизни и самоубійствомъ уничтожу договоръ, отвѣчающій только за живаго? Вашъ страхъ напрасенъ, дѣти! Вотъ, смотрите: я бросаю кинжалъ и пистолеты и этотъ пузырекъ съ ядомъ, который мнѣ бы пригодился: я теперь такъ безсиленъ, что даже потерялъ власть надъ собственною жизнію. Что, все еще не рѣшаетесь! Или не думаете ли вы, что я буду защищаться, когда вы приметесь вязать меня? Смотрите! къ этому дубу привязываю я свою правую руку — теперь я беззащитенъ, ребѣнокъ меня свалить. Кто изъ васъ первый оставитъ въ нуждѣ своего атамана?

РОЛЛЕРЪ (*въ дикомъ волненіи*). И хотя бы самый адъ окружилъ насъ! (*машетъ шпагою*) Кто не пѣсъ, спасай атамана!

ШВЕЙЦЕРЪ (*разрываетъ прокламацію и бросаетъ клочки въ лицо Патеру*). Въ нашихъ пуляхъ пардонъ! Прочь, каналья! Скажи сенату, пославшему тебя, что въ шайкѣ Моора ты не нашелъ ни одного измѣнника. — Спасай, спасай атамана!

ВСѢ (*шумно*). Спасай, спасай, спасай атамана!

МООРЪ (*отрываясь отъ дерева, радостно*). Теперь мы свободны, товарищи! У себя въ кулакѣ я чувствую цѣлую армію. Смерть или свобода! Живые не дадимся имъ въ руки!

(*Трубятъ къ штурму. Шумъ и грохотъ. Всѣ уходятъ съ обнаженными саблями*).

ТРЕТІЙ АКТЪ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

АМАЛІЯ (въ саду играетъ на лютнѣ).

Добръ, какъ ангелъ, молодъ и прекрасенъ,
Онъ всѣхъ юношей прекраснѣй и милѣй;
Взглядъ его такъ кротокъ былъ и ясенъ,
Какъ сіянье солнца средь зыбей.

Отъ его объятій кровь кипѣла,
Сильно, жарко билась грудь о грудь,
Губы губъ искали — все темнѣло...
И душѣ хотѣлось къ небу льнуть.

Въ поцѣлуяхъ — счастье и мука:
Будто пламя съ пламенемъ шло въ бой,
Какъ два съ арфы сорванные звука
Въ звукъ одинъ сливаются порой, —

Такъ текли, текли они и рвались,
Губы, щеки рдѣли, какъ зоря,
Небеса съ землею расплавлялись,
Мимо насъ неслися, какъ моря.

Нѣтъ его! напрасно, ахъ, напрасно
Звать его слезами и тоской!
Нѣтъ его! — и все, что здѣсь прекрасно,
Вторить мнѣ и вздохомъ и слезой.

Францъ (входитъ).

Францъ. Опять здѣсь, упрямая мечтательница? Ты покинула веселый обѣдъ и унесла вмѣстѣ съ собою веселость гостей моихъ.

Амалія. Жаль этой невинной радости! Погребальная пѣснь должна бы звучать еще въ ушахъ твоихъ... твой отецъ...

Францъ. Ну, ты ужъ вѣчно съ своими жалобами! Оставь мертвыхъ почивать въ покоѣ и думай о живыхъ! Я прихожу...

Амалія. А когда уйдешь?

Францъ. О, не бросай на меня такихъ гордыхъ взглядовъ! ты огорчаешь меня, Амалія. Я прихожу, сказать тебѣ...

Амалія. Я должна поневолѣ слушать: Францъ фонъ-Мооръ сталъ нашимъ господиномъ.

Францъ. Именно объ этомъ я и хотѣлъ поговорить съ тобою. Максимилианъ опочилъ въ склепѣ отцовъ своихъ. Я сталъ полнымъ властелиномъ. Но мнѣ хотѣлось бы быть имъ совершенно, Амалія. Ты сама знаешь, чѣмъ ты была для нашего дома; воспитывалась ты, какъ дочь Моора; даже самую смерть пережила его любовь къ тебѣ, — этого ты, кажется, не можешь забыть?

Амалія. Никогда, никогда. Этого не забудешь и за веселымъ обѣдомъ и бокаломъ вина!

Францъ. За любовь отца, ты должна наградить дѣтей его. Карлъ умеръ... Ты удивляешься? голова кружится у тебя? Да, конечно въ этой мысли такъ много лестнаго, возвышеннаго, что она въ состояніи

вскружить даже женскую гордость. Францъ попираетъ ногами надежды самыхъ благородныхъ дѣвицъ; Францъ предлагаетъ бѣдной, безпомощной сиротѣ свое сердце, руку и съ нею все свое золото, всѣ свои замки и лѣса. Францъ, которому всѣ завидуютъ, котораго всѣ трепещутъ, добровольно объявляетъ себя рабомъ Амаліи.

Амалія. Зачѣмъ молнія не разорветъ языка твоего за эти дерзкія рѣчи! Ты убилъ жениха моего — и Амалія назоветъ тебя супругомъ? Ты...

Францъ. Не горячитесь, всемилостивѣйшая принцесса! Правда, Францъ не изгибается передъ тобою отчаяннымъ селадомомъ; правда, онъ не умѣетъ, подобно сладенькимъ пастушкамъ Аркадіи, повѣрять эху гротовъ и утесовъ свои любовныя жалобы... Францъ говоритъ, и, если ему не отвѣчаютъ, онъ — *приказываетъ*.

Амалія. Ты, ты приказываешь? мнѣ приказывать? — а если твои приказанія отошлютъ назадъ съ презрительнымъ смѣхомъ?

Францъ. Этого не будетъ. У меня есть еще прекрасное средство переломить гордость твою, упряmica. — Монастырь и келья!

Амалія. Браво! чудесно! и въ монастырь, и въ келью я скроюсь на вѣкъ отъ твоего василисковаго взгляда; буду думать, мечтать о моемъ Карлѣ. Скорѣй же въ твой монастырь, скорѣе въ твою келью!

Францъ. Ага! вотъ какъ! Берегись! Теперь ты сама научила меня искусству мучить тебя! Мой взглядъ, подобно огневласой фуріи, выбичуетъ изъ головы твоей эти вѣчныя мечтанія о Карлѣ; пугало-Францъ будетъ всякой разъ выглядывать изъ за образа твоего любимца, подобно заколдованному псу, стерегущему

подземные клады. . . Зà-волосы поташу я тебя къ алтарю; шпагой вырѣжу супружескую клятву изъ твоего сердца; силой овладѣю твоимъ дѣвственнымъ ложемъ, и твою гордую стыдливость низложу еще съ бѣльшею гордостію.

АМАЛІЯ (*даетъ ему пощечину*). Возьми это сперва въ приданое.

ФРАНЦЪ (*въ бѣшенствѣ*). Га! въ тысячу кратъ отомщу я за это! не супругой — этой чести ты нестоишь — наложницей моей ты будешь, и честныя крестьянки пальцами стануть показывать на тебя, когда ты только осмѣлишься выглянуть на улицу. Скрыпи зубами, бросай пламенные взоры! — меня веселитъ бѣшенство женщины; ты становишься отъ него только прекраснѣе, интереснѣе. Пойдемъ! — борьба съ тобой украсить мою побѣду и приправить для меня сладострастіе насильственныхъ объятій. Пойдемъ въ спальню! — я таю отъ нѣги... Ты должна идти со мною. (*хочетъ насильно увести ее*)

АМАЛІЯ (*падаетъ въ его объятія*). Прости меня, Францъ! (*только что онъ хочетъ обнять ее, какъ она выдерживаетъ у него шпагу и поспѣшно отскакиваетъ*) Видишь ли, злодѣй, что я съ тобой могу теперь сдѣлать! Я женщина, но бѣшенная женщина! Осмѣлся только — это желѣзо сей часъ проткнетъ твое похотливое сердце, и сама тѣнь моего дяди направитъ мою руку. Прочь! (*прогоняетъ его*)

АМАЛІЯ.

Ахъ, какъ хорошо мнѣ! Я дышу свободно... Я чувствовала себя сильною, какъ искрометный конь, бѣше

ною, какъ тигрица, преслѣдующая похитителя своихъ дѣтёнышей. Въ монастырь, сказалъ онъ... Благодарю тебя за эту вѣсть! Есть еще убѣжище для обманутой любви. Монастырь, — крестъ Спасителя: вотъ убѣжище обманутой любви. (*хочетъ идти*)

ГЕРМАНЪ (*робко входитъ*).

ГЕРМАНЪ. Фрейлейнъ Амалія! Фрейлейнъ Амалія!

АМАЛІЯ. Несчастный! Чего ты хочешь отъ меня?

ГЕРМАНЪ. Снимите гнетъ съ души моей, пока онъ не придавилъ её къ аду. (*бросается къ ногамъ ея*) Простите! простите! я васъ жестоко оскорбилъ, Фрейлейнъ Амалія!

АМАЛІЯ. Встань! Оставь меня! я ни о чемъ не хочу знать. (*хочетъ уйдти*)

ГЕРМАНЪ (*удерживая ея*). Нѣтъ! останьтесь! Клянусь Богомъ, клянусь вѣчнымъ Богомъ! — вы все узнаете!

АМАЛІЯ. Ни слова болѣе. — Я прощаю тебя. — Ступай себѣ съ Богомъ. (*хочетъ убѣжать отъ него*)

ГЕРМАНЪ. Но выслушайте... хоть одно слово — оно возвратитъ вамъ потерянный покой.

АМАЛІЯ (*оборачивается и съ удивленіемъ смотритъ на него*). Кто на небѣ и на землѣ можетъ возвратитъ мнѣ потерянный покой?

ГЕРМАНЪ. Одно мое слово... Выслушайте меня!

АМАЛІЯ (*сострадательно беретъ его руку*). Добрый человѣкъ, можетъ ли слово твое расторгнуть затворы вѣчности?

ГЕРМАНЪ (*встаетъ*). Карлъ живъ еще!

АМАЛІЯ (*вскрикивая*). Несчастный!

ГЕРМАНЪ. Да, живъ... Еще одно слово — вашъ дядя...

АМАЛІЯ (*бросаясь на него*). Ты лжешь!

ГЕРМАНЪ. Вашъ дядя...

АМАЛІЯ. Карлъ живъ еще?

ГЕРМАНЪ. И вашъ дядя.

АМАЛІЯ. Карлъ живъ?

ГЕРМАНЪ. Вашъ дядя также. Не выдайте меня. (*убѣгаетъ*)

АМАЛІЯ (*домо стоитъ, какъ окаменѣлая; потомъ дико вздрагиваетъ и бѣжитъ за нимъ*). Карлъ живъ еще!

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Берегъ Дуная.

РАЗБОЙНИКИ (*лежатъ на возвышеніи подъ деревьями; лошади пасутся въ долину*).

МООРЪ. Здѣсь отдохну я. (*бросается на землю*)
Всѣ члены во мнѣ будто разбиты. Языкъ высохъ.
(*Швейцеръ незамѣтно уходитъ*) Я бы попросилъ васъ зачерпнуть мнѣ пригоршню воды изъ того источника, но вы сами всѣ до смерти утомились.

ШВАРЦЪ. И вина нѣтъ болѣе ни капли.

МООРЪ. Взгляните, какая пышная жатва! Деревья ломаются подъ плодами; виноградникъ гнется подъ тяжелыми гроздами.

Гриммъ. Нынче урожайный годъ.

Мооръ. Ты думаешь? И такъ хоть одна капля пота вознаградится на этомъ свѣтѣ. Одна? Но ночью можетъ выпасть градъ и все уничтожить.

Шварцъ. Ничего нѣтъ мудренаго. Все можетъ погибнуть за нѣсколько часовъ до жатвы.

Мооръ. Объ этомъ-то я и говорю. Все можетъ погибнуть. Зачѣмъ человѣку удастся въ томъ, что онъ занялъ у муравья, когда несбывается то, что бы его сравняло съ богами? — или ужь не въ этомъ ли вся сила его назначенія?

Шварцъ. Не знаю.

Мооръ. Хорошо сказалъ, и еще лучше сдѣлалъ, если никогда не старался узнавать этаго! Другъ! я видалъ людей, ихъ пчелиныя заботы и ихъ исполинскіе проэкті; ихъ божественные планы и ихъ мышиныя занятія; всю эту чудесно-странную скачку за счастьемъ: одинъ поручаетъ себя быстротѣ коня, другой носу своего осла, третій своимъ собственнымъ ногамъ. Это пѣстрое лото жизни, гдѣ многіе закладываютъ невинность и свое небо, чтобъ только заставить клѣтки на своей картѣ, но все выходятъ нули... посмотришь, такъ шашекъ и вовсе не было. Это зрѣлище, другъ, вызываетъ у тебя слезы на глаза и, вмѣстѣ съ тѣмъ, щекочетъ грудную перепонку къ громкому смѣху.

Шварцъ. Какъ величественно закатывается солнце.

Мооръ (*погруженный въ созерцаніе*). Такъ умираетъ герой! Обожанія достойно!

Гриммъ. Ты тронуть?

Мооръ. Когда я былъ еще ребенкомъ — моей любимой мыслью было жить, какъ оно, какъ оно — умереть. (*съ подавленной горестью*) Это была ребяческая мысль!

Гриммъ. Да ужъ и вправду.

Мооръ (*закрываетъ шляпой лицо*). Было время!... Оставьте меня одного, товарищи.

Шварцъ. Мооръ! Мооръ! Что съ нимъ? онъ измѣнился въ лицѣ!

Гриммъ. Что за чортъ! что это съ нимъ? дурно, что ли?

Мооръ. Было время, когда я не могъ уснуть, не прочитавъ вечерней молитвы...

Гриммъ. Съ ума сошелъ ты, что ли? ужъ не хочешь ли читать себѣ проповѣди о своемъ дѣтствѣ?

Мооръ (*кладетъ голову на грудь Гримму*). Братъ, братъ!

Гриммъ. Да не будь же ребенкомъ — прошу тебя!

Мооръ. Еслибъ! — еслибъ могъ я имъ стать снова!

Гриммъ. Что ты? что ты?

Шварцъ. Развеселись. Полюбуйся этимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, этимъ прекраснымъ вечеромъ.

Мооръ. Да, друзья, міръ такъ чудесенъ!

Шварцъ. Вотъ это дѣло.

Мооръ. Земля такъ прекрасна.

Гриммъ. Дѣло, дѣло! давно бы такъ.

Мооръ (*вздрагивая*). А я такъ гадокъ въ этомъ чудесномъ мірѣ, а я чудовище на этой прекрасной землѣ.

Гриммъ. Боже мой! Боже мой!

Мооръ. Моя невинность! моя невинность! Взгляните, все выходитъ грѣться подъ мирными лучами весенняго солнца: я одинъ сосу муки ада изъ радостей неба! Все дышетъ счастіемъ, все такъ братски связано духомъ мира! Цѣлый свѣтъ, будто одно семей-

ство; на небѣ отецъ его — не *мой* отецъ. Я одинъ отчужденный, я одинъ изгнанный изъ среды праведныхъ; нѣтъ для меня сладкаго имени сына; нѣтъ для меня тающихъ взоровъ любви; нѣтъ, нѣтъ для меня жаркихъ объятій друга. (*съ ужасомъ подается назадъ*) Окруженъ убійцами — шипящими змѣями; прикованъ къ пороку желѣзною цѣпью; по шаткой жерди грѣха иду чрезъ пропасть гибели; среди цвѣтовъ счастливаго міра — горько-вопіющій Аббадона!

Шварцъ. Непостижимо! Въ первый разъ еще вижу его въ такомъ положеніи.

Мооръ (*горестно*). Еслибъ можно было возвратиться въ чрево матери! еслибъ я могъ родиться нищимъ! Нѣтъ! я не хотѣлъ бы ничего болѣе, праведное небо! — только бы сдѣлаться однимъ изъ поденщиковъ! О, я бы сталъ трудиться, такъ, что кровавый потъ капалъ бы съ лица моего; я выкупилъ бы себѣ сладострастіе послѣобѣденнаго сна, блаженство единственной слезы.

Гриммъ. Ну, слава Богу, пароксизмъ уменьшается.

Мооръ. Было время, когда онѣ такъ охотно текли изъ глазъ моихъ. О, вы, незабвенные дни мира! ты, древній отцовскій замокъ! вы, зеленую блестящія долины! О, вы, райскія сцены моего дѣтства! вы никогда не возвратитесь, никогда своимъ тихимъ дыханьемъ не прохладите моей огнедышащей груди. Ушли, ушли безвозвратно!

Швейцеръ (*съ водою въ шляпѣ*).

Швейцеръ. Пей, атаманъ! воды вволю и холодна, какъ ледъ.

Мооръ. Ты въ крови. Что тамъ еще съ тобою случилось?

Швейцеръ. Дуракъ... штука, которая чуть не стоила мнѣ обѣихъ ногъ и шеи. Какъ я шелъ по песчаному холму, что у самой рѣки, вдругъ — трахъ! и весь хламъ проваливается подо мною и я съ нимъ вмѣстѣ съ вышины десяти рейнскихъ футъ... Вотъ я и лежу тамъ въ трущобѣ; опомнившись, гляжу вокругъ и нахожу, братецъ ты мой, самую чистѣйшую воду. На этотъ разъ довольно плясать, подумалъ я, атаману пригодится.

Мооръ (*отдаетъ ему шляпу итираетъ кровь съ лица*). А то не видно рубцовъ, намѣченныхъ на твоёмъ лбу богемскими всадниками. Вода твоя хороша, Швейцеръ; эти рубцы къ тебѣ идутъ.

Швейцеръ. Вотъ! есть мѣсто еще хоть на три десятка.

Мооръ. Да, дѣти — было жаркое дѣло... и только одного мы лишились. Мой Роллеръ умеръ прекрасною смертію. Мраморный обелискъ поставили бы надъ его прахомъ, еслибъ только онъ не за меня умеръ. Довольствуйтесь и этимъ. (*утираетъ себѣ глаза*) А сколько съ непріятельской стороны осталось на мѣстѣ?

Швейцеръ. Сто шестьдесятъ гусаръ, девяносто три драгуна, около сорока егерей — всего триста человекъ.

Мооръ. Триста за одного! — Всякой изъ васъ имѣетъ право на этотъ черепъ. (*снимаетъ шляпу съ головы*) Такъ! поднимаю кинжалъ и клянусь моей живущей душою! Съ вами я никогда не разстанусь.

Швейцеръ. Не клянись! можетъ быть, ты еще

будешь счастливъ и станешь потомъ раскаяваться, что далъ клятву.

Мооръ. Клянусь прахомъ моего Роллера, я никогда не разстанусь съ вами!

Косинскій (*входитъ, озираясь*).

Косинскій (*про себя*). Мнѣ сказали, что они должны быть въ этомъ участкѣ. Эй! ого! это что за лица? Ну — какъ?... ужь не они ли? они, они!... Заговорю-ка съ ними.

Шварцъ. Ухо вострѣй: идетъ кто-то!

Косинскій. Господа... извините... не знаю, попалъ ли на слѣдъ я, или сбился?

Мооръ. А ктò мы по-вашему, когда вы на него напали.

Косинскій. Храбрые люди!

Швейцеръ. Полно — такъ ли, атаманъ?

Косинскій. Ищу людей, которые прямо смотрятъ въ лицо смерти, и играютъ съ опасностію, какъ съ ручной змѣею; ставятъ свободу выше чести и жизни... одно ихъ имя, сладкое для ушей бѣдныхъ и угнетенныхъ, заставляетъ трусить самыхъ храбрыхъ и блѣднѣть тирановъ.

Швейцеръ (*атаману*). Малый мнѣ нравится. Слушай, другъ! ты нашелъ, кого искалъ.

Косинскій. Да, я думаю и надѣюсь, что они скоро будутъ моими братьями. Такъ проводите меня къ тому, кого я ищу: къ вашему атаману, къ атаману изъ атамановъ — графу фонъ-Моору.

Швейцеръ (*съ жаромъ подаетъ ему руку*). Дружище! мы съ тобой на тѣхъ.

Мооръ (*приближаясь*). А вы знаете атамана?

Косинскій. Ты — атаманъ... въ твоёмъ лицѣ... кто-жь, увидя тебя, пойдётъ искать другого? (*пристально смотритъ на него*) Мнѣ всегда хотѣлось встрѣтиться съ уничижающимъ взглядомъ человѣка, сидѣвшаго нѣкогда на развалинахъ Кароагена: теперь я ужь не хочу этого.

Швейцеръ. Острый мальчикъ.

Мооръ. Что-жь васъ приводитъ ко мнѣ?

Косинскій. Ахъ, атаманъ! моя, болѣе нежели жестокая, судьба! Я потерпѣлъ крушеніе на бурномъ морѣ жизни; я видѣлъ, какъ мои надежды тонули въ страшной пучинѣ, и у меня ничего болѣе не остается, какъ воспоминаніе о ихъ потерѣ, которое могло бы свести меня съ ума, еслибъ я не старался подавлять этого воспоминанія хоть какою нибудь дѣятельностью.

Мооръ. Опять обвинитель Провидѣнія! Продолжайте.

Косинскій. Я сталъ солдатомъ: несчастіе и тутъ меня преслѣдовало... Отправился въ Остѣ-Индію: мой корабль разбился о подводные камни... Вездѣ — рушившіеся планы, обманутыя надежды! Наконецъ, я слышу: всѣ только и толкуютъ, что про твои подвиги, *злодѣянія*, какъ они ихъ называютъ, и вотъ я изъ за тридцать миль прихожу сюда съ твердымъ намѣреніемъ служить подъ твоимъ начальствомъ, если ты пріймешь мои услуги. Прошу тебя, достойный атаманъ, не откажи мнѣ въ этомъ!

Швейцеръ (*вспрыгивая*). Ура! ура! Такъ, стало быть, нашъ Роллеръ знатно замѣненъ! Лихой малый для нашей шайки!

Мооръ. Твое имя?

Косинскій. Косинскій.

Мооръ. Но знаешь ли, что ты, — легкомысленный ребенокъ, и важнымъ шагомъ своей жизни шутишь, какъ вѣтреная дѣвченка. Здѣсь не въ мячъ и кегли будешь играть ты, какъ воображаешь.

Косинскій. Знаю, что ты хочешь сказать. Мнѣ — двадцать четыре года, но я не разъ видѣлъ, какъ скрещались шпаги, и слышалъ, какъ свистали около меня пули.

Мооръ. А! это другое дѣло... Такъ ты за тѣмъ только учился фехтовать, чтобъ за какой нибудь талеръ зарѣзать бѣднаго путешественника, или исподтишка вонзить шпагу въ грудь женщины? Ступай! ступай! ты убѣждалъ отъ няньки, потому что она погрозила тебѣ розгою.

Швейцеръ. Кой чортъ, атаманъ! гдѣ у тебя голова? Отсылаешь назадъ такого Геркулеса? Такъ вотъ, кажется, и хочетъ прогнать маршала Де-Сакса за самый Гангъ суповою ложкою.

Мооръ. Потому только, что тебѣ не посчастливилось въ какихъ нибудь пустякахъ, ты хочешь сдѣлаться мошенникомъ, убійцею? — Убійство! ребенокъ, понимаешь ли ты это слово? Теперь ты спокойно отходишь ко сну, нарвавъ маковыхъ головокъ; но носить на душѣ убійство...

Косинскій. Я готовъ отвѣчать за каждое убійство, какое ты мнѣ поручишь.

Мооръ. А, ты ужъ такъ уменъ? хочешь лестью ловить людей? Но почему ты знаешь, что у меня нѣтъ дурныхъ сновъ, что на смертномъ одрѣ я не по-

блѣднѣю? Что сдѣлалъ ты до-сихъ-поръ такого, изъ за чего бы можно было подумать объ отвѣтственности?

Косинскій. Конечно, еще очень не много, но все же это путешествіе къ тебѣ, благородный графъ...

Мооръ. Ужъ не всучилъ ли тебѣ въ руки твой гувернеръ исторіи Робинъ-Гуда?... На галеры-бъ всѣхъ этихъ безпечныхъ каналій! Не она-ль такъ разгорячила твою дѣтскую фантазію, и заразила нелѣпымъ желаніемъ стать великимъ человѣкомъ? Тебя плѣняетъ громкое имя, почести? ты безсмертіе хочешь купить разбоемъ и грабежами? Замѣть, честолюбивый юноша, лавры не зеленѣютъ для убійцъ! Нѣтъ триумфа для побѣдъ бандитовъ... но проклятіе, опасность, смерть и срамъ. Видишь ли висѣлицу тамъ на холмѣ?

Шпигельбергъ (*въ негодованіи ходитъ взадъ и впередъ*). Ахъ, какъ глупо! Этимъ ничего не возьмешь! я иначе поступалъ.

Косинскій. Чего бояться тому, кто не боится смерти?

Мооръ. Славно! безподобно! ты хорошо учился, знаешь наизусть Сенеку. Но, любезный другъ, подобными изрѣченіями тебѣ не обморочить страждущей природы, никогда не притупить стрѣлъ горести. Обдумай хорошенько, сынъ мой! (*беретъ его руку*) Я совѣтую тебѣ, какъ отецъ: узнай сперва глубину пропасти, въ которую хочешь прыгнуть! Если въ свѣтѣ ты можешь еще уловить хоть одну радость... случатся минуты, когда ты пробудишься — и тогда, пожалуй, будетъ уже поздно. Ты выйдешь здѣсь изъ круга человѣчества... ты долженъ стать или вполне

человѣкомъ, или дьяволомъ. Еще разъ, сынъ мой! когда хоть искра надежды еще гдѣ-нибудь тлѣетъ для тебя, оставь нашъ ужасный союзъ, скрѣпленный отчаяніемъ, если только не высшею мудростью. Можно ошибаться, — повѣрь мнѣ, можно силою считать то, что на самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ отчаяніе... повѣрь *мнѣ, мнѣ!* и бѣги отъ насъ скорѣе.

Косинскій. Нѣтъ! теперь я ужь не разстанусь съ вами. Тебя не трогаютъ мои просьбы, такъ выслушай повѣсть о моемъ несчастіи. Ты самъ тогда насильно всунешь кинжалъ мнѣ въ руки, ты станешь... Сядьте всѣ здѣсь на травѣ и выслушайте сами.

Мооръ. Я готовъ тебя слушать.

Косинскій. И такъ, знайте: я богемскій дворянинъ, и по смерти отца моего сдѣлался владѣтелемъ значительнаго дворянскаго помѣстья. Страна была райская, потому что въ ней жилъ ангелъ — дѣвушка, украшенная всѣми прелестями юности, и цѣломудренная, какъ свѣтъ небесный. Но кому говорю я это? мои слова проходятъ мимо вашихъ ушей... вы никогда не любили, никогда не были любимы...

Швейцеръ. Молчи! атаманъ вспыхнулъ какъ пламя.

Мооръ. Перестань! Въ другой разъ расскажешь... завтра, когданибудь, или... когда я насмотрюсь на кровь.

Косинскій. Кровь, кровь!... слушай далѣе! Кровь, повторяю я тебѣ, наполнить всю твою душу... Она была мѣщанскаго происхожденія... нѣмка; но ея взоръ уничтожалъ предрасудки дворянства. Съ скромной застѣнчивостію приняла она обручальное кольцо изъ

рукъ моихъ, и на другой день я долженъ былъ вернуть мою Амалію къ алтарю.

Мооръ (*поспѣшно встаетъ*).

Косинскій. Среди упоеній меня ожидающаго блаженства, среди приготовленій къ свадьбѣ, меня вдругъ, черезъ нарочнаго, требуютъ ко двору. Я являюсь. Мнѣ показываютъ письма, которыя будто бы были писаны мною, и полныя предательскаго содержанія. Я покраснѣлъ со злости... у меня взяли шпагу, посадили въ тюрьму... всѣ чувства меня оставили.

Швейцеръ. А между тѣмъ... продолжай! я уже чую жаркое.

Косинскій. Тутъ я просидѣлъ цѣлый мѣсяцъ и самъ не зналъ, что будетъ со мною. Мнѣ было страшно за Амалію, которая изъ за меня каждую минуту умирала съ отчаянія. Наконецъ, является ко мнѣ первый министръ двора, поздравляетъ съ открытіемъ моей невинности въ приторно-сладкихъ выраженіяхъ, читаетъ мнѣ приказъ о моемъ освобожденіи и отдаетъ мнѣ шпагу. Въ восторгѣ лечу я въ свой замокъ, въ объятія Амаліи... она исчезла. Въ полночь еѣ увезли, никто не знаетъ куда, и съ тѣхъ поръ объ ней — ни слуху, ни духу. Га! будто молнія ударила въ мое сердце. Я лечу въ городъ, разузнаю при дворѣ... всѣ уставляли на меня глаза; никто не хотѣлъ дать отвѣта. Наконецъ вижу еѣ чрезъ потаенную рѣшетку во дворцѣ... она бросила мнѣ записочку...

Швейцеръ. Такъ я и думалъ!

Косинскій. Адъ и всѣ черти! ей дали на выборъ, или скоро узнать о моей смерти, или стать любовницей владѣтельнаго князя. Въ борьбѣ между честью и лю-

бовью она рѣшила въ пользу послѣдней... и (*съ хохотомъ*) я былъ спасенъ.

ШВЕЙЦЕРЪ. Что-жь ты сдѣлалъ?

КОСИНСКІЙ. Будто тысячу громовъ ударили въ меня! Кровь! было моею первою мыслию, кровь! — послѣднею. Съ пѣной у рта, бѣгу я домой, выбираю трехгранную шпагу, и стремглавъ къ министру, — потому что онъ былъ адскимъ сводникомъ. Меня, вѣроятно, ужъ замѣтили на улицѣ; не успѣлъ еще войти, какъ всѣ комнаты были ужъ заперты. Я ищу, спрашиваю, — одинъ отвѣтъ: уѣхалъ къ князю. Отправляюсь туда, и тамъ его нѣтъ. Возвращаюсь назадъ, ломаю двери, нахожу его, и только хочу... но тутъ пять, или шесть лакеевъ выскакиваютъ изъ засады и вырываютъ у меня шпагу.

ШВЕЙЦЕРЪ (*топнувъ ногою*). И ему это прошло даромъ? и ты ушелъ съ пустыми руками?

КОСИНСКІЙ. Я былъ схваченъ, судимъ, обвиненъ, съ потерей чести... замѣтьте, по *особенной* милости... съ потерей чести высланъ за границу; мои помѣстья отданы министру въ подарокъ, Амалія въ когтяхъ тигра вздыхаетъ и плачется на жизнь, а мое мщеніе должно поститься и сгибаться подъ игомъ насилія.

ШВЕЙЦЕРЪ (*вставая и махая саблей*). Это вода на нашу мельницу, атаманъ! можно похозяйничать!

МООРЪ (*ходившій все это время въ сильномъ волненіи взадъ и впередъ, быстро оборачивается къ разбойникомъ*). Я долженъ еѣ видѣть... Вставайте... собирайте все... Ты остаешься, Косинскій... коней — и въ походъ!

РАЗБОЙНИКИ. Куда? куда?

Мооръ. Куда? кто спрашиваетъ—куда? (*вспыльчиво Швейцеру*) Измѣнникъ, ты хочешь удержать меня? Но, клянусь надеждой на небо...

Швейцеръ. Я измѣнникъ? Въ адъ ступай, я за тобою!

Мооръ (*бросается ему на шею*). Братское сердце! ты за мною... Она плачетъ, она плачетъ, она жизни не рада. Вставай! скорѣе! Всѣ, во Франконію! Мы должны быть тамъ черезъ недѣлю.

(*уходятъ*)

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЪ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Сельское мѣстоположеніе около замка Мооровъ.

Разбойникъ Мооръ. Косинскій *(вдали)*.

Мооръ. Ступай впередъ и доложи обо мнѣ. Знаешь, что ты долженъ говорить?

Косинскій. Вы — графъ фонъ-Брандъ, ѣдете изъ Мекленбурга; я вашъ рейткнехтъ... Не безпокойтесь: ужь сыиграю свою роль. Прощайте. *(уходитъ)*

Мооръ. Привѣтъ тебѣ, родная земля! *(цѣлуетъ землю)* родное небо! родное солнце! и вы, луга и холмы и лѣса и потоки! всѣмъ, всѣмъ вамъ сердечный привѣтъ мой! Какъ сладокъ воздухъ, вѣющій съ горы моей родины! какою бальзамическою радостію наполняешь ты грудь бѣднаго бѣглеца! — Элизіумъ! поэтический міръ! Остановись, Мооръ! твоя нога въ священномъ храмѣ! *(подходитъ ближе)* Вотъ и ласочки гнѣзда на дворѣ замка, и садовая калитка, и тотъ заборъ, гдѣ ты такъ часто подстерегалъ и дразнилъ ловчаго... а вонъ и лужайка, гдѣ ты, герой Александръ,

вель своихъ Македонянъ въ атаку при Арбеллахъ, и
зеленый холмъ, съ котораго ты низвергъ персидскаго
сатрапа, — гдѣ высоко взвивалось твое побѣдное знамя!
(улыбается) Золотые, майскіе годы дѣтства снова
оживаютъ въ душѣ несчастнаго... Тогда ты былъ такъ
безоблачно-веселъ, — а теперь... всюду лежатъ облом-
ки твоихъ плановъ! Здѣсь ты долженъ былъ нѣкогда
жить великимъ, всѣми чтимымъ человѣкомъ; во вто-
рой разъ пережить свои дѣтскіе годы въ цвѣтущихъ
дѣтяхъ твоей Амаліи; быть идиоломъ своего народа...
Но злой духъ видно надулся на это! (вздрагиваетъ)
Зачѣмъ я пришёлъ сюда? Затѣмъ ли, чтобъ, по-
добно колоднику, звономъ желѣзной цѣпи пробудить
себя отъ сна о свободѣ. Нѣтъ, я уйду отсюда! Ко-
лодникъ позабылъ уже о свѣтѣ, но сонъ свободы
промелькнулъ передъ нимъ, будто молнія въ ночи,
и вокругъ него стало еще мрачнѣе. Простите, вы,
родныя долины! Нѣкогда видѣли вы мальчика Карла,
и мальчикъ Карлъ былъ счастливый мальчикъ. Те-
перь видите мужа — и онъ въ отчаяніи... (быстро
оборачивается, чтобъ идти, но вдругъ останавли-
вается и грустно смотритъ на замокъ) Не взгля-
нуть на неё!... ни одного взгляда... и только одна стѣ-
на между мной и Амаліей!... Нѣтъ! я долженъ её ви-
дѣть... долженъ его... (оборачивается) Батюшка!
батюшка! твой сынъ идетъ къ тебѣ. Прочь, чѣрная,
дымящаяся кровь! прочь, тусклый, дрожащій, ужасный
взглядъ смерти! Только на этотъ часъ оставьте меня
въ покоѣ!... Амалія! батюшка! твой Карлъ идетъ къ
тебѣ! (быстро подходит къ замку) Мучьте меня
съ разсвѣтомъ дня, не отставайте отъ меня съ прихо-
домъ ночи, терзайте въ страшныхъ сновидѣніяхъ, —

только не отравляйте этого послѣдняго наслажденія!...
(*стоитъ у воротъ*) Что это со мною? что это,
Мооръ? Мужайся!... Трепетъ смерти... предчувствіе
чего то страшнаго... (*входитъ въ ворота*)

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Галлерей въ замкѣ.

Разбойникъ Мооръ. Амалія (*входятъ*).

Амалія. И вы думаете, что узнаете его между
этими портретами?

Мооръ. О, навѣрное. Его образъ жилъ всегда въ
моемъ сердцѣ. (*смотритъ на портреты*) Не этотъ.

Амалія. Угадали. Это родоначальникъ графскаго
дома: онъ получилъ дворянство отъ Барбаруссы за от-
личіе въ дѣлѣ противъ пиратовъ.

Мооръ (*все еще пересматривая по одиночкѣ
портреты*). И не этотъ, и это не онъ, и этотъ так-
же... его нѣтъ между ними.

Амалія. Какъ? Посмотрите хорошенько. А я ду-
мала, что вы его знали.

Мооръ. Моего отца я не лучше знаю! Этому не-
достаешь кроткой черты около губъ, которая изъ ты-
сячи заставила-бъ узнать его, — это не онъ.

Амалія. Вы меня удивляете. Какъ? восемнадцать
лѣтъ не видать, и...

Мооръ (*быстро, съ пламеньющими щеками*).
Вотъ онъ! (*стоитъ, будто пораженный громомъ*)

Амалія. Рѣдкій человѣкъ!

Мооръ (*углубленный въ созерцаніе*). Батюшка! батюшка! прости меня!... Да, рѣдкій человѣкъ! (*утираетъ глаза*) Божественный человѣкъ!

Амалія. Вы, кажется, принимаете въ немъ большое участіе!

Мооръ. О, удивительный человѣкъ!... И его не стало?

Амалія. Онъ умеръ, какъ умираютъ наши лучшія радости. (*дотрогиваясь до руки его*) Графъ, нѣтъ счастья подъ солнцемъ!

Мооръ. Правда, правда! Но неужли и васъ коснулось это печальное испытаніе? Вамъ нѣтъ еще и двадцати-трехъ лѣтъ.

Амалія. А я уже это испытала. Все живетъ для одной печальной смерти. Мы для того только и гонимся за счастьемъ, для того и наживаемъ его, чтобъ потомъ потерять все нажитое.

Мооръ. И вы уже потеряли кого нибудь?

Амалія. Никого!... все!... никого!... Пойдемте далѣе, графъ.

Мооръ. Такъ скоро? Чей это портретъ, вотъ тамъ на право? Мнѣ кажется, у него пренесчастная фizioномія.

Амалія. На лѣво? — это сынъ графа, теперешній владѣтель... Пойдемте, пойдемте!

Мооръ. Но этотъ портретъ на право?...

Амалія. Вамъ не угодно идти въ садъ?

Мооръ. Но этотъ портретъ направо?... Ты плачешь, Амалія?

Амалія (*поспѣшно уходитъ*).

Мооръ.

Она любить меня! она любить меня! Все въ ней начинало возмущаться, слезы предательски катились съ рѣсницъ... Она любить меня! Несчастный, заслуживаешь ли ты это? Не стою ли я здѣсь, какъ осужденный передъ позорною плахой? Не здѣсь ли вмѣстѣ съ нею я утопалъ въ восторгѣ? Не это ли комната отца моего? (*содрогаясь передъ портретомъ отца*) Ты... ты... Пламя изъ глазъ твоихъ... Проклятіе, проклятіе, отверженіе! — гдѣ я? Ночь передъ моими глазами... Боже!... я, я убилъ его! (*опрометью выбѣгаетъ*)

Францъ фонъ-Мооръ (*погруженный въ размышленіе*).

Прочь, ненавистный образъ! прочь! Низкій трусъ, чего трепещешь ты? и передъ кѣмъ? Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ графъ въ моемъ замкѣ, мнѣ все кажется, что какой-то адскій шпіонъ крадется по пятамъ моимъ. . Я, какъ будто, его гдѣ-то видѣлъ! Въ его дикомъ, загорѣломъ лицѣ есть что-то величественное, знакомое, бросающее меня въ трепетъ... И Амалія неравнодушна къ нему: кидаетъ на него свои сладко-томные взоры, на которые, я знаю, она очень и очень скупа. Или я не замѣтилъ, какъ она уронила воровскую слезу въ вино, и онъ за моею спиною такъ жадно выпилъ его, какъ будто хотѣлъ проглотить вмѣстѣ съ бокаломъ? Да, я это видѣлъ, въ зеркалѣ видѣлъ своими собственными глазами. Ого, Францъ! берегись! здѣсь кроется чреватое гибелью чудовище! (*пристально*

смотритъ на портретъ Карла) Его длинная, гусиная шея, его черные, пламенные глаза... гм! гм!... его густыя, нависшія брови. *(внезапно содрагаясь)* Адъ крошечный! не ты ли насылаешь на меня это предчувствіе? Это Карлъ! Да, теперь черты его, какъ будто, ожили въ моей памяти... Это онъ! не взирая на маску... это онъ! это онъ! Смерть и проклятіе! *(ходитъ взадъ и впередъ)* Развѣ я для того не спалъ ночи, для того сдвинулъ утесы и сровнялъ пропасти, для того возмутился противъ всѣхъ инстинктовъ чело-вѣчества, чтобъ послѣ этотъ неуклюжій бродяга про-рвалъ мои искусныя сѣти? Увидимъ!... еще немно-го труда... Я и безъ того погрязъ по уши въ смерт-ныхъ грѣхахъ, такъ что, право, было бы глупо плыть назадъ, когда берегъ сзади ужъ почти скрылся изъ ви-ду... О возвращеніи нечего и думать. Самое милосер-діе пошло бы по міру, безпредѣльное состраданіе ока-залось-бы банкротомъ, еслибы они вздумали поручить-ся за долги мои... И такъ — впередъ, какъ слѣдуетъ мужчинѣ! *(звонитъ)* Пусть уберется онъ сперва къ отцамъ, а потомъ ужъ приходитъ! Мертвые мнѣ не страшны. Даніель! эй, Даніель! Бьюсь объ закладъ, что они и его противъ меня вооружили! Онъ ужъ что-то таинственно смотритъ.

ДАНІЕЛЬ *(входитъ)*.

ДАНІЕЛЬ. Что прикажете, милостивый графъ?

ФРАНЦЪ. Ничего. Налей мнѣ бокаль вина, да скорѣе! *(Даніель уходитъ)* Подожди, старикъ, я пой-маю тебя; однимъ взглядомъ проникну тебя, такъ что твоя оторопѣлая совѣсть поблѣднѣетъ подъ маскою.

Онъ долженъ умереть! Тотъ жалкій ротозѣй, кто, доведя работу до половины, отступаетъ и праздно глазѣетъ, что изъ нея будетъ?

ДАНІЕЛЬ (*съ виномъ*).

ФРАНЦЪ. Поставь сюда. Смотри мнѣ прямо въ глаза. У тебя трясутся колѣна! какъ!... ты дрожишь! Признавайся, старикъ, — что ты сдѣлалъ?

ДАНІЕЛЬ. Ничего, ваша милость... какъ Богъ живъ и бѣдная душа моя!

ФРАНЦЪ. Выпей это вино! Что? ты не рѣшаешься? Признавайся, что ты подсыпалъ въ вино?...

ДАНІЕЛЬ. Оборони Господи! что вы! я — въ вино?...

ФРАНЦЪ. Яду подсыпалъ ты въ вино! ты блѣденъ, какъ снѣгъ? Признавайся, признавайся! Кто далъ его тебѣ? Не правда-ль... графъ? графъ далъ тебѣ его?

ДАНІЕЛЬ. Графъ? Jesus Maria! Графъ мнѣ ничего не давалъ.

ФРАНЦЪ (*наступаетъ на него*). Я задую тебя, сѣдой обманщикъ! Ничего? А что у васъ за шашни? Онъ, ты и Амалія? И о чемъ вы все шепчетесь? Признавайся, что за тайны, что за тайны онъ тебѣ повѣрилъ?

ДАНІЕЛЬ. Богъ свидѣтель, онъ никакихъ тайнъ не повѣрялъ мнѣ.

ФРАНЦЪ. Ты еще запираешься? Какіе замыслы вы тамъ строите, чтобъ отправить меня на тотъ свѣтъ? Не такъ ли? — Удавить меня хотѣли во время сна? Подговорили цирюльника меня зарѣзать, когда стану бриться? Въ винѣ или шоколадѣ... признавайся, при-

знавайся! или въ супѣ задумали поподчивать меня вѣчнымъ сномъ? Признавайся! я все знаю.

Даніель. Да отступится Богъ отъ меня, если я не говорю вамъ чистѣйшей правды.

Францъ. На этотъ разъ, я тебѣ прощаю. Но я готовъ прозакладывать свою голову, если онъ не всучилъ тебѣ денегъ, не пожалъ сильнѣе обыкновеннаго руки твоей? хоть такъ на примѣръ, какъ жмутъ своимъ стариннымъ знакомцамъ?

Даніель. Никогда, милостивый графъ!

Францъ. Или не говорилъ, на примѣръ, что онъ тебя, какъ будто, знаетъ? что ты его также долженъ знать? что когда нибудь спадетъ завѣса съ глазъ твоихъ? что... Какъ, неужели онъ никогда не говорилъ тебѣ чего-нибудь подобнаго?

Даніель. Ни словечка.

Францъ. Что извѣстныя обстоятельства его принуждаютъ?... что часто приходится надѣвать маску, чтобъ обмануть враговъ?... что онъ отомститъ за себя, жестоко отомститъ?...

Даніель. И не пикнулъ обо всемъ этомъ.

Францъ. Какъ? ничего подобнаго? Подумай хорошенько. Что онъ зналъ покойнаго барина? особенно коротко зналъ?... что онъ любилъ его, очень любилъ, какъ сынъ любилъ?...

Даніель. Кое что я слышалъ... кажется, говорилъ...

Францъ (*поблѣднѣвъ*). Говорилъ, въ самомъ дѣлѣ говорилъ? Какъ же, рассказывай скорѣе! Не говорилъ ли онъ, что я братъ его?

Даніель (*пораженный*). Что, милостивый графъ? Нѣтъ, этого онъ не говорилъ. Но, когда барышня во-

дила его по галлерей — я обмахивалъ пыль съ рамокъ — онъ вдругъ остановился передъ портретомъ покойнаго барина, будто громомъ пораженный. Вотъ барышня и сказала: рѣдкій человѣкъ! Да, рѣдкій человѣкъ! отвѣчалъ онъ, утирая глаза.

Францъ. Слушай Даніель! Ты знаешь, для тебя я былъ всегда милостивымъ господиномъ, кормилъ, одѣвалъ тебя, щадилъ, сколько могъ, твою слабую старость...

Даніель. Да наградить Господь Богъ васъ за это! а я всегда служилъ вамъ вѣрою и правдою.

Францъ. Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить съ тобою. Во всю свою жизнь ты еще ни въ чемъ мнѣ не противорѣчилъ, затѣмъ, что обязанъ мнѣ неограниченнымъ послушаніемъ во всемъ, что я ни прикажу тебѣ.

Даніель. Во всемъ, что только не противно Богу и совѣсти.

Францъ. Дудки, дудки! И тебѣ не стыдно? Старикъ, а вѣрить святочнымъ сказкамъ! Прочь, братецъ, съ этими глупыми мыслями. Вѣдь я господинъ. Меня накажутъ Богъ и совѣсть, если только они существуютъ — твой Богъ и совѣсть.

Даніель (*всплеснувъ руками*). Царь ты мой небесный!

Францъ. Во имя твоего повиновенія... понимаешь ли это слово? во имя твоего повиновенія приказываю я тебѣ, чтобъ завтра же не было въ живыхъ твоего графа.

Даніель. Господи прости меня грѣшнаго! да за что же?

Францъ. Во имя твоего слѣпаго повиновенія!... И въ этомъ я на тебя полагаюсь.

Даніель. На меня? Мать, пресвятая Богородица! На меня? Въ чемъ согрѣшилъ я окаянный?

Францъ. Тутъ нечего долго думать; твоя судьба въ моихъ рукахъ. Что хочешь? — или томиться цѣлую жизнь въ самомъ глубокомъ изъ моихъ башенныхъ подваловъ, гдѣ голодъ заставитъ тебя глотать собственныя кости, и жажда — пить собственную воду? или въ мирѣ и покоѣ доживать свой вѣкъ?

Даніель. Какъ сударь? въ мирѣ и покоѣ... а убійство-то?

Францъ. Отвѣчай на вопросъ мой!

Даніель. Мои сѣдины! о, мои сѣдины!

Францъ. Да, или нѣтъ?

Даніель. Нѣтъ! Господь спаси меня и помилуй!

Францъ (*какъ будто хочетъ уйдти отъ него*). Хорошо! это ты скоро испытаешь! (*Даніель удерживаетъ его и падаетъ предъ нимъ на колѣна*)

Даніель. Сжальтесь, сжальтесь!

Францъ. Да, или нѣтъ?

Даніель. Милостивый графъ, мнѣ ужъ семьдесятъ первый годъ! Я чтилъ отца и мать и въ жизнь свою никого съ намѣреніемъ не обманулъ ни на грошъ; и вѣрилъ въ Бога и святую церковь свято и не ложно; и служу въ вашемъ домѣ ужъ сорокъ четыре года, и жду спокойно приближенія смерти. Ахъ, ваше сіятельство, (*съ жаромъ обнимаетъ его колѣна*) и вы хотите отнять у меня послѣднее утѣшеніе въ часъ смерти, хотите, чтобъ червь совѣсти прогналъ съ устъ моихъ послѣднюю молитву, чтобъ я отошелъ, какъ чудовище передъ Богомъ и людьми! Нѣтъ, нѣтъ, мой золотой, дорогой, любезный господинъ! вы этого не захотите, вы этого не можете хотѣть отъ семидесяти-лѣтняго старика.

Францъ. Да, или нѣтъ! къ чему вся эта болтовня?

Даніель. Я буду вамъ еще ревностнѣе служить, буду дряхлыми руками, какъ поденьщикъ, для васъ работать, буду раньше вставать, буду позже ложиться, буду молиться за васъ денно и нощно, и Богъ неотрицетъ молитвы старика.

Францъ. Послушаніе паче жертвы. Слыхалъ ли ты когда нибудь, чтобъ палачъ наряжался передъ казнію?

Даніель. Такъ, такъ! но загубить невинную душу... загубить...

Францъ. Я не обязанъ давать тебѣ отчета! Развѣ топоръ спрашиваетъ у палача, зачѣмъ такъ, а не этакъ? Но — видишь, какъ я милостивъ къ тебѣ — я предлагаю еще тебѣ награду за то, что ты и безъ того обязанъ сдѣлать.

Даніель. Но я надѣялся остаться христіаниномъ до самой смерти.

Францъ. Безъ отговорокъ. Я даю тебѣ цѣлый день на размышленіе. Подумай хорошенько. Счастіе или бѣда... слышишь ты? понимаешь? Величайшее счастіе, или ужасныя муки!... Я превзойду себя въ пыткахъ.

Даніель *(послѣ нѣкотораго размышленія)*. Хорошо: завтра все будетъ исполнено. *(уходитъ)*

Францъ.

Искушеніе было сильно, и бѣднякъ не родился быть мученикомъ за вѣру... На здоровье, господинъ графъ! По всей вѣроятности, завтра ввечеру вы будете фигурировать на томъ свѣтѣ. Все зависитъ оттого, какъ кто смотритъ на вещи; и тотъ прямой дуракъ, кто не видитъ своихъ выгодъ. Отца, который вышьетъ за ужи-

номъ лишній бокаль вина, ни съ того ни съ другого начинается разбирать, и изъ этого происходитъ человекъ. А человекъ былъ ужъ навѣрно послѣднею вещію, о которой думали въ продолженіе этой геркулесовской работы. Вотъ теперь меня также начинается разбирать — и оттого околѣетъ человекъ; и ужъ конечно тутъ болѣе ума и цѣли, нежели было при его зачатіи. Если рожденіе человека — дѣло случая или скотской похоти, можно ли считать важнымъ и уничтоженіе его! Проклятіе на бессмысленность нашихъ нянекъ и кормилицъ, которыя страшными сказками только портятъ нашу фантазію, и на мягкомъ мозгу напечатлѣваютъ страшные образы наказаній на томъ свѣтѣ, такъ что невольное содраганіе пробѣгаетъ по членамъ человека, смѣлая рѣшительность притупляется, и разумъ падаетъ подъ цѣпями суевѣрнаго мрака. *Убійство!* цѣлый адъ фурій кружится около этого слова! Природа позабыла произвести лишняго человека: пупокъ былъ неловко перевязанъ повивальной бабкой, — и всѣ эти страшные призраки исчезли. Было что-то, и стало ничѣмъ, а изъ ничего нѣчего и словъ терять. Человекъ рождается изъ грязи, бродитъ нѣкоторое время по грязи, самъ дѣлаетъ грязь, и потомъ гніетъ въ грязи, пока наконецъ самъ грязью не пристанетъ къ подошвѣ своего праправнука. Вотъ и вся пѣсня — грязный кругъ человѣческаго назначенія. Затѣмъ — счастливый путь, любезный братецъ! Жолчный, больной моралистъ — совѣсть можетъ, пожалуй, гонять старыхъ дѣвокъ изъ непотребныхъ домовъ, или на смертномъ одрѣ мучить стараго ростовщика... У меня онъ никогда не получитъ аудіенціи. (*уходитъ*)

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Другая комната въ замкѣ.

РАЗБОЙНИКЪ МООРЪ (*съ одной*), ДАНИЕЛЬ (*съ другой стороны*).

МООРЪ (*быстро*). Гдѣ Амалія?

ДАНИЕЛЬ. Ваше сіятельство! позвольте бѣдному человѣку обезпокоить васъ покорною просьбою.

МООРЪ. Изволь, — чего ты хочешь?

ДАНИЕЛЬ. Немногого и всего... такъ мало и вмѣстѣ такъ много... Позвольте мнѣ поцѣловать вашу руку!

МООРЪ. Нѣтъ, добрый старикъ! (*обнимаетъ его*) Ты мнѣ годишься въ отцы.

ДАНИЕЛЬ. Вашу руку, вашу руку... прошу васъ.

МООРЪ. Полно, полно.

ДАНИЕЛЬ. Я долженъ... (*схватываетъ его руку, смотритъ на нее и вдругъ бросается передъ нимъ на колѣни*) Милый, дорогой Карлъ!

МООРЪ (*пугается, потопивъ прійдя въ себя, сухо*). Что съ тобой, другъ мой? Я тебя не понимаю.

ДАНИЕЛЬ. Хорошо, хорошо! запирайтесь, притворяйтесь, пожалуй! Вы все таки — мой дорогой баринъ. Господи ты Боже мой, и мнѣ старику такая радость! Какой же я болванъ, что сей часъ васъ... ахъ, Царь ты мой небесный! Вотъ вы и возвратились... а старый-то баринъ уже подъ землею... вотъ и возвратились... Слѣпой осель я эдакой, (*ударяетъ себя кулакомъ по лбу*) что васъ въ первый же мигъ... ахъ ты Госп...

Кому могло и въ голову то прійти! — А вѣдь слезно молился объ этомъ... Jesus Christus! Вѣдь живѣхонекъ стоитъ передо мною.

Мооръ. Что это за странныя рѣчи? Чтò ты, въ бѣлой горячкѣ, что ли? или роль какую пробуешь надо мною.

Даніель. Чтò вы это, Господь съ вами? что вы это? Не хорошо смѣяться такъ надъ старымъ слугою. А рубецъ-то позабыли? Господи ты Боже мой! какъ же вы меня тогда перепугали!... Я васъ всегда такъ любилъ, а вы какую было напасть взвели тогда на меня. Сидѣли у меня на колѣнахъ... помните? — тамъ въ круглой комнатѣ... Биться готовъ, что позабыли... и кукушку, что васъ, бывало, такъ забавляла? Представьте, и кукушку разбили, въ черепки разбили... старая Сусанна мела горницу и разбила... Да, вотъ такъ и сидѣли у меня на колѣнахъ, да какъ вскрикните вдругъ: Готто! а я и побѣги вамъ за лошадкой... Господи ты Боже мой! и зачѣмъ я старый осель побѣжалъ-то? — и ужъ какъ же забѣгали мурашки у меня по кожѣ, какъ услышалъ я крикъ-то, бѣгу назадъ, какъ сумасшедшій, а кровь-то такъ и течетъ, а вы-то сами на полу... Мать, Пресвятая Богородица! какъ будто кто ведро холодной воды опрокинулъ мнѣ на спину... Вотъ всегда такъ бываетъ, если не смотришь въ оба за дѣтьми. Ну, кабы въ глазокъ попало, Боже сохрани и помилуй!... Вѣдь и то, какъ нарочно, въ правую ручку. Въ жизнь мою, говорю, не дамъ ужъ дитяти ножика, или ножницъ, или чего нибудь остраго, въ руки, говорю я... еще къ счастію барина и барыни не было дома... Да, да, на всю жизнь впередъ наука, говорю я. Шутка-ль это, шутка-ль это! Вѣдь выгна-

ли бы меня, пожалуй, старика изъ дому... пожалуй!... Богъ прости васъ! упрямое дитя вы эдакое... Но, слава Богу! зажило благополучно, только рубчикъ остался.

Мооръ. Ни слова не понимаю изъ того, что ты говоришь мнѣ.

Даніель. Ладно, ладно! Было время!... Какъ часто, бывало, пряничекъ, или бисквитъ тайкомъ вамъ подсунешь. Ужь любилъ я васъ, нечего сказать! А помните, что вы мнѣ еще тамъ сулили въ конюшнѣ, какъ я, бывало, каталъ васъ по лугу на графской лошади? «Даніель», говорили вы, «подожди, выросту большой, Даніель, сдѣлаю тебя своимъ управляющимъ; будешь ѣздить со мной въ каретѣ.» — Да, сказалъ я, смѣясь, когда Богъ дастъ жизнь и здоровье, и вы не постыдитесь старика, сказалъ, я у васъ попрошу мнѣ очистить домикъ въ деревнѣ, что давно ужъ пустѣхонекъ стоитъ; тамъ я завелъ бы ведеръ съ двадцать вина и сталъ бы хозяйничать на старости лѣтъ. — Ладно, смѣйтесь, смѣйтесь! Ахъ, все то вы позабыли!... старика ужъ и знать не хотятъ; стали горды, знатны... но вы все таки мой дорогой господинъ! Правда, рѣзвы вы были... ужъ не взыщите! но чтожь ты будешь дѣлать съ молодою кровью? Авось, съ помощію Божію, все къ лучшему уладится.

Мооръ (*надаётъ къ нему на шею*). Да, Даніель! не хочу болѣе скрываться! Я твой Карлъ, твой погибшій Карлъ. Что моя Амалія?

Даніель (*начинаетъ плакать*). И мнѣ, старому грѣшнику, такая радость!... Покойный графъ понапрасну только плакалъ... На покой, на покой, сѣдая голова! дряхлыя кости убирайтесь съ радостію въ мо-

гилу!... Нынѣ отпускаеши по глаголу твоему съ миромъ, яко видѣста очи мои...

Мооръ. И я сдержу то, что обѣщаль тебѣ: возьми это себѣ, честный старикъ, за верховую лошадь. (*даетъ ему тяжелый кошелекъ*) Я не позабылъ тебя.

Даніель. Что вы это? что вы это? Слишкомъ много... вы вѣрно ошиблись.

Мооръ. Не ошибся, Даніель. (*Даніель хочетъ упасть ему въ ноги*) Встань! Скажи-ка мнѣ, что Амалія?...

Даніель. Божія милость, Божія милость!... Ахъ ты пресвят... Ваша Амалія? о, она не переживетъ этого: она умретъ съ радости!

Мооръ (*въ волненіи*). Она не забыла меня?

Даніель. Забыла? Да что это вы, Богъ съ вами, опять городите? васъ позабыла? — вотъ самимъ бы вамъ посмотрѣть, какъ она билась тогда, сердечная, какъ пришла вѣсть о вашей смерти, что распустилъ нашъ баринъ...

Мооръ. Что говоришь ты — мой братъ?...

Даніель. Да, вашъ братецъ, нашъ господинъ, вашъ братецъ... Въ другой разъ на досугъ расскажу вамъ поболѣе... И ужъ какъ она его отщелкивала, когда онъ, бывало, всякой Божій день дѣлалъ ей предложеніе выйти за него замужъ. Но мнѣ нужно идти къ ней, рассказать ей... принести ей радостную вѣсточку... (*хочетъ идти*)

Мооръ. Стой! стой! Она не должна этого знать! Никто не долженъ знать, также и братъ мой...

Даніель. Вашъ братецъ? Нѣтъ, Боже упаси, онъ не долженъ знать этого! Онъ не долженъ... если

только ужь не знаетъ болѣе, чѣмъ нужно... О, говорю вамъ, есть жестокіе люди, жестокіе братья, жестокіе господа... но я, за все золото моего господина, не хочу быть жестокимъ слугою... Нашъ баринъ думалъ, что вы умерли.

Мооръ. Гм! что ты ворчишь тамъ?

Даніель (*шепотомъ*). И когда такъ непрошено, незвано воскресаютъ... Вашъ братецъ былъ послѣ покойнаго графа единственнымъ наслѣдникомъ.

Мооръ. Старикъ! Что ты бормочешь тамъ, какъ будто чудовищная тайна вертится на языкѣ твоёмъ и не хочетъ съ него сорваться? Говори яснѣе!

Даніель. Но скорѣй соглашусь съ голоду глотать собственные кости, и съ жажды пить собственную воду, чѣмъ заслужить счастье и изобиліе убійствомъ.
(*поспѣшно уходитъ*)

Мооръ (*выходя изъ ужаснаго молчанія*).

Обмануть! обмануть! Будто молніей освѣтило мнѣ душу. Плутовскій обманъ! Адъ и небо! Не ты, отецъ мой!... Плутовской обманъ! Убійца, разбойникъ чрезъ одинъ плутовскій обманъ! Очерненъ передъ нимъ! подмѣненные письма... Полно любви его сердце... О, я чудовище, глупецъ!... Полно любви его родительское сердце... О, мошенничество, мошенничество!... Мнѣ стоило бы только упасть къ ногамъ его, одной слезы моей было бы довольно... О, я слѣпой, слѣпой, слѣпой глупецъ! (*ударяясь о стѣну*) Я бы могъ быть счастливымъ... О, подлая, подлая штука! Счастье моей жизни мошеннически, мошеннически разрушено! (*въ бѣшенствѣ бѣгаетъ назадъ и впередъ*) Убійца,

разбойникъ! — черезъ плутовской обманъ!... Онъ даже и не сердился; — и мысль о проклятіи не закрадывалась въ его сердце... О, злодѣй! непонятный, низкій, ужасный злодѣй!

Косинскій (*входитъ*).

Косинскій. Ну, атаманъ, гдѣ ты это пропадаешь? Ты, какъ вижу, и не думаешь объ отъѣздѣ.

Мооръ. Сѣдлай лошадей. До заката солнца мы должны быть за границей.

Косинскій. Ты шутишь?

Мооръ (*повелительно*). Живѣй, живѣй! Нечего долѣе медлить... все брось... чтобъ никто тебя не замѣтилъ. (*Косинскій уходитъ*)

Мооръ.

Я бѣгу отсюда. Малѣйшее замедленіе можетъ привести меня въ бѣшенство... а онъ сынъ моего отца... Братъ, братъ! Ты сдѣлалъ меня несчастнѣйшимъ человекомъ на землѣ. Я никогда не оскорблялъ тебя; ты поступилъ не по-братски... Пожинай спокойно плоды твоего злодѣйства; мое присутствіе да не отравляетъ болѣе твоего наслажденія... Но это было не по-братски. Мракъ да покроетъ навѣки это дѣло, и смерть да не обличитъ его.

Косинскій (*возвращается*).

Косинскій. Лошади осѣдланы — можете ѣхать когда угодно.

Мооръ. Какъ ты скоро... К чему такая поспѣшность? И я ее не увижу болѣе?

Косинскій. Если хочешь, я сейчасъ разсѣдлаю... самъ же приказалъ спѣшить, сломя голову.

Мооръ. Еще разъ только!.. одно, послѣднее прости!... я долженъ, долженъ до дна выпить ядъ этого блаженства, а тамъ... Послушай, Косинскій, десять минутъ только... Жди меня у садовой калитки — и мы поскачемъ.

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА.

Въ саду.

Амалія.

Ты плачешь, Амалія? — и это сказалъ онъ такимъ голосомъ, такимъ голосомъ... мнѣ показалось, что вся природа помолодѣла... былая весна любви расцвѣла предо мной съ этимъ голосомъ. Соловей заливался, какъ прежде, цвѣты благоухали, какъ прежде, и я, упоенная блаженствомъ, лежала въ его объятіяхъ. Га! лживое, коварное сердце! какъ ты умѣешь раскрашивать свою измѣну! Нѣтъ, нѣтъ! прочь изъ души моей кощунственный образъ! Я не измѣню своей клятвѣ, ты мой единственный! Прочь изъ души моей, вы, предательскія, безбожныя желанія! Въ сердцѣ, гдѣ царствуетъ Карлъ, нѣтъ мѣста для другого... Но отчего же душа моя, противъ воли, стремится къ этому при-

шельцу? Онъ такъ не 'разрывно слился съ образомъ моего Карла! сталъ вѣчнымъ спутникомъ моего Карла! Ты плачешь, Амалія? Га, я убѣгу отъ него! — убѣгу!... Никогда глаза мои не увидятъ его...

Разбойникъ Мооръ (*отворяетъ садовую калитку*).

Амалія (*содрогается*). Чу! чу! скрипъ двери! (*видитъ Карла и хочетъ бѣжать*) Онъ? куда мнѣ?... Будто кто приковалъ меня къ этому мѣсту: хочу и не могу бѣжать. Не оставь меня, Отецъ небесный! Нѣтъ, ты не вырвешь у меня моего Карла! Въ душѣ моей нѣтъ мѣста для двухъ боговъ, а я слабая дѣвушка! (*Вынимаетъ портретъ Карла*) Ты, мой Карлъ, ты будешь моимъ геніемъ-хранителемъ! На тебя, на тебя безпрестанно смотрѣть, — и прочь всѣ безбожные взгляды на этого... (*молча сидитъ, устремивъ взоры на портретъ*)

Мооръ. Вы здѣсь? и такъ печальны? Слеза на этомъ медальонѣ? (*Амалія не отвѣчаетъ ему*) Кто же этотъ счастливецъ, о комъ серебрится глазъ ангела? смѣю ли взглянуть... (*онъ хочетъ посмотреть на медальонъ*)

Амалія. Нѣтъ... да... нѣтъ!

Мооръ (*содрогаясь*). Га! но заслуживаетъ ли онъ такого обожанія? заслуживаетъ ли?

Амалія. О, если-бъ вы его знали!

Мооръ. Я бы завидовалъ ему.

Амалія. Обожали бы, хотите вы сказать.

Мооръ. Га!

Амалія. О, вы бы его любили!... Въ его лицѣ было такъ много, такъ много... въ его глазахъ, въ зву-

къ его голоса было такъ много сходнаго съ вами, что я люблю...

Мооръ (*стоитъ, потупивъ взоры*).

Амалія. Здѣсь, гдѣ вы теперь стоите, стаивалъ онъ тысячу разъ; и возлѣ него та, которая съ нимъ позабывала и небо и землю; здѣсь его взоръ обнималъ эти пышныя окрестности... онѣ, казалось, понимали этотъ великій, награждающій взглядъ и хорошѣли передъ нимъ; здѣсь, въ этомъ цвѣтникѣ, срывалъ онъ розы, и срывалъ эти розы для меня; здѣсь, здѣсь лежалъ онъ въ моихъ объятіяхъ: губы его горѣли на моихъ губахъ, и цвѣты радостно умирали подъ стопами влюбленныхъ...

Мооръ. Его уже нѣтъ?

Амалія. Его носятъ вихри по бурнымъ морямъ... любовь Амаліи несется за нимъ... Онъ скитается по непроходимымъ, песчанымъ степямъ... любовь Амаліи заставляетъ песокъ зеленѣть подъ его ногами и цвѣсти дикій кустарникъ; полуденное солнце палитъ его непокрытую голову, снѣга сѣвера сжимаютъ, леденятъ его члены, крупной градъ хлещетъ ему въ лицо... но любовь Амаліи убаюкиваетъ его въ буряхъ... Моря, пески и горизонты между любовниками, — но души вылетаютъ изъ пыльных темницъ и соединяются въ эдемѣ любви... Вы печальны, графъ?

Мооръ. Слова любви оживляютъ и мою любовь.

Амалія (*поблѣднѣвъ*). Что? Вы любите другую? Боже мой, что я сказала!

Мооръ. Она думала, что я умеръ и оставалась вѣрна мнимо-умершему; она услыхала, что я живъ — и пожертвовала для меня вѣнцомъ праведницы. Она знаетъ, что я блуждаю въ пустыняхъ и въ горѣ влачу

жизнь свою: и чрезъ пустыни и горести любовь ея долетаетъ ко мнѣ. Зовутъ ее Амаліей также какъ и васъ.

Амалія. Какъ завидую я вашей Амаліи!

Мооръ. О, она несчастная дѣвушка! ея любовь пала на погибшаго, — и никогда, никогда не вознаградится...

Амалія. Нѣтъ, она наградится на небѣ. Вѣдь говорятъ же, что есть лучшій міръ, гдѣ печальные возрадуются и любящіе соединятся?

Мооръ. Да, міръ, гдѣ спадетъ завѣса, и любовники въ ужасѣ содрогнутся при встрѣчѣ другъ съ другомъ. Вѣчность его имя. Моя Амалія несчастная дѣвушка.

Амалія. Несчастливая, когда вы её любите?

Мооръ. Несчастливая, потому что меня любитъ! Ну что если-бъ я былъ убійцею? ну что, если вашъ возлюбленный при каждомъ поцѣлуѣ насчитаетъ вамъ по убійству? Горе моей Амаліи! она несчастная дѣвушка.

Амалія (*весело вспрыгивая*). Га! какая-же я счастливая дѣвушка! Мой возлюбленный отблескъ Божества, а Божество — милосердіе и состраданіе! Мухи, — и той ему было жалко... Его душа также далека отъ кровавыхъ мыслей, какъ полдень отъ полночи...

Мооръ (*быстро отворачивается, отходитъ къ кустарнику, и неподвижно смотритъ вдаль*).

Амалія (*играетъ на лютнѣ и поетъ*).

Милый Гекторъ! не спѣши въ сраженъе,
Гдѣ Ахилловъ мечъ безъ сожалѣнья
Тѣнь Патрокла жертвами дарить!
Кто-жъ малютку твоего наставитъ
Чтить боговъ, копье и лукъ направить,
Если дикій Ксанфъ тебя умчитъ?

Мооръ (*молча беретъ лютню и играетъ*).

Милый другъ, — копье и щитъ скорѣе!
Тамъ въ кровавой сѣчѣ веселѣе!...

(*бросаетъ лютню и убѣгаетъ*)

ПЯТАЯ СЦЕНА.

Поляна, окруженная лѣсомъ. Ночь. Въ серединѣ древній,
развалившійся замокъ.

Разбойники (*лежатъ группами на полянѣ*).

Разбойники (*поютъ*).

Рѣзать, грабить, куралесить
Намъ ужъ не учиться стать!
Завтра могутъ насъ повѣсить, —
Нынче будемъ пировать!

Мы жизнь разгульную ведемъ,
Жизнь, полную веселья:
Мы ночью спимъ въ лѣсу густомъ,
Намъ бури, вѣтеръ ни почѣмъ;
Что ночь — то новоселье!
Меркурій, нашъ веселый богъ,
Насъ научилъ всему, какъ могъ.

Мы нынче у поповъ кутимъ,
А завтра — въ путь-дорогу...
Что намъ не надобно самимъ,
То жертвуемъ мы Богу.

И только сочный виноградъ
У насъ въ башкахъ забродить —
Мы поднимаемъ цѣлый адъ,
И намъ тогда самъ чортъ не братъ,
И все вверхъ дномъ заходить!

И стонъ зарѣзанныхъ отцовъ,
И матерей напрасный зовъ,
И вой дѣтей и женщинъ крики —
Для насъ пріятнѣе музыки.

О, какъ они страшно визжатъ подъ ножомъ!...
Какъ кровь у нихъ бьется изъ горла ручьемъ!...
А насъ веселятъ ихъ кривланья и муки:
Въ глазахъ у насъ красно, въ крови у насъ руки.

Когда-жъ придетъ мой смертный часъ —
Палачъ кончай скорѣе!
Друзья! всѣхъ петля вздернетъ насъ:
Кутите-жъ веселѣе!

Глотокъ на дорогу! скорѣе вина!
Ура! ай люли! смерть на людяхъ красна!

ШВЕЙЦЕРЪ. Ужъ ночь, а атамана еще нѣтъ.

РАЦМАНЪ. А обѣщаль ровно въ восемь быть у насъ.

ШВЕЙЦЕРЪ. Ужъ не случилось ли съ нимъ чего дурнаго!... Товарищи, мы все сожжемъ тогда, не оставимъ камня на камнѣ!

ШПИГЕЛЬБЕРГЪ (*отводитъ Рацмана въ сторону*). На пару словъ, Рацманъ.

ШВАРЦЪ (*Гримму*). Не разослать ли шпионовъ?

ГРИММЪ. И, полно. Онъ вѣрно хочетъ смастерить какую нибудь штуку, такъ что намъ всѣмъ будетъ стыдно.

ШВЕЙЦЕРЪ. Попаль пальцемъ въ небо, чортъ возьми. Онъ разстался съ нами, кажется, не съ такимъ видомъ, чтобъ мастерить штуки. Позабылъ что-ли, какъ онъ намъ тамъ въ степи наказывалъ? — «Кто хоть одну рѣпку украдетъ съ поля, и я это узнаю, — не будь я Мооромъ, если тотъ не сложить здѣсь головы своей.» Здѣсь, братецъ, поживы не будетъ!

РАЦМАНЪ (*тихо Шпигельбергу*). Да чего ты хочешь — говори толкомъ!

Шпигельбергъ. Тсъ! Тсъ! — Не знаю, что у насъ за понятія о свободѣ: день деньской, какъ волю, не выходимъ изъ упряжи, а сами подводимъ туры на колесахъ о независимости... мнѣ это не по-нутру.

Швейцеръ (*Гримму*). Что тамъ еще затѣваетъ эта пустая голова?

Рацманъ (*тихо Шпигельбергу*). Ты говоришь объ атаманѣ?

Шпигельбергъ. Тсъ! тсъ! — У него вездѣ есть уши. Атаманъ, говоришь ты? кто его поставилъ надъ нами атаманомъ? не самовольно ли онъ присвоилъ себѣ этотъ титулъ, принадлежащій мнѣ по праву? — Какъ? затѣмъ что-ли мы ставимъ жизнь на карту, за тѣмъ переносимъ щелчки отъ судьбы, чтобъ имѣть счастье быть рабами раба? — Рабами, когда мы могли бы быть господами! Клянусь Богомъ, Рацманъ, мнѣ это всегда было не понутру!

Швейцеръ (*прочимъ*). Да, не бойсь, ты герой — въ лягушекъ бросать каменя. Одинъ звукъ его носа, когда онъ сморкается, въ состояніи прогнать тебя въ мышиную щелку.

Шпигельбергъ (*Рацману*). Да — ужь давно я мечтаю: какъ бы иначе устроить дѣло. Рацманъ, если ты точно таковъ, какъ я воображалъ себѣ... Рацманъ, онъ не приходитъ... его почитаютъ погибшимъ... Рацманъ, мнѣ сдается, что часъ его пробилъ... Какъ? и ты нисколько не воспламеняешься, когда гудитъ передъ тобой колоколъ свободы? и у тебя нѣтъ на столько духа, чтобъ понять смѣлый намѣкъ?

Рацманъ. Га, Сатана! зачѣмъ искушаешь ты мою душу?

ШПИГЕЛЬБЕРГЪ. Что? принялось? — Ладно, такъ пойдёмъ! Я замѣтилъ, куда онъ пошелъ... Пойдёмъ! Два пистолета рѣдко даютъ промахъ, а тамъ — мы первые удавимъ владѣльца. (*хочетъ увлечь его*)

ШВЕЙЦЕРЪ (*въ бѣшенствѣ вынимаетъ ножъ*). А, бестія! Ты мнѣ кстати напомнилъ богемскіе лѣса! Не ты ли первый началъ выть, когда насъ окружили непріатели! Я тогда же поклялся душою... Умри, бездѣльникъ! (*закалываетъ его*)

РАЗБОЙНИКИ (*въ смятеніи*). Рѣзня, рѣзня! — Швейцеръ! Шпигельбергъ!... разнимите ихъ!

ШВЕЙЦЕРЪ (*бросая ножъ*). Вотъ тебѣ... околѣвай!... Смирно, товарищи! что разшумѣлись изъ-за скота! Бездѣльникъ всегда косился на атамана, а у самого не было рубца на шкурѣ. Говорю вамъ, успокойтесь!... Ракаля ты эдакая! — изподтишка вздумалъ людей убивать? Изподтишка? — За тѣмъ что ли мы потѣмъ, чтобъ пропадать, какъ собакамъ? Ахъ ты, бестія! За тѣмъ мы бросаемся въ огонь и пламя, чтобъ потомъ, какъ крысамъ, протянуть лапы?

ГРИММЪ. Но что за чортъ, товарищъ! — что у васъ такое было? атаманъ вѣдь взбѣсится.

ШВЕЙЦЕРЪ. Это ужь мое дѣло. А ты, безбожникъ (*къ Рацману*) былъ его сообщникомъ? а? Прочь съ глазъ моихъ! Шуфтерле тоже было затѣялъ; за то и виситъ въ Швейцаріи, какъ напороочилъ ему атаманъ... (*выстрѣлъ*)

ШВАРЦЪ (*вскакивая*). Чу! пистолетный выстрѣлъ! (*еще выстрѣлъ*) Другой! Эй вы! атаманъ!

ГРИММЪ. погоди! Если это онъ, будетъ еще третій. (*слышенъ еще выстрѣлъ*)

ШВАРЦЪ. Онъ, это онъ! Спасайся, Швейцеръ! — авось мы, какъ нибудь, уладимъ... (*стрѣляютъ*)

МООРЪ. Косинскій (*входятъ*).

ШВЕЙЦЕРЪ (*идетъ на встрѣчу*). Милости просимъ, атаманъ. — Я безъ тебя немного погорячился. (*приводитъ его къ трупу*) Будь судьей между мной и этимъ... изподтишка хотѣлъ убить тебя.

РАЗБОЙНИКИ (*въ изумленіи*). Что? атамана?

МООРЪ (*погруженный въ созерцаніе, вдругъ приходитъ въ себя*). О, непостижимый перстъ мстительной Немезиды! (*указывая на трупа*) Не онъ ли первый пропѣлъ мнѣ пѣснь Сирены? — Посвяти этотъ ножъ тѣмной богинѣ! — Это не ты сдѣлалъ, Швейцеръ.

ШВЕЙЦЕРЪ. Богъ свидѣтель! я это сдѣлалъ, и, клянусь чортомъ, это не худшее дѣло въ моей жизни. (*въ негодованіи отходитъ*)

МООРЪ (*задумчиво*). Понимаю тебя, — Правитель небесный — понимаю!... листья падаютъ съ деревьевъ — моя осень настала. — Уберите его съ глазъ моихъ! (*трупа Шпигельберга уносятъ*)

ГРИММЪ. Дай намъ приказанія, атаманъ — что намъ еще остается дѣлать?

МООРЪ. Скоро, скоро все совершится. — Дайте мнѣ мою лютню. — Я потерялъ самого себя съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ тамъ. — Мою лютню, говорю я... пѣсню вызову я утраченныя силы. Оставьте меня!

РАЗБОЙНИКИ. Уже полночь, атаманъ.

МООРЪ. И все же это были однѣ театральныя сле-

зы... Римскую пѣснь долженъ я услышать, чтобъ пробудить мой уснувшій геній. Мою лютню!... полночь, говорите вы?

Шварцъ. Да ужь почитай прошла. Сонъ, какъ свинецъ, насъ клонить. Трое сутокъ не спали.

Мооръ. Развѣ бальзамическій сонъ опускается и на глаза бездѣльниковъ? За что меня бѣжитъ онъ? Я никогда не былъ ни подлецомъ, ни дурнымъ человекомъ. — Ложитесь спать — завтра чѣмъ свѣтъ мы отправляемся дальше.

Разбойники. Доброй ночи, атаманъ. (*ложатся на землю и засыпаютъ*)

(*Глубокое молчаніе*).

Мооръ (*беретъ лютню и поетъ*).

Брутъ.

Привѣтъ мой вамъ, вы, мирныя долины!
Послѣдняго примите изъ Римлянъ!
Съ Филибы, гдѣ сражались исполины,
Душа взвилась къ вамъ изъ отверстыхъ ранъ.
Мой Кассій, гдѣ ты? — Римъ нашъ издыхаетъ!
Мои дружины на полѣ легли!
Твой Брутъ къ тѣнямъ покойниковъ призываетъ —
Для Брута нѣтъ ужь мѣста на земли!

Цезарь.

Чья это тѣнь съ печатью отверженья
Задумчиво блуждаетъ тамъ въ горахъ? —
Га! если мнѣ не измѣняетъ зрѣнье,
Вѣдь это Римлянина шагъ.
Давно-ль простился Тибра сынъ съ землєю?
Стоитъ, иль палъ нашъ семихолмный Римъ?
Какъ часто плакалъ я надъ сиротою,
Что больше нѣтъ ужь Цезаря надъ нимъ!

Брутъ.

Га! призракъ, ранами покрытый!
Кто потревожилъ тѣнь твою, мертвецъ?

Ступай къ брегамъ печальнаго Коцита!
Кто правъ изъ насъ — покажетъ то конецъ!
На алтарѣ Филибы угасаетъ
Святой свободы жертвенная кровь,
И Римъ надъ трупомъ Брута издыхаетъ,
И Брутъ его не оживить ужь вновь!

ЦЕЗАРЬ.

О! смерть отъ Брутова кинжала!
И ты — и ты — мой Брутъ?
О, сынъ, то былъ отецъ твой... сынъ — подпала
Земля бы вся подъ царскій твой трибунъ!
Ступай — ты сталъ великимъ изъ великихъ
Когда отца кинжаломъ поразилъ!
Ступай — и да услышатъ мертвыхъ лики:
Брутъ сталъ великимъ изъ великихъ,
Когда отца кинжаломъ поразилъ!
Ступай — и знай, что мнѣ въ рѣкѣ забвенья
Отъ скорби исцѣленье.
Харонъ! скорѣй отъ этихъ скалъ!

БРУТЪ.

Отецъ, остановись! — во всемъ твореньѣ
Я одного лишь только зналъ,
Кто съ Цезаремъ бы выдержалъ сравненье:
Его ты сыномъ называлъ.
Одинъ лишь Цезарь Римъ могъ уничтожить,
Одинъ лишь Брутъ могъ Цезаря столкнуть;
Гдѣ Брутъ живетъ, тамъ Цезарь жить не можетъ.
Отецъ, ступай! — и здѣсь намъ розный путь!

(Опускаетъ лютню на землю и задумчиво ходитъ взадъ и впередъ)

Когда бы кто мнѣ поручился?... Все такъ мрачно...
запутанные лабиринты... нѣтъ выхода... нѣтъ путевод-
ной звѣзды... Ну, если все кончится съ послѣднимъ из-
дыханіемъ, какъ пустая игра маріонетокъ?... Но для
чего эта неутолимая жажда счастья? Къ чему этотъ
идеаль недоступнаго совершенства, отлагательство не-
оконченныхъ плановъ, когда ничтожное пожатіе этой
ничтожной вещицы *(приставляя пистолетъ ко лбу)*

ровняетъ мудреца съ глупцомъ, труса съ храбрымъ, честнаго съ плутомъ? Даже въ бездушной природѣ и въ той такая божественная гармонія, — за чѣмъ же въ одной разумной быть подобной разногласицѣ? Нѣтъ! нѣтъ! есть что то высшее, потому что я еще не былъ счастливъ.

Не думаете ли, что я задрожу передъ вами — вы, тѣни задавленныхъ мною? Нѣтъ, я не задрожу! (*дрожитъ*) Ваше жалкое предсмертное визжаніе, ваши посинѣлыя лица, ваши страшно-зіяющія раны — все это только звѣнья неразрывной цѣпи судьбы и при томъ же тѣсно связаны съ моими пирами, съ причудами моихъ нянекъ и гувернеровъ, съ темпераментомъ моего отца, съ кровью моей матери. — (*потрясенный ужасомъ*) За чѣмъ мой Периллъ сдѣлалъ изъ меня быка, и человѣчество варится въ моемъ раскаленномъ чревѣ? (*приставляетъ пистолетъ*) Время и вѣчность! скованныя другъ съ другомъ однимъ моментомъ! Заржавленный ключъ, запирающій за мною темницу жизни и отмыкающій мнѣ обитель вѣчной ночи, — скажи мнѣ, о, скажи мнѣ, куда, куда ты приведешь меня? Чуждая, ни кѣмъ невиданная страна! . . . И вотъ — утомленное человѣчество падаетъ предъ этимъ образомъ, мышцы *конечнаго* слабѣютъ и фантазія, своеправная обезьяна чувствъ, рисуетъ нашему легковѣрію чудныя тѣни. Нѣтъ, нѣтъ! — Человѣкъ не долженъ колебаться! . . . Чѣмъ бы ты ни было, безымянное Тамъ... если только мое *Здѣсь* со мною... Чѣмъ бы ты ни было, если только я себя самого перенесу къ тебѣ... Внѣшности суть только лоскъ человѣка... Я самъ — мое небо и адъ.

Ну, если ты поселишь меня на какомъ нибудь запу-

щенномъ мірѣ, лишенномъ твоего присутствія, гдѣ одна только ночь и вѣчныя пустыни будутъ окружать меня? — Я населю тогда молчаливую пустоту своими фантазіями и цѣлую вѣчность буду разлагать искаженный образъ всеобщаго бѣдствія. Или, ужь не хочешь ли ты черезъ безпрестанно-новыя возрожденія, чрезъ безпрестанно-новыя мѣста казни и бѣдствія, со ступени на ступень, привести меня къ уничтоженію? Не ужли мнѣ нельзя будетъ и тѣ жизненные нити, которыя отпрялены для меня тамъ, также легко разорвать, какъ и эти? Ты можешь уничтожить меня, но — не лишишь этой свободы (*заряжаетъ пистолетъ. Вдругъ, какъ бы образумившись*) Я умру со страху передъ мучительной жизнію? Паду ницъ передъ бѣдствіями? Нѣтъ, я хочу страдать! (*бросаетъ пистолетъ*) Пусть страданія разобьются о мою гордость! Я выпью до дна чашу бѣдствій.

(*Становится темнѣе и темнѣе*)

ГЕРМАНЪ (*крадется по лѣсу*).

Чу! чу!... экъ завываетъ! Полночь бьетъ въ деревнѣ... Да, да, — злодѣйство спить... въ такой глуши некому подслушивать. (*подходитъ къ замку и стучитъ*) Вылѣзай, старый кротъ, жилецъ башни! Твой обѣдъ готовъ.

МООРЪ (*тихо отходитъ*). Это что значитъ?

Голосъ (*изъ башни*). Кто тамъ? Эй? Это ты, Германъ, мой воронъ?

ГЕРМАНЪ. Да, Германъ, твой воронъ. Лѣзь къ рѣшеткѣ и ѣшь. (*крикъ совъ*) Страшно поютъ твои ночные товарищи, старикъ! Что — вкусно?

Голосъ. Я голоденъ. Спасибо тебѣ за хлѣбъ въ пустынѣ! Что съ моимъ милымъ сыномъ, Германъ?

Германъ. Тише! чу! — Какъ будто храпитъ кто-то! Слышишь?

Голосъ. Что? а ты слышишь?

Германъ. Это вѣтеръ вздыхаетъ въ щеляхъ твоей башни. Признаюсь, ночная музыка отъ которой поневолѣ зубы застучать и ногти посинѣютъ... Но, чу! — мнѣ опять, какъ будто, послышалось храпѣніе. Да ты здѣсь не одинъ, старикъ! — у! у! у!

Голосъ. А ты видишь кого нибудь?

Германъ. Прощай, прощай!... страшно это мѣсто. Сойди внизъ... *тамъ* твой помощникъ и мститель!... Проклятый сынъ!... (*хочетъ бѣжать*)

Мооръ (*выходитъ въ ужасъ*). Стой!

Германъ (*вскрикиваетъ*).

Мооръ. Стой, говорю я!

Германъ. Горе! горе! горе!... Теперь все открыто...

Мооръ. Стой! говори — кто ты? что здѣсь дѣлаешь? говори же!

Германъ. Сжальтесь, сжальтесь надо мною! Выслушайте хоть слово въ оправданіе!... не убивайте меня!

Мооръ (*вынимая кинжалъ*). Что я еще услышу?

Германъ. Правда, вы мнѣ настрого запретили... грозили смертью... но я не могъ поступить иначе... не смѣлъ поступить иначе... вѣдь это вашъ родной отецъ!... Я сжалился надъ нимъ... Теперь — убейте меня, если хотите?

Мооръ. Здѣсь кроется тайна!... Говори! признавайся! — Я хочу все знать.

Голосъ (*изъ башни*). Горе! горе! Это ты говоришь тамъ, Германъ? съ кѣмъ говоришь ты, Германъ?

Мооръ. Тамъ еще кто-то? — что за чудеса? (*бѣжитъ къ бабинѣ*) Если это колодникъ, отверженный людьми — я розобью его цѣпи. Голосъ!... снова!... гдѣ дверь?

Германъ. О, сжальтесь!... Не ходите дальше... изъ состраданія пройдите мимо! (*загораживаетъ ему дорогу*)

Мооръ. Четыре замка! Прочь! — я долженъ дознаться. Теперь впервые прибѣгаю къ тебѣ, воровство. (*беретъ отпорные инструменты и отворяетъ рѣшетчатую дверь. Въ глубинѣ виденъ старикъ, высохшій, какъ скелетъ*)

Старикъ. Сжальтесь надъ несчастнымъ! сжальтесь!

Мооръ (*въ ужасъ отступаетъ*). Голосъ моего отца!

Ст. Мооръ. Благодарю тебя, Господи! Насталъ часъ освобожденія.

Мооръ. Духъ стараго Моора! что встревожило тебя въ гробѣ? Если ты сошелъ въ могилу съ грѣхомъ на душѣ, заграждающимъ тебѣ путь къ вратамъ Рая, я стану служить обѣдни и панихиды, чтобъ успокоить твою блуждающую тѣнь. Если ты зарылъ въ землю золото вдовъ и сиротъ и въ полночный часъ тебя невольно тянетъ къ нему: я вырву кладъ изъ когтей самаго заколдованнаго дракона, хоть плюй онъ въ меня огнемъ и скрипи о мою шпагу своими острыми зубами. Или пришелъ ты дать отвѣтъ на мои вопросы, растолковать мнѣ загадку вѣчности? Говори, говори! я не поблѣднѣю отъ страха.

Ст. Мооръ. Я не духъ. Осязай меня, я живъ; о жалкая, ужасная жизнь!

Мооръ. Что? Ты не былъ схороненъ?

Ст. Мооръ. Я былъ схороненъ? — мертвая собака лежитъ въ склепѣ отцовъ моихъ; а я — вотъ ужъ три вѣчные мѣсяца томлюсь въ этой мрачной, подземной пещерѣ, куда ни одинъ лучъ не проникалъ ко мнѣ, не вѣялъ тёплый воздухъ, не приходилъ ни одинъ другъ, гдѣ только каркаютъ вѣроны, да воютъ полночныя совы.

Мооръ. Небо и земля! Кто-жь это сдѣлалъ?

Ст. Мооръ. Не проклинай его! — Это сдѣлалъ мой сынъ, Францъ.

Мооръ. Францъ? Францъ? — О, вѣчный Хаосъ!

Ст. Мооръ. Если ты человѣкъ и въ тебѣ человеческое сердце, избавитель мой, котораго я не знаю, о, выслушай про горе отца, изготовленное ему его же собственными сыновьями. Три мѣсяца взываю я объ этомъ къ нѣмымъ стѣнамъ, и только эхо передразнивало мои жалобы. Но, если ты человѣкъ и въ тебѣ человеческое сердце...

Мооръ. Такія жалобы въ состояніи вызвать и дикихъ звѣрей изъ логовищъ.

Ст. Мооръ. Я еще лежалъ на болѣзненномъ одрѣ и едва начиналъ послѣ трудной болѣзни собираться съ силами, какъ привели ко мнѣ человѣка, который объявилъ мнѣ, будто мой первенецъ погибъ въ сраженіи; принесъ мнѣ саблю, обогренную его кровію, и передалъ его послѣднее прощаніе и слова, что мое проклятіе довело его до смерти и отчаянія.

Мооръ (*отворачивается отъ него*). Это очевидно!

Ст. Мооръ. Слушай далѣе! Я упалъ въ обморокъ отъ этой вѣсти. Меня, вѣроятно, сочли умершимъ, потому что, опомнившись, я лежалъ уже въ гробу, и,

какъ мертвецъ, былъ завернуть въ саванъ. Я сталъ стучать въ крышку гроба. Она открылась. Была глубокая ночь. Мой сынъ Францъ стоялъ передо мною. «Какъ!» вскричалъ онъ ужаснымъ голосомъ: «Такъ ты вѣчно хочешь жить?» и въ ту же минуту крышка захлопнулась надо мною. Громъ этихъ словъ лишилъ меня всѣхъ чувствъ. Когда я опять пришелъ въ себя, то почувствовалъ, что гробъ, какъ будто, подняли и везли нѣкоторое время. Наконецъ онъ открылся... Я стоялъ предъ входомъ въ этотъ склепъ; мой сынъ былъ возлѣ меня, а также и тотъ человѣкъ, что принесъ мнѣ окровавленную саблю Карла... Десять разъ обнималъ я его колѣна... и просилъ, и молилъ и молилъ и обнималъ ихъ и заклиналъ: мольбы отца не дошли до его сердца! «Пора костямъ на покой!» загремѣло изъ устъ его: «онъ довольно пожилъ!...» И меня безжалостно бросили въ подземелье, и самъ Францъ заперъ его за мною.

Мооръ. Это невозможно, невозможно! Вы вѣрно ошиблись!

Ст. Мооръ. Можетъ быть, и ошибся. Слушай да-лѣе; только не сердись! Тамъ пролежалъ я цѣлыя сутки и ни одна душа не вспомнила обо мнѣ. Давно уже человѣческая нога не попираетъ этой пустыни, потому что въ народѣ идетъ молва, будто тѣни отцовъ моихъ гремятъ цѣпами въ этихъ развалинахъ, и въ полуночный часъ поютъ похоронныя пѣсни. Наконецъ, дверь моя отворилась: вотъ этотъ человѣкъ принесъ мнѣ хлѣба и воды и открылъ, что я осужденъ на голодную смерть, и что его жизнь въ опасности, если узнаютъ, что онъ меня кормитъ. Такъ жилъ я все это долгое время; но непрерывный холодъ, спертый

воздухъ, безпредѣльное горе... мои силы исчезали, тѣло сохло!... Тысячу разъ со слезами молилъ я Бога о смерти; но видно мѣра моего наказанія еще неисполнилась, или, можетъ быть, еще какая нибудь радость ждетъ меня, что я такъ чудно все перенесъ. Но я заслужилъ это... Карлъ мой! Карлъ!... у него вѣдь не было еще и сѣдыхъ волосъ.

Мооръ. Довольно. Вставайте вы, дубѣе, вы, лдяныя глыбы, вы, лѣнивые, безчувственные сони! Вставайте! Не хотите? (*стрѣляетъ изъ пистолета надъ спящими разбойниками*)

Разбойники (*пробуждаясь*). Эй! что тамъ? что тамъ?

Мооръ. И это не прогнало еще вашего сна?... Отъ этого и отъ вѣчнаго сна можно, кажется, проснуться! Посмотрите сюда! посмотрите! Законы природы стали игрушкой, связь природы распалась, довременный раздоръ выпущенъ на волю: сынъ убилъ отца своего.

Разбойники. Что говорить атаманъ?

Мооръ. Нѣтъ, не убилъ! Слово слишкомъ мягко! Сынъ тысячу разъ колесовалъ, жёгъ, рѣзалъ, пыталъ своего отца! Нѣтъ! это все такія человѣческія слова... Отъ чего самый грѣхъ покраснѣетъ, Каннибалъ содрогнется, чего съ Эоновъ не выдумывали сами дьяволы!... Сынъ — своего собственнаго отца!... О, взгляните сюда, взгляните сюда! онъ упалъ въ обморокъ... Въ этотъ склепъ сынъ — своего отца!... холодъ, нагота, голодъ, жажда... О, поглядите же, поглядите! — это мой отецъ!

Разбойники (*сбѣгаются и окружаютъ старика*). Отецъ твой? отецъ твой?

Швейцеръ (*почтительно подходитъ и на-*

дастъ передъ нимъ на колѣни). Отецъ моего атамана! Цѣлую ноги твои! мой кинжалъ къ твоимъ услугамъ.

Мооръ. Местъ, местъ, местъ за тебя, святотатственно-оскорбленный старецъ! Такъ разрываю я отъ нынѣ и до вѣка братскій союзъ! (*разрываетъ платье свое съ верху до низу*) Такъ проклинаю я каждую каплю братской крови предъ лицомъ отверстаго неба! Внемлите мнѣ, мѣсяцъ и звѣзды! Внемли мнѣ, полуночное небо, ты, взирающее на это злодѣйство! Внемли мнѣ, трикраты-страшный Богъ, Ты, воссѣдающій надъ мѣсяцемъ, и мстящій и осуждающій надъ звѣздами, и пламенѣющій надъ ночью! Здѣсь становлюсь я на колѣни, здѣсь простираю я три перста горѣ, здѣсь клянусь я, и да выплюнетъ меня природа изъ границъ своихъ, какъ зловредную тварь, если я нарушу эту клятву, — клянусь не видать дневнаго свѣта, пока кровь отцеубійцы, пролитая передъ этимъ камнемъ, не задымится къ солнцу! (*встаетъ*)

Разбойники. Это дьявольская штука! Вотъ говорить, мы шельмы! Нѣтъ! такихъ штукъ мы не съумѣемъ сдѣлать!

Мооръ. Да! и клянусь всѣми ужасными вздохами тѣхъ, что умерли подъ ножами вашими, тѣхъ, что пожрало мое пламя, и раздавила моя взорванная башня, мысль объ убійствѣ, или грабежѣ да не прежде взойдетъ къ вамъ въ головы, пока платье ваше до-красна не вымочется въ крови злодѣя! Вамъ, вѣрно, никогда еще не снилось, чтобъ вы могли стать десницею вышнихъ Судебъ? Нынѣче, нынѣче невидимая сила облагодарила ремесло наше! Молитесь Тому, Кто даровалъ вамъ такой возвышенный жребій, Кто путеводилъ васъ

сюда, кто удостоилъ васъ быть ужасными ангелами его мрачнаго судилища! Обнажите головы! Падите во прахъ и встаньте освященными! (*все становятся на колѣна*)

ШВЕЙЦЕРЪ. Атаманъ, что намъ дѣлать?

МООРЪ. Встань, Швейцеръ, и коснись этихъ священныхъ сѣдинъ! (*подводитъ его къ отцу и даетъ ему локонъ волосъ въ руку*) Помнишь, какъ ты раскроилъ голову богемскому всаднику, когда онъ занесъ надо мной саблю, а я, бездыханный и истощенный, упалъ на колѣна! тогда я обѣщалъ наградить тебя по царски, но до сихъ поръ я не могъ еще заплатить этого долгу...

ШВЕЙЦЕРЪ. Правда, ты мнѣ это обѣщалъ; но позволь мнѣ называть тебя всегда своимъ должникомъ!

МООРЪ. Нѣтъ, теперь я отплачу тебѣ, Швейцеръ! Такой чести еще не доставалось ни одному смертному, кромѣ тебя: отмсти за отца моего! (*Швейцеръ встаетъ*)

ШВЕЙЦЕРЪ. Великій атаманъ! нынче ты заставилъ меня въ первый разъ гордиться! Повели — гдѣ, какъ, когда мнѣ убить его?

МООРЪ. Каждая минута дорога — ты долженъ спѣшить. Выбери достойнѣйшихъ изъ шайки и веди ихъ къ графскому замку. Стащи его съ постели, если онъ спитъ, или покоится въ объятіяхъ сладострастія; оторви его отъ стола, если онъ пьянствуетъ, отъ распятія, если онъ молится передъ нимъ на колѣнахъ! Но, повторяю тебѣ, настрого наказываю тебѣ — доставь его мнѣ живаго! Тѣло того, кто лишь только оцарапаетъ ему кожу или погнетъ ему хоть одинъ волосъ, разорву я въ клочки и предамъ на съяденіе плотояд-

нымъ птицамъ! Живого его мнѣ надобно, и, если ты доставишь его мнѣ цѣла и невредима, миллионъ получишь въ награду! я украду его у короля, съ опасностію жизни, а ты будешь свободенъ, какъ Божій вѣтеръ... Ты понялъ, Швейцеръ?... спѣши же!

Швейцеръ. Довольно, атаманъ! — вотъ тебѣ рука моя: ты увидишь или насъ обоихъ, или ни одного изъ насъ. Черные ангелы Швейцера, пойдете! (*уходитъ съ своимъ отрядомъ*)

Мооръ. Вы, остальные — разсѣйтесь по лѣсу... я остаюсь!

ПЕРВАЯ СЦЕНА

ПЯТЫЙ АКТЪ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Анфилада комнатъ. Темная ночь.

ДАНІЕЛЬ (*съ фонаремъ и съ узломъ за плечами*).

Прости, дорогой, родимый домъ! Много видѣлъ я хорошаго и добраго въ тебѣ при покойномъ графѣ... Царство тебѣ небесное — тебѣ, давно-истлѣвшій, — и горючія слезы твоего стараго слуги... При тебѣ домъ этотъ былъ пріютомъ сирыхъ и прибѣжищемъ всѣхъ скорбящихъ, а твой сынъ превратилъ его въ разбойничій вертепъ... Прощай, ты, мой милый полъ: часто мель тебя старый Даніель! Прости и ты, моя дорогая печь: мнѣ старику тяжело разставаться съ тобою... мнѣ все здѣсь такъ знакомо... Ахъ, горько, горько тебѣ, старый Елисей!... Но, Господи избавь меня отъ обмана и козней!... Убогимъ пришелъ я сюда, — убогимъ и отхожу я отсюда; но душа моя чиста. (*едва онъ хочетъ уйти, какъ вбѣгаетъ Францъ*)

Францъ (*въ халатъ*).

Даніель. Мать, Пресвятая Богородица! самъ графъ.
(*гаситъ фонарь*)

Францъ. Измѣна! измѣна! Духи встаютъ изъ гробовъ! Царство мертвыхъ, исторгнутое изъ вѣчнаго сна, вызываетъ ко мнѣ: убійца! убійца!... Кто это тамъ шевелится?

Даніель (*со страхомъ*). Господи сохрани насъ и помилуй!... Такъ это вы, графъ, такъ страшно кричите на весь замокъ, что всѣ, какъ полоумные, вскакиваютъ съ постелей?

Францъ. Съ постелей? А кто вамъ позволилъ спать? Пошолъ, зажги свѣчку! (*Даніель уходитъ. Является другой слуга*) Никто не смѣй спать въ это время. Слышишь ты? Всѣ на ноги!... Вооружитесь... заряжайте ружья!... Видѣлъ ли ты, какъ они неслись?...

Слуга. Кто, ваше сіятельство?

Францъ. Кто, баранья голова, кто? Такъ хладнокровно, такъ равнодушно ты смѣешь спрашивать, кто? Я чуть въ обморокъ не упалъ!... кто, ослиная голова! кто? — Духи и черти! Который часъ?

Слуга. Ночной только что прокричалъ — два.

Францъ. Два?... Эта ночь, видно, хочетъ протянуться до страшнаго суда? Не слыхалъ ли ты шума вблизи? побѣдныхъ криковъ?

Слуга. Не знаю, сударь.

Францъ. Не знаешь? Ты также съ ними въ стагкѣ? Я вытопчу у тебя сердце изъ реберъ! Убирайся съ своимъ проклятымъ *не знаю!* Пошолъ, позови пастора!

СЛУГА. Ваше сіятельство!

Францъ. Ты ворчишь, медлишь? (*слуга поспѣшно уходитъ*) Какъ? и нищій противъ меня въ заговоръ? Небо, адъ!... Все противъ меня въ заговоръ?

Даніель (*возвращается со свѣчею*). Ваше сіятельство!...

Францъ. Нѣтъ, я не дрожу! Вѣдь это только сонъ. Мертвые еще не встаютъ... Кто говоритъ, что я дрожу и блѣднѣю? Мнѣ такъ легко, такъ хорошо.

Даніель. Вы блѣдны, какъ смерть; голосъ дрожить у васъ.

Францъ. У меня лихорадка. Когда пасторъ придетъ — скажи, что у меня лихорадка. Я завтра же пущу себѣ кровь, — скажи такъ пастору.

Даніель. Не прикажите ли налить вамъ нѣсколько капель бальзаму на сахаръ?

Францъ. Налей бальзаму! Пасторъ долго еще не прійдетъ. Голосъ дрожить у меня: налѣй мнѣ бальзаму!

Даніель. Пожалуйста-жъ мнѣ ключи; я пойду внизъ достать изъ шкафа...

Францъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! останься! или я пойду вмѣстѣ съ тобою. Ты видишь самъ, я не могу остаться одинъ!... Можетъ случиться, что я — самъ видишь — упаду въ обморокъ, если останусь одинъ. Не надо, не надо! И такъ пройдетъ; оставайся.

Даніель. Вы, въ самомъ дѣлѣ, не здоровы.

Францъ. Да, точно, точно! — Вотъ и все тутъ! — А болѣзнь разстроиваетъ мозгъ и насыляетъ безсмысленные, страшные сны. Не правда ли, Даніель? Сны выходятъ изъ желудка: сны ничего не значатъ... мнѣ еще сейчасъ снился такой веселый сонъ... (*падаетъ въ обморокъ*)

ДАНІЕЛЬ. Jesus Christus! что̀ это съ нимъ? Георгъ! Конрадъ! Бастіанъ! Мартинъ! Да подайте хоть знакъ, что еще живете! (*толкаетъ Франца*) Марія, Магдалина и Іосифъ!... Да придете ли вы въ себя?... Еще, пожалуй, скажутъ, что я убилъ его! Господи, сохрани меня и помилуй!

ФРАНЦЪ (*въ бреду*). Прочь, прочь, гадкій скелеть! что̀ ты такъ толкаешь меня? — Мертвые не встаютъ еще!...

ДАНІЕЛЬ. О, небесное милосердіе! — онъ съ ума сошелъ.

ФРАНЦЪ (*медленно встаетъ*). Гдѣ я?... это ты, Даніель? я говорилъ что нибудь? Не обращай на это вниманія! Все что я ни говорилъ — ложь, сущая ложь. Пойдемъ! помоги мнѣ! Это только дѣйствіе обморока... оттого... оттого, что я не выспался.

ДАНІЕЛЬ. Хоть бы Іоганъ пришолъ; я побѣждалъ бы сейчасъ за докторомъ.

ФРАНЦЪ. Остайся! Садись возлѣ меня на софу, — вотъ такъ. Ты — умный человѣкъ, добрый человѣкъ. Дай, я расскажу тебѣ...

ДАНІЕЛЬ. Не теперь, въ другой разъ!... Я уложу васъ на постель: вамъ нуженъ покой.

ФРАНЦЪ. Нѣтъ, прошу тебя, выслушай и осмѣй меня хорошенько. Видишь ли, мнѣ снилось, будто я только всталъ изъ за царскаго обѣда, и сердце билось у меня отъ наслажденія, и я, упоенный, лежалъ въ саду на травѣ, какъ вдругъ — это было какъ-будто въ полдень — вдругъ... да смѣйся же надо мною, говорю тебѣ...

ДАНІЕЛЬ. Вдругъ?

ФРАНЦЪ. Вдругъ страшный ударъ грома поражаетъ слухъ мой: въ трепетъ встаю я, и чтожь? — вижу:

яркимъ пламенемъ горить весь горизонтъ; и горы, и лѣса и города расплавляются, какъ воскъ въ печи; воющій вѣтеръ мететъ и море и землю и небо — и вдругъ въ вышинѣ раздалось, какъ будто изъ мѣдныхъ трубъ: «земля, отдай мертвецовъ своихъ, отдай мертвецовъ своихъ, море!» И вотъ — голая степь начала коробиться и выбрасывать черепа и ребра и челюсти и ноги, и они сrostались, становились тѣлами и видимо-невидимо понесли живою бурей. Я взглянулъ вверхъ, и чтожь? — я очутился у подошвы громоноснаго Синая, и надо мною толпы народа и подо мною толпы, а на самой вершинѣ горы, на трехъ дымящихся престолахъ три старца, отъ взгляда которыхъ бѣжала всякая тварь...

Даніель. Да это чистое подобіе страшнаго суда.

Францъ. Не правда ли, какая бессмыслица? Вотъ всталъ первый изъ нихъ, мрачный какъ звѣздная ночь, и держалъ онъ въ десницѣ желѣзный перстень, и держалъ между восходомъ и закатомъ и такъ говорилъ: «Вѣчно, свято, праведно, не ложно! Есть только *одна* истина, есть *одна* добродѣтель! Горе, горе, горе сомнѣвающемуся червю!» Потомъ всталъ второй; у него въ рукѣ было блестящее зеркало и держалъ онъ его между восходомъ и закатомъ и такъ говорилъ: «Зеркало это — истина; лицемеріе и притворство не выдержатъ его отраженій.» И я устранился, и весь народъ со мною, потому что въ ужасномъ зеркалѣ отражались одни головы змѣй, тигровъ и леопардовъ. Потомъ всталъ третій; у того были въ рукѣ желѣзные вѣсы и держалъ онъ ихъ между восходомъ и закатомъ и такъ говорилъ: «Подойдите ближе, дѣти Адамовы! — я взвѣшиваю помышленія въ чашѣ моего гнѣва и дѣла — гирями моей мести!

Даніель. Господи помилуй!

Францъ. Блѣдные, какъ снѣгъ, стояли мы всѣ; ожиданіе боязливо билось въ каждой груди. Вдругъ мнѣ показалось, будто мое имя первое раздалось посреди горней бури и мозгъ застылъ въ костяхъ моихъ, и зубы громко застучали. Вѣсы зазвенѣли, загрохоталъ утесъ и часы потекли одинъ за другимъ мимо ошую висящей чаши, и одинъ за другимъ бросалъ въ нее по смертному грѣху.

Даніель. Да проститъ васъ Богъ!

Францъ. Этого онъ не сдѣлалъ! Чаша росла и становилась горою; но другая, полная крови искупленія, еще удерживала её высоко на воздухѣ. Наконецъ, подошелъ старикъ, согбенный страданіями, глодавшій руку отъ нестерпимаго голода; глаза всѣхъ со страху отворотились отъ старика. Я зналъ старика! Онъ вырвалъ клочъ серебряныхъ волосъ, бросилъ его въ чашу грѣховъ, и она пала, въ мгновеніе ока пала она до самой преисподней, и чаша искупленія качалась высоко, высоко... И я услышалъ гремѣщій голосъ среди шума и дыма: «Милосердіе, милосердіе каждому грѣшнику земли и преисподней! — ты одинъ отринуть!... (*глубокое молчаніе*) Ну, чтожь ты не смѣешься?

Даніель. До смѣха ли тутъ, когда у меня морозъ по кожѣ подираетъ? Сны нисходятъ отъ Бога.

Францъ. Что ты! не говори мнѣ этого! Назови меня дуракомъ, безсмысленнымъ, безтолковымъ дуракомъ! Ради Бога, любезный Даніель, прошу тебя, одурачь меня хорошенько!

Даніель. Сны нисходятъ отъ Бога. Я стану молиться за васъ.

Францъ. Ты лжешь, говорю я. Ступай сей часъ

же, бѣги, ищи, смотри, гдѣ пасторъ; прикажи ему, чтобъ онъ спѣшилъ, спѣшилъ... Но, повторяю тебѣ, ты лжешь!

Даніель (*уходя*). Богъ да проститъ васъ.

Францъ.

Мудрость черни, трусость черни! Вѣдь еще не доказано, что прошедшее не прошло, или что всевидящее око царствуетъ надъ звѣздами. Гм! гм! кто это надоумилъ меня? Развѣ есть мститель превыше звѣздъ? Нѣтъ, нѣтъ!... да, да! Все ужасно говоритъ мнѣ: есть Судія надъ звѣздами! И къ этому надзвѣздному Судіи предстать въ эту же ночь!... Нѣтъ, говорю я... Жалкая норка, куда хочетъ заползти твоя трусость... пусто, глухо, ничтожно тамъ надъ звѣздами... А если, въ самомъ дѣлѣ, что нибудь да есть тамъ? Нѣтъ, нѣтъ, тамъ ничего нѣтъ! Я хочу, приказываю, чтобъ ничего не было! Но если есть? Горе тебѣ, если все перечтется! — если въ эту же ночь перечтется... Отчего вдругъ такая дрожь у меня въ костяхъ? *Умереть!* Отчего это слово такъ поражаетъ меня? Дать отчетъ тамъ Судіи небесному... и если онъ справедливъ?... сироты, вдовы, безпомощные, угнетенные — всѣ возопіютъ къ Нему... а если онъ справедливъ?... Зачѣмъ они страдали? зачѣмъ ты торжествовалъ надъ ними?

Пасторъ Мозеръ (*входитъ*).

Мозеръ. Вы посылали за мною, графъ? Я удивляюсь!... Въ первый разъ въ жизни! Угодно вамъ

насмѣхаться надъ религіей, или вы начинаете уже трепетать передъ нею?

Францъ. Насмѣхаться или трепетать — все смотря потому, какъ ты станешь отвѣчать. Послушай, Мозеръ, я буду доказывать тебѣ, что ты — или самъ дуракъ, или людей дурачишь, а ты опровергай меня. Слышишь? горе тебѣ, если ты не будешь опровергать меня!

Мозеръ. Вы вызываете Высшаго на судъ свой. Онъ вамъ нѣкогда отвѣтитъ.

Францъ. Теперь, теперь хочу я знать это, сей часъ, сію минуту, чтобъ не надѣлать глупостей и въ часъ нужды не воззвать къ идолу черни. Я часто, насмѣхаясь, говорилъ тебѣ за бокаломъ бургонскаго: нѣтъ Бога! Теперь я безъ шутокъ говорю съ тобою и повторяю: нѣтъ Бога! Опровергай меня теперь всѣми орудіями, какія имѣешь въ своей власти, и я ихъ разсѣю однимъ дуновеніемъ устъ моихъ.

Мозеръ. Когда-бъ ты также легко могъ разсѣять громъ, который тысячекратно поразить твою надмѣнную душу! Этотъ всевидящій Богъ, котораго ты, глупецъ и злодѣй, хочешь уничтожить въ средѣ Его созданій, не имѣетъ нужды оправдываться устами праха. Онъ также великъ въ своихъ ужасныхъ карахъ, какъ и въ улыбкѣ торжествующей добродѣтели.

Францъ. Знато, попъ! вотъ это по мнѣ!

Мозеръ. Я пришёлъ сюда по дѣламъ высшаго Владыки, и говорю съ такимъ же червемъ, какъ и я, которому не намѣренъ нравиться. Знаю, что развѣ однимъ чудомъ можно вынудить признаніе у твоей закоснѣлой злости!... Но, если такъ сильно твое убѣжденіе, за чѣмъ призывать меня? Скажи, зачѣмъ ты посылалъ за мною, въ полночь?

Францъ. За тѣмъ, что я соскучился, и мнѣ надобно было шахматы. Вотъ мнѣ и вздумалось, скуки ради, погрызться съ попомъ. Пустымъ стращаньемъ съ меня не много возьмешь. Я очень хорошо знаю, что тотъ, кто здѣсь попалъ въ просакъ, надѣется на вѣчность — и жестоко ошибется. Я читалъ, что все наше существо есть ничто иное, какъ обращеніе крови, и что вмѣстѣ съ послѣднею каплею застываютъ душа и мысли. Духъ раздѣляетъ съ тѣломъ всѣ его слабости, стало быть, и уничтожится вмѣстѣ съ его разрушеніемъ, испарится вмѣстѣ съ гніеніемъ? Упади тебѣ на мозгъ одна капля воды — и твоя жизнь внезапно умолкнетъ, и будетъ граничить потомъ съ ничтожествомъ, и такъ продолжится до смерти. Ощущеніе есть потрясеніе нѣкоторыхъ струнъ, и разбитыя клавикорды не звучатъ болѣе. Разрушь я свои семь замковъ, или разбей я эту Венеру — и симетріи и красоты не стало. Тоже — и съ вашей безсмертной душою!

Мозеръ. Это философія вашего отчаянія. Но ваше собственное сердце, боязливо бьющееся о ребра, обличаетъ васъ. Всю эту паутину системъ разорвутъ слова: ты долженъ умереть! Я вызываю васъ — и пусть это послужитъ испытаніемъ — если и въ часъ смерти вы будете также непоколебимы, когда ваши правила и тогда вамъ не измѣнятъ, — вы побѣдили; но, если малѣйшій трепетъ хоть на мигъ овладѣетъ вами, тогда — горе вамъ! вы обманулись!

Францъ (*въ смущеніи*). Если трепетъ овладѣетъ мною?...

Мозеръ. Много видалъ я такихъ же несчастныхъ, которые всю жизнь храбро противустояли истинѣ; но въ часъ смерти — обманъ исчезаетъ... Я буду стоять

у вашего смертнаго одра... Мнѣ даже хочется посмотреть въ глаза вамъ, когда докторъ возьметъ вашу холодную, мокрую руку, станетъ напрасно доискиваться слабаго пульса, взглянетъ на васъ, и потомъ съ тѣмъ ужаснымъ пожатіемъ плечъ скажетъ: человѣческая помощь напрасна! Бойтесь, о бойтесь тогда, чтобъ не показаться Ричардомъ или Нерономъ.

Францъ. Нѣтъ, нѣтъ!

Мозеръ. И это *нѣтъ*, превратится тогда въ вопіющее *да*. Внутренній трибуналъ, котораго вамъ никогда не подкупить скептическими доводами, вдругъ проснется и призоветъ васъ на судъ свой. Но это пробужденіе будетъ подобно пробужденію заживо-погребеннаго во чревѣ кладбища; это будетъ ярость самоубійцы, который кается послѣ того, какъ ужъ наложилъ на себя руки; это будетъ молнія, которая внезапно освѣтитъ полночь вашей жизни; это будетъ взглядъ... и если вы и тогда останетесь непреклонными, — вы правы.

Францъ (*взволнованный, ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ*). Поповскія бредни! поповскія бредни!

Мозеръ. И вотъ, впервые мечи вѣчности растерзаютъ вашу душу; но уже будетъ поздно. Мысль: *Богъ* разбудитъ ужаснаго сосѣда! имя его — *Судія*. Видите ли, Мооръ, на концѣ вашего мизинца виситъ жизнь тысячей и изъ этихъ тысячей девятьсотъ девяносто девять вы сдѣлали несчастными. Чтобъ быть Нерономъ, вамъ не достаетъ только Римской Имперіи, и Перу, чтобъ называться Пизарро. Неужели, вы думаете, Богъ допустить, чтобъ единый человѣкъ, какъ бѣшенный, хозяйничалъ въ его мірѣ и все становилъ вверхъ

дномъ? Неужели вы думаете, что эти девятьсотъ девяносто девять созданы для того только, чтобъ гибнуть отъ руки вашей, или быть куклами вашей сатанинской игры? О, не думайте этого! Онъ потребуетъ нѣкогда отъ васъ каждую минуту, что вы украли у нихъ, каждую радость, что отравили имъ, каждое совершенство, что заградили для нихъ... отъ васъ потребуетъ... и если вы и на это отвѣтите ему, Мооръ, — вы правы.

Францъ. Довольно, ни слова болѣе! Ужъ не полагаешь ли ты, что я съ этихъ поръ буду плясать подъ твою дудку?

Мозеръ. Нѣтъ, Мооръ, судьба людей стоитъ въ страшно-прекрасномъ равновѣсіи. Чаша вѣсовъ, понижаясь въ этой жизни, возвысится въ той; возвысясь въ этой, упадетъ въ той. Что было здѣсь временнымъ страданіемъ, будетъ тамъ вѣчнымъ тріумфомъ; что было здѣсь конечнымъ тріумфомъ, будетъ тамъ вѣчнымъ, безконечнымъ отчаяньемъ?

Францъ (*яростно наступая на него*). Громъ да поразить тебя, нѣмотою лжець безстыдный! Я вырву проклятый языкъ у тебя изъ горла!

Мозеръ. А! вы ужъ начинаете чувствовать тяжесть правды? а я еще не приступалъ къ доказательствамъ. Дайте мнѣ только...

Францъ. Молчи, ступай въ адъ съ своими доказательствами! Уничтожится наша душа, говорю я тебѣ... я не хочу слышать твоихъ доказательствъ.

Мозеръ. Вотъ объ этомъ то и стонутъ духи преисподней, но небесный Судія качаетъ главою. Неужли вы полагаете, что въ пустомъ царствѣ ничтожества вы избѣжите десницы Предвѣчнаго мстителя? Взойдете на небо, — Онъ тамъ! снідите въ адъ, — Онъ

опять тамъ! Скажете морю: спрячь меня! и тьмѣ; укрой меня! — и тьма исполнится свѣта около васъ и ночь обратится въ день... но вашъ безсмертный духъ бо- рется только со словомъ и побѣждаетъ слѣпую мысль.

Францъ. Но я не хочу быть безсмертнымъ... до другихъ мнѣ дѣла нѣтъ. Я заставлю Его уничтожить себя, я раздражу Его до бѣшенства, чтобъ Онъ въ бѣ- шествѣ уничтожилъ меня. Назови мнѣ самый вели- чайшій изъ грѣховъ, наиболѣе могущій прогнѣвить Его.

Мозеръ. Я знаю только два грѣха. Но они не со- вершаются людьми; даже и въ голову не приходятъ людямъ.

Францъ. И эти грѣхи?

Мозеръ (*значительно*). *Отцеубійствомъ* зо- вется одинъ, *братоубійствомъ* зовется другой... От- чего вы такъ поблѣднѣли?

Францъ. Чтò, старикъ? Ты съ адомъ, или съ не- бомъ въ заговорѣ? кто сказалъ тебѣ это?

Мозеръ. Горе тому, у кого они оба на душѣ! Лучше бы ему никогда не родиться!... Но успокой- тесь!... У васъ вѣдь нѣтъ ни отца, ни брата!

Францъ. Га! — и выше этихъ грѣховъ ты ника- кого не знаешь? Подумай хорошенько! — Смерть, не- бо, вѣчность, проклятiе — вьются около каждого твоего слова!... выше ихъ никакого?

Мозеръ. Выше ихъ никакого.

Францъ (*падаетъ на стулъ*). Уничтоженiе! уни- чтоженiе!

Мозеръ. Радуйтесь! радуйтесь! При всѣхъ сво- ихъ злодѣйствахъ, вы еще святой противъ отцеубійцы. Проклятiе, которое поразитъ васъ, въ сравненiи съ тѣмъ, чтò ждетъ того, — пѣснь любви... возмездiе...

Францъ (*вскакивая*). Ступай въ адъ, зловѣщая сова! кто велѣлъ тебѣ придти сюда? Вонъ, говорю я, или я убью тебя!

Мозеръ. Развѣ поповскія бредни могутъ устрашить такого философа? Сдуйте-жь ихъ однимъ дуновеніемъ устъ вашихъ. (*уходитъ*)

Францъ (*въ ужасномъ волненіи, мечется въ креслахъ, глубокое молчаніе*)

Слуга (*поспѣшно*).

Слуга. Амалія бѣжала! Графъ внезапно исчезъ!

Даніель (*вбѣгаетъ въ большомъ страхѣ*).

Даніель. Милостивый графъ, цѣлое войско огненныхъ всадниковъ скачетъ по дорогѣ; кричатъ смерть, смерть, смерть... вся деревня на ногахъ.

Францъ. Ступай, прикажи звонить во всѣ колокола; пусть всѣ идутъ въ церковь... всѣ на колѣна... молиться обо мнѣ! Всѣхъ заключенныхъ выпустить на волю; вдвое, втрое вознагражу бѣдныхъ... я... да ступай же... зови духовника, — да сниметъ онъ грѣхи съ меня... И ты еще не ушѣлъ? (*шумъ становится слышенъ*)

Даніель. Господи, прости меня грѣшнаго! Я здѣсь и ума не приложу? Молитвы вы сами вѣдь бѣгали, какъ Богъ знаетъ чего; молитвенникъ, или библію, бывало, вотъ такъ и пустите въ лобъ мнѣ, когда только поймаете за молитвой...

Францъ. Ни слова болѣе!... *умереть!* слышишь ли? *умереть!*...

ДАНІЕЛЬ. Я вѣдь всегда вамъ говорилъ... Вы презирали молитву... но дайте срокъ, дайте срокъ, — прійдетъ нужда, настанетъ страшный часъ, и вы все сокровища міра отдадите за одинъ христіанскій вздохъ... вотъ видите? еще ругали меня? вотъ и сами попались! видите?

ФРАНЦЪ (*бѣшено обнимаетъ его*). Прости, любезный ты мой Даніель! прости! — я одѣну тебя съ ногъ до... Да молись же!... я сдѣлаю тебя управителемъ... я... Да молись же, заклинаю тебя — во имя дьявола! молись же, молись!... (*Смятеніе на улицахъ. Крикъ, трескотня, шумъ*)

ШВЕЙЦЕРЪ (*на улицу*). Штурмуйте! бейте! ломитесь! Я вижу свѣтъ: онъ вѣрно тамъ!

ФРАНЦЪ. (*на коленяхъ*). Внемли моей молитвѣ, Царь небесный! Это въ первый еще разъ!... и ужь потомъ вѣрно никогда не будетъ!... Слушай, Царь небесный!

ДАНІЕЛЬ. «Услыши меня!» Что вы это? Вѣдь это безбожная молитва.

СТЕЧЕНІЕ НАРОДА.

НАРОДЪ. Воры! убійцы! Кто это такъ шумить въ полночь?

ШВЕЙЦЕРЪ (*все еще на улицу*). Отгони ихъ, товарищъ!... это дьяволъ хочетъ унести вашего барина... Гдѣ Шварцъ съ своимъ отрядомъ? Обложи замокъ, Гриммъ!... Штурмуй стѣны!

ГРИММЪ. Скорѣй зажигательные снаряды... или мы къ нему, или онъ къ намъ... вотъ я зажгу его залы.

Францъ (*молится*). Я не былъ какимъ нибудь обыкновеннымъ убійцей, мой Создатель! никогда не грѣшилъ по малости, мой Создатель!...

Даніель. Прости его Господи! И молитвы у него становятся грѣхами. (*летятъ камни и зажигательные снаряды. Стекла разбиваются въдребезги. Замокъ горитъ*).

Францъ. Я не могу молиться! — здѣсь, здѣсь (*указывая на лобъ и сердце*) все такъ пусто, такъ перемѣшано... (*встаетъ*) Нѣтъ, я не хочу молиться! — этой побѣды да не будетъ за небомъ! адъ да не насмѣется надо мною!...

Даніель. Jesus Maria! Помогите! — спасайте!... весь замокъ въ огнѣ!

Францъ. Возьми эту шпагу! скорѣй! всади еѣ мнѣ въ животъ, да только такъ, чтобъ я не видалъ, пока не пришли еще эти каналы и не наругались надо мною. (*пламя увеличивается*)

Даніель. Сохрани Богъ! что вы это! Никого преждевременно я ни за что на свѣтѣ не отправлю на небо, тѣмъ болѣе въ... (*убѣгаетъ*)

Францъ (*безумно смотритъ ему вслѣдъ. Послѣ нѣкотораго молчанія*). Въ адъ, хочешь сказать ты. Въ самомъ дѣлѣ, я ужъ чую что то подобное... (*въ сумасшествіи*) Ужъ не ваши ли это пѣсни? не ваше ли шипѣнье, вы, змѣи преисподней? Они ломаются сюда .. разбиваютъ двери... Зачѣмъ боюсь я этого смертоноснаго острія... Дверь трещитъ... падаетъ... нѣтъ спасенья!... Га! такъ сжался хоть ты надо мною! (*срываетъ золотой шнуръ съ шляпы и удаляется*)

ШВЕЙЦЕРЪ (*съ своими*).

ШВЕЙЦЕРЪ. Каналья, гдѣ ты? Видѣли, какъ всѣ они разбѣжались? — такъ мало его любятъ? Куда скрылась эта бестія?

ГРИММЪ (*наткнувшись на трупъ*). Стой! кто это лежитъ здѣсь на дорогѣ? Посвѣтите сюда!

ШВАРЦЪ. Онъ предупредилъ насъ. Вложите сабли: онъ лежитъ, какъ околѣлая кошка.

ШВЕЙЦЕРЪ. Мертвъ! Что? мертвъ? безъ меня мертвъ? Вздоръ, говорю я. Посмотрите, какъ онъ вскочить! (*толкаетъ его*) эй, ты! хочешь еще разъ уморить отца?

ГРИММЪ. Не безпокойся: не встанетъ.

ШВЕЙЦЕРЪ (*отходитъ отъ него*). Да, — онъ не радуется... не встанетъ... Идите назадъ и скажите атаману: онъ умеръ! Меня же онъ болѣе не увидитъ. (*застрѣливается*)

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Тоже мѣстоположеніе, какъ и въ послѣдней сценѣ предъидущаго акта.

СТАРИКЪ МООРЪ (*сидитъ на камнѣ*). РАЗБОЙНИКЪ

МООРЪ (*стоитъ передъ нимъ*). РАЗБОЙНИКИ

(*тамъ и сямъ въ лѣсу*).

Р. МООРЪ. Онъ не приходитъ! (*ударяетъ кинжаломъ о камень, такъ что сыплются искры*)

Ст. Мооръ. Прощеніе да будетъ его наказаніемъ ;
моя месть — удвоенною любовью.

Р. Мооръ. Нѣтъ, клянусь моей раздраженной ду-
шою, этого не будетъ! Я не хочу этого. За предѣлы
вѣчности онъ долженъ влечь за собою свое злодѣяніе!

Ст. Мооръ (*залившись слезами*). О, дитя мое!

Р. Мооръ. Какъ? ты плачешь объ немъ... у этой
башни?

Ст. Мооръ. Сжался! о, сжался! (*въ отчаяніи
ломаетъ руки*) Въ эту минуту — судятъ моего сына!

Р. Мооръ (*съ испугомъ*). Котораго?

Ст. Мооръ. Га! что за вопросъ?

Р. Мооръ. Ничего, ничего!

Ст. Мооръ. Ты насмѣхаться пришёлъ надъ моею
горестію?

Р. Мооръ. Предательская совѣсть!... Не обращай-
те вниманія на слова мои.

Ст. Мооръ. Да, я мучилъ сына, и сынъ меня те-
перь мучить; это перстъ Божій. О, Карлъ, Карлъ!
Если ты носишься надо мною въ одеждѣ мира, прости
меня! о, прости меня!

Р. Мооръ (*быстро*). Онъ васъ прощаетъ. (*спо-
хватившись*) Если онъ достоинъ называться вашимъ
сыномъ — онъ долженъ простить васъ.

Ст. Мооръ. О, онъ былъ слишкомъ прекрасенъ
для меня; но я пойду къ нему на встрѣчу съ своими
слезами, со своими безсонными ночами, мучительными
грезами, я обниму его колѣна, я закричу, я громко за-
кричу: «я согрѣшилъ предъ небомъ и тобою! я не до-
стоинъ называться отцомъ твоимъ.»

Р. Мооръ (*растроганный*). Вы его любили...
вашего другòго сына?

Ст. Мооръ. Богъ тому свидѣтель! Зачѣмъ послушался я коварныхъ совѣтовъ дурнѣго сына? Я былъ бы счастливѣйшимъ отцомъ между отцами всего чело-вѣчества. Возлѣ меня цвѣли бы дѣти, полныя надеждъ. Но — будь проклять этотъ часъ! — злой духъ вошелъ въ сердце моего втораго сына; я повѣрилъ змѣѣ, и потерялъ обоихъ дѣтей. (*закрываетъ лицо руками*)

Р. Мооръ (*далеко отходитъ отъ него*). На вѣки потерялъ ихъ!

Ст. Мооръ. О, глубоко чувствую то, что мнѣ разъ сказала Амалія. Духъ мести говорилъ ея устами: «Напрасно станешь простирать руки къ сыну; напрасно захочешь уловить горячую руку твоего Карла: онъ никогда не будетъ стоять у твоей постели!»

Р. Мооръ (*отворотившись, протягиваетъ ему руку*).

Ст. Мооръ. Еслибъ ты была рука моего Карла! Но онъ лежитъ въ тѣсномъ дому, спитъ непробуднымъ сномъ; онъ не услышитъ никогда голоса моей горести... Горе мнѣ! Умереть на чужихъ рукахъ... Нѣтъ сына, нѣтъ сына, чтобъ закрыть мои неподвижныя очи!

Р. Мооръ (*въ сильномъ волненіи*). Теперь настало время... теперь... (*разбойникамъ*) Оставьте меня. Но развѣ я могу возвратить ему сына?... Нѣтъ, я этого не сдѣлаю.

Ст. Мооръ. Что, другъ мой? что говоришь ты тамъ?

Р. Мооръ. Твой сынъ... да, старикъ... (*чуть внятно*) твой сынъ... погибъ на вѣки!

Ст. Мооръ. На вѣки?

Р. Мооръ (*въ ужасномъ утомленіи смотритъ*

на небо). О, только теперь, не дай устать душѣ моей! только теперь поддержи меня!

Ст. Мооръ. На вѣки, говоришь ты?

Р. Мооръ. Не спрашивай меня болѣе. Да, на вѣки.

Ст. Мооръ. Пришлецъ! зачѣмъ освободилъ ты меня изъ башни?

Р. Мооръ (*про себя*) Не похитить ли мнѣ теперь у него благословенія? — похитить, подобно вору, и потомъ убѣжать съ божественною добычей? Отцовское благословеніе, говорятъ, никогда не пропадаетъ.

Ст. Мооръ. И мой Францъ также погибъ?

Р. Мооръ (*бросается къ ногамъ его*). Я разломалъ запоры тюрьмы твоей: благослови меня!

Ст. Мооръ (*съ горестію*). О, еслибъ ты только не каралъ сына, спаситель отца! Видишь ли: Божество не устаётъ въ милосердіи, а мы ничтожные черви съ гнѣвомъ отойдемъ въ вѣчность? (*кладетъ руку на голову разбойника*) Будь также счастливъ, какъ ты сострадательнъ!

Р. Мооръ (*встаетъ тронутый*). О, гдѣ мое мужество? Жилы мои ослабли; кинжалъ валится изъ рукъ.

Ст. Мооръ. Какъ хорошо, если братья живутъ въ согласіи, хорошо, какъ роса, падающая съ Гермона на горы Сіона. Старайся заслуживать это наслажденіе, молодой человѣкъ, и ангелы неба будутъ грѣться въ твоёмъ сіяніи. Мудрость твоя да будетъ мудростію сѣдинъ, а твое сердце — да будетъ сердцемъ невиннаго дѣтства.

Р. Мооръ. О, предвкушеніе такого блаженства... Поцѣлуй меня, божественный старецъ!

Ст. Мооръ (*цѣлуетъ его*). Вообрази, что это — поцѣлуй отца, а я буду думать, что цѣлую моего сына. Ты можешь также плакать?

Р. Мооръ. Я подумалъ, что это поцѣлуй отца! Горе мнѣ, если они теперь приведутъ его!

(*Отрядъ Швейцера входитъ печально, повѣсивъ голову и закрывъ лицо руками*).

Р. Мооръ. Небо! (*боязливо пятится назадъ и старается спрятаться. Они проходятъ мимо. Онъ отворачивается отъ нихъ. Глубокое молчаніе. Они останавливаются*).

Гриммъ (*съ преклоненною головою*). Атаманъ! (*Р. Мооръ не отвѣчаетъ и отступаетъ назадъ*).

Шварцъ. Атаманъ! (*Р. Мооръ подается болѣе и болѣе назадъ*)

Гриммъ. Мы не виноваты, атаманъ!

Р. Мооръ (*не глядя на нихъ*). Кто вы!

Гриммъ. Ты не смотришь на насъ?... Твои вѣрные слуги...

Р. Мооръ. Горе вамъ, если и на этотъ разъ вы были мнѣ вѣрны!

Гриммъ. Последнее прости отъ твоего раба Швейцера... онъ ужъ не воротится — твой рабъ Швейцеръ.

Р. Мооръ. (*вскакивая*). Такъ вы его не нашли?

Шварцъ. Нашли мертвымъ.

Р. Мооръ (*радостно всплеснувъ руками*). Благодарю тебя, небесный Распорядитель! Обнимите меня, мои дѣти! Милосердіе отселъ нашъ лозунгъ... Еслибъ еще и это миновало — все миновало.

ЕЩЕ РАЗБОЙНИКИ. АМАЛІЯ.

РАЗБОЙНИКИ. Ура! ура! добыча, знатная добыча!

АМАЛІЯ (*съ распущенными волосами*). Мертвецы, кричатъ они, воскресають отъ его голоса... мой дядя живъ... въ этомъ лѣсу... гдѣ онъ? Карлъ! Дядюшка! Га! (*бросается къ старику*).

СТ. МООРЪ. АМАЛІЯ! дочь моя! АМАЛІЯ (*сжимаетъ ее въ объятіяхъ*).

Р. МООРЪ (*отскакивая*). Кто вызвалъ этотъ образъ передъ глаза мои.

АМАЛІЯ (*вырывается изъ объятій старика, бѣжитъ къ разбойнику Моору и въ восторгъ обнимаетъ его*). Онъ опять со мной! о, вы, звѣзды!... онъ опять со мной!

Р. МООРЪ (*вырываясь изъ ея объятій, разбойникомъ*). Снимайтесь вы! въ дорогу! Сатана измѣнилъ мнѣ!

АМАЛІЯ. Женихъ мой, женихъ мой, ты въ бреду... Ахъ!... Отъ восторга!... Отчего я одна такъ безчувственна, холодна среди вихрей радости!

СТ. МООРЪ (*содрогаясь*). Женихъ? Дочь! дочь! женихъ?

АМАЛІЯ. Я на вѣкъ его! Онъ на вѣки мой!... О, вы силы неба! свалите съ меня это убійственное наслажденіе: я изнемогу подъ его бременемъ!

Р. МООРЪ. Оторвите еѣ отъ груди моей! Убейте еѣ! убейте его!... меня!... самихъ себя!... все!... весь свѣтъ погибни!... (*хочетъ бѣжать*).

АМАЛІЯ. Куда?... какъ?... Любовь!... вѣчность!... радость!... безконечность!... а, ты бѣжишь?

Р. Мооръ. Прочь, прочь, — несчастнѣйшая изъ невѣстъ! Смотри сама! суди сама!... слушай!... Несчастнѣйшій изъ отцовъ!... Дайте мнѣ на вѣки убѣжать отсюда!

Амалія. Поддержите меня! ради Бога, поддержите меня!... у меня темнѣетъ въ глазахъ... Онъ бѣжитъ!...

Р. Мооръ. Поздно! напрасно!... Твое проклятіе, отецъ мой!... не спрашивай меня ни о чемъ!... я, я... твоё проклятіе, твоё мнимое проклятіе... Кто заманилъ меня сюда? (*съ обнаженной саблей бросается на разбойниковъ*) Кто изъ васъ заманилъ меня сюда, вы, твари преисподней? Такъ погибни-жь Амалія!... умри отецъ! умри черезъ меня въ третій разъ! Твои спасители — разбойники и убійцы! Твой Карлъ — ихъ атаманъ! (*Старикъ Мооръ умираетъ*)

Амалія (*нѣмая, безчувственная стоитъ, какъ статуя. Вся шайка въ ужасномъ молчаніи*).

Р. Мооръ (*ударяясь о дубъ*). Души загубленныхъ мною въ чадѣ любви, раздавленныхъ въ священномъ снѣ, души... ха, ха, ха!... слышите ли трескъ пороховаго погреба надъ головами невинныхъ? видите-ль это пламя надъ колыбелями младенцевъ? Вотъ свадебный факель, вотъ свадебная музыка!... О, онъ ничего не позабываетъ!... Онъ все мастеръ связывать!... потому и бѣжитъ меня радость любви! потому пыткой для меня любовь! Это возмездіе!

Амалія. Это правда! Владыко небесный, это правда!... Чѣмъ согрѣшила я?... Я любила его!

Р. Мооръ. Это свѣше силъ человѣка. Я слышалъ, какъ смерть изъ тысячи стволовъ свистала около меня, и ни на шагъ не подался передъ нею, — а теперь стану учиться дрожать, какъ женщина, дрожать передъ

женщиной? Нѣтъ, женщинѣ не потрясти моего мужества! Крови, крови!... Это все отъ прикосновенія женщины... крови дайте испытъ мнѣ, и все пройдетъ! (*хочетъ бѣжать*)

Амалія (*бросается къ нему въ объятія*). Убійца! дьяволъ!... Ангелъ, я не могу разстаться съ тобой!

Р. Мооръ (*отталкиваетъ ее отъ себя*). Прочь, коварная змѣя! ты хочешь насмѣхаться надъ бѣшеннымъ; но я поборю тиранское предопредѣленіе... Чтò, ты плачешь? О, вы безстыдныя, злобныя созвѣздія! Она только притворяется, будто плачетъ, какъ будто есть кому обо мнѣ еще плакать. (*Амалія падаетъ къ нему на грудь*) Га, это чтò?... Она не плюетъ на меня, не отталкиваетъ меня... Амалія! ты позабыла? Знаешь ли кого ты обнимаешь, Амалія?

Амалія. Единственный, неразлучный!

Р. Мооръ (*въ порывѣ восторженной радости*). Она прощаетъ меня! она любить меня! Я чистъ, какъ эфиръ небесный: она любить меня! Слезы благодарности тебѣ, милосердное небо! (*падаетъ на колѣна и плачетъ*) Миръ души моей возвратился ко мнѣ; умерло горе; нѣтъ болѣе аду... смотри, о, смотри — дѣти свѣта плачутъ на шеѣ плачущихъ дьяволовъ. (*встаетъ; къ разбойникамъ*) Плачьте же и вы! плачьте, плачьте! — вы вѣдь такъ счастливы... О, Амалія, Амалія, Амалія! (*уста ихъ сливаются; они остаются въ нѣмомъ объятіи*)

Одинъ изъ разбойниковъ (*съ нѣвомъ выходя впередъ*). Стой, измѣнникъ! Руки врозь, или я скажу тебѣ такое слово, что въ ушахъ затрещитъ у тебя и зубы защелкаютъ отъ ужаса! (*простираетъ саблю между ними*)

Ст. Разбойникъ. Вспомни о богемскихъ лѣсахъ! Слышишь ты? чтожь еще медлишь? Вспомни о богемскихъ лѣсахъ! Измѣнникъ, гдѣ твои клятвы? Развѣ раны забываются такъ скоро? Когда мы счастье, честь и жизнь готовы были положить за тебя, когда стояли, какъ стѣны, какъ щиты, ловили удары, на тебя одного направленные — не ты ли поднималъ руку тогда къ Небу, не ты ли клялся никогда съ нами не разставаться, какъ и мы — никогда не покидать тебя? Безчестный! клятвопреступникъ! И ради слезъ какой нибудь дѣвки ты хочешь оставить насъ?

Третій разбойникъ. Не стыдно ли тебѣ! Духъ убитаго Роллера, котораго самъ же ты вызывалъ въ свидѣтели изъ царства мертвыхъ, покраснѣетъ за твою подлость, и всеоружіи встанетъ изъ гроба и накажетъ тебя.

Разбойники (*реутъ на себя платъя и говорятъ всѣ вмѣстѣ*). Взгляни сюда, взгляни!... Знаешь эти раны?... Ты нашъ!... Кровью нашего сердца мы купили тебя съ душою и тѣломъ! нашъ ты! — и хоть самъ архангелъ Михаилъ подерись за это съ Молохомъ!... Пойдемъ съ нами! Жертва за жертву! Амалію для шайки!

Р. Мооръ (*выпускаетъ ея руку изъ своей*). Все кончено!... Я хотѣлъ обратиться и идти къ отцу моему; но небо судило иначе. (*холодно*) Близорукій глупецъ! зачѣмъ хотѣлъ я этого? Великій грѣшникъ развѣ можетъ когда нибудь обратиться? Великій грѣшникъ никогда не можетъ обратиться... дѣло давно извѣстное! Успокойся, прошу тебя, успокойся! Ничего не можетъ быть справедливѣе. Я не хотѣлъ Его, когда Онъ искалъ меня; теперь я ищу Его — и Онъ меня не хочетъ.

Чтожь можетъ быть справедливѣе? Не смотри на меня такимъ неподвижнымъ взглядомъ... Ему я не нуженъ. Вѣдь у Него всякихъ тварей цѣлая пропасть. Безъ одного Онъ очень легко можетъ обойтись, и этотъ одинъ, по несчастію, — я, вотъ и все тутъ!... Пойдемъ, товарищи!

Амалія (*останавливая его*). Стой, стой! Удара!... одного смертельнаго удара!... Опять покинута! Вынь свой ножъ — и сжался надо мной!

Р. Мооръ. Сожалѣніе ушло къ медвѣдямъ: я не убью тебя.

Амалія (*обнимая его колѣна*). О, ради Бога! ради всѣхъ милосердій! Мнѣ ужъ не нужно любви... я знаю, что наши созвѣздія враждебно бѣгутъ одно отъ другого... одной смерти прошу я. Покинута, покинута! Понимаешь ли ты ужасные звуки этого слова: покинута! Я не могу перенести этого. Видишь самъ — женщина не перенесетъ этого. Одной смерти прошу я! Вотъ видишь ли, моя рука дрожитъ, у меня недостаетъ сердца нанести ударъ... Я боюсь блестящаго острія, тебѣ-жь это такъ легко, такъ легко: ты вѣдь такой мастеръ убивать. Вынь же ножъ свой — и я счастлива!

Р. Мооръ. Такъ ты одна хочешь быть счастлива? я не убиваю женщинъ!

Амалія. Га! душегубецъ! ты умѣешь только убивать счастливыхъ, и проходишь мимо пресыщенныхъ жизни! (*обращаясь къ разбойникамъ*) Такъ сжалитесь вы надо мною, вы, ученики самого дьявола! Въ вашихъ глазахъ такое кровавое состраданіе, что несчастный по неволѣ утѣшается... Вашъ атаманъ — пустой, трусливый хвостунъ!

Р. Мооръ. Женщина, что говоришь ты? (*разбойники отворачиваются*)

Амалія. Нѣтъ друга? И между ними нѣтъ друга? (*встаетъ*) Ну такъ ты, Дидона, научи умереть меня! (*хочетъ уйти. Одинъ изъ разбойниковъ прицѣливается*)

Р. Мооръ. Стой! Осмѣлся только!... Возлюбленная Моора умереть только отъ руки Моора! (*закалываетъ ее*)

Разбойники. Атаманъ, атаманъ! Что ты дѣлаешь? Въ умѣ ли ты?

Р. Мооръ (*неподвижнымъ взглядомъ смотритъ на трупъ*). Въ самое сердце. Еще одно содроганіе — и все кончено. Смотрите! Чего вамъ еще нужно? Вы жертвовали мнѣ жизнью, жизнью, которая ужь не принадлежала вамъ, жизнью, полною отвратительныхъ преступленій и срама, — я для васъ убилъ ангела. Посмотрите, посмотрите! довольны ли вы теперь?

Гриммъ. Свой долгъ ты заплатилъ съ лихвою. Ты сдѣлалъ то, чего ни одинъ человѣкъ не сдѣлалъ бы для своей чести. Теперь пойдемъ съ нами.

Р. Мооръ. Ты думаешь? Не правда ли, жизнь праведницы противъ жизни бездѣльниковъ... вѣдь это неравная мѣна? О, говорю вамъ, если каждый изъ васъ взойдетъ на эшафотъ, и у каждого раскаленными щипцами станутъ рвать тѣло кусокъ за кускомъ, и промучать такъ одиннадцать лѣтнихъ дней, и тогда вамъ не искупить одной слезы ея. (*съ горькимъ хохотомъ*) Раны! Богемскія лѣса! да, да! это конечно требовало отплаты.

Шварцъ. Успокойся, атаманъ! Пойдемъ съ нами! Такое зрѣлище не для тебя. Веди насъ далѣе!

Р. Мооръ. Стой! — еще одно слово передъ уходомъ. Слушайте, вы, гнусныя орудія моихъ варварскихъ плановъ! — съ этой минуты я перестаю быть вашимъ атаманомъ. Со стыдомъ и горестію слагаю я здѣсь этотъ кровавый жезлъ, подъ которымъ вы могли безнаказанно злодѣйствовать, и дѣянiями тьмы пачкать этотъ небесный свѣтъ. Ступайте, куда хотите! Съ этихъ поръ у меня съ вами ничего нѣтъ общаго.

Разбойники. Га, малодушный! гдѣ твои высокопарныя планы? Мыльные пузыри они что-ли, что лопнули отъ дыханiя женщины?

Р. Мооръ. О, я глупецъ, мечтавшій исправить свѣтъ злодѣянiями, и законы поддержать беззаконіемъ! Я называлъ это местію и правомъ; я дерзалъ, о Провидѣніе! стачивать зазубрины меча твоего и поправлять твое пристрастіе — и вотъ, — о, вѣтреное ребячество! — я стою теперь на краю ужасной жизни и съ воемъ и съ скрежетомъ зубовъ, узнаю, что два такихъ человѣка, какъ я, могли бы уничтожить все зданіе нравственнаго міра. Умилосердись, умилосердись надъ ребенкомъ, дерзнувшемъ предупредить твои предначертанiя. Тебѣ одному подобаетъ мщеніе. Не нужна тебѣ рука человѣка. Правда, не въ моей власти воротить прошедшее: что испорчено, то испорчено, что я разрушилъ — никогда не возстановится; но еще мнѣ остается чѣмъ примирить оскорбленные законы и заживить поруганный порядокъ. Они требуютъ жертвы, жертвы, которая показала бы всему человѣчеству свое несокрушимое величество, — и эта жертва — я. Я самъ долженъ умереть за нихъ.

Разбойники. Отнимите у него шпагу! онъ хочетъ наложить на себя руки!

Р. Мооръ. Глупцы, осужденные на вѣчную слѣпоту! И вы думаете, что смертный грѣхъ можетъ искупить смертные грѣхи? И вы думаете, что гармонія свѣта выиграетъ отъ этой безбожной разноголосицы? (*презрительно бросаетъ свое оружіе къ ногамъ ихъ*) Я иду предать себя въ руки правосудія.

Разбойники. Закуйте его въ цѣпи! — онъ съ ума сошелъ.

Р. Мооръ. Не то, чтобъ я сомнѣвался, что рано или поздно оно отыщетъ меня, если захотятъ того Высшія силы; но оно можетъ напасть на меня во снѣ, настичъ меня въ бѣгствѣ, или силой и мечомъ сокрушить меня — и тогда пропадетъ моя единственная заслуга, что я умеръ за него добровольною смертію. И на что мнѣ, подобно вору, утаивать долѣе жизнь, которая уже давно отнята у меня въ совѣтѣ небесныхъ Хранителей.

Разбойники. Пусть онъ идетъ! развѣ не видите, что онъ зараженъ славолюбіемъ. Онъ мѣняетъ жизнь на пустое удивленіе.

Р. Мооръ. Мнѣ стануть удивляться? (*послѣ нѣкотораго размышленія*) На дорогѣ сюда мнѣ случилось говорить съ бѣднякомъ поденщикомъ, у котораго одиннадцать человѣкъ дѣтей. Тысячу луйдоровъ обѣщано тому, кто славнаго разбойника предастъ живаго! Для бѣдняка это будетъ не дурная помощь! (*уходитъ*)

ДОНЪ-КАРЛОСЪ

ИНФАНТЪ ИСПАНСКІЙ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

Переводъ Михаила Достоевскаго

Дѣйствующія лица:

Филиппъ II, король испанскій.

Елизавета Валуа, его супруга.

Донъ-Карлосъ, наслѣдный принцъ.

Александръ Фарнезе, принцъ пармскій, племянникъ
короля.

Инфанта Клара Евгения, трехлѣтнее дитя.

Герцогиня Оливарецъ, обергофмейстерина.

Маркиза Мондекаръ,

Принцесса Эболи,

Графиня Фуэнтесъ,

} дамы королевы.

Маркизъ Поза, мальтійскій кавалеръ.

Герцогъ Альба.

Графъ Лерма, полковникъ лейбъ-гвардіи.

Герцогъ Феріа, кавалеръ золотого руна.

Герцогъ Медина Сидонія, адмиралъ.

Донъ Раймондъ Таксисъ, оберъ-почт-
мейстеръ.

} Испанскіе
гранды.

Доминго, духовникъ короля.

Великій Инквизиторъ королевства.

Пріоръ картезійскаго монастыря.

Пажъ королевы.

Донъ Людвигъ Меркадо, лейбмедикъ королевы.

Дамы и гранды.

Пажи.

Офицеры.

Лейбъ-гвардія.

Разныя лица, безъ рѣчей.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Королевскій садъ въ Аранжуэцѣ.

Карлосъ. Доминго.

доминго.

Вотъ и къ концу приходятъ дни веселья
Въ Аранжуэцѣ. Вы-жь, свѣтлѣйшій принцъ,
Не веселѣе разстаетесь съ нимъ.
Мы, кажется, здѣсь пробыли напрасно.
Прервите ваше странное молчанье,
Откройте грудь родительской груди!
Принцъ! нѣтъ цѣны, которою бѣ король
Не искупилъ сыновняго покоя.

(Карлосъ, потупивъ взоръ, молчитъ)

Принцъ! есть ли хоть одно у васъ желанье,
Въ которое не вслушалось бы небо?
Я былъ при томъ, когда въ стѣнахъ Толеды
Нашъ гордый Карлъ присягу принималъ;

Когда князя къ его рукѣ толпились,
И шесть державъ къ его стопамъ священнымъ
Приникли разомъ; я стоялъ и видѣлъ,
Какъ гордая въ лицѣ разыграла кровь,
Какъ грудь отъ царскихъ помысловъ вздымалась,
Какъ упоенный взглядъ собранье облеталъ,
Блистая радостью... Принцъ, этотъ взглядъ
Намъ говорилъ: я насыщенъ!

(Карлосъ отворачивается)

Принцъ, эта
Торжественная, тихая печаль,
Которую съ прискорбіемъ читаемъ
Мы восемь мѣсяцовъ во взорѣ вашемъ,
Загадка цѣлаго двора, — тоска
Испаніи — ужь стоила довольно
Ночей безсонныхъ нашему монарху,
Слезъ королевѣ-матери, мой принцъ...

КАРЛОСЪ.

(быстро отворачивается)

Мать! Боже! дай мнѣ силъ простить тому,
Кто далъ ее мнѣ въ матери!

ДОМИНГО.

Мой принцъ!

КАРЛОСЪ.

(спохватившись, третъ рукою по лбу)

Святой отецъ... я, право, такъ несчастливъ
Своими матерями. Первымъ дѣломъ
Моимъ, увидѣвъ свѣтъ, убійство было,
Убійство матери.

ДОМИНГО.

Возможно-ль, принцъ?

Такой упрекъ терзаетъ вашу совѣсть?

КАРЛОСЪ.

А эта мать — не стоила ли мнѣ
Любви отцовской? Мой отецъ, король,
И безъ того едва любилъ меня,
Хоть я его единородный сынъ.
Ей Богъ далъ дочь... Кто знаетъ, что еще
На днѣ времянь таинственно хранится?

ДОМИНГО.

Вамъ надо-мнѣй шутить угодно, принцъ?
Какъ! Вся Испанія боготворить
Свою владычицу, а вамъ однимъ
Ее угодно ненавидѣть, — передъ нею
Внимать разсудка наущеньямъ? Какъ, принцъ?
Прекраснѣйшая женщина на свѣтѣ
И королева... и когда-то ваша
Невѣста, принцъ... невѣроятно, нѣтъ!
Гдѣ любятъ всѣ, тамъ Карль не ненавидитъ;
Такъ странно самъ себѣ противорѣчить
Не станетъ Карлосъ. Берегитесь, принцъ,
Чтобы она объ этомъ не узнала:
Вѣсть примутъ горько.

КАРЛОСЪ.

Право?

ДОМИНГО.

Если

Ваше высочество не позабыли
Послѣдняго турнира въ Сарагоссѣ,
Гдѣ нашъ король еще слегка былъ раненъ...
Съ своими дамами сидѣла королева
На средней изъ трибунъ дворцовыхъ, битвой
Любуясь. Вдругъ кричатъ: король въ крови!
Тутъ все засуетилось; бурный шопоть

Бѣжить въ рядахъ и наконецъ доходить
До королевы. « Принцъ? » кричитъ она
И хочетъ броситься съ высокаго балкона.
« Нѣтъ, самъ король! » — ей отвѣчаютъ. « Ну,
Такъ докторовъ позвать скорѣй... » сказала
Она, переводя дыханье.

(Послѣ нѣкотораго молчанія)

Вы

Задумались о чемъ-то?

КАРЛОСЪ.

Удивляюсь

Веселому духовнику монарха.

Какъ ловокъ онъ въ затѣйливыхъ разсказахъ!

(Серьезно и мрачно)

Но я всегда слыхалъ, что здѣсь на свѣтѣ

Разносчики и продавцы вѣстей

Зла болѣе творили, чѣмъ отравы

И ножъ въ рукахъ убійцы. Святой отецъ,

Напрасно только вы трудились: если

Вы ждете благодарности — ступайте

Къ его величеству.

ДОМИНГО.

Свѣтлѣйшій принцъ,

Я васъ хвалю, за то, что осторожно

Изволите съ людьми вы обходиться.

Но различать людей умѣйте также:

Не оттолкните друга вмѣстѣ съ лицомъ;

Я вамъ добра желаю.

КАРЛОСЪ.

Берегитесь,

Чтобъ мой отецъ объ этомъ не провѣдалъ:

Тогда проститесь съ мантией.

ДОМИНГО.

(озадаченный)

Какъ такъ?

КАРЛОСЪ.

Да такъ. Не общалъ ли мой отецъ
Вамъ мантии при первой же раздачѣ?

ДОМИНГО.

Вамъ надо-мнѣй шутить угодно, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Да сохранить меня Отецъ небесный,
Чтобы шутить я сталъ надъ человѣкомъ,
Который къ лику праведныхъ причислить
И осудить монарха властенъ!

ДОМИНГО.

Принцъ,

Не смѣю я изслѣдовать причины
Печали вашей, но хочу и долженъ
Я вашему высочеству напомнить,
Что для души, тоской убитой, церковь
Свои врата святыя отворяетъ,
Къ которымъ нѣтъ ключей и у монарховъ...
Вы поняли меня, принцъ? Я окончилъ.

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ! я далѣкъ отъ мысли искушать
Хранителя такого блага.

ДОМИНГО.

Принцъ,

Такая недовѣрчивость... слугу
Такъ обижать, вѣрнѣйшаго слугу...

КАРЛОСЪ.

(беретъ его за руку)

Ужъ отступитесь лучше отъ меня.

Вы человекъ святой, — то знаетъ свѣтъ;
Но вотъ въ чемъ дѣло: для меня вы слишкомъ
Ужъ заняты. Вашъ путь, святой отецъ,
Великъ, тернистъ, пока вамъ не удастся
Сѣсть на престолъ Петра. А много знать
Вамъ вредно. Потрудитесь передать
Все это королю, который васъ
Прислалъ сюда!

доминго.

Меня прислалъ сюда?

карлосъ.

Да, васъ прислалъ. О! знаю, вѣрно знаю,
Что я ужъ преданъ при дворѣ Испанскомъ, —
Что сотни глазъ подкуплены стеречь
Меня, — я знаю, что король Филиппъ
Готовъ продать единственного сына
Послѣднему рабу; что платить онъ
За каждый слогъ, за пойманное слово
Доносчикамъ, по царски платить онъ.
Я знаю... О! довольно! тише! Сердце
Мое полно, а я и то сказалъ
Ужъ много лишняго.

доминго.

Король намѣренъ
До вечера сегодня быть въ Мадритѣ.
Дворъ собранъ весь Позволите-ль вы мнѣ,
Принцъ...

карлосъ.

Хорошо, я не замедлю.

(Доминго уходитъ)

КАРЛОСЪ.

(послѣ нѣкотораго молчанія)

Жалкій

Филиппъ! Какъ сынъ твой, бѣденъ ты и жалокъ!

Ужъ вижу я, какъ ядовитымъ жаломъ

Къ тебѣ во грудь впилося подозрѣнье;

Твое предвѣденъе перегнало

Несчастное открытѣе, и ужасенъ

И страшенъ будешь ты, когда откроешь.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

КАРЛОСЪ. МАРКИЗЪ ПОЗА.

КАРЛОСЪ.

Кто тамъ?... Что вижу я?... Ахъ, Боже мой!

Родриго!

МАРКИЗЪ.

Карлосъ!

КАРЛОСЪ.

Не мечта ли это?

Не сонъ ли? правда ль? ты ли это точно?

О! это ты! Я къ сердцу жму тебѣ

И чувствую, какъ мощно сердце бьется.

Теперь опять все хорошо, свѣтло!

Въ одномъ такомъ объятѣѣ заживаетъ

Моя душа больная. Мой Родриго

Опять со мною.

МАРКИЗЪ.

Ваше сердце, ваша

Душа больная, принцъ? И что опять

Такъ хорошо, свѣтло? И что-жь могло
Такъ къ лучшему для васъ перемениться?
Я признаюсь вамъ, крайне-изумленъ...

КАРЛОСЪ.

Ты какъ сюда изъ Брюсселя, скажи?
Кого за это мнѣ благодарить?
Кого? какъ будто я не знаю? О!
Прости счастливцу, непонятный Промыслъ,
Прости безумное богохуленье!
Кого-жь, кого-жь какъ не Тебя? Ты зналъ,
Что Карлосъ здѣсь безъ ангела... одинъ!
И вотъ его ко мнѣ ты посылаешь!
А я? а я какъ-будто и не знаю?

МАРКИЗЪ.

Простите, принцъ, когда на вашъ восторгъ
Отвѣчу я вамъ только удивленьемъ.
Не думалъ я такъ Карлоса найти.
Румянецъ неестественный горитъ
На вашихъ блѣдныхъ, страждущихъ щекахъ,
А губы лихорадочно дрожатъ.
Что думать мнѣ, любезный принцъ?... Нѣтъ! это
Не тотъ отважный юноша, къ кому
Меня народъ гнетомый посылаетъ.
Теперь я здѣсь стою — не какъ Родриго,
Не какъ товарищъ Карлоса-ребенка...
Посланникъ человѣчества всего,
Предъ вами я колѣна преклсню:
То Фландрскія провинціи, мой принцъ,
На вашу грудь свои приносятъ слезы
И васъ зовутъ на дѣло избавленья.
Пропали ваши земли, если Альба, —
Слѣпой палачъ слѣпаго фанатизма, —

Мечёмъ ворота Брюсселя отворить.
На внука Карла Пятаго почіетъ
Всѣхъ этихъ странъ послѣдняя надежда.
Онѣ погибли, если ваше сердце
За человѣчество отвыкло биться.

КАРЛОСЪ.

Онѣ погибли.

МАРКИЗЪ.

Боже! что я слышу?

КАРЛОСЪ.

Ты говоришь о временахъ прошедшихъ.
И мнѣ когда-то снилось о томъ Карлѣ,
Котораго бросало въ жаръ при мысли
О славѣ... Тотъ давно ужъ схороненъ.
А этотъ, съ кѣмъ теперь ты говоришь,
Уже не Карлъ, съ которымъ ты простился
Передъ отъѣздомъ у воротъ Алькалы, —
Который думалъ въ сладкомъ опьяненіи
Творцемъ стать новаго златаго вѣка
Въ Испаніи. О! эта мысль была
Нелѣпа, но божественно-прекрасна!
Прошли всѣ эти сны.

МАРКИЗЪ.

Сны, принцъ? Такъ это
Сны только были? сны?

КАРЛОСЪ.

Дай мнѣ плакать,
Дай на груди твоей мнѣ слезно плакать,
Ты, другъ единый. У меня здѣсь нѣтъ,
Нѣтъ никого, на этомъ всемъ огромномъ,
Неизмѣримомъ свѣтѣ — никого.
Доколѣ скиптръ отцовскій достигаетъ,

Доколѣ флаги нашихъ кораблей
Бѣлѣютъ, нѣтъ мнѣ мѣста — нѣтъ — ахъ, нѣтъ,
Гдѣ могъ бы я довѣрчиво поплакать,
Кромѣ груди твоей. О мой Родриго,
Ради всего, на чтò мы уповаемъ,
Не оттолкни меня отъ этой груди!

МАРКИЗЪ.

(наклоняется надъ нимъ съ невыразимою нѣжностію)

КАРЛОСЪ.

Увѣрь себя, что эту сироту
Ты сострадательно призрѣлъ у трона.
Вѣдь я не знаю, чтò отцомъ зовется...
Я — царскій сынъ... О! если правда то,
Что говоритъ мнѣ сердце, если ты
Изъ милліоновъ созданъ, чтобъ понять
Меня; — о! если правда, что природа
Родрига въ Карлѣ чудно повторила,
И нашихъ душъ невидимыя струны
На утрѣ дней настроила равнò;
Когда моя слеза тебѣ дороже
Всѣхъ милостей отцовскихъ...

МАРКИЗЪ.

О! дороже,

Чѣмъ цѣлый свѣтъ!

КАРЛОСЪ.

Такъ глубоко я палъ,
Такъ бѣденъ сталъ, что я хочу напомнить
Тебѣ о нашемъ дѣтствѣ... что я долженъ
Просить тебя, — мнѣ заплатить долги,
Чтò ты еще въ матрозскомъ платьѣ сдѣлалъ, —
Когда мы оба, рѣзвые ребята,
Такъ дружно братьями росли; когда

Всего больнѣй мнѣ было, что твой умъ
Такъ обгонялъ меня... когда я наконецъ
Тебя любить рѣшился безгранично,
Затѣмъ что по уму съ тобой сравняться
Мнѣ не хватало мужества и силы.
Тутъ началъ я и нѣжностью и лаской,
И братскою тебя любовью мучить:
Ты, гордая душа, ихъ отвергалъ съ презрѣньемъ.
Какъ часто я... но ты того не видѣлъ...
Какъ часто я стоялъ, и слезъ потоки,
Слезъ жгучихъ, горькихъ втихомолку лилъ,
Когда меня не замѣчая, ты
Другихъ дѣтей сжималъ въ своихъ объятыхъ.
Зачто же ихъ однихъ, взывалъ я плача?
Не также-ль я люблю тебя? Но ты,
Ты холодно и важно предо мною
Колѣна преклонялъ; ты говорилъ:
Вотъ дань, приличная испанскому инфанту!

МАРКИЗЪ.

Довольно, принцъ, объ этихъ похожденияхъ:
Они теперь меня приводятъ въ краску.

КАРЛОСЪ.

Я не заслуживалъ того. Терзать,
Отвергнуть могъ ты это сердце, только
Не удалить его. Три раза ты
Отталкивалъ испанскаго инфанта;
Три раза онъ, какъ нищій, приходилъ
Просить тебя о дружбѣ и любви,
И силой полюбить себя заставить.
Чего не могъ твой Карлосъ — сдѣлалъ случай.
Случилось разъ, что ты, играя, тѣткѣ
Моей, Богемской королевѣ, въ глазъ

Попалъ воланомъ. Вдругъ, ей покажись,
Что это было сдѣлано въ насмѣшку,
И съ жалобой она пошла къ Филиппу.
Всѣмъ намъ немедленно велѣли
Собратся и сказать, кто виноватый.
Король клянется злобную обиду,
Хотя-бъ и на своемъ единомъ сынѣ,
Ужасно выместить. Тутъ я увидѣлъ,
Какъ ты вдали весь блѣдный трепеталъ.
Я вышелъ, бросился къ ногамъ Филиппа:
«Я, я то сдѣлалъ! я одинъ виновень!
На мнѣ одномъ обиду отомсти!»

МАРКИЗЪ.

О! полно, полно, принцъ! о чемъ теперь
Напомнили вы мнѣ!

КАРЛОСЪ.

Она была...

Передъ лицомъ всей челяди дворцовой,
Вокругъ столпившейся въ испугъ, рабски,
Она была отомщена на Карлѣ.
Я на тебя взглянулъ и не заплакалъ.
Отъ боли зубы скрежетали, я
Не плакалъ. Кровь моя лилась ручьями,
Подъ срамными ударами лилась,
Я на тебя взглянулъ — и не заплакалъ.
Тутъ ты пришелъ ко мнѣ и, громко плача,
Упалъ къ ногамъ моимъ. «Да, да, вскричалъ ты,
Теперь мою ты гордость побѣдилъ.
Я заплачѹ, какъ будешь королемъ!»

МАРКИЗЪ.

(подаетъ ему руку)

И заплачѹ. Ребяческія клятвы

Теперь возобновляю я, какъ мужъ.
Я заплачу. И часъ мой бьетъ!

КАРЛОСЪ.

Теперь,

Теперь — не медли же — теперь онъ пробилъ.
Пришла пора ихъ выкупить тебѣ.
Другъ, мнѣ нужна любовь. Ужасной тайной
Бушуетъ грудь моя. Я долженъ, долженъ
Тебѣ открыться. На твоихъ чертахъ
Хочу прочесть свой смертный приговоръ.
Узнай же, — ужаснись! .. не возражай мнѣ только...
Я обожаю мачиху.

МАРКИЗЪ.

О Боже!

КАРЛОСЪ.

Я не прошу пощады! Говори,
Скажи, что въ этомъ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ
Несчастья, равнаго съ моимъ... скажи!...
Я знаю напередъ — что ты мнѣ скажешь:
Сынъ любить мать свою! Законы свѣта,
Природы связь и римскіе уставы
Осудятъ эту страсть. Моя любовь
Права отца ужасно оскорбляетъ.
Все знаю — и люблю. Путь этотъ прямо
Ведетъ къ безумству, иль къ позорной плахѣ.
Люблю порочно — безъ надежды — съ смертной
Тоскою и опасностію жизни. .
Все это вижу и — люблю!

МАРКИЗЪ.

А знаетъ

Объ этомъ королева?

КАРЛОСЪ.

Могъ ли я

Открыться ей? Она — жена Филиппа
И королева; здѣсь испанскій воздухъ.
Хранима строго ревностью отцовской,
Окружена придворнымъ этикетомъ...
Какъ могъ я съ нею говорить свободно?
Ужъ восемь адскихъ мѣсяцевъ, какъ я
Филиппомъ вызванъ изъ алькальской школы,
Какъ день-деньской я въ пыткѣ здѣсь, смотрю
Ей въ очи и молчу, какъ гробы... восемь
Ужасныхъ, адскихъ мѣсяцевъ, Родриго,
Какъ это пламя разрываетъ сердце,
Какъ сто ужъ разъ ужасное признанье
Вертится на губахъ, но боязливо,
Въ испугѣ, снова уползаетъ въ сердце.
О, мой Родригъ, хоть нѣсколько минутъ
Быть одному съ ней!...

МАРКИЗЪ.

Принцъ, а вашъ отецъ?

КАРЛОСЪ.

О! что ты мнѣ напомнилъ? Говори
О всѣхъ ужасныхъ совѣсти мученьяхъ,
Но объ отцѣ моемъ не говори!

МАРКИЗЪ.

Вы ненавидите его?

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ! ахъ, нѣтъ!

Его не ненавижу я; но ужасъ,
Но страхъ злодѣя мной овладѣваютъ
При этомъ страшномъ имени. Что дѣлать,
Когда уже въ груди ребенка рабство

Зерно любви безщадно раздавило?
Шесть лѣтъ мнѣ было, какъ впервые Грозный
Моимъ глазамъ испуганнымъ явился.
То было утромъ, какъ въ одинъ пристѣтъ
Онъ подписалъ пять смертныхъ приговоровъ.
А послѣ... я его и видѣлъ только,
Когда за шалость штрафъ мнѣ объявляли.
О, Боже мой! я становлюсь ужъ желчнымъ...
Прочь, прочь отъ этихъ мѣстъ!

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ, вы должны,
Теперь должны открыться, принцъ! Слова
Грудь полную чудесно облегчаютъ.

КАРЛОСЪ.

Какъ часто я съ самимъ собой боролся,
Какъ часто въ полночь съ жаркими слезами
Бросался ницъ предъ Дѣвой Пресвятою,
Молилъ о прежнемъ сердцѣ, о покоѣ...
Она мнѣ не внимала. Ахъ, Родриго!
Разоблачи мнѣ чудную загадку
Небесъ. Зачѣмъ изъ тысячи отцовъ
Мнѣ именно вотъ этого отца?
Ему же именно такого сына
Изъ милліона лучшихъ сыновей?
Такихъ враждебныхъ, странныхъ столкновений
Еще не видано во всей природѣ.
И какъ она два крайніе конца
Всего созданія — его со мною —
Могла сковать такой святою цѣпью?
Ужасный, страшный жребій! Для чего
Два совершенно разныхъ человѣка
Въ *одномъ* желаньѣ встрѣтились такъ страшно?

Родриго, въ насъ ты видишь два созвѣздя,
Всегда враждебныхъ отъ начала міра,
Которыя во всемъ своемъ теченьѣ
Лишь разъ одинъ, сойдя съ своихъ орбитъ,
Столкнулися другъ съ другомъ, но ужасно,
Но разрушительно столкнулись, и на вѣки,
Опять на вѣки розно потекли.

МАРКИЗЪ.

Я страшную предчувствую минуту.

КАРЛОСЪ.

Я тоже. Будто фуриі, за мною
Несутся ужасающіе ны;
Въ сомнѣніи мой добрый геній бьется
Со злыми мыслями, а бѣдный умъ мой
Черезъ лабиринтъ софизмовъ все ползетъ
Пока не содрогнется на краю
Ужасной бездны. О! что, если я
Отвыкну видѣть въ немъ отца... О, другъ!
Ты поблѣднѣлъ, ты понялъ мысль мою.
Что, если я отвыкну чтить отца,
Чѣмъ будетъ мнѣ то да король?

МАРКИЗЪ.

(послѣ нѣкотораго молчанія)

Донъ-Карлосъ,

Осмѣлюсь ли къ вамъ съ просьбой обратиться?
Что-бъ вы ни захотѣли предпринять,
Принцъ, обѣщайте ничего не дѣлать
Безъ друга вашего. Не правда-ль,
Вы обѣщаете мнѣ это?

КАРЛОСЪ.

Все, все,

Что дружба мнѣ твоя ни повелитъ.

Я весь въ твои объятія бросаюсь.

МАРКИЗЪ.

Какъ говорятъ, король желаетъ въ городъ

Отправиться. Минуты коротки.

Когда хотите вы наединѣ

Быть съ королевой, это можно только

Въ Аранжуэцѣ. Скрытность, тихость мѣста,

Непринужденность сельской жизни, все

Благопріятствуетъ...

КАРЛОСЪ.

На то и я

Надѣялся; но, ахъ! напрасно!

МАРКИЗЪ.

Не совсѣмъ.

Я къ ней иду представиться сейчасъ.

Когда она въ Испаніи все та же,

Что и во Франціи была, то я

Найду чистосердечье. Если въ взглядѣ

Ея прочту я Карлоса надежду,

Найду ее къ свиданію готовой —

Удастся удалить мнѣ дамъ ея...

КАРЛОСЪ.

Онѣ мнѣ всѣ почти благоволяютъ,

А особливо Мондекаръ; ее

Черезъ сына, что въ пажлахъ теперь мнѣ служить,

Мнѣ удалось склонить...

МАРКИЗЪ.

Тѣмъ лучше. Будьте-жъ

Вблизи вы, принцъ, и только знакъ подамъ я,

Немедленно явитесь къ королевѣ.

КАРЛОСЪ.

О да! о да! ступай же поскорѣе!

МАРКИЗЪ.

Иду. И такъ — до скорого свиданья!

(Оба уходятъ въ разныя стороны).

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Отдѣленіе королевы въ Аранжуэцѣ.

Простой сельскій видъ, перерѣзанный аллеею и ограниченный сельскимъ домикомъ королевы.

КОРОЛЕВА. ГЕРЦОГИНЯ ОЛИВАРЕЦЪ. ПРИНЦЕССА
ЭБОЛИ и МАРКИЗА МОНДЕКАРЪ.

(Приближаются по аллею).

КОРОЛЕВА.

(маркизю)

Останьтесь вы со мною, Мондекаръ.
Принцессы радостные глазки мучать
Меня почти все утро. Видите-ль,
Она едва свою скрываетъ радость,
Что разстается наконецъ съ деревней.

ЭБОЛИ.

Ваше величество, не отпираюсь,
Я страхъ какъ рада, что въ Мадритъ мы ѣдемъ.

МОНДЕКАРЪ.

А вы, ваше величество? Неужли
Съ Аранжуэцомъ трудно такъ разстаться?

КОРОЛЕВА.

Съ такимъ прекраснымъ мѣстомъ? о конечно!
Здѣсь я въ своемъ міру. Мѣстечко это

Я ужь давно сердечно полюбила.
Здѣсь улыбается мнѣ сельская природа,
Подруга юности моей безпечной.
Здѣсь я какъ будто дѣтство отыскала,
И воздухъ Франціи моей здѣсь вѣетъ.
Такъ не пеняйте-жь на меня. Насъ всѣхъ
Влечетъ къ отчизнѣ сердце.

Эболи.

Но какъ пусто,
Какъ мертво, какъ печально все здѣсь! Точно
Какъ у трапистовъ.

КОРОЛЕВА.

О! скорѣй напротивъ,
Скорѣй въ Мадритѣ мертво все. Но что
На это скажетъ наша герцогиня?

ОЛИВАРЕЦЪ.

Ваше величество, я полагаю,
Что ужь таковъ обычай: мѣсяцъ мы
Проводимъ здѣсь, въ Пардò другой, а зиму
Въ Мадритѣ; такъ заведено съ-тѣхъ-поръ,
Какъ короли на тронъ испанскій сѣли.

КОРОЛЕВА.

Да, это знаете вы, герцогиня;
Давно я съ вами перестала спорить.

МОНДЕКАРЪ.

И нынче будетъ весело въ Мадритѣ.
Къ боямъ быковъ ужь площадь снаряжать
Тамъ стали; а потомъ ауто-да-фё
Намъ обѣщаютъ.

КОРОЛЕВА.

Обѣщаютъ? Это
Отъ кроткой Мондекаръ я слышу?

МОНДЕКАРЬ.

Что-жь?

Вѣдь сожигаютъ все еретиковъ!

КОРОЛЕВА.

Надѣюсь, Эболи другаго мнѣнья?

ЭБОЛИ.

Ваше величество, прошу покорно

Меня считать такою-жь христіянкой,

Какъ и маркизу Мондекаръ.

КОРОЛЕВА.

Ахъ!

Я забываю, гдѣ я. Перемѣнимъ рѣчь.

Мы о деревнѣ говорили. Мѣсяцъ,

По моему, протекъ чрезмѣрно скоро.

Я отъ него ждала такъ много счастья,

Такъ много радостей, и не нашла,

Чего надѣялась и ожидала.

Быть-можетъ, тоже съ каждою надеждой?

Я не найду несбывшихся желаній.

ОЛИВАРЕЦЪ.

Принцесса Эболи, что-жь вы замолкли,

Не скажете — надѣется ли Годецъ?

Когда поздравимъ васъ его невѣстой?

КОРОЛЕВА.

Да, хорошо, что вы мнѣ, герцогиня,

Напомнили. (*принцесса*) Меня просили слово

У васъ о Годецѣ замолвить. Только

Могу-ль я это? Человѣкъ, кого

Своею Эболи я награждаю,

Быть долженъ рѣдкимъ человѣкомъ.

ОЛИВАРЕЦЪ.

Ваше

Величество, онъ точно рѣдкій, очень
Достойный, добрый человѣкъ. Его
Самъ славный нашъ король, какъ всѣмъ извѣстно,
Своей монаршей милостью счастливить.

КОРОЛЕВА.

И этимъ точно счастливъ онъ, но мы
Желали-бъ знать, способенъ ли любить онъ?
И можетъ ли заслуживать любовь?

ЭБОЛИ.

*(стоитъ молча, въ смущеніи, потупивъ взоръ, наконецъ
бросается къ ногамъ королевы)*

О, королева, сжальтесь надо мною!
Не допустите — ради всѣхъ святыхъ —
Не допустите вы меня быть жертвой!

КОРОЛЕВА.

Быть жертвой? Этого довольно. Встаньте.
Быть жертвою мучительно и страшно.
Я вѣрю вамъ, принцесса. Встаньте, встаньте!
Давно ли вы ужь отказали графу?

ЭБОЛИ.

(встаетъ)

О, ужь давно! Принцъ Карлосъ былъ еще,
Въ Алькалѣ.

КОРОЛЕВА.

(воздрагиваетъ, пристально на нее смотритъ)

Но спросили-ль вы себя
Что за причины были...

ЭБОЛИ.

(съ нѣкоторымъ жаромъ)

Никогда

То не могло случиться, королева,
По тысячѣ причинамъ, никогда!

КОРОЛЕВА.

(очень серьезно)

Одной уже довольно мнѣ. Вамъ онъ
Не нравится. Оставимъ это... Я
Еще инфанты нынче не видала.
Маркиза, принесите мнѣ ее.

ОЛИВАРЕЦЪ.

(смотритъ на часы).

Ваше величество, еще не время.

КОРОЛЕВА.

Еще не время матерью мнѣ быть?

Но, это странно! Не забудьте-жь мнѣ

Сказать, когда оно прійдетъ.

*(Входитъ пажъ и тихо говоритъ съ оберъ-гофмейстериной,
которая потомъ обращается къ королеву)*

ОЛИВАРЕЦЪ.

Маркизь

Де-Поза, королева.

КОРОЛЕВА

Поза?

ОЛИВАРЕЦЪ.

Онъ

Изъ Франціи и Нидерландовъ только

Пріѣхалъ и имѣть желаетъ счастье

Отъ королевы-матери вамъ письма

Вручить.

КОРОЛЕВА.

Позволено ли это?

ОЛИВАРЕЦЪ.

(въ нерѣшимости)

Право,

Я и сама не знаю. Въ предписаньи

Моемъ не упомянуто того,
Что грандъ Кастильскій лично можетъ письма
Отъ иностраннаго двора вручать
Испанской королевѣ — и въ саду.

КОРОЛЕВА.

Такъ я пріиму ужъ это на свою
Отвѣтственность.

ОЛИВАРЕЦЪ.

А мнѣ, ужъ вы позвольте,
Ваше величество, покуда удалиться.

КОРОЛЕВА.

О! все, что вамъ угодно, герцогиня.

*(Герцогиня уходитъ, а королева даетъ знакъ пажу,
который тотчасъ же удаляется)*

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЕВА. Принцесса Эболи. Маркиза Монде-
каръ. Маркизь Поза.

КОРОЛЕВА.

Я рада, что васъ вижу, кавалеръ,
Въ Испаніи

МАРКИЗЪ.

Которой никогда
Еще такъ не гордился я, какъ нынче.

КОРОЛЕВА.

(обращаясь къ дамамъ)

Маркизь де-Поза, что на реймскихъ играхъ

Съ моимъ отцомъ сломалъ копье и трижды
Мой цвѣтъ побѣдой полною прославилъ.
Онъ первый изъ Испанцевъ научилъ
Меня вполнѣ гордиться честью — быть
Испанской королевой. (*маркизу*) Въ Луврѣ вы,
Маркизь, со мной прощаясь, вѣроятно,
Не думали, что гостемъ у меня
Здѣсь будете, въ Кастиліи?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ, ваше
Величество, не думалъ. Я не думалъ
Еще тогда, что Франція одно,
Въ чемъ мы завидовали ей, уступить
Испаньи.

КОРОЛЕВА.

Гордый вы испанецъ! какъ?
Одно? И это дочери — ктому-жь
Изъ дому Валуа?...

МАРКИЗЪ.

Теперь могу
Я откровенно въ этомъ вамъ сознаться,
Ваше величество. Теперь вы наша.

КОРОЛЕВА.

Вашъ путь, маркизь, какъ слышу я, лежалъ
Чрезъ Францію. Что мнѣ вы привезли
Отъ королевы-матери и братьевъ?

МАРКИЗЪ.

(*передаетъ ей письма*)

Я королеву-мать нашелъ больною,
Съ одной надеждой въ сердцѣ — видѣть дочь
Свою счастливой на испанскомъ тронѣ.

КОРОЛЕВА.

И какъ не быть счастливой ей, когда
Ее такъ любятъ горячо родные?
Когда одно воспоминанье... Вы такъ много
Дворовъ, маркизъ, проѣздомъ посѣтили,
Такъ много странъ, обычаевъ узнали —
И вотъ теперь, какъ говорятъ, хотите,
На родинѣ жить только для себя?
Подъ мирной кровлею своею — свободнѣй
Чѣмъ самъ Филиппъ на тронѣ королевскомъ...
Свободный человѣкъ! философъ!... Только
Едва-ли вамъ Мадритъ прійдетъ по нраву.
У насъ — такъ тихо, скромно все въ Мадритѣ.

МАРКИЗЪ.

Да, да, но этому не всѣ въ Европѣ
Теперь порадоваться могутъ.

КОРОЛЕВА.

Да,

Я тоже слышала, хотъ разучилась
Слѣдить за тѣмъ, что дѣется на свѣтѣ;
Не помню даже и того, что было.

(принцесса Эболи)

Мнѣ кажется, принцесса, тамъ, я вижу,
Расцвѣлъ тюльпанъ. Сорвите мнѣ его.

(Принцесса отходитъ къ цвѣтнику. Королева немного тише — маркизу)

Когда не ошибаюсь, кавалеръ,
Своимъ пріѣздомъ вы обогатили
Нашъ дворъ однимъ счастливцемъ?

МАРКИЗЪ.

Я нашелъ

Несчастливаго, — кого на этомъ свѣтѣ
Одна лишь радость можетъ...

ЭБОЛИ.

(возвращается съ цвѣткомъ)

Кавалеръ,

Когда такъ много видѣли вы странъ,
То, вѣрно, кое-что у васъ найдется
Намъ разсказать?

МАРКИЗЪ.

Конечно! Приключеній
Искать — долгъ рыцарей; всего-жъ важнѣе
Защита женщинъ.

МОНДЕКАРЪ.

Противъ великановъ?
Теперь ихъ нѣтъ ужъ болѣе.

МАРКИЗЪ.

Насилье
Для слабыхъ — тотъ же великанъ, маркиза.

КОРОЛЕВА.

Вы правы, кавалеръ. Есть великаны,
Нѣтъ только рыцарей теперь.

МАРКИЗЪ.

Недавно,
Въ Неаполѣ, проѣздомъ, былъ я самъ
Свидѣтелемъ печальнаго событья,
Которое завѣтъ священный дружбы
Моею собственностью сдѣлалъ. Еслибъ
Я не боялся утомить разсказомъ
Ваше величество...

КОРОЛЕВА.

Такъ мнѣ рѣшить?

Княжна такъ любопытна... Ну, пожалуй,
Послушаемъ: и я люблю разсказы.

МАРКИЗЪ.

Два благородныхъ дома въ Мирандолѣ,
Наскучивъ долгою, кровавою враждой,
Что ужъ столѣтія отъ Джибеллиновъ
И Гвельфовъ въ родъ ихъ перешла, рѣшились
Посредствомъ неразрывныхъ узъ родства
Соединиться вѣчнымъ, прочнымъ миромъ.
Фернандо, мощнаго Петра племянникъ,
И кроткая Матильда, дочь Колонны,
Явились средствомъ для скрѣпленія дружбы.
Двухъ лучшихъ душъ не создавало Небо —
И свѣтъ четы прекраснѣй не видалъ.
Еще свою прелестную невѣсту
Фернандо только обожалъ въ портретѣ...
Какъ трепеталъ Фернандо, въ нетерпѣньи
Повѣрить то, чему въ своихъ мечтахъ
Не довѣрялъ онъ въ мертвенномъ рисункѣ!
И такъ въ Падуѣ, гдѣ еще науки
Его удерживали, ждалъ Фернандо
Минуты только счастливой, когда
Ему позволятъ броситься къ ногамъ
Матильды и въ сердечномъ изліяньи
Пролепетать ей первое люблю.

*(Королева становится внимательнѣе. Маркизъ, послѣ
короткаго молчанія, продолжаетъ рассказъ, обращаясь
болѣе, сколько то позволяетъ присутствіе королевы, къ
принцессѣ Эболи)*

Къ несчастію становится межъ тѣмъ,
Вдовцомъ Піетро. Съ юношескимъ жаромъ
Старикъ внимаетъ голосамъ молвы
О прелестяхъ и объ умѣ Матильды.
Онъ ѣдетъ къ ней! — онъ видитъ! — онъ влюбленъ!

Страсть новая мгновенно задушаетъ
Природы тихій голосъ. Дядя просить
Руки Матильды, и передъ налоемъ
Свое онъ освящаетъ похищенье.

КОРОЛЕВА.

Но что-жь Фернандо?

МАРКИЗЪ.

На крылахъ любви,
Еще не зная страшной перемѣны,
Летитъ онъ, упоенный, въ Мирандолу.
Съ восходомъ звѣздъ примчалъ его конь быстрый
Въ знакомый дворъ. Вакхическіе звуки
Тимпановъ, флейтъ и трубъ ему гремятъ
Изъ освѣщеннаго дворца на встрѣчу.
Онъ съ трепетомъ вбѣгаетъ на ступени
И входитъ непримѣтно въ брачный залъ,
Гдѣ средь толпы ликующихъ гостей
Сидѣлъ самъ дядя. Рядомъ съ нимъ —
Тотъ ангелъ, что знакомъ давно Фернанду;
Что среди сновъ ему еще ни разу
Въ такомъ небесномъ блескѣ не являлся
Онъ видитъ, чѣмъ онъ обладалъ недавно;
Онъ видитъ, что утратилъ навсегда.

ЭБОЛИ.

Несчастный!

КОРОЛЕВА.

Вашъ рассказъ, маркизъ, оконченъ,
Неправда ли? Онъ долженъ быть оконченъ,
Я думаю.

МАРКИЗЪ

Ну, не совсѣмъ.

КОРОЛЕВА.

Вы намъ
Сказали, что Фернандо былъ вамъ другомъ?

МАРКИЗЪ.

Я не имѣю лучшаго.

Эболи.

Но что же

Не продолжаете вы вашего разсказа?

МАРКИЗЪ.

Онъ слишкомъ ужъ печалень... да и память

Объ немъ возобновляетъ скорбь мою.

Позвольте умолчать мнѣ о развязкѣ.

(Общее молчаніе)

КОРОЛЕВА.

(обращаясь къ принцессѣ)

Я думаю, мнѣ наконецъ позволятъ

Обнять инфанту? Эболи, прошу васъ,

Сходите вы за ней.

(Принцесса удаляется. Маркизъ подаетъ знакъ пажу, стоящему на заднемъ планѣ; тотъ исчезаетъ. Королева распечатываетъ письма, врученныя ей маркизомъ и, повидимому, читаетъ съ изумленіемъ. Въ это время маркизъ тихо разговариваетъ съ Мондекаръ. По прочтеніи писемъ, королева обращается къ маркизу съ проницательно-вопрошающимъ взглядомъ)

КОРОЛЕВА.

Но о Матильдѣ

Вы ничего еще намъ не сказали?

Извѣстны-ль ей страданія Фернандо?

МАРКИЗЪ.

Никто не допыталъ Матильды сердца;

Но души сильныя страдаютъ втайнѣ.

КОРОЛЕВА.

Вы смотрите кругомъ? и ваши взгляды

Кого-то ждуть?

МАРКИЗЪ.

Я думаю, какъ счастливъ,
Здѣсь на моемъ бы мѣстѣ нѣкто былъ,
Кого не назову я.

КОРОЛЕВА.

Чья-жъ вина,
Когда не счастливъ онъ!

МАРКИЗЪ.

(живо, ловя ее на слово)

Какъ? я могу принять
Серьёзно это слово? Онъ нашелъ бы
Прощенье, если-бъ здѣсь теперь явился?

КОРОЛЕВА.

(въ испугъ)

Теперь, маркизъ, теперь? Что этимъ вы
Сказать хотите?

МАРКИЗЪ.

Онъ бы могъ? Онъ точно
Имѣть бы могъ надежду?

КОРОЛЕВА.

(съ возрастающимъ смущеніемъ)

Вы меня

Пугаете, маркизъ. Онъ вѣрно...

МАРКИЗЪ.

Здѣсь... онъ здѣсь

—

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЕВА. КАРЛОСЪ.

(*Маркизъ Поза и маркиза Мондекаръ удаляются на задній планъ сцены*)

КАРЛОСЪ.

(*бросаясь къ ногамъ королевы*)

Такъ наконецъ насталь онъ, мигъ счастливый,
И этихъ милыхъ рукъ коснется Карлосъ!

КОРОЛЕВА.

Что съ вами, принцъ! какой преступный, дерзкій
Поступокъ! Встаньте! встаньте! Мы открыты.
Мой дворъ вблизи.

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ! я не встану... здѣсь
На вѣки я останусь на колѣняхъ,
Какъ заколдованный, я вѣчно буду
Стоять на этомъ мѣстѣ.

КОРОЛЕВА.

Безразсудный!
Вотъ снисходительность къ чему ведетъ!
Какъ? Знаете-ль, что это съ королевой,
Что это съ матерью такъ непристойно
Вы говорите? Знаете-ли вы,
Что я — сама я сей-же-часъ объ этомъ
Его величеству...

КАРЛОСЪ.

И смерть тогда?
Пусть повлекутъ меня отъ васъ на плаху!

За мигъ единый, прожитый въ раю,
Я съ радостью всю жизнь свою отдамъ.

КОРОЛЕВА.

А ваша королева?

КАРЛОСЪ.

(встаетъ)

Боже, Боже!

Я удалюсь... я оставляю васъ...

Какъ мнѣ нейти, когда вы такъ хотите
Того! Вы мать моя!... О, какъ ужасно
Играете вы мной! Одинъ намекъ,
Вашъ взглядъ, звукъ вашихъ устъ повелѣваетъ
Мнѣ быть, иль уничтожиться во прахъ.

Чего еще хотите вы? что можетъ
Подъ солнцемъ быть, чѣмъ я не поспѣшить бы
Пожертвовать для васъ...

КОРОЛЕВА.

Бѣгите!

КАРЛОСЪ.

Боже!

КОРОЛЕВА.

Одно лишь, Карлъ, о чемъ васъ умоляю
Съ слезами на глазахъ — бѣгите! чтобы дамы —
Мои тюремщики, меня и васъ
Здѣсь вмѣстѣ не застали и Филиппу
Не донесли объ этомъ...

КАРЛОСЪ.

Я готовъ

На все — на жизнь и на смерть. Какъ! затѣмъ ли
Я всѣ свои надежды устремилъ
На этотъ мигъ единый — съ вами быть
Наединѣ, чтобъ страхъ у самой цѣли

Вдругъ оковалъ меня? Нѣтъ, королева!
Скорѣе міръ, сто, тысячу разовъ
Вкругъ полюсовъ обычно обернется,
Чѣмъ этотъ случай повторится дважды.

КОРОЛЕВА.

И онъ не долженъ повториться, принцъ.
Зачѣмъ вы здѣсь? зачѣмъ ко мнѣ пришли вы?

КАРЛОСЪ.

О! королева, что боролся я,
Боролся, какъ никто здѣсь не боролся,
Въ томъ Богъ свидѣтель... Но напрасно, тщетно!
Мой духъ упалъ, и изнемогъ...

КОРОЛЕВА.

Довольно!

Довольно... ради моего покоя...

КАРЛОСЪ.

Моей вы были — передъ цѣлымъ свѣтомъ
Мнѣ отданы союзомъ двухъ державъ,
Мнѣ признаны и Небомъ и природой...
Филиппъ, Филиппъ отнялъ васъ у меня...

КОРОЛЕВА.

Онъ вашъ отецъ.

КАРЛОСЪ.

И вашъ супругъ!

КОРОЛЕВА.

Который

Вамъ величайшую державу въ мірѣ
Въ наслѣдство дастъ.

КАРЛОСЪ.

И въ матери мнѣ — васъ.

КОРОЛЕВА.

Великій Боже! вы въ бреду, донъ-Карлосъ.

КАРЛОСЪ.

Но знаетъ ли онъ также, какъ богатъ онъ?
Онъ можетъ ли сочувствовать вамъ сердцемъ?
Я не хочу роптать, нѣтъ, я забуду,
Какъ безпредѣльно счастливъ могъ бы быть
Я съ вами, лишь бы онъ былъ только счастливъ!
Но онъ не счастливъ: въ этомъ-то и адъ!
И никогда не быть ему счастливымъ.
Мое ты небо только отняла,
Чтобъ загубить его въ объятіяхъ Филиппа!

КОРОЛЕВА.

Ужасная идея!

КАРЛОСЪ.

О! я знаю.

Кто бракъ уладилъ; знаю, какъ Филиппъ
Любить умѣетъ, какъ онъ васъ сосваталъ.
Что-жь вы такое въ этомъ королевствѣ?
Скажите, ради Бога? Королева?
Нѣтъ! какъ могли-бъ неистовствовать Альбы,
Когда-бъ вы были королевой? Кровью
Не истекала-бъ Фландрія за вѣру!
Какъ! иль вы жена Филиппа? Нѣтъ!
И этому не вѣрю я. Жена
Владѣетъ сердцемъ мужнинымъ, а кто же
Его владѣетъ сердцемъ? Если ласку,
Нечаянно, въ жару, онъ и уронить,
То онъ отнялъ, онъ вымолилъ ее,
У скипетра и у своихъ сѣдинъ.

КОРОЛЕВА.

Кто-жь вамъ сказалъ, что жребій мой несчастенъ
Съ Филиппомъ?

КАРЛОСЪ.

Сердце, что такъ сильно бьется,
Что чувствуетъ, какъ былъ бы онъ завиденъ
Со мной.

КОРОЛЕВА.

Самонадѣянный! но если
Мое мнѣ говорить совсѣмъ другое?
Но если трогаетъ его Филиппа
Почтительная нѣжность, и любви
Его всегда нѣмое выраженъе
Гораздо больше, чѣмъ все краснорѣчье
Его самонадѣяннаго сына? если
Обдуманное уваженъе старца...

КАРЛОСЪ.

Тогда другое дѣло! о, тогда,
Тогда — простите! Этого не зналъ я,
Не зналъ, что вы такъ любите Филиппа.

КОРОЛЕВА.

Его всегда я буду уважать.

КАРЛОСЪ.

Вы никогда любви не знали?

КОРОЛЕВА.

Странный
Вопросъ!

КАРЛОСЪ.

Вы никогда любви не знали?

КОРОЛЕВА.

Я не люблю ужъ больше.

КАРЛОСЪ.

Потому что
То запрещаютъ сердце вамъ, обѣты?

КОРОЛЕВА.

Оставьте, принцъ, меня, и никогда
Подобными вопросами не мучьте!

КАРЛОСЪ.

То запрещаютъ сердце вамъ, обѣты?

КОРОЛЕВА.

То запрещаетъ долгъ. Несчастный, для чего
Намъ разлагать судьбы жестокой звѣнья,
Когда мы ей должны повиноваться?

КАРЛОСЪ.

Должны? должны повиноваться?

КОРОЛЕВА.

Какъ?

Что значить этотъ мрачный тонъ?

КАРЛОСЪ.

Онъ значить,

Что Карлосъ не намѣренъ покориться,
Когда хотѣтъ онъ въ правѣ; не намѣренъ
Играть несчастнаго на этомъ свѣтѣ,
Когда ему законъ поправить лишь стоитъ,
Чтобъ быть счастливымъ.

КОРОЛЕВА.

Поняла-ль я васъ?

И вы надѣтесь? Упорно такъ
Надѣтесь, когда ужъ все погибло?

КАРЛОСЪ.

По мнѣ, — для мертвыхъ только нѣтъ надежды.

КОРОЛЕВА.

Вы на меня надѣтесь, на мать?

(долго и пристально на него смотритъ, потомъ съ достоинствомъ, строго)

О, почему-жь? Король новоизбранный

То-ль может сдѣлать? — может учрежденья
Покойника огнемъ искоренить,
Его портреты сжечь, онъ даже можетъ —
Кто запретить ему? — умершаго останки
Изъ склеповъ царственныхъ Эскуріала
На свѣтъ дневной поднять, на вѣтеръ
Развѣять прахъ развѣнчаный его,
И наконецъ, чтобъ повершить достойно...

КАРЛОСЪ.

О, полно, перестаньте, ради Бога!

КОРОЛЕВА.

И наконецъ на матери жениться.

КАРЛОСЪ.

Проклятый сынъ!

(съ минуту стоитъ безмолвно, какъ окаменѣлый)

Да, все погибло. Все
Теперь погибло. Нынѣ вижу ясно,
Что вѣчно-бъ должно оставаться въ мракѣ.
Вы для меня погибли... да... о! да!
Вы навсегда погибли! Жребій брошенъ.
Вы для меня потеряны, погибли...
О! въ этомъ чувствѣ адъ... адъ и въ другомъ:
Любить васъ. Боже! я изнемогаю,
И нервы страшно рвутся у меня.

КОРОЛЕВА.

Несчастный, милый Карлъ! я понимаю...
Я чувствую то страшное мученье,
Что вашу грудь терзаетъ. Безконечна,
Какъ и любовь, скорбь ваша; безконечна
И слава также — побѣдить ее.
Добудьте-жь эту славу, милый Карлосъ!
Цѣна достойна славнаго бойца,

Достойна юноши, въ чьемъ сердце доблесть
Такихъ великихъ, славныхъ предковъ бьется.
Опомнитесь же, принцъ! Внукъ Карла
Великаго тамъ только начинаетъ
Борьбу, гдѣ дѣти смертныхъ ужь ослабли.

КАРЛОСЪ.

Ужъ поздно! Боже мой, ужъ поздно!

КОРОЛЕВА.

Быть

Мущиной?
Мужайтесь, оправдайте выборъ Неба!
Заслугой станьте въ головѣ людей,
Пожертвуйте, чѣмъ здѣсь еще никто
Не жертвовалъ.

КАРЛОСЪ.

Я это въ силахъ сдѣлать.

Васъ заслужить, во мнѣ есть сила льва,
Лишиться-жъ — ни какой?

КОРОЛЕВА.

Признайтесь, Карлосъ,

Одна лишь гордость, зависть и упрямство
Къ такой любви щекотятъ ваши страсти.
Любовь и сердце, что вы мнѣ дарите
Такъ расточительно, принадлежать
Не мнѣ, а вашимъ будущимъ державамъ.
Вы, принцъ, мотаете добро питомцевъ,
Врученныхъ Богомъ вамъ. Любовь вашъ долгъ
Священный. До-сихъ-поръ она сбивалась
Съ пути и у меня искала мѣста.
Отдайте-жъ, о, отдайте, милый Карлосъ,
Ее вы будущимъ своимъ державамъ!
И чувствуйте не совѣсти кинжалы,

Но — сладость богомъ быть! Елисавету
Вы до-сихъ-поръ любили принцъ; отнынѣ
Испанію любите! Карлосъ, Карлосъ!
Съ какимъ восторгомъ мѣсто уступлю
Я вашей новой доблестной любви!

КАРЛОСЪ.

(побѣжденный, бросается къ ногамъ ея)

О! какъ велики вы, божественно велики!
Да, все, все, все исполню. Будь, что будетъ!

(встаетъ)

Здѣсь предъ лицомъ Творца стою я и клянусь,
Клянусь вамъ въ вѣчномъ... Боже мой! нѣтъ, нѣтъ!
Лишь въ вѣчномъ, гробовомъ молчаньи,
Но не въ забвеньи вѣчномъ.

КОРОЛЕВА.

Какъ могу я
И требовать того, что я сама
Не въ силахъ выполнить.

МАРКИЗЪ.

(выбѣгая изъ аллеи)

Король!

КОРОЛЕВА.

О, Боже!

МАРКИЗЪ.

Скорѣй! Бѣгите, принцъ!

КОРОЛЕВА.

Онъ станетъ страшно
Подозрѣвать васъ, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Я остаюсь.

КОРОЛЕВА.

И кто же будетъ жертвой?

КАРЛОСЪ.

(влечетъ маркиза за руку)

Прочь! Бѣжимъ,
Бѣжимъ, Родригъ!

(идетъ, но вдругъ еще разъ возвращается)

Что вы дадите мнѣ на память?

КОРОЛЕВА.

Участье, дружбу матери.

КАРЛОСЪ.

Мать! дружба!

КОРОЛЕВА.

И эти слезы вашихъ Нидерландовъ.

(отдаетъ ему нѣсколько писемъ. Карлосъ и маркизъ уходятъ. Королева безпокойно ищетъ глазами дамъ своихъ, которыхъ нигдѣ не видно. Она только что хочетъ идти въ глубину сцены, какъ является король)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Король. Королева. Герцогъ Альба. Графъ
Лерма. Доминго.

(Нѣсколько дамъ и грандовъ, которые остаются вдали)

КОРОЛЬ.

(съ удивленіемъ осматривается кругомъ и молчитъ нѣсколько времени)

Вы однѣ сеньора?

И даже ни одной нѣтъ съ вами дамы?

Я удивляюсь... Гдѣ же ваши дамы?

КОРОЛЕВА.

Ваше величество...

КОРОЛЬ.

Зачѣмъ одинъ вы здѣсь?

(къ свитѣ)

Объ этомъ непростительномъ проступкѣ
Отдать строжайшій мнѣ отчетъ. Кто нынче
Изъ дамъ дежурною у королевы?
Чья очередь прислуживать ей нынче?

КОРОЛЕВА.

Не гнѣвайтесь, супругъ мой... я одна,
Одна я виновата... Эболи
По моему приказу удалилась

КОРОЛЬ.

По вашему приказу?

КОРОЛЕВА.

Кликнуть камеръ-фрау:

Мнѣ захотѣлось видѣться съ инфантой.

КОРОЛЬ.

И для того вы отослали свиту?
Но это первую лишь извиняетъ,
Скажите, гдѣ-жъ была вторая дама?

МОНДЕКАРЪ.

(которая между тѣмъ возвратилась и стояла съ прочими дамами, выходитъ впередъ)

Ваше величество, я сознаюсь
Въ своей винѣ...

КОРОЛЬ.

И потому, маркиза,
Извольте десять лѣтъ вы внѣ Мадрита
Раздумывать объ этомъ.

(маркиза въ слезахъ отходитъ. Всеобщее молчаніе. Вся свита въ недоумѣніи смотритъ на королеву)

КОРОЛЕВА.

Мондекаръ,

О чемъ вы плачете?

(къ королю)

Когда я провинилась,
Мой царственный супругъ, по-крайней-мѣрѣ
Корона, что ношу я, и которой
Я никогда сама не добивалась,
Должна бы отъ стыда меня избавить.
Иль въ вашемъ королевствѣ есть законъ
На судъ зовущій дочерей монарховъ?
Не добродѣтель охраняетъ женщинъ
Въ Испаніи — одно шпіонство? Ваше
Величество, простите!... не привыкла
Я видѣть слезы тѣхъ, кто мнѣ служилъ
Съ усердіемъ. Маркиза, подойдите!

(снимаетъ съ себя поясъ и отдаетъ его маркизъ)

Его величество вы прогнѣвили,
Но не меня, и потому пріймите
Бездѣлку эту отъ меня на память.
Бѣгите изъ Испаніи: вы въ ней
Одной лишь только провинились. Тамъ,
Во Франціи моей, такія слезы
Умѣютъ утирать. О! неужели
Мнѣ все объ ней напоминать здѣсь будетъ!

(опирается на оберъ-гофмейстерину и закрываетъ лицо)

Во Франціи все иначе, не такъ!

КОРОЛЬ.

(нѣсколько растроганный)

Упрекъ моей любви могъ огорчить васъ?
Одинъ намѣкъ, который только нѣжность,
Заботливость въ уста мои вложили?
Вотъ всѣ васалы моего престола,
Смѣжалъ ли сонъ когда мои глаза,

Овладевалъ ли мною безъ того,
Чтобъ каждый вечеръ я не перечислилъ,
Какъ бьются пульсы всѣхъ моихъ народовъ?
И мнѣ-ль бояться болѣе за тронъ свой,
Чѣмъ за супругу сердца своего?
За подданныхъ моихъ мой мечъ порука
И — герцогъ Альба; только этотъ глазъ —
За вѣрность и любовь моей жены.

КОРОЛЕВА.

Когда васъ прогнѣвила я, супругъ мой...

КОРОЛЬ.

Я всѣхъ сильнѣй во всемъ крещеномъ мірѣ,
Такъ говорятъ мнѣ; солнце не заходитъ
Въ моихъ владѣньяхъ; но другой ужъ прежде
Вполнѣ владѣлъ всѣмъ этимъ, а потомъ
Другіе также этимъ завладѣютъ!
Здѣсь только собственность моя? Все, что
Король своимъ зоветъ, принадлежитъ
Фортунѣ. Вы же мнѣ принадлежите:
Вотъ мѣсто, гдѣ я смертенъ.

КОРОЛЕВА.

Вы боитесь,

Супругъ мой? какъ!

КОРОЛЬ.

Ужъ не своихъ сѣдинъ-ли?

Когда я только разъ начну бояться,
Я ужъ бояться перестану. — *Здѣсь*
Всѣ гранды — перваго изъ нихъ лишь я
Не вижу. Гдѣ-жъ донъ-Карлосъ, мой инфантъ?

(Никто не отвѣчаетъ)

Ребенокъ Карлосъ начинаетъ что-то
Быть страшнымъ мнѣ. Меня онъ избѣгаетъ

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ прибылъ изъ Алькалы.
Въ немъ кровь пылка, за чѣмъ же взглядъ его
Такъ холоденъ? такъ празднично и сухо
Со мною обращенье? Примѣчайте
За нимъ, прошу васъ всѣхъ объ этомъ.

АЛЬБА.

Будьте
Спокойны, государь. Доколѣ сердце
Еще объ этотъ панцырь бьется — донъ Филиппъ
Безъ страха можетъ отходить ко сну:
Какъ Божій херувимъ у райской двери,
Стоитъ здѣсь Альба у престола.

ЛЕРМА.

Смѣю-ль
Мудрѣйшему монарху униженно
Я сдѣлать возраженье? Я такъ свято
Величію Филиппа поклоняюсь,
Что твердо вѣрю, онъ не станетъ строго
И опрометчиво судить о сынѣ.
Я многого боюсь за пылкость крови,
Но не за сердце нашего инфанта.

КОРОЛЬ.

Графъ Лерма, вы прекрасными словами,
Я вижу, подкупить отца хотите:
Но короля опорой будетъ герцогъ.
Ни слова больше!

(обращается къ свитѣ)

Я спѣшу въ Мадритъ.
Дѣла зовутъ меня. Чума ереси
Мои народы сильно заражаетъ;
Бунтъ страшно пухнетъ въ Нидерландахъ. Время!
Примѣръ ужасный нуженъ. Завтра я

Хочу исполнить тотъ обѣтъ великій,
Что дали всѣ монархи христіянства,
И судъ кровавый будетъ безпримѣренъ:
Весь дворъ мой приглашенъ заранѣ.

(уводитъ королеву, свита слѣдуетъ)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ДОНЪ - КАРЛОСЪ *(съ письмами въ рукахъ)*. МАРКИЗЪ
ПОЗА *(сходятся съ противоположныхъ сторонъ)*.

КАРЛОСЪ.

Такъ, рѣшено: я Фландрію спасаю;
Она желаетъ — и съ меня довольно.

МАРКИЗЪ.

И не теряя ни минуты. Слышно,
Что герцогъ Альба ужъ туда назначенъ
Въ правители.

КАРЛОСЪ.

Просить я завтра-жъ буду
У короля аудіенціи въ Мадритѣ.

Я этотъ титулъ вымолю себѣ.

Отецъ мнѣ не откажетъ. Въ первый разъ

Еще къ нему я прибѣгаю съ просьбой.

Давно ужъ, замѣчаю, онъ косится

На то, что я въ Мадритѣ. Что-же лучше

Предлога этого держать меня

Вдали. И ужь признаться ли тебѣ?
Надѣюсь я — быть можетъ, мнѣ удастся
Лицомъ къ лицу его расположенъ
Къ себѣ возстановить. Онъ никогда
Еще не слышалъ голоса природы.
Дай мнѣ попробовать, какъ этотъ голосъ
Могучъ на языкѣ моемъ сыновнемъ.

МАРКИЗЪ.

Вотъ наконецъ я узнаю въ васъ Карла.
Теперь опять вы совершенно прежній.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ГРАФЪ ЛЕРМА.

ЛЕРМА.

Король сейчасъ Аранжуэцъ оставилъ.
Мнѣ данъ приказъ...

КАРЛОСЪ.

Не беспокойтесь, графъ,

Не опоздаю.

МАРКИЗЪ.

(будто хочетъ удалиться. Съ нѣкоторымъ церемоніаломъ)

Больше никакихъ,

Ваше высочество, не будетъ порученій?

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ, кавалеръ. Желаю вамъ пріятно
Доѣхать до Мадрита. Мы въ другой разъ

Поговоримъ о Фландріи побольше.

(Лермъ, который ждетъ его)

Графъ, я сейчасъ за вами.

(графъ Лерма уходитъ).

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Донъ-Карлосъ. Маркизь.

КАРЛОСЪ.

Тебя я понялъ. Благодарствуй другъ.

Но эти принужденья извиняетъ

Одна помѣха постороннихъ. Развѣ

Не братья мы? Комедию чиновъ

Мы выгонимъ изъ нашего союза.

Увѣрь себя, что мы на балѣ оба

Другъ съ другомъ въ маскахъ встрѣтились. Ты въ рабской

Одеждѣ, я изъ одного каприза,

Въ порфирѣ. Впродолженьи маскарада

Играемъ мы прекрасно наши роли

Съ смѣшною важностью, чтобы толпы

Веселостей контрастомъ не нарушить.

Но Карль тебѣ сквозь маску вдругъ киваетъ,

Ты руку жмешь у Карла мимоходомъ,

И мы другъ друга понимаемъ.

МАРКИЗЪ.

Сонъ

Божественный. Но долго-ль онъ продлится?

И силенъ ли такъ Карлосъ, чтобъ бороться

Со всѣми обольщеньями престола?
Есть впереди великій день, но день,
Когда геройскій духъ — я вамъ напомнимъ —
Падеть на трудномъ, долгомъ испытаньи.
Филиппъ отходить въ вѣчность. Карлъ садится
На тронъ славнѣйшій въ цѣломъ христіанствѣ.
Ужасной щелью вдругъ онъ откололся
Отъ рода смертныхъ, — божество сегодня,
Кто былъ вчера лишь только человѣкомъ.
Въ немъ нѣтъ ужъ слабостей. Долги предъ нимъ
Всей вѣчности нѣмѣютъ... Человѣкъ —
Еще вчера предъ нимъ святое слово —
Самъ продаетъ себя и ползаетъ во прахъ.
Съ бѣдой въ немъ тухнетъ вмѣстѣ состраданье,
Средь нѣги въ немъ слабѣетъ добродѣтель,
Для глупостей ему шлетъ Перу злато,
А за пороки кланяется дворъ.
Онъ сладко засыпаетъ въ этомъ небѣ,
Его врагами созданномъ лукаво,
И длится сонъ и длится божество.
Бѣда безумцу, кто его разбудить!
А вашъ Родриго?... Дружба откровенна,
Смѣла, проста!... Величество больное
Не выдержать лучей ея ужасныхъ.

.....

КАРЛОСЪ.

.....

Тебѣ я вѣрю... Но лишь сладострастье
Ихъ сердце отдаетъ порокамъ... Я же —
Я чистъ еще. Мнѣ двадцать-третій годъ.
Что до меня бессмысленно другіе
Въ объятіяхъ нечистыхъ погубили,

Сокъ лучшихъ силъ и свѣжесть духа,
То я сберегъ для будущихъ дѣяній.
А что-жь еще насъ можетъ разлучить, —
Ужь развѣ женщины?

МАРКИЗЪ.

Я самъ. И можно-ль
Мнѣ будетъ искренно любить васъ, Карлосъ,
Когда бояться васъ я буду долженъ?

КАРЛОСЪ.

Вотъ этого не будетъ? Развѣ ты
Во мнѣ нуждаешься? есть страсти у тебя,
Просящія подачки у престола?
Иль хочешь золота? Ты подданный,
Но ты богаче Карлоса-монарха.
Иль хочешь почестей? Но съ юныхъ лѣтъ
Извѣдалъ ты и бросилъ ихъ съ улыбкой.
Такъ кто-жь изъ насъ кредиторомъ другаго,
И должникомъ кто будетъ? Ты молчишь?
Дрожишь ты самъ предъ искушеньемъ? Самъ ты
Себѣ не довѣряешь?

МАРКИЗЪ.

Хорошо!
Я уступаю. Вотъ моя рука!

КАРЛОСЪ.

Ты мой?

МАРКИЗЪ.

На вѣкъ, и въ самомъ дерзновенномъ
Значеньи слова.

КАРЛОСЪ.

Вѣрно, горячо,
Какъ нынче Карлосу инфанту, такъ
Тогда самодержавному монарху?

МАРКИЗЪ.

Клянусь вамъ.

КАРЛОСЪ

Даже и тогда, какъ червь
Похвалъ и лести грудь мою ужалить;
Когда мой глазъ разучится лить слезы,
Какими плакивалъ бывало, ухо
Оглохнетъ для мольбы несчастныхъ, ты,
Ужасный стражъ всѣхъ доблестей моихъ,
Разбудишь ли меня? ты кликнешь ли
По имени мой спящій геній?

МАРКИЗЪ.

Кликну.

КАРЛОСЪ.

Теперь другая просьба! Говори
Мнѣ *ты!* Завидовалъ всегда я равнымъ
Тебѣ за это право братской дружбы.
Другъ, это *ты* обманетъ ухо мнѣ,
Обманетъ сердце равенства блаженствомъ.
Безъ возраженій! Знаю, что мнѣ скажешь.
Тебѣ вѣдь то бездѣлица; но мнѣ,
Мнѣ, сыну царскому, то важно. Будь
Мнѣ братомъ!

МАРКИЗЪ.

Я твой братъ!

КАРЛОСЪ.

Теперь — къ отцу!

Теперь силенъ я, — объ руку съ тобою
Свой вѣкъ готовъ я вызвать на борьбу.

(уходитъ)

ВТОРОЙ АКТЪ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Въ королевскомъ дворцѣ, въ Мадритѣ.

Король Филиппъ *(на тронѣ)*. Карлосъ. Герцогъ Альба *(въ некоторомъ отдаленіи отъ короля съ покрытой головой)*.

КАРЛОСЪ.

Дѣла впередъ всего. Съ большой охотой
Министру Карлосъ первый шагъ уступить.
Онъ говорить за государство — я
Сынъ дома.

(отходитъ съ поклономъ)

ФИЛИППЪ.

Герцогъ остается здѣсь;
Инфантъ пусть начинается.

КАРЛОСЪ.

(обращаясь къ Альбѣ)

Такъ принужденъ я
У вашего великодушья, герцогъ,
Себѣ просить монарха, какъ подарокъ.

Сынъ, сами знаете, на сердцѣ много
Для своего отца скопляетъ часто,
Что слушать третьему не стоитъ. Государь
При васъ останется, какъ прежде — мнѣ же
Отца лишь нужно не надолго.

ФИЛИППЪ.

Здѣсь другъ его.

КАРЛОСЪ.

Но заслужилъ ли я
Предполагать въ немъ также своего?

ФИЛИППЪ.

Да и едва-ль заслужишь. Не люблю
Я сыновей, что лучше выбираютъ,
Чѣмъ ихъ отцы.

КАРЛОСЪ.

И рыцарская гордость
Герцога Альбы можетъ это слышать?
Клянусь своей душой, роль человѣка,
Кто между сыномъ и отцомъ незванно,
Тѣсниться не краснѣетъ, кто насильно
Въ сознаніи ничтожности своей
Рѣшается стоять здѣсь, я-бъ, ей Богу! —
И хоть завись отъ этого корона, —
Я эту роль играть не сталъ бы!

ФИЛИППЪ.

(встаетъ, съ гнѣвнымъ взглядомъ на принца)

Герцогъ,

Оставьте насъ!

*(герцогъ идетъ къ главной двери, въ которую вошелъ Карлосъ;
король показываетъ ему на другую)*

Нѣтъ, въ кабинетъ, пока
Не позову я васъ.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Король. Донъ-Карлосъ.

КАРЛОСЪ.

(по выходѣ герцога падаетъ передъ королемъ на колѣни)

Вотъ снова вы теперь

Отецъ мой! снова мой! Благодарю,
Съ слезами на глазахъ благодарю
За эту милость! Руку, руку вашу!
О сладкій день! Блаженство поцѣлуя
Давно вашъ сынъ, родитель мой, не вѣдалъ.
Зачѣмъ отъ сердца своего такъ долго
Меня отталкивать? Чѣмъ виновать я?

ФИЛИППЪ.

Инфантъ, твоя душа не знаетъ штукъ подобныхъ.
Избавь меня отъ нихъ.

КАРЛОСЪ.

(вставая)

Такъ я и думалъ!

Вотъ здѣсь я слышу вашихъ царедворцевъ.
Родитель мой, не все, — ей Богу, вѣрьте, —
Не все то правда, что монахъ толкуетъ,
Не все, что говорятъ монаха твари...
Я не дурной сынъ, мой родитель! кровь —
Вся злость моя, все преступленье — юность.
Я не дурной сынъ, право не дурной;
Хоть вспыльчивость и часто на него
Клевещетъ, сердце доброе во мнѣ.

ФИЛИППЪ.

Твоя душа чиста, я это знаю,
Какъ самая молитва.

КАРЛОСЪ.

Теперь иль никогда! — Мы здѣсь одни.
Желѣзная рѣшетка этикета
Межъ сыномъ и отцомъ лежитъ во прахѣ.
Теперь иль никогда! Лучъ упованья
Блеститъ во мнѣ, и сладкія надежды
Волнуютъ сердце. Кажется, все небо
Веселыхъ ангеловъ склонилось долу,
И самъ Создатель смотритъ съ умилениемъ
На насъ; родитель, помиримтесь!

(падаетъ къ ногамъ его)

ФИЛИППЪ.

Встань!

Оставь меня въ покоѣ!

КАРЛОСЪ.

Помиримтесь!

ФИЛИППЪ.

(освобождаясь отъ него)

Комедія ужъ стала дерзкой.

КАРЛОСЪ.

Дерзкой?

Сыновняя любовь?

ФИЛИППЪ.

Что это?... слезы?

О, отвратительно!... Прочь съ глазъ моихъ!

КАРЛОСЪ.

Теперь иль никогда ужъ!... Помиримтесь!

ФИЛИППЪ.

Прочь съ глазъ моихъ! Прійди, покрытый срамомъ,

Изъ жаркихъ битвъ, мои объятъя будутъ
Тебѣ отверзты — въ этомъ видѣ, я
Тебя не знаю. Только виноватый
Свою вину въ такихъ слезахъ позорныхъ
Смыть думаетъ съ себя. Кто не краснѣетъ
Раскаянья, тотъ отъ него, повѣрь,
Ужъ не избавится во вѣкъ.

КАРЛОСЪ.

Кто это?

Какой ошибкой это существо
Попало къ людямъ? Слезы вѣчно были
Вѣрительною грамматой людей;
Его глазъ сухъ, не женщина носила
Его во чревѣ. О! заставьте
Свой глазъ сухой, пока еще не поздно,
Слезамъ учиться, иначе придется
Въ ужасный часъ наверстывать, быть можетъ.

ФИЛИППЪ.

Сомнѣніе отца ты, вижу, хочешь
Разсѣять красными словцами, Карлосъ?

КАРЛОСЪ.

Сомнѣнье? да, я уничтожу это
Сомнѣнье... да, я припаду на грудь
Отца — и стану мощно обрывать
Кору сомнѣнья до-тѣхъ-поръ, покамѣстъ
Не упадетъ она. Кто-жь эти люди,
Меня лишившіе любви отцовской?
Что заплатилъ монахъ отцу за сына?
Что Альба дастъ ему въ замѣнъ за жизнь,
Прожитую безъ радостей семейныхъ?
Любви хотите вы? — Но въ этомъ сердцѣ
Течетъ родникъ и чище и свѣтлѣе,

Чѣмъ въ этихъ мутныхъ всѣхъ резервуарахъ,
Что деньги лишь Филиппа открываютъ.

ФИЛИППЪ.

Умолкни дерзновенный! Эти люди,
Которыхъ ты дерзаешь поносить,
Мои испытанные слуги, и —
Ты будешь уважать ихъ.

КАРЛОСЪ.

Никогда!

Я сознаю себя. Что ваши Альбы
Вамъ дѣлаютъ, то сдѣлаетъ и Карлосъ,
И Карлосъ лучше сдѣлаетъ. Что нужды
Наемнику до вашихъ королевствъ,
Которыхъ онъ не назоветъ своими?
Ему что нужды, если сѣдиной
Филиппа голова засеребрится?
Вашъ Карлосъ васъ любилъ бы. Мнѣ ужасно
Подумать, что и я на тронѣ буду
Стоять одинъ... одинъ.

ФИЛИППЪ.

*(пораженный этими словами, стоитъ въ глубокомъ размы-
шленіи. Послѣ нѣкотораго молчанія)*

Да, я одинъ.

КАРЛОСЪ.

(съ живостію и съ жаромъ подходя къ нему)

Вы были. Перестаньте ненавидѣть
Меня. Я буду дѣтски васъ любить,
Я буду пламенно любить васъ! Только
Не ненавидьте болѣе меня!
Какъ сладко, хорошо въ душѣ прекрасной
Себя преображать! какъ сладко думать,
Что наша радость красить щеки друга,

Что наша грусть другую грудь сжимаетъ,
Что наша скорбь глаза другіе мочить.
Какъ сладко, хорошо, рука съ рукою
Пройти съ своимъ многообѣтнымъ сыномъ
Въ другой разъ юности путемъ цвѣтущимъ,
Въ другой разъ съ нимъ прогрѣзить жизни сонъ!
Какъ чудно сладко въ доблестяхъ сыновнихъ
Безсмертно благодарно очнуться
Вѣкамъ на благо! Какъ прекрасно сѣять,
Что милый сонъ пожнетъ по смерти нашей,
Копить, что онъ удвоить, и предвидѣть
Какъ горячо онъ скажетъ намъ спасибо!
О, батюшка, объ этомъ раѣ на землѣ
Монахи ваши мудро умолчали.

ФИЛИППЪ.

(растроганный)

О, сынъ мой, сынъ мой! Жезлъ ты самъ себѣ
Переломилъ надъ головою. Ярко
Изобразилъ ты счастье, что до-сихъ-поръ
Мнѣ не давалъ.

КАРЛОСЪ.

Пусть судить то Всевышній!

Вы сами изъ отеческой груди,
Отъ трона сами вы меня изгнали.
До-сихъ-поръ... о! скажите, хорошо ли,
И справедливо-ль это?... до-сихъ-поръ
Я, королевскій сынъ, инфантъ испанскій,
Я плѣнникомъ какимъ-то былъ у трона.
О! хорошо-ль то было, справедливо-ль?
Какъ часто, о! какъ часто, мой родитель,
Сгаралъ я со стыда, когда послы
Другихъ державъ, когда одни журналы

О новостяхъ мадритскаго двора
Мнѣ говорили!

ФИЛИППЪ.

Слишкомъ сильно кровь
Клокочетъ въ жилахъ у тебя. Ты все бы
Сталъ только портить.

КАРЛОСЪ.

Дайте жь портить мнѣ,
Родитель!... Сильно кровь клокочетъ въ жилахъ
Моихъ, вы правы. Двадцать-три ужь года
И ничего не сдѣлать для потомства!
Я пробудился, всталъ. Призванье къ трону
Стучить въ груди, какъ строгій кредиторъ,
И будить силы духа; всѣ мгновенья,
Утраченные прежде, громко, звучно
Ко мнѣ, какъ чести долгъ святой, взываютъ.
Насталъ онъ, тотъ великій мигъ, когда
Міръ отъ меня сталъ требовать уплаты:
Меня зоветъ исторья, слава предковъ
И громкій гулъ молвы тысячеустной.
Настало время отворить мнѣ славы
Широкія ворота. Мой король,
Позволите-ль осмѣлиться вы мнѣ
Васъ просьбой утрудить?

ФИЛИППЪ.

Опять ужь просьбой?

Скажи въ чемъ дѣло?

КАРЛОСЪ.

Бунтъ въ Брабантѣ страшно
Растетъ теперь. Мятежниковъ упорство
Средствъ мудрыхъ, сильныхъ требуетъ. Вамъ Альбу,
Снабдивъ его всеильнымъ полномочьемъ,

Туда послать угодно, чтобы силой
Одуматься фанатиковъ заставить.
Какъ славенъ этотъ постъ, какъ прямо, вѣрно
Онъ могъ бы сына вашего ввести
Въ храмъ славы! Мнѣ, родитель, мнѣ отдайте
Свои войска! Меня фламандцы любятъ:
Я головой, я кровію своей
За вѣрность ихъ готовъ вамъ поручиться.

ФИЛИППЪ.

Ты разсуждаешь, какъ мечтатель. Мужа,
Не юношу постъ этотъ требуетъ...

КАРЛОСЪ.

Лишь человѣка требуетъ, родитель,
А имъ-то никогда вашъ Альба не былъ.

ФИЛИППЪ.

Одинъ лишь ужасъ умиряетъ бунтъ.
Дурачествомъ бы было милосердье;
Твоя душа мягка, а герцогъ страшенъ.
Брось эту мысль изъ головы.

КАРЛОСЪ.

Пошлите
Во Фландрію меня, — разъ положитесь
На душу мягкую мою! Ужь имя
Одно инфанта, что предъ знаменами
Моими понесется, разомъ побѣдитъ,
Гдѣ Альбы будутъ только жечь и грабить.
Я на колѣнахъ васъ прошу. Я въ первый
Разъ въ жизни васъ прошу, родитель, дайте
Мнѣ Фландрію!

ФИЛИППЪ.

(проницательно смотритъ на инфанта)

И вмѣстѣ мое войско

Твоимъ опаснымъ замысламъ отдать?
Ножъ моему убійцѣ?

КАРЛОСЪ.

Боже! Боже!

Я ни на шагъ не двинулся. Вотъ плодъ
Столь горячо желаннаго свиданья?

(послѣ нѣкотораго размышленія съ смягченною важностію)

Отвѣтьте мнѣ хоть ласковѣй! Такъ сухо

Не отсылайте отъ себя! Такъ съ вами

Я-бъ не хотѣлъ разстаться, не хотѣлъ бы

Уйти отъ васъ съ такимъ тяжелымъ сердцемъ.

Хоть ужъ поласковѣй со мною будьте!

Вѣдь это нужно мнѣ; въ послѣдній разъ

Вѣдь я пытаюсь — и понять не въ силахъ,

Не въ силахъ перенести того какъ мужъ,

Что вы во всемъ, во всемъ мнѣ отказали.

Вы отсылаете меня. Ужасно

Обманутый во всѣхъ прекрасныхъ грезахъ,

Уйду отъ васъ я. Ваши Альбы, ваши

Доминги будутъ ликовать на мѣстѣ,

Гдѣ сынъ во прахѣ плакалъ передъ вами.

Толпа придворныхъ, знатные рабы,

Монаховъ грѣшно-блѣдный цѣхъ — всѣ знаютъ,

Что вы аудіенцію мнѣ дали.

Не пристыжайте же меня! Не дайте

Посмѣшищемъ всей челяди придворной

Мнѣ быть, чтобъ не сказали, что чужіе

Отъ вашихъ милостей одни тучнѣютъ,

Что Карлосъ васъ и попросить не смѣетъ!

Въ залогъ того, что вы благоволите

Ко мнѣ — пустите въ Фландрію меня.

ФИЛИППЪ.

(гнѣвно)

Умолкни, дерзновенный, ради гнѣва
Монарха твоего!

КАРЛОСЪ.

Съ опасностью навлечъ
Гнѣвъ короля, я васъ въ послѣдній разъ
Прошу — пустите въ Фландрію меня!
Довѣрьтесь мнѣ! Я долженъ, я обязанъ
Бѣжать Испаніи. Здѣсь жизнь моя —
Дыханье подъ сѣкирой палача.
Въ Мадритѣ небо тяжело налегло
На грудь мнѣ, какъ сознаніе убійства.
Меня спасетъ лишь переменна мѣста.
Когда спасти меня хотите вы, —
Пустите въ Фландрію!

ФИЛИППЪ.

(съ принужденнымъ спокойствіемъ)

Такихъ больныхъ,
Какъ ты, мой сынъ, лечить необходимо,
И при себѣ лечить. Ты остаешься
Въ Испаніи; туда поѣдетъ Альба.

КАРЛОСЪ.

(внѣ себя)

Такъ помогайте-жь вы мнѣ, духи неба!

ФИЛИППЪ.

(отступая на шагъ)

Стой! это что за рѣчи?

КАРЛОСЪ.

(прерывающимся голосомъ)

Мой родитель,
И вы не перемените рѣшенья?

ФИЛИППЪ.

Король сказалъ.

КАРЛОСЪ.

Ну, такъ и я здѣсь кончилъ.

(уходитъ въ сильномъ волненіи)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ФИЛИППЪ *(погруженный въ мрачное размышленіе, нѣкоторое время стоитъ неподвижно, наконецъ начинаетъ ходить взадъ и впередъ по залу)*. АЛЬБА *(въ замѣшательствѣ приближается)*.

ФИЛИППЪ.

Вы, герцогъ, ждите каждый часъ приказа
Къ отъѣзду въ Брюссель.

АЛЬБА.

Государь, готовъ

Давно я.

ФИЛИППЪ.

Ваше полномочье, герцогъ,
Лежить ужъ въ кабинетѣ. Между-тѣмъ,
Явитесь предъ отъѣздомъ къ королевѣ,
Да и съ инфантомъ вамъ совѣтую проститься.

АЛЬБА.

Онъ, какъ безумный, только что отсюда,
Изъ залы, вышелъ. Государь, и вы
Взволнованы такъ сильно, вы такъ блѣдны...
Быть-можетъ разговоръ вашъ?...

ФИЛИППЪ.

(походивъ нѣсколько взадъ и впередъ)

Разговоръ

Былъ — герцогъ Альба.

(король останавливается и пристально на него смотритъ.
Мрачно)

Мнѣ пріятно слышать,
Что принцъ моихъ министровъ ненавидитъ,
Но горько мнѣ, что онъ ихъ презираетъ.

АЛЬБА.

(мѣняется въ лицѣ и хочетъ возразить)

ФИЛИППЪ.

Не отвѣчайте. Я вамъ позволяю
Съ инфантомъ помириться.

АЛЬБА.

Государь!

ФИЛИППЪ.

Скажите лучше, кто меня впервые
Предостерегъ отъ замысловъ инфанта?

Я слушалъ васъ, а не его. Теперь

Я попытаюсь, герцогъ. Съ этихъ поръ

Принцъ станетъ ближе къ трону. Вы... ступайте!

(король удаляется въ кабинетъ. Герцогъ уходитъ въ другую
дверь)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Приемная зала передъ покоемъ королевы.

ДОНЪ - КАРЛОСЪ. *(входитъ, разговаривая съ ПАЖЕМЪ, въ среднюю дверь. Придворные, находящіеся въ залѣ, разбѣгаются при его появленіи въ прилежащіе покои).*

КАРЛОСЪ.

Письмо ко мнѣ? Къ чему же этотъ ключъ?

Да и къ чему таинственность такая?

Приблизься, милый! Кто тебя послалъ?

ПАЖЪ.

(таинственно)

Какъ намекали мнѣ объ этомъ... дамъ

Угодно быть угаданной.

КАРЛОСЪ.

Что? дама?

(пристально осматриваетъ пажу)

Какъ? что? Кто-жь ты такой?

ПАЖЪ.

Я пажъ ея

Величества...

КАРЛОСЪ.

(испуганный, бросается на него и зажимаетъ ему ротъ)

Молчи, несчастный! Стой! я знаю.

(поспѣшно срываетъ печать и отходитъ на самый конецъ залы, чтобы прочесть письмо. Между тѣмъ герцогъ Альба, незамѣченный принцемъ, проходитъ мимо него въ покои королевы. Карлосъ сильно дрожитъ, то блѣднѣя, то краснѣя. Прочитавъ, онъ долго стоитъ безмолвный, устремивъ взоры на письмо. Наконецъ, обращается къ пажу)

Она сама тебѣ письмо вручила?

ПАЖЪ. *«Ключъ этотъ вамъ отворить двери заднихъ»*
Собственноручно, принцъ.

КАРЛОСЪ. *«Покоевъ въ павильонѣ королевы.»*

Она сама
Тебѣ письмо вручила? — о! не смѣйся!
Я почерка ея еще не знаю.

Тебѣ я долженъ вѣрить... Поклянись мнѣ,
Но если лжешь, признайся откровенно,
Не насмѣхайся надо мной!

ПАЖЪ. *«Изъ нихъ введетъ васъ въ крайній кабинетъ.»*

Надъ кѣмъ?

КАРЛОСЪ.

*(снова смотритъ на письмо и осматриваетъ пажъ сомни-
тельнымъ, испытующимъ взглядомъ. Пройдя разъ по залу)*

Есть у тебя родители? Да? твой
Отецъ испанецъ? служить королю?

ПАЖЪ.

Онъ палъ при Сен-Кентенѣ... былъ полковникъ
У герцга Савойскаго, и звали
Его Алонзо, графъ де-Генарецъ.

КАРЛОСЪ.

(взявъ его за руку, значительно устремляетъ на него взоръ)

Письмо вручилъ тебѣ король?

ПАЖЪ.

(обидясь)

Принцъ, — я

Не заслужилъ такого подозрѣнья.

КАРЛОСЪ.

(читаетъ письмо)

«Ключъ этотъ вамъ отворить двери заднихъ

«Покоевъ въ павильонѣ королевы.

«Изъ нихъ введетъ васъ въ крайній кабинетъ,

« Куда еще не западали взоры
« Доносчика. Тамъ громко и свободно
« Любовь вамъ то откроетъ, что такъ долго
« Она лишь знаками одними выражала.
« Тамъ робкія услышатся признанья,
« Тамъ ждетъ страдальца лучшая награда. »

(будто пробудившись отъ остолебенія)

Нѣтъ, я не сплю... не брежу... это точно
Моя рука... вотъ мечъ мой... это точно
Написанныя строки. Это правда,
Такъ я любимъ, любимъ! о!... да, любимъ!

(въ сильномъ волненіи)

ПАЖЪ.

Пожалуйте-жь, я проведу васъ, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Дай мнѣ сперва опомниться. Не бьются-ль
Еще всѣ ужасы такого счастья
Въ груди моей? Надѣялся-ль на то я?
Осмѣливался-ль я мечтать объ этомъ?
Кто такъ внезапно можетъ пріучиться
Быть въ небѣ? Чѣмъ я былъ, чѣмъ сталъ теперь я?
Это другое небо, это солнце —
Другое солнце — я любимъ!

ПАЖЪ.

(хочетъ увести его)

Принцъ, принцъ,

Не мѣсто здѣсь — забыли...

КАРЛОСЪ.

(окаменѣвъ, какъ будто отъ внезапной мысли)

Короля!

Отца!

(опускаетъ руки, дико смотритъ кругомъ и начинаетъ приходить въ себя)

Ужасно — да, ты правъ, ты правъ,
Мой милый; благодарствуй; я теперь
Быль точно внѣ себя. И мнѣ молчать,
Замуровать въ груди все счастье должно...
Да, это страшно, это точно страшно!

(беретъ пажъ за руку и отводитъ ея сторону)

Что видѣлъ ты... иль не видалъ... смотри же!
Какъ въ гробъ, въ сердцѣ схорони своемъ!
Теперь ступай! Я ужь прійду. Ступай!
Насъ не должны здѣсь вмѣстѣ видѣть. Прочь!

ПАЖЪ.

(хочетъ идти)

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ, погоди! послушай!

(пажъ возвращается. Карлосъ кладетъ руку свою ему на плечо и серьезно, торжественно смотритъ ему въ лицо)

Ты уносишь

Съ собой одну изъ тѣхъ ужасныхъ тайнъ,
Которыя, подобно сильнымъ ядамъ,
Свои сосуды страшно разрываютъ.
Умѣй же ты владѣть собой! Твой умъ
Пусть никогда не знаетъ, что на сердцѣ
Хранится у тебя. Какъ мертвый рупоръ,
Пріемлющій и отдающій звуки,
Не слышитъ самъ ихъ, такъ и ты не слышь ихъ!
Ты мальчикъ — будь же мальчикомъ и нынѣ
И продолжай играть и веселиться.
Умно какъ выбрать вѣстника любви
Она умѣла. Здѣсь король своихъ
Ехиднъ не выбираетъ.

ПАЖЪ.

Принцъ, и я

Не перестану никогда гордиться,
Что тайною одной теперь богаче,
Чѣмъ самъ король испанскій.

КАРЛОСЪ.

Глупый мальчикъ,

Вотъ этого и долженъ ты бояться.

Случится-ль намъ встрѣчаться при другихъ:

Ты робко, съ уваженьемъ обходиться

Со мною будешь. Какъ бы ни былъ принцъ

Съ тобою милостивъ, ты никогда

Не позволяй себѣ изъ самолюбья

Кивать мнѣ, знаки дѣлать! Ты, мой сынъ,

Ты никогда не согрѣшишь такъ тяжело,

Какъ если *мнѣ* понравиться. Что впредь

Ты мнѣ сказать захочешь, никогда

Не говори словами, языку

Не довѣрай. На общій путь всѣхъ мыслей

Да не войдетъ твое увѣдомленье!

Глазами говори, рѣсницей, пальцемъ;

Я ужъ пойму тебя. Вотъ видишь ли,

Здѣсь воздухъ, свѣтъ Филиппа креатуры;

Нѣмымъ стѣнамъ, и тѣмъ онъ платитъ деньги...

Сюда идутъ.

(дверь, ведущая къ королеви, открывается и герцогъ Альба
выходитъ)

Прочь! до свиданья!

ПАЖЪ.

Принцъ,

Но только въ комнатѣ не ошибитесь!

(уходитъ)

КАРЛОСЪ.

Да, это герцогъ.

(кричитъ пажу)

Нѣтъ, нѣтъ! хорошо!
Я буду тамъ.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Донъ-Карлосъ. Герцогъ Альба.

АЛЬБА.

(загораживая ему дорогу)

Свѣтлѣйшій принцъ, два слова.

КАРЛОСЪ.

Извольте... хорошо... въ другой разъ.

(хочетъ идти)

АЛЬБА.

Мѣсто

Конечно не удобно. Можетъ-быть,

Ваше высочество мнѣ у себя

Свиданье подарите?

КАРЛОСЪ.

Для чего же?

И здѣсь мы можемъ объясниться. Только

Скорѣе, покороче.

АЛЬБА.

Что меня

Теперь приводить къ вамъ, свѣтлѣйшій принцъ,

Такъ это искренняя благодарность

Къ вамъ за извѣстное...

КАРЛОСЪ.

Какъ? благодарность?

Мнѣ благодарность? Но за что же такъ?
Къ тому же *ваша* благодарность, герцогъ?

АЛЬБА.

Вы не успѣли выйти отъ монарха,
Какъ онъ ужъ мнѣ и милость объявилъ.
Я ѣду въ Брюссель.

КАРЛОСЪ.

Въ Брюссель? поздравляю!

АЛЬБА.

Кому-жъ я тѣмъ обязанъ, какъ не вамъ, принцъ?
Не вашему предстательству у трона?

КАРЛОСЪ.

Мнѣ? только ужъ не мнѣ... не мнѣ, клянусь вамъ!
Вы ѣдете — такъ поѣзжайте съ Богомъ!

АЛЬБА.

И больше ничего, — мнѣ это странно.
Ваше высочество, мнѣ ничего
Во Фландріи еще не поручите?

КАРЛОСЪ.

Чего-жъ еще? чего же тамъ?

АЛЬБА.

Но намъ

Еще недавно всѣмъ казалось, будто
Судьба всѣхъ этихъ странъ нуждалась въ личномъ
Присутствіи донъ-Карлоса.

КАРЛОСЪ.

Какъ такъ?

Ахъ, да... да, правда... было что-то... Но
И *такъ* прекрасно, безподобно, еще лучше...

АЛЬБА.

Я удивляюсь...

КАРЛОСЪ.

(съ ироніей)

Вы славный генералъ...

Кто этого не знаетъ? Даже зависть
Дастъ въ этомъ клятву. Я... я молодъ.
Тожь-самое и самъ король подумалъ.
Король правъ совершенно, правъ кругомъ.
Теперь и я въ томъ сознаюсь, и такъ
Довольно. Поѣзжайте съ Богомъ! Я
Теперь не въ-силахъ, видите вы сами...
Мнѣ право некогда... о прочемъ завтра,
Или когда угодно, иль когда
Воротитесь изъ Брюсселя...

АЛЬБА.

Какъ, принцъ?

КАРЛОСЪ.

(послѣ нѣкотораго молчанія, видя что герцогъ не уходитъ)

Вы запаслись прекрасною погодой —
Весной и лѣтомъ. Путь лежитъ вамъ, герцогъ,
Черезъ Миланъ, Лотрингію, Бургундію,
Германію... Германію? Такъ точно,
Въ Германіи то было! тамъ васъ знаютъ!...
Теперь у насъ апрѣль; май... іюнь, въ іюлѣ
Такъ точно въ іюлѣ, или позднимъ срокомъ
Въ началѣ августа вы ужь на мѣстѣ.
О! я не сомнѣваюсь, къ намъ дойти
Вѣсть о побѣдахъ вашихъ не замедлитъ.
Вы, герцогъ, не обманете, я знаю,
Довѣрья нашего.

АЛЬБА.

(значительно)

Мнѣ ли это сдѣлать
Съ сознаніемъ ничтожности своей?

КАРЛОСЪ.

(послѣ нѣкотораго молчанія, съ достоинствомъ и гордо)

Вы оскорбились, герцогъ?... и вы правы.
Со стороны моей... признаться долженъ...
Пощады мало было мечъ поднять
Противъ того, кто отразить его
Не можетъ.

АЛЬБА.

Что? не можетъ?

КАРЛОСЪ.

(съ улыбкой подаетъ ему руку)

Жаль мнѣ, право,

Что именно теперь мнѣ недосугъ
Достойную борьбу окончить съ Альбой.
Въ другой разъ...

АЛЬБА.

Принцъ, мы оба обсчитались
Различнымъ образомъ. Вы, на примѣръ,
Вы видите себя на двадцать лѣтъ позднѣе,
Я васъ на столько-жъ ранѣе.

КАРЛОСЪ.

Ну?

АЛЬБА.

Къ тому-жъ на умъ мнѣ какъ-то вспало, сколько
Ночей съ своей супругой португальской,
Покойной вашей матерью, король
Не далъ бы, только бы добыть престолу
Такую руку, какъ моя, донъ-Карлосъ?...

КАРЛОСЪ.

Правда, правда!

Но, герцогъ, но...

АЛЬБА.

И сколько крови принцъ,
Народной, сильной крови протекло,
Пока двѣ капли вамъ корону дали.

КАРЛОСЪ.

Ей Богу, правы вы... и въ двухъ словахъ
Все сжато, чѣмъ заслуги гордость можетъ
Фортуны гордости колоть глаза.
Но приложенъ, герцогъ Альба?

АЛЬБА.

Горе

Величеству — младенцу въ колыбели —
Когда надъ нянькою оно глумится!
Конечно, сладко спать ему на мягкой
Подушкѣ нашихъ подвиговъ, побѣдъ!...
Въ коронѣ блещетъ жемчугъ, а не раны,
Не кровь которыхъ стоили они.
Вотъ этотъ мечъ народамъ чужеземнымъ
Предписывалъ законы; онъ грозою
Блисталъ передъ распятымъ; онъ провелъ
Борозды кровавыхъ много на землѣ
Къ посѣву зеренъ православной вѣры.
Богъ на небѣ судилъ, я на землѣ...

КАРЛОСЪ.

Богъ или дьяволъ, все равно! Вы были
Его рукою правой. Знаю все.
Теперь ни слова болѣе, прошу васъ!
Мнѣ-бъ не хотѣлось шевелить теперь
Однихъ воспоминаній... Уважаю
Я выборъ короля. Ему нужны
Здѣсь Альбы; что они нужны, я въ томъ
Ему завидовать не стану. Вы

Великій человѣкъ. Пусть будетъ такъ,
Я даже вѣрю этому, но только
Мнѣ жаль, что нѣсколько тысячелѣтій
Вы ранѣе явились въ жизни. Альба,
По-моему, передъ кончиной свѣта,
Ея пророкомъ долженъ бы родиться!
Тогда какъ мощный грѣхъ долготерпѣнье
Небесное все выгложетъ, и жатва
Злодѣйствъ высокимъ колосомъ возстанетъ
И будетъ ждать ужаснаго жнеца, —
Тогда бы вы на мѣстѣ были. Боже!
Мой рай земной! ты Фландрія! Но полно!
Объ этомъ поздно думать. Вы, я слышалъ,
Съ собой запасъ кровавыхъ приговоровъ,
Заранѣе подписанныхъ, везете?
Предосторожность, точно, не дурная.
Къ тому-жъ оно и какъ-то безопаснѣй:
Отъ всѣхъ интригъ и сплетней васъ избавить.
О! мой отецъ! какъ близоруко понялъ
Я мысль твою! Въ жестокости тебя
Я упрекнулъ за то, что ты мнѣ не далъ
Занятія, гдѣ блещутъ только Альбы?
Ты началъ уважать меня отсель.

АЛЬБА.

Принцъ, это слово стоило-бъ...

КАРЛОСЪ.

(вспыльчиво)

Чего?

АЛЬБА.

Но васъ теперь спасаетъ только
Инфантъ Испанскій.

КАРЛОСЪ.

(хватается за мечъ)

Это жаждетъ крови!

Мечъ обнажайте, герцогъ!

АЛЬБА.

(холодно)

Противъ

Кого?

КАРЛОСЪ.

(съ жаромъ приступая къ нему)

Мечъ обнажайте, герцогъ Альба!

Я изрублю васъ!

АЛЬБА.

(вынимаетъ)

Если вы того

Хотите...

(дерутся)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЕВА. ДОНЪ-КАРЛОСЪ. ГЕРЦОГЪ АЛЬБА.

КОРОЛЕВА.

(въ испугъ выходя изъ своихъ покоевъ)

Шпаги на голò!

(принцу, съ негодованіемъ и повелительнымъ голосомъ)

Донъ-Карлосъ!

КАРЛОСЪ.

(внѣ себя отъ присутствія королевы, опускаетъ руку, стоитъ безъ движенія и памяти, потомъ бѣжитъ къ герцогу и обнимаетъ его)

Миръ, герцогъ, миръ! да будетъ все забыто!

(молча бросается къ ногамъ королевы, потомъ быстро вскакиваетъ и внѣ себя убѣгаетъ)

АЛЬБА.

(стоитъ въ крайнемъ изумленіи и не спускаетъ глазъ съ нихъ)

Предъ Богомъ, это странно!

КОРОЛЕВА.

(нѣсколько минутъ стоитъ въ безпокойствѣ и сомнѣніи; потомъ медленно идетъ къ дверямъ своихъ покоевъ и, дошедъ до нихъ, останавливается)

Герцогъ Альба!

(герцогъ слѣдуетъ за нею)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Кабинетъ принцессы Эболи.

ПРИНЦЕССА, изящно, но просто одѣтая, играетъ на моты и поетъ; потомъ ПАЖЪ королевы.

ПРИНЦЕССА.

(быстро вскакиваетъ)

Идетъ!

ПАЖЪ.

(вертляво)

Какъ, вы однѣ? Я удивляюсь,
Что здѣсь его не вижу; но онъ вмигъ
Явиться долженъ.

ПРИНЦЕССА.

Долженъ? Стало-быть,
Онъ также хочетъ... значить рѣшено...

ПАЖЪ.

За мной идетъ онъ. О! принцесса! вы
Любимы... такъ любимы... такъ любимы,
Какъ не были еще, да и не быть вамъ.
Какую сцену видѣлъ я!

ПРИНЦЕССА.

(съ нетерпѣніемъ привлекаетъ его къ себѣ)

Скорѣе!

Ты говорилъ съ нимъ? Говори! что-жь онъ
Сказалъ? какъ принялъ это? что сказалъ онъ?
Онъ покраснѣлъ, онъ удивился? Онъ
Узналъ ли даму? Говори же — нѣтъ?
Узналъ? иль вовсе не хотѣлъ узнать?
Или узналъ другую?... Да скажи же
Хоть слово ты!... Фи, фи, стыдись:
Такимъ несноснымъ никогда ты не былъ!

ПАЖЪ.

Да вы мнѣ сами не даете слова
Сказать, принцесса! Я ему отдалъ
Письмо и ключъ въ пріемной королевы.
Онъ удивился, онъ взглянулъ въ лицо мнѣ,
Какъ я сказалъ, что дама шлетъ меня.

ПРИНЦЕССА.

Онъ удивился? Хорошо! прекрасно!
Но дальше, что же дальше?

ПАЖЪ.

Я хотѣлъ

Было сказать и болѣе, — но онъ
Какъ поблѣднѣетъ вдругъ, какъ вырветъ у меня

Письмо изъ рукъ, и грозно, грозно взглянетъ!
Ему извѣстно все, сказалъ онъ.
Письмо прочелъ онъ съ крайнимъ изумленьемъ,
И началъ весь дрожать.

ПРИНЦЕССА.

Ему извѣстно?

Ему извѣстно все? Да полно такъ-ли
Тебѣ сказалъ онъ?

ПАЖЪ.

И спросилъ меня

Три иль четыре раза, сами-ль вы,
И точно-ль сами мнѣ письмо вручили?

ПРИНЦЕССА.

Сама ли? стало быть, меня назвалъ онъ?

ПАЖЪ.

По имени? нѣтъ не назвалъ. Насъ могутъ
Подслушать, онъ сказалъ, и донести
Его величеству.

ПРИНЦЕССА.

(съ изумленіемъ)

Сказалъ онъ это?

ПАЖЪ.

Сказалъ, что королю всего важнѣе,
И любопытнѣе и интереснѣй
Вѣсть о запискѣ вашей.

ПРИНЦЕССА.

Королю?

Да такъ ли ты разслышалъ? Королю?
Да полно такъ ли выразился онъ?

ПАЖЪ.

Такъ точно! Назвалъ это страшной тайной,
Наказывалъ мнѣ взглядами, словами

Не измѣнить ему, быть осторожнѣй,
Чтобъ, Боже сохрани! король не сталъ
Подозрѣвать!

ПРИНЦЕССА.

(послѣ нѣкотораго молчанія. Въ изумленіи)

Всѣ признаки. Не можетъ
Быть иначе... онъ знаетъ все... а странно!
Кто-жь это разсказалъ ему? Кто-жь это?
Какъ-будто я не знаю... Кто-жь такъ зорко,
Такъ вѣрно смотреть, какъ не глазъ любви?
Но дальше! продолжай: читалъ письмо онъ?

ПАЖЪ.

Письмо? Въ письмѣ блаженство, предъ которымъ
Онъ долженъ трепетать, сказалъ онъ: это
Ему и въ снахъ не снилось. Тутъ, къ несчастью,
Явился герцогъ Альба; ну, и мы...

ПРИНЦЕССА.

(съ досадой)

Какой тутъ герцогъ, ради всѣхъ святыхъ!
Но гдѣ же онъ? что-жь медлить? Почему
Онъ не приходитъ? Видишь ли, какъ можно
Тебя легко провестъ? А какъ бы счастливъ
Онъ могъ ужъ быть теперь, какъ мы о томъ
Болтаемъ, что онъ будетъ счастливъ!

ПАЖЪ.

Герцогъ,

Боюсь я...

ПРИНЦЕССА.

Вотъ опять ужъ герцогъ? Что-жь
За дѣло герцогу, что воину за дѣло
До моего безвреднаго блаженства?
Оставить могъ онъ Альбу, отослать.

Кого-жъ не отсылають иногда?
О, право! принцъ твой также и любовь
Превратно понимаетъ, какъ и женщинъ.
Не знаетъ, что минуты значать... Тише!
Чу! идутъ. Прочь! То принцъ.

(нажъ убѣгаетъ)

Бѣги! бѣги!
Гдѣ-жъ лютня? Я какъ-будто удивлюсь.
Мнѣ надо пѣснью знакъ подать.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ПРИНЦЕССА и вскорѣ потомъ ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

ПРИНЦЕССА.

(полуложится на оттоману и играетъ)

КАРЛОСЪ.

(ерывается. Узнаетъ принцессу и стоитъ какъ громомъ пораженный)

О Боже!

Гдѣ я?

ПРИНЦЕССА.

(роняетъ лютню, и бѣжитъ ему на встрѣчу)

Принцъ Карлосъ? Да, и въ самомъ дѣлѣ!

КАРЛОСЪ.

Гдѣ я? Обманъ ужасный... я ошибся,
Я не туда попалъ.

ПРИНЦЕССА.

О! какъ умѣетъ

Принцъ Карлосъ ловко подмѣчать покои,
Гдѣ дамы безъ свидѣтелей!

КАРЛОСЪ.

Принцесса,
Я виноватъ, принцесса... я... въ пріемной
Дверь отперта была.

ПРИНЦЕССА.

Возможно-ль, принцъ?
Мнѣ кажется, я заперла ее.

КАРЛОСЪ.

Вамъ это только кажется, вамъ только
Такъ показалось, но на самомъ дѣлѣ
Вы ошибаетесь. Хотѣли запереть,
Да, въ этомъ я согласенъ, вѣрю вамъ...
Но заперли? Не заперли, могу увѣрить
Въ томъ васъ, принцесса! Вдругъ я слышу, кто-то
На лютнѣ, кажется, играетъ... такъ,
Принцесса? вѣдь на лютнѣ?

(сомнительно осматривается)

Точно! тамъ

Лежить она... а лютню, знаетъ Богъ,
Люблю я до безумья. Я весь слухъ,
Я позабылъ себя, врываюсь въ кабинетъ,
Чтобъ посмотрѣть волшебницѣ въ глаза,
Что такъ небесно тронула меня,
Такъ сильно, мощно мною овладѣла.

ПРИНЦЕССА.

Какое любопытство! а его,
Признайтесь, принцъ, вы скоро утолили.

(послѣ нѣкотораго молчанія, значительно)

О, уважать должна я человѣка,

Кто, чтобъ избавить женщину отъ краски,
Такою ложью путаетъ себя.

КАРЛОСЪ.

(простодушно)

Принцесса, вижу самъ, я только порчу,
Не поправляю. Ужь избавьте лучше
Меня отъ роли, для которой я
Нисколько не гожусь. Вы здѣсь искали
Убѣжища отъ свѣта. Здѣсь хотѣли
Вдали отъ любопытныхъ глазъ людей
Пожить для тихихъ сердца упованій.
Я, сынъ несчастія, вошелъ... и вотъ
Прекрасный сонъ разрушенъ. Но за то
Себя я долженъ скорымъ удаленьемъ...

(хочетъ идти)

ПРИНЦЕССА.

(удивлена, озадачена, но тутъ же находится)

Принцъ... о! вы злы.

КАРЛОСЪ.

Принцесса! понимаю,
Что этотъ взглядъ, и въ этомъ мѣстѣ значить,
И эту добродѣтельную робость
Я уважаю. Горе человѣку,
Кого румянецъ женскій ободряетъ!
Я трушу, если женщины боятся
Меня.

ПРИНЦЕССА.

Возможно-ли? Стыдливость, право,
Огромная для юноши и принца!
Да, принцъ, теперь должны вы у меня
Остаться, я теперь сама объ этомъ
Прошу: предъ добродѣтелью такою

Страхъ каждой дѣвушки пройдетъ мгновенно.
Но знаете-ль, что вашъ приходъ внезапный
Меня засталъ за аріей любимой?

(Подводитъ его къ софю и беретъ лютню)

А пѣсню, принцъ, ужъ я спою въ другой разъ,
Вамъ въ наказанье.

КАРЛОСЪ.

(садится не безъ принужденія возлѣ принцессы)

Наказанье столь же
Желанное, какъ и проступокъ... право,
Слова мнѣ такъ понравились, такъ были
Божественно прекрасны, что я въ третій разъ
Готовъ васъ слушать.

ПРИНЦЕССА.

А! такъ стало быть,
Вы все ужъ слышали? Это ужасно!...
Здѣсь, помнится, идетъ рѣчь о любви?

КАРЛОСЪ.

И о счастливой, кажется, принцесса...
Прекрасный текстъ въ такихъ устахъ прекрасныхъ,
Хоть красоты и больше въ немъ, чѣмъ правды.

ПРИНЦЕССА.

Чѣмъ правды? какъ? вы усумнились, принцъ?

КАРЛОСЪ.

(серьезно)

Я сомнѣваюсь, чтобъ принцесса Эболи
И Карлосъ поняли другъ друга, если
Рѣчь о любви зайдетъ.

*(Принцесса изумляется; онъ замѣчаетъ это и продолжаетъ
съ легкою любезностію)*

И точно, кто-же
Повѣритъ этимъ розовымъ щекамъ,

Что эту грудь взрывали уже страсти?
И можетъ ли напрасно, безотвѣтно
Вдыхать принцесса Эболи? Любовь
Лишь знаетъ тотъ, кто любитъ безнадежно.

ПРИНЦЕССА.

(съ своею прежнею веселостію)

О полноте! да это просто страсти!
И эта кара нынче, какъ нарочно,
Какъ будто на зло нынче къ вамъ пристала!

(беретъ его за руку съ ласковымъ участіемъ)

Но вы не веселы, мой принцъ... грустите...
И точно вы грустите! Боже мой!
Но отчего-жь грустить вамъ, принцъ? При этомъ
Призваньи громкомъ къ наслажденьямъ свѣта,
При всѣхъ дарахъ природы благосклонной,
И правѣ всемъ на радость, счастье въ жизни?
Вы — царскій сынъ и болѣе того,
Гораздо болѣе; ужъ съ самой колыбели
Осыпанный дарами, отъ которыхъ
Блескъ самый сана вашего темнѣетъ?
Вы — у кого въ совѣтѣ строгомъ женщинъ
Подкуплены всѣ судьи, у которыхъ
Достоинство мужчинъ и слава строгій
Выдерживаютъ смотръ? Кто лишь замѣтитъ
И побѣдить, воспламеняетъ тамъ,
Гдѣ самъ онъ холоденъ, а если самъ
Воспламенится, то даритъ ужъ раемъ,
Даритъ боговъ блаженствомъ... Человѣкъ,
Кого природа къ счастью милліоновъ
И нѣсколькихъ украсила равно
Дарами, тотъ несчастливъ самъ? о! Боже,
Ты даровавшій все ему, зачѣмъ,

Зачѣмъ въ глазахъ ему ты отказалъ,
Его побѣды видѣть?

КАРЛОСЪ.

*(который все это время былъ погруженъ въ глубокую разсѣ-
янность, вдругъ приходитъ въ себя отъ молчанія принцессы
и вскакиваетъ)*

Превосходно!
Неподражаемо, принцесса! спойте
Еще разъ это мѣсто!

ПРИНЦЕССА.

(въ изумленіи смотритъ на него)

Карлосъ,
Гдѣ-жъ были вы теперь!

КАРЛОСЪ.

Вы кстати мнѣ напомнили. Я долженъ,
Идти, я долженъ...

ПРИНЦЕССА.

(удерживая его)

Принцъ, куда?

КАРЛОСЪ.

(въ ужасномъ томленіи)

Туда...

На воздухъ... такъ позвольте-жъ мнѣ, принцесса,
Уйти отъ васъ. Мнѣ мнится, цѣлый міръ
Весь въ пламени, въ дыму бѣжитъ за мною!

ПРИНЦЕССА.

(наильно его удерживаетъ)

Что съ вами, принцъ? Какое обращенье?

*(Карлосъ останавливается и погружается въ задумчивость.
Она пользуется этой минутой и привлекаетъ его на софу)*

Покой вамъ нуженъ, Карлосъ! Ваша кровь
Теперь въ волненіи... садитесь... такъ...
Прочь этотъ бредъ горячечный и мрачный!

Спросите вы себя, — вашъ умъ навѣрно
Не знаетъ самъ, о чемъ тоскуетъ?
А если онъ и знаетъ — такъ неужли
Изъ всѣхъ придворныхъ рыцарей никто,
Никто изъ женщинъ всѣхъ... васъ излечить...
Понять, хотѣла я сказать... никто
Здѣсь недостойнъ?

КАРЛОСЪ.

(разстѣянно, безсмысленно)

Можетъ быть одна
Принцесса Эболи.

ПРИНЦЕССА.

О! въ самомъ дѣлѣ?

КАРЛОСЪ.

Дайте

Мнѣ просьбу... нѣсколько лишь строчекъ
Рекомендательныхъ къ Филиппу; говорятъ,
Вы сильны.

ПРИНЦЕССА.

Говорятъ? Га! стало быть.
Ты онѣмѣлъ отъ подозрѣнья!

КАРЛОСЪ.

Новость

Теперь въ ходу ужь, вѣроятно. Мнѣ
Пришло на мысль отправиться въ Брабантъ,
Чтобъ... заслужить хоть шпоры. Мой отецъ
Того не хочетъ. Батюшка боится,
Чтобъ отъ команды громкой не охрипъ
Мой голосъ.

ПРИНЦЕССА.

Вашъ расчетъ не вѣренъ, Карлосъ.
Признайтесь, вы хотите отъ меня,

Лишь ускользнуть съ змѣиною уловкой.
Взгляните на меня, притворщикъ! Глазъ
На глазъ! Кто лишь о подвигахъ мечтаетъ,
Тотъ, сами вы признайтесь, низойдетъ-ли
Тотъ до того, чтобъ ленты красть у дамъ
И... вы меня простите...

*(въ то время, какъ она легкимъ движеніемъ пальцевъ, от-
стегиваетъ воротникъ его рубашки, и вынимаетъ оттуда
ленточный бантикъ)*

Ихъ хранить,
Какъ драгоцѣнность, прятать какъ святыню.

КАРЛОСЪ.

(отступая съ удивленіемъ)

Принцесса!... нѣтъ, ужъ это слишкомъ. Видно,
Мнѣ измѣнили. Васъ не проведешь.
Вы съ демономъ, вы съ духами стакнулись.

ПРИНЦЕССА.

Васъ удивляетъ это? удивляетъ?
На что хотите биться, я сзову
Къ вамъ въ сердце случаи, бывлыя сцены...
Попробуйте, спросите что-нибудь!
Когда всѣ странности каприза, звукъ,
На воздухъ мелькомъ брошенный, улыбка,
Спахнутая серьёзностью внезапной,
Когда ужъ самыя явленья, жесты,
Гдѣ не было и тѣни васъ самихъ,
Когда все это отъ меня не скрылось,
Судите-жь сами, поняла-ль я васъ,
Гдѣ вы понятымъ только быть хотѣли?

КАРЛОСЪ.

Да, правда, это много. Хорошо,
Я вашъ закладъ, принцесса, принимаю!
Вы въ сердцѣ у меня хотѣли много

Открытій сдѣлать, о которыхъ самъ
Я никогда не вѣдалъ.

ПРИНЦЕССА.

· (немного обиженно и серьезно)

Никогда, принцъ!

А вспомните! подумайте! Вы здѣсь
Не въ комнатахъ у королевы, принцъ,
Гдѣ нужно иногда немного маски,
Похвально даже. Вы изумлены?
Вы вспыхнули внезапно? О! конечно,
Кто-жь такъ уменъ, такъ дерзокъ, такъ свободенъ,
Что будетъ замѣчать за Карломъ, если
Самъ Карлъ того не хочетъ? Кто-жь могъ видѣть,
Какъ на послѣднемъ балѣ королеву
Средь танца бросилъ онъ, насильно вторгся
Къ сосѣдней парѣ, вмѣсто августѣйшей дамы
Своей, принцессѣ Эболи далъ руку?—
Ошибка, принцъ, которую король,
Тогда вошедшій въ залу, самъ замѣтилъ!

КАРЛОСЪ.

(съ иронической улыбкой)

И даже онъ? Признаюсь вамъ, принцесса,
Объ *немъ-то* я и не подумалъ.

ПРИНЦЕССА.

Также

Какъ и въ капеллѣ королевской... Карлосъ
И это также позабылъ? У ногъ
Небесной дѣвы вы лежали; жарко
Лилась изъ устъ молитва, вдругъ... вы въ этомъ
Не виноваты, правда... платья дамъ
Таинственно за вами зашумѣли.
И вотъ неустрашимый сынъ Филиппа,

Какъ еретикъ передъ судомъ священнымъ,
Вдругъ задрожалъ; отравленной молитвы
Послѣдній звукъ слетѣлъ съ губъ поблѣднѣвшихъ.
Въ припадкѣ страсти... Вы тогда до слезъ
Шутили, принцъ... берете жадно руку,
Холодную святой Мадонны руку,
И поцѣлуевъ пламя грѣетъ мраморъ.

КАРЛОСЪ.

Одна лишь набожность, принцесса, вѣрьте!

ПРИНЦЕССА.

Тогда другое дѣло, принцъ... тогда
Конечно ужъ изъ страха проиграть
Случилось, что принцъ Карлосъ съ королевой
И мной играя, съ ловкостію рѣдкой
Похитилъ у меня перчатку эту.

(Карлосъ, ошеломленный вскакиваетъ)

Но тутъ же такъ былъ вѣжливъ и любезенъ,
Что сдѣлалъ ходъ съ нея на-мѣсто карты.

КАРЛОСЪ.

О! Боже, Боже! что я сдѣлалъ?

ПРИНЦЕССА.

Да то, въ чемъ вы сознаетесь, надѣюсь.
Какъ испугалась я, когда неожиданно
Мнѣ письмоцо попало, что въ перчатку
Умѣли вы вложить. То былъ романсъ
Прекрасный, принцъ, который я сейчасъ-же...

КАРЛОСЪ.

(быстро, перебивая его)

Поэзія!... не больше... Въ головѣ
Моей всплываютъ часто пузыри
Престранные и лопаются тутъ-же.
Вотъ вамъ и все тутъ. Замолчимъ объ этомъ.

ПРИНЦЕССА.

(съ удивленіи отходитъ отъ него и издали пристально за нимъ наблюдаетъ)

Я истощилась... всѣ мои попытки,
Всѣ отъ него отпрянули.

(помолчавъ)

Что-жь это? —

Ужь не чрезмѣрная-ль мужская гордость,
Которая, чтобъ больше насладиться,
Застѣнчивости маску надѣваетъ?

(опять приближается къ принцу и сомнительно смотритъ на него)

Такъ объяснитесь, принцъ — я здѣсь стою
Какъ передъ шкафомъ, замкнутымъ волшебю,
Къ которому ключи мои негодны.

КАРЛОСЪ.

Какъ я предъ вами.

ПРИНЦЕССА.

(быстро отъ него отходитъ и молча прохаживается взадъ и впередъ по кабинету и, кажется, размышляетъ о чемъ-то важномъ. Наконецъ послѣ долгой паузы важно и торжественно)

Будь что будетъ, я

Рѣшаюсь вамъ открыться наконецъ.

Своимъ судьей васъ, принцъ, я избираю.

Вы благородный человѣкъ — вы мужъ,

Вы рыцарь. Къ вамъ на грудь бросаюсь я.

Вы, принцъ, меня спасете, а нельзя

Спасти меня, поплачете со мною.

(принцъ приближается къ ней съ удивленіемъ, полнымъ участія и любопытства)

Одинъ придворный просить у Филиппа

Руки моей — Рюй-Гомецъ, графъ де-Сильва —

Король согласенъ, конченъ торгъ ужасный,

И продана я твари.

КАРЛОСЪ.

(сильно потрясенный)

Продана?

И снова продана? и снова тѣмъ же
Барышникомъ, извѣстнымъ на всемъ югѣ!

ПРИНЦЕССА.

Нѣтъ, выслушайте все, принцъ. Мало

Того, что въ жертву я принесена,

Моя невинность тутъ не безопасна —

Вотъ, здѣсь! листокъ съ святоши сниметъ маску...

*(Карлосъ беретъ бумагу и въ нетерпѣннѣи слышать рассказъ,
забываетъ прочесть ее)*

Кто здѣсь меня спасетъ, принцъ? До-сихъ-поръ

Меня хранила гордость, добродѣтель:

Но наконецъ...

КАРЛОСЪ.

Вы пали? пали вы?

Нѣтъ, нѣтъ! о! ради Бога...

ПРИНЦЕССА.

(гордо и благородно)

Передъ кѣмъ?

Ничтожныя понятя! И какъ жалки

Они въ великихъ душахъ! Почитать

Любви блаженство, благосклонность женщинъ,

Какъ за товаръ какой, который можно

Купить, набавить, сбавить съ него цѣну?

На всей землѣ одинъ лишь онъ не знаетъ

Купца другаго, какъ себя. Любовь

Любви цѣна. Она алмазь безцѣнный,

Который подарю, иль безъ раздѣла

Зарою я, какъ тотъ купецъ великій,

Не тронутый всѣмъ золотомъ Ріальто,

Безцѣнную жемчужину свою

На дно морское бросилъ, но не продалъ
Ее съ обиднымъ для себя убыткомъ.

КАРЛОСЪ.

Клянуся, эта женщина прекрасна!

ПРИНЦЕССА.

Пусть то тщеславье, вѣтренность, капризъ!
Я не дѣлю блаженства. Человѣку
Единому, избранному душою,
За все я все отдамъ. Я подарю,
Но разъ, но вѣчно. Одного лишь только
Собой я осчастливлю — одного, —
Но небомъ сдѣлаюсь его. Сердечъ
Согласное бѣенье — поцѣлуй,
Часовъ пастушьихъ сладкое блаженство,
Вся магія небесной красоты —
Лишь *одного* луча родныя краски,
Лишь *одного* цвѣтка листы. И я,
Я, какъ слѣпая, вырванный листокъ
Изъ этой полной чаши подарю?
Я, женщины величество святое,
Я лучшее созданіе небесъ
Сгублю, чтобъ усладить ночь сластолюбца?

КАРЛОСЪ.

(Невѣроятно! Дѣвушка такая
Была въ Мадритѣ — и сегодня только
Я узнаю объ этомъ).

ПРИНЦЕССА.

Этотъ дворъ

Я ужъ давно оставила-бъ, давно бы
Въ святыхъ стѣнахъ себя похоронила:
Но у меня есть связь одна, что къ свѣту
Меня влечетъ неодолимо. Ахъ!

Быть можетъ призракъ! но онъ такъ мнѣ дорогъ!
Я здѣсь люблю и — не любима.

КАРЛОСЪ.

(съ жаромъ подходитъ къ ней)

Вы

Любимы! какъ на небѣ Богъ, то правда!
Клянусь вамъ, вы любимы!

ПРИНЦЕССА.

Вы?

Вы въ томъ клянетесь? Ангельскіе звуки!
Да, если вы клянетесь, Карлосъ, то...
Я вѣрю — я любима.

КАРЛОСЪ.

(исполненный нѣжности, заключаетъ ее въ объятія)

Милый ангелъ,

Благоуханное созданіе! — Я здѣсь
Весь слухъ — весь глазъ — весь упоенье — весь
Восторгъ. Кто-жъ могъ бы васъ увидѣть, кто же
Подъ этимъ небомъ могъ бы васъ увидѣть,
И увѣрять, что онъ не зналъ любви?
Но здѣсь, въ Мадритѣ, при дворѣ Филиппа?
Чего, прекрасный ангелъ, ищешь ты?
Не для такихъ цвѣтовъ мадритскій воздухъ.
Они ль ихъ станутъ рвать? — Они бы стали...
О! я охотно вѣрю... но не быть
Тому, клянуся жизнію, не быть!
Я обниму тебя, я на рукахъ
Тебя самъ вынесу изъ тьмы кромешной!
Дай быть мнѣ ангеломъ твоимъ!

ПРИНЦЕССА.

(съ полнымъ взглядомъ любви)

О Карлосъ!

Какъ я васъ мало знала! Какъ богато,
Какъ безгранично много ваше сердце
За трудъ понять себя даетъ въ награду!

(беретъ его руку и хочетъ поцѣловать ее)

КАРЛОСЪ.

(отдергивая ее)

Принцесса, что вы?

ПРИНЦЕССА.

(граціозно и пристально смотря на его руку)

Какъ она прекрасна!

О! какъ богата! — Эта, принцъ, рука
Сжимаетъ два подарка драгоцѣнныхъ —
Престолъ и сердце Карла... и одной,
Быть можетъ, смертной оба вдругъ?... Одной?
Большой, божественно большой подарокъ! —
Не слишкомъ-ли великій для одной? — А? Принцъ,
Не раздѣлить ли лучше вамъ его?
Повѣрьте, дурно любятъ королевы;
Любовь не знаетъ толку въ діадемахъ:
Такъ сдѣлайте-жъ раздѣлъ, принцъ, и сейчасъ же,
Сейчасъ же, принцъ? Иль онъ ужъ вами сдѣланъ?
Онъ вправду сдѣланъ? О! тѣмъ лучше!
И кто же та счастливица?

КАРЛОСЪ.

Узнай же.

Тебѣ, ты чистая душа, тебѣ
Откроюсь я; невинности прекрасной,
Природѣ неразвѣчанной откроюсь.
Здѣсь при дворѣ одна лишь ты чиста, одну тебя
Моя душа такъ братски понимаетъ.
Такъ слушай же... Не отпираюсь — я
Люблю!

ПРИНЦЕССА.

Жестокій человекъ! Такъ трудно
Тебѣ признанье было? Мнѣ-ль себя считать
Несчастной, если ты меня находишь
Любви достойной?

КАРЛОСЪ.

(озадаченный)

Что? что это?

ПРИНЦЕССА.

Такъ

Играть со мной! О! принцъ, не хорошо
Отъ васъ то было. Даже отъ ключа
Отречься!

КАРЛОСЪ.

Ключъ! ключъ!

(послѣ мрачнаго раздумья)

Да... такъ точно... Вижу..

О! Боже! Боже мой!

*(колѣна его дрожатъ, онъ придерживается за стулъ и за-
крываетъ лицо. Долгое молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Прин-
цесса вскрикиваетъ и падаетъ)*

ПРИНЦЕССА.

Ужасно! что

Я сдѣлала?

КАРЛОСЪ.

(приподнимаясь съ порывомъ глубочайшей горести)

Такъ глубоко пасть съ неба!...

О! это страшно!

ПРИНЦЕССА.

(закрывая голову)

Что я слышу? Боже!

КАРЛОСЪ.

(падая къ ногамъ ея)

Принцесса, я не виноватъ... любовь...

Несчастное недоумѣнье... Богъ свидѣтель!

Не виновать я.

ПРИНЦЕССА.

(отталкиваетъ его)

Съ глазъ моихъ уйдите!

О! ради Бога...

КАРЛОСЪ.

Никогда! Оставить

Васъ здѣсь въ такомъ ужасномъ положеньи!

ПРИНЦЕССА.

(съ силою отталкиваетъ его)

Изъ милости, изъ состраданья, принцъ,

Прочь съ глазъ моихъ! Убить меня

Хотите вы? Я ненавижу васъ!

(Карлосъ хочетъ идти)

Письмо и ключъ отдайте-жъ мнѣ назадъ.

Письмо другое также... гдѣ оно?

КАРЛОСЪ.

Другое? Какъ, другое?

ПРИНЦЕССА.

Отъ Филиппа.

КАРЛОСЪ.

(вздрагивая)

Чтò? отъ кого?

ПРИНЦЕССА.

Чтò я сейчасъ дала вамъ?

КАРЛОСЪ.

Отъ короля? къ кому же? къ вамъ?

ПРИНЦЕССА.

О! Боже!

Какъ страшно я запуталась! Письмо!

Скорѣй письмо! Оно мнѣ нужно, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Отъ короля и къ вамъ?

ПРИНЦЕССА.

Письмо! письмо!

Во имя всѣхъ святыхъ!

КАРЛОСЪ.

Что маску можетъ

Сорвать съ извѣстнаго... вотъ это?

ПРИНЦЕССА.

Я

Пропала!... Дайте мнѣ его!

КАРЛОСЪ.

Письмо...

ПРИНЦЕССА.

(въ отчаяніи ломая руки)

Что сдѣлала я, Боже всемогущій!

КАРЛОСЪ.

Письмо — отъ короля? — Ну да, принцесса,
Конечно это все перемѣняетъ.

(радостно держа письмо въ рукѣ)

Да, то неоцѣненное письмо,
Тяжелое, волшебное письмо,
Для выкупа котораго короны
Филиппа всѣ и пусты и легки.

Да, то письмо я у себя оставлю.

ПРИНЦЕССА.

(загораживаетъ ему дорогу)

Великій Боже, я погибла!

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРИНЦЕССА

(одна. Она стоитъ еще пораженная, вѣтъ себя; по выходѣ его, она бѣжитъ за нимъ и хочетъ воротить)

Принцъ, воротитесь! выслушайте, принцъ...
Ушолъ! Все къ одному! Онъ презираетъ
Меня... и я одна, въ ужасномъ, страшномъ
Уединеніи... отвергнута,
Отринута...

(падаетъ на кресло. Послѣ нѣкотораго молчанія)

Нѣтъ! вытѣснена только
Соперницей. Онъ любитъ. Нѣтъ сомнѣнья,
Онъ самъ признался въ томъ. Но кто же эта
Счастливица?... Какъ видно, любитъ онъ,
Кого любить не долженъ. Онъ боится
Открытій. Страсть его дрожить, трепещетъ
Предъ королемъ... зачѣмъ же передъ нимъ,
Когда давно ужъ онъ того желаетъ?
Иль не отца боится онъ въ отцѣ?
Какъ онъ узналъ о страсти короля,
Глаза его внезапно просіяли,
Онъ вспыхнулъ весь отъ радости, блаженства...
Какъ это въ немъ умолкла добродѣтель
Тутъ именно?... Что пользы въ томъ ему,
Ему, что сталъ король невѣренъ королевѣ...

(внезапно умолкаетъ, будто пораженная мыслью. — Вмѣстѣ съ этимъ срываетъ съ груди ленту, отданную ей Карлосомъ, скоро осматриваетъ и узнаетъ ее)

О, я безумная! Теперь, теперь лишь...
И я не замѣчала? Лишь теперь

Мои глаза все видѣть начинаютъ!
Они уже давно любились... прежде,
Чѣмъ въ бракъ король вступилъ съ ней. Безъ нея
Принцъ никогда еще меня не видѣлъ.
Такъ къ ней одной все это относилось,
Все, что меня на вѣру наводило,
Что такъ сердечно, пламенно, такъ нѣжно
Я имъ любима? О! обманъ
Ужасный, безпримѣрный! И еще
Я ей открылась въ слабости своей...

(молчаніе)

Чтобъ безъ надежды всякой онъ любилъ —
Не вѣрится мнѣ что-то. Безнадежной
Любви не выдержать борьбы подобной.
Въ блаженствѣ утопать, гдѣ самъ король,
Сильнѣйшій въ цѣломъ свѣтѣ, тщетно страждетъ...
Нѣтъ, нѣтъ! страсть безнадежная такихъ
Жертвъ не приноситъ. Какъ горячъ, какъ жгучъ
Былъ поцѣлуй его! Какъ нѣжно онъ
Меня прижалъ къ взволнованной груди!
О! испытанье было слишкомъ сильно
Для чисто-платонической любви —
Любви безъ ласкъ взаимныхъ, безъ отвѣта...
Онъ принимаетъ ключъ, что, по его догадкамъ
Ему шлетъ королева... бѣдный, вѣритъ
Любви такому смѣлому поступку...
Приходить, да приходитъ, въ самомъ дѣлѣ
Приходить!... Стало быть, онъ въ ней увѣренъ.
Онъ не пришелъ бы, еслибъ что-нибудь
Его къ тому не ободряло. Ясно,
Какъ день. Ему внимаютъ. Онъ любимъ!
Клянусь душой, святоша эта любить!

О! какъ хитра она!... Я трепетала,
Я, я сама предъ пугаломъ ея
Высокой добродѣтели. Блистала
Она явленьемъ свѣтлымъ предо мною.
Потухла вся въ ея сіяньи я;
Завидовала ей въ покоѣ этомъ,
Натуръ земныхъ волненью не причастномъ.
И это все лишь маской было. Ей
Хотѣлось пресыщаться съ двухъ столовъ!
Хотѣлось блескъ божественный носить,
И вмѣстѣ съ тѣмъ вкушать изъ-подтишка
Порока лакомства! И ей пройдетъ
То даромъ? Ей удастся это?
Обманщицѣ никто не отомститъ?
Удастся, потому что не найдетъ
Она здѣсь мстителя?... Нѣтъ, нѣтъ, клянусь!
Я ей молилась... Но теперь отмщу!
Король узнаетъ весь обманъ... Король?

(послѣ нѣкотораго молчанія)

Да, такъ... вотъ путь до слуха короля.

(уходитъ)

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Комната въ королевскомъ дворцѣ.

Герцогъ Альба. Патеръ Доминго.

ДОМИНГО.

Что вамъ угодно мнѣ сказать?

АЛЬБА.

Одно

Преважное открытѣ, что сегодня
Я сдѣлалъ и насчетъ чего мнѣ ваше
Хотѣлось бы знать мнѣнье.

ДОМИНГО.

Важное

Открытѣ? Что бы это было?

АЛЬБА.

Карлосъ

И я встрѣчаемся сегодня утромъ
Въ пріемной королевы. Оскорбляетъ
Меня онъ. Мы погорячились. Споръ нашъ
Становится немного громокъ. Мы
Беремся за мечи. На шумъ приходитъ
Ея величество, бросается межъ нами
И смотритъ съ деспотическою властью
На принца. Взглядъ одинъ лишь — и его
Рука нѣмѣетъ, онъ бѣжитъ ко мнѣ
Въ объятъя... поцѣлуй я ощущаю...
Онъ исчезаетъ.

ДОМИНГО.

(послѣ нѣкотораго молчанія)

Правда, тутъ не чисто...

Вы, герцогъ, мнѣ напомнили... такъ кой о чемъ...
Признаюсь вамъ, давно такія мысли
Въ груди моей шевелятся. Я бѣгалъ
Подобныхъ сновъ... еще не повѣрялъ
Ихъ никому. Есть много шпагъ двуострыхъ,
Друзей двуличныхъ... Я боюсь послѣднихъ.
Ахъ! герцогъ, трудно различать людей,
Еще труднѣй извѣдать. А слова,

Сбѣжавшіе разъ съ губъ, друзья плохіе.
Вотъ почему я тайну схоронилъ,
Пока ея не вырыло бы время
На свѣтъ небесный. Есть услуги, герцогъ,
Что королямъ оказывать опасно...
Невѣрный выстрѣлъ не ударить въ цѣль —
Въ стрѣлка назадъ ударить. Я, пожалуй,
Готовъ поклясться передъ Богомъ... но
Очная ставка, пойманное слово,
Бумаги лоскутъ на вѣсахъ тяжелѣ
Всѣхъ клятвъ и чувствъ моихъ. Досадно,
Что мы въ Испаніи!

АЛЬБА.

Какъ такъ досадно?

ДОМИНГО.

При всѣхъ дворахъ страсть можетъ позабыться.
У насъ она трепещетъ предъ закономъ.
Испанскимъ королевамъ трудно
Грѣшить — я вѣрю этому, а въ этомъ,
Въ одномъ лишь этомъ только, по несчастью,
Ее поймать легко намъ удалось бы.

АЛЬБА.

Но дальше слушайте. Принцъ нынче былъ
У короля — часъ битый длилась
Аудіенція. Онъ управленья
Надъ Фландріей просилъ. Онъ жарко, громко
Просилъ. Я слышалъ все изъ кабинета.
Съ глазами красными отъ слезъ онъ самъ
Потомъ въ дверяхъ мнѣ встрѣтился. А въ полдень
Выходить вдругъ съ торжественною миной:
Онъ восхищенъ, что предпочли меня.
Онъ благодаренъ королю. Все измѣнилось,

Онъ говоритъ, и къ лучшему. Притворства,
Вы знаете, далекъ онъ: какъ же тутъ
Себѣ все это растолкуешь. Принцъ
Въ восторгѣ, что отставили его,
А мнѣ король оказываетъ милость
Со всѣмъ неудовольствіемъ и гнѣвомъ!
Что думать мнѣ? Мой новый титулъ, право,
Скорѣй походить на изгнанье, чѣмъ
На милость.

доминго.

Такъ ужъ до того дошло?
Ужъ до того? Такъ мигъ разрушить то,
Что мы года усердно создали?...
И вы спокойны такъ? такъ равнодушны?...
Но знаете-ль вы принца? Вамъ извѣстно-ль,
Что ждетъ насъ, какъ войдетъ онъ въ силу?... Принцъ —
Ему не врагъ я. У меня довольно
Другихъ заботъ, грызущихъ мой покой,
Заботъ о тронѣ, Богѣ и о церкви.
Инфантъ (насквозь его я вижу — я
Въ его душѣ читаю) страшный планъ
Задумалъ, герцогъ — планъ безумный, дерзкій,
Регентомъ сдѣлаться и отложиться
Отъ нашей вѣры триединой... Сердце
Въ немъ разожгла другая добродѣтель,
Прямая, гордая, что не захочетъ
Ни предъ какою нищенствовать вѣрой...
Онъ *мыслитъ!* умъ его воспламененъ
Опасною и странною химерой.
Онъ уважаетъ человѣка... Герцогъ,
Годится-ль онъ намъ въ короли?

АЛЬБА.

Мечты!

Что-жь больше? Юношескій жаръ, быть-можетъ,
Желанье роль играть... и въ самомъ дѣлѣ,
Что-жь дѣлать болѣе ему?... Пройдетъ!
Когда пора наступить сѣсть на тронъ.

ДОМИНГО.

Я сомнѣваюсь. Онъ свободу любитъ,
Онъ къ рабству не привыкъ, которымъ рабство
Купить онъ можетъ только... На испанскій
Престолъ едва ли онъ годится. Этотъ
Гигантскій духъ все путы разорветъ
У нашихъ плановъ. Тщетно думалъ
Я сладострастной нѣгой усыпить
Его надмѣнный духъ: онъ побѣдилъ
И это испытанье... страшенъ, герцогъ,
Въ подобномъ тѣлѣ духъ такой... Филиппу-жь
Седьмой десятокъ скоро подойдетъ

АЛЬБА.

Вы дальновидны.

ДОМИНГО.

Онъ и королева

Одно и то же. Въ ихъ сердцахъ ужъ пухнетъ,
Хотя и скрытно, ядъ нововведеній;
И скоро, скоро — дайте только срокъ —
Онъ вамъ какъ разъ и тронъ завладѣетъ.
Я знаю эту Валуа. Смотрите,
Местъ этой женщины ужасна будетъ,
Когда Филиппъ до слабостей дойдетъ.
Еще отъ насъ не отвернулось счастье.
Предупредимъ же. Въ яму пусть они
Падутъ. Лишь стоитъ намекнуть Филиппу...

Есть доказательства иль нѣтъ — и то
Ужъ выигрышъ, какъ сомнѣваться станетъ.
Мы оба въ томъ увѣрены. Не трудно
Тому, кто убѣжденъ самъ, убѣдить.
И болѣе откроемъ мы, лишь-только
Увѣримся, что должно открывать.

АЛЬБА.

Но вотъ вопросъ важнѣйшій изъ вопросовъ:
Глаза-то кто-жъ откроетъ королю?

ДОМИНГО.

Ни вы, ни я. Такъ ужъ узнайте, герцогъ,
Чтò съ давнихъ поръ моя неутомимость,
Чреватая великимъ планомъ, къ цѣли
Заботливо и скрытно подвигала.
Къ союзу нашему не достаетъ
Еще одной особы, очень важной.
Король влюбленъ въ принцессу Эболи.
Я самъ питаю эту страсть; она мнѣ
Обильные проценты обѣщаетъ.
Я у него посломъ — для нашихъ плановъ
Ее готовлю я. Въ Испанкѣ этой,
Лишь-бы мой планъ удался, расцвѣтетъ
Для насъ союзница и королева.
Она сама сюда меня просила.
Всего надѣюсь я, — и лильи Валуа
Въ одну быть можетъ ночь сомнетъ Испанка эта.

АЛЬБА.

Чтò слышу? правда-ль это?... Передъ Богомъ!
Я изумленъ! О! да, удастся это!
Доминиканецъ, я дивлюсь тебѣ!
Теперь побѣда наша...

ДОМИНГО.

Тише! Идутъ!

Она... она сама.

АЛЬБА.

Я буду близко,

Когда...

ДОМИНГО.

Да, хорошо... Я позову васъ.

(герцога Альба уходитъ)

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРИНЦЕССА. ДОМИНГО.

ДОМИНГО.

Что вамъ угодно приказать, принцесса?

ПРИНЦЕССА.

(съ любопытствомъ провожая герцога глазами)

Такъ мы здѣсь не одни? У васъ, какъ вижу,
Свидѣтель есть.

ДОМИНГО.

Какъ?

ПРИНЦЕССА.

Кто-же это

Сейчасъ ушолъ отсюда?

ДОМИНГО.

Герцогъ Альба,

Принцесса; онъ испрашиваетъ чести

Потомъ васъ также видѣть.

ПРИНЦЕССА.

Герцогъ Альба?

А онъ что здѣсь? чего отъ насъ онъ хочетъ?
Не объясните-ль вы мнѣ этаго, быть можетъ?

ДОМИНГО.

Но я и самъ еще совсѣмъ не знаю,
Что за событіе важное мнѣ счастье
Васъ видѣть здѣсь, принцесса, доставляетъ?

(молчанье, во время котораго, онъ ждетъ ея отвѣта)

Ужъ не нашлось-ли кой-чего, что вамъ
Замолвило-бъ о страсти короля?
Ужъ не былъ-ли я правъ, предполагая,
Что время помирить васъ съ предложеньемъ,
Которое капризы лишь отвергли?
Я прихожу, въ надеждѣ...

ПРИНЦЕССА.

Отнесли-ль

Вы королю послѣдній мой отвѣтъ?

ДОМИНГО.

Еще я не рѣшился такъ смертельно
Сразить его. Еще не поздно. Вы
Еще властны перемѣнить, принцесса.

ПРИНЦЕССА.

Скажите королю, что я готова
Принять его.

ДОМИНГО.

Осмѣлюсь-ли считать
То правдою, прекрасная принцесса?

ПРИНЦЕССА.

Не шуткой только. Но, ей Богу, вы
Меня пугаете. Какъ? Что-жь такое
Я сдѣлала, когда ужъ даже вы,
Вы сами ужъ мѣняетесь въ лицѣ?

ДОМИНГО.

Принцесса, неожиданность... едва

Могу понять я...

ПРИНЦЕССА.

Да, святой отецъ,

И не должны вы понимать. За всё

Земныя блага не хотѣла-бъ я,

Чтобъ вы то поняли. Довольно съ васъ,

Что это такъ. Прошу васъ, не трудитесь

Разузнавать, чѣмъ фразамъ витьеватымъ

Обязаны вы этой перемѣной.

Для утѣшенья-жъ вашего прибавлю:

Вы не причастны этому грѣху.

ДОМИНГО.

Охотно отступаюсь отъ участя,

Какъ скоро лишнее оно.

ПРИНЦЕССА.

Просите

Вы отъ меня монарха мой поступокъ

Не принимать за что-нибудь другое.

Чѣмъ я была, тѣмъ я еще осталась.

Одни лишь обстоятельства съ-тѣхъ-поръ

Перемѣнились. Если предложеніе

Его съ негодованьемъ я отвергла,

То это потому, что я считала

Его счастливымъ въ обладаньи рѣдкой,

Прекрасной королевой; я считала

Ее достойной жертвы отъ меня;

Все это я считала прежде... прежде.

Теперь, другое дѣло, о! теперь

Я лучше это знаю.

ДОМИНГО.

Дальше, дальше!

Принцесса, мы другъ друга понимаемъ.

ПРИНЦЕССА.

Она попалась. Я не пощажу

Ея ужь больше Хитрая воровка

Попалась. Короля, Испанью, дворъ,

Насъ всѣхъ она безстыдно обманула!

Да, лгуныя любить, говорю я.

Я знаю это, докажу, заставлю

Ее блѣднѣть. Король обмануть — но,

Клянуся, не безъ мести! Эту маску

Покорности высокой, неземной

Я вдругъ сорву съ нея, чтобъ свѣтъ увидѣлъ

Лицо безстыдной грѣшницы. Мнѣ стоитъ

Цѣны ужасной это, но — все счастье,

Вся радость, весь восторгъ мой въ этомъ —

Но *ей* еще ужаснѣйшей...

ДОМИНГО.

Теперь

Созрѣло все. Позвольте-жъ мнѣ позвать

Теперь къ намъ Альбу.

(выходитъ)

ПРИНЦЕССА.

(въ удивленіи)

Это для чего?

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Принцесса. Герцогъ Альба. Доминго.

ДОМИНГО

(вводя герцога)

Мы опоздали съ вами, герцогъ Альба.

Принцессѣ Эболи извѣстна тайна,

Которую мы ей открыть хотѣли.

АЛЬБА.

Такъ мой приходъ не удивить принцессу.

Я самъ себѣ не вѣрю. Для подобныхъ

Открытій нужны женскіе глаза.

ПРИНЦЕССА.

Вы говорите объ открытѣяхъ?

ДОМИНГО.

Мы

Желали-бъ знать, принцесса, часъ и мѣсто,

Гдѣ вамъ угодно будетъ...

ПРИНЦЕССА.

А! и это!

Такъ завтра въ полдень я васъ ожидаю.

Я дольше не могу подобной тайны

Скрывать и, главное, таить отъ короля.

АЛЬБА.

За тѣмъ-то къ вамъ я и пришолъ, принцесса.

Король сейчасъ же обо всемъ знать долженъ,

И черезъ васъ, принцесса, черезъ васъ.

Кому же лучше онъ повѣрить,

Какъ не самой подругѣ королевы?

ДОМИНГО.

Кому же лучше, какъ не вамъ, которой
Лишь стоитъ захотѣть, чтобъ безгранично
Имъ управлять?

АЛЬБА.

Я принцу врагъ
Отъявленный.

ДОМИНГО.

Вотъ тоже на бѣду
И обо мнѣ предполагать привыкли.
Принцесса Эболи свободна. Тамъ, гдѣ мы
Молчать должны, ей долгъ, долгъ самой службы,
Велить все высказать. Король отъ насъ
Ужъ не уйдетъ. Когда намеки ваши
Подѣйствуютъ, мы примемся за дѣло.

АЛЬБА.

Но нынче, сей же часъ пусть онъ узнаетъ.
Минуты дороги. Мнѣ каждый часъ
Принести приказъ къ походу можетъ.

ДОМИНГО.

(послѣ нѣкотораго размышленія, обращаясь къ принцессѣ)

Если-бъ
Нашлись какія письма? на примѣръ,
Инфанта письма сильно бы могли
Подѣйствовать. Посмотримъ. Такъ-ли? Да,
Вы почиваете, мнѣ кажется, въ однихъ
Покояхъ съ королевой.

ПРИНЦЕССА.

Возлѣ нихъ...
Но что же въ этомъ?

ДОМИНГО.

Если-бъ кто умѣлъ

Замки... Вы не примѣтили, гдѣ прячетъ
Ключъ отъ шкатулки королева?

ПРИНЦЕССА.

(размышляя)

Это

Могло бы точно намъ помочь... да... ключъ
Найдется, думаю.

ДОМИНГО.

Для писемъ нужны

Послы... а вѣдь у королевы свита

Большая... Какъ бы это разузнать!

Оно, конечно, золото все можетъ...

АЛЬБА.

Не знаете-ль, имѣетъ-ли инфантъ

Повѣренныхъ?

ДОМИНГО.

Донъ-Карлосъ? Никого!

Въ Мадритѣ цѣломъ никого.

АЛЬБА.

Гм! Странно.

ДОМИНГО.

Ужъ въ этомъ мнѣ повѣрьте. Презираетъ

Весь дворъ онъ: я ужъ испыталъ.

АЛЬБА.

Но какъ же? Дайте вспомнить... да, такъ точно!

Какъ вышелъ я изъ комнатъ королевы —

Инфантъ стоялъ съ однимъ пажомъ ея;

Они тихонько говорили.

ПРИНЦЕССА.

(быстро перебивая его)

Нѣтъ, о! нѣтъ!

То было.. было о другомъ.

ДОМИНГО.

Но намъ

Объ этомъ должно знать! Нѣтъ, это очень
И очень подозрительно.

ПРИНЦЕССА.

Пустое!

Что можетъ-быть изъ этого? Довольно,
Я это знаю. Такъ еще мы съ вами
До короля увидимся. Быть-можетъ,
Еще кой-что откроется.

ДОМИНГО.

(отводя ее въ сторону)

Такъ вы

Позволите надѣяться монарху?

Могу ему я это передать?

И также то, въ который день и часъ

Его желанья счастьемъ увѣнчаютъ?

И это также?

ПРИНЦЕССА.

Эти дни я буду

Не такъ здорова; мнѣ покои отведутъ

Другіе, далѣе отъ королевы...

Таковъ обычай, знаете вы сами.

Мнѣ не позволятъ выходить...

ДОМИНГО.

Прекрасно!

Побѣда наша. Мы наперекоръ

Пойдемъ всѣмъ королевамъ въ міръ.

ПРИНЦЕССА.

Чу!

Меня зовутъ... быть-можетъ королева...

Прощайте!

(поспѣшно уходитъ)

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

АЛЬБА. Доминго.

ДОМИНГО.

(послѣ нѣкотораго молчанія, провожая принцессу глазами)

Герцогъ, эти розы
И ваши битвы...

АЛЬБА.

И твой Богъ... и я
Спокойно ждать готовъ всѣхъ молній рока!
(уходятъ)

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Въ картезіанскомъ монастырѣ.

Донъ-Карлосъ. Пріоръ.

КАРЛОСЪ.

(входя, пріору)

Такъ онъ ужь былъ здѣсь? Жаль.

ПРІОРЪ.

Ужь раза три

Сегодня утромъ. Будетъ съ часъ, какъ онъ
Ушолъ отсюда.

КАРЛОСЪ.

Онъ прійдетъ опять,
Однако-жь? Ничего не оставлялъ онъ?

ПРІОРЪ.

Хотѣлъ навѣдаться еще разъ въ полдень.

КАРЛОСЪ.

(подходя къ окну и осматривая мѣстоположеніе)

Вашъ монастырь лежитъ уединенно.

Тамъ вдаль едва мелькаютъ шпицы

Мадритскихъ башенъ. Да, такъ точно. Здѣсь же

Текутъ Мансанареса волны... Мѣсто

Мнѣ нравится. Все здѣсь спокойно, тихо,

Какъ тайна.

ПРІОРЪ.

Какъ преддверье вѣчной жизни.

КАРЛОСЪ.

Я вашей честности, святой отецъ,

Повѣрилъ то, что мнѣ дороже жизни.

Никто ни знать, ни полагать не долженъ

Съ кѣмъ въ-тайнѣ видѣлся я здѣсь. Имѣю

Я важныя причины отъ того,

Кого здѣсь жду, предъ всѣми отречься:

И потому я выбралъ монастырь вашъ.

Отъ нападеній, отъ измѣнъ, надѣюсь,

Мы безопасны здѣсь? Вы не забыли

Еще о томъ, въ чемъ поклялись мнѣ?

ПРІОРЪ.

Принцъ,

Довѣрьтесь намъ. Монарховъ подозрѣнье

Нѣмыхъ могилъ раскапывать не станетъ.

Къ однимъ воротамъ счастья и страсти

Льнетъ ухо любопытныхъ. Свѣта шумъ

Въ стѣнахъ смолкаетъ этихъ.

КАРЛОСЪ.

Можетъ-быть,

Вы полагаете, что эта скрытность,
Что этотъ страхъ служить покровомъ долженъ
Нечистой совѣсти?

ПРІОРЪ.

Я ничего

Не полагаю, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Вы въ заблужденьи,
Святой отецъ, вы, право, въ заблужденьи.
Передъ людьми трепещетъ наша тайна,
Но не предъ Богомъ.

ПРІОРЪ.

Сынъ мой, намъ нѣтъ нужды
До этого. Сіи врата отверзты
Равно невинности и преступленью.
Что у тебя на сердцѣ, хорошо ли
Иль дурно то, порочно или чисто —
То въ сердцѣ ты своемъ и порѣши.

КАРЛОСЪ.

(съ жаромъ)

Что мы скрываемъ, то не оскорбитъ
Творца. Его же то святое дѣло.
Но впрочемъ вамъ могу открыться я.

ПРІОРЪ.

Къ чему же? чтò мнѣ въ этомъ, принцъ? Шумъ свѣта,
Его заботы я давно покинулъ
За сборами ко странствію святому.
Къ чему-жь короткій срокъ передъ походомъ
Смущать мнѣ голосомъ давно забытымъ?
Не много нужно для блаженства въ мірѣ...
Чу! благовѣсть къ часамъ. Пойду молиться.

(пріоръ уходитъ)

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Донъ-Карлосъ. Маркизь Поза.

(входитъ)

КАРЛОСЪ.

Ахъ! наконецъ-то, наконецъ...

МАРКИЗЪ.

О, Карлосъ!

Какое испытанье для меня!

Всходило дважды солнце, дважды видѣлъ

Его закатъ я свѣтлый, какъ судьба

Твоя рѣшилась наконецъ, и нынче

Лишь только нынче я узнаю. Что,

Вы помирились?

КАРЛОСЪ.

Кто?

МАРКИЗЪ.

Ты съ королемъ?

Ну, какъ же съ Фландріей вы порѣшили?

КАРЛОСЪ.

Что герцогъ завтра въ Брюссель ѣдетъ?... Да,

Мы порѣшили.

МАРКИЗЪ.

Быть не можетъ... Нѣтъ...

Такъ обмануть Мадритъ весь? Говорятъ,

Аудіенцію имѣлъ ты. И король...

КАРЛОСЪ.

Не тронулся. Мы другъ для друга чужды,

И болѣе чѣмъ прежде...

МАРКИЗЪ.

Ты не ѣдешь

Во Фландрію?

КАРЛОСЪ.

НѢТЬ! НѢТЬ! НѢТЬ!

МАРКИЗЪ.

О! мои

Надежды!

КАРЛОСЪ.

Это послѣ. Ахъ, Родриго,

Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались, что за жизнь!

Но твой совѣтъ впередъ всего! Я долженъ

Съ ней видѣться...

МАРКИЗЪ.

Съ твоею матерью?...

О, нѣтъ!... къ чему же?

КАРЛОСЪ.

Есть надежда. Ты

Блѣднѣешь? Будь спокоенъ, другъ. Я буду,

Я долженъ быть счастливымъ. Но объ этомъ

Въ другой разъ. Дай совѣтъ теперь мнѣ лучше,

Какъ мнѣ ее увидѣть.

МАРКИЗЪ.

Это что? На чемъ

Основанъ этотъ новый сонъ?

КАРЛОСЪ.

Не сонъ!

Клянусь чудеснымъ Богомъ! Правда, правда!

(вынимаетъ письмо короля къ принцессѣ Эболи)

Вотъ въ этомъ лоскуткѣ вся правда!

Свободна королева, предъ глазами

Людей, какъ и предъ Божьими глазами!

Свободна. На, читай и перестань
Дивиться.

МАРКИЗЪ.

(развертывая письмо)

Что? что вижу? Отъ Филиппа
Собственноручное письмо? *(прочитавъ)* Къ кому
Оно!

КАРЛОСЪ.

Къ принцессѣ Эболи. Послушай:
Третьяго дня пажъ королевы мнѣ
Принесъ письмо и ключъ отъ неизвѣстной
Особы. Мнѣ описываютъ въ лѣвомъ
Дворцовомъ флигелѣ, гдѣ королева
Живетъ обыкновенно, кабинетъ,
Гдѣ будто дама ждетъ меня и будто
Люблю я эту даму. Я сейчасъ же
Иду туда...

МАРКИЗЪ.

Безумный, ты пошелъ?

КАРЛОСЪ.

Вѣдь я не знаю почерка... я знаю
Одну лишь даму. Кто-жъ другая
Подумаетъ о Карлоса любви?
Исполненъ сладкихъ чувствъ, туда бѣгу я:
Божественное пѣнье, мнѣ навстрѣчу
Звучащее, ведетъ меня къ покою...
Я отворяю дверь... и что же вижу?
Вообрази мой ужасъ...

МАРКИЗЪ.

О! я все

Угадываю!

КАРЛОСЪ.

Я погибъ, Родриго,
Не попади я ангелу въ объятья.
Что за несчастье, другъ! Обольщена
Неосторожной рѣчью глазъ моихъ,
Она далась въ обманъ, вообразила
Что съ ней ведутъ глаза мои бесѣду;
И тронувшись моей души страданьемъ,
Великодушно — опрометчиво она
Уговорила дѣвственное сердце
Моей любви любовью отозваться.
Казалось, уваженъе запрещало
Мнѣ говорить... она предупреждаетъ
Сама меня... передо мной открыта
Ея прекрасная душа...

МАРКИЗЪ.

И ты

Все это такъ спокойно говоришь?...
Принцесса Эболи тебя проникла.
Нѣтъ больше ни какихъ сомнѣній, въ тайну
Твоей любви она теперь проникла.
Ее жестоко оскорбилъ ты, а она
Владѣетъ королемъ.

КАРЛОСЪ.

(уверенно)

Она чиста.

МАРКИЗЪ.

Изъ эгоизма страсти. Эту добродѣтель,
Къ несчастью, знаю я. Какъ мало
Она походитъ, другъ, на идеаль,
Чтò изъ душевной материнской почвы
Въ прекрасной, гордой граціи зачатый,

Безъ помощи садовника, свободно
Растеть, красуясь чудными цвѣтами!
А это вѣтвь чужая, и живетъ
Искусственнымъ тепломъ на почвѣ чуждой;
Характеръ, воспитанье... назови
Какъ хочешь, заученная невинность,
Отбитая и хитростью и силой
У пылкой крови и потомъ правдиво,
Заботливо приписанная небу,
Какъ будто лучший даръ его. Она
Простить ли королевѣ, самъ подумай,
Что мимо добродѣтели ея,
Съ такимъ трудомъ пріобрѣтенной ею,
Прошолъ мужчина, даже не замѣтивъ
Ея, прошелъ, чтобъ чахнуть, изнывать
Въ любви безвыходной къ женѣ Филиппа?

КАРЛОСЪ.

Такъ коротко ее успѣлъ узнать ты?

МАРКИЗЪ.

Совсѣмъ нѣтъ. Я двухъ разъ ея не видѣлъ.
Но дай сказать еще одно мнѣ слово:
Мнѣ показалось, что она искусно
Умѣетъ прикрывать порока вспышки,
Что добродѣтели ея у ней
На перечетѣ. Тутъ увидѣлъ я
И королеву. О! мой милый Карлосъ,
Какъ все въ ней иначе, какъ все въ ней лучше!
Осѣнена лучами кроткой славы,
Не вѣдая ни рѣзвости безпечной,
Ни черствыхъ формъ приличій заученныхъ,
Далекая и смѣлости и страха,
Какъ героиня, шествуетъ она

По узенькой приличія дорожкѣ,
Не зная, что собираетъ тамъ молитвы,
Гдѣ похвалы ей даже не мечтались.
Ну, узнаетъ ли Карлосъ здѣсь, въ такомъ
Прекрасномъ зеркалѣ свою принцессу?
Она не пала, правда, потому что
Любила: въ добродѣтель же свою
Она любовь вложила слово въ слово.
Ея не любишь ты — она падетъ.

КАРЛОСЪ.

(съ нѣкоторою вспылчивостію)

Нѣтъ! милліонъ разъ нѣтъ! нѣтъ, говорю...
О еслибъ зналъ Родриго, какъ ему
Къ лицу насильно отнимать у Карла
Спасительное благо, вѣру въ жизнь,
Въ божественность людей!

МАРКИЗЪ.

Несправедливъ

Ко мнѣ ты! Нѣтъ, души моей любимецъ,
Я не хотѣлъ того, клянуса Богомъ,
Я не хотѣлъ!... О! эта Эболи...
Ну, пусть она и ангелъ, я, пожалуй,
Какъ ты молитвенно предъ ней склонюся,
Паду во прахъ передъ нею... только
Не знай она твоей сердечной тайны!

КАРЛОСЪ.

Смотри какъ пусть, ничтоженъ страхъ твой! Если
У ней есть доказательства, такъ ей же,
Одной лишь ей они къ стыду послужать.
За горькое блаженство низкой мести,
Скажи, продастъ ли честь свою она?

МАРКИЗЪ.

За мигъ стыда ужь многія собой
Пожертвовали сраму.

КАРЛОСЪ.

(вспыльчиво)

Нѣтъ, жестокъ,
Несправедливъ ты къ ней! Въ ней гордость есть,
Есть благородство: я ее узналъ,
И ничего не опасаюсь. Тщетно
Желаешь ты спугнуть мои надежды.
Я съ матерью увижусь.

МАРКИЗЪ.

Но къ чему?

КАРЛОСЪ.

Мнѣ некого щадить теперь... я долженъ
Узнать судьбу свою. Скажи мнѣ только,
Какъ-бы съ ней свидѣться?

МАРКИЗЪ.

И хочешь

Письмо ты это показать ей. Точно
Ты хочешь показать?

КАРЛОСЪ.

Не спрашивай

Меня объ этомъ. Средство, средство только
Какъ мнѣ ее увидѣть!

МАРКИЗЪ.

(значительно)

Ты сказалъ мнѣ,
Что любишь мать свою? И хочешь
Ей показать письмо?

(Карлосъ потупивъ глаза молчитъ)

Карль, я вижу

Мнѣ нѣчто новѣе въ твоёмъ лицѣ,

Мнѣ чуждое доселѣ. Ты глаза
Потупилъ предо мной? Такъ это правда?...
Но полно такъ ли я прочелъ? Позволь...

(Карлосъ подаетъ ему письмо. Маркизъ разрываетъ его)

КАРЛОСЪ.

Какъ? что? Съ ума сошолъ ты что-ли?

(съ болѣе умѣренною обидчивостію)

Правда...

Я признаюсь... письмо мнѣ было важно.

МАРКИЗЪ.

Казалось важнымъ. Потому-то я
И разорвалъ его.

*(маркизъ проницательно смотритъ на принца, который
сомнительно на него взглядываетъ. Долгое молчаніе)*

Скажи же мнѣ,

Что общаго невѣрность короля
Съ твоей, твоей любовію имѣетъ?
Тебѣ Филиппъ опасенъ, что-ль? Какую
Связь оскверненіе ложа королевы
Съ твоими планами имѣетъ? Развѣ
Онъ согрѣшилъ тамъ, гдѣ ты любишь страстно?
Теперь тебя узналъ я. О, какъ плохо
Я понималъ твою любовь доселѣ!

КАРЛОСЪ.

Родриго, какъ? Что у тебя на сердцѣ?

МАРКИЗЪ.

О, мнѣ давно бы должно отучиться...
Да, прежде, прежде было все иначе.
Ты такъ богатъ былъ, пылокъ такъ, богатъ!
Вселенная въ груди твоей вмѣщалась.
И это все погибло; жалкой страстью
Поглощено, ничтожнымъ самолюбіемъ.
Иссохла грудь твоя. Нѣтъ больше слезъ

Для бѣдныхъ, угнетенныхъ Нидерландовъ,
Нѣтъ ни одной слезы! О, Карлосъ, Карлосъ,
Какъ обѣднѣлъ, какъ страшно обѣднѣлъ ты,
Съ-тѣхъ-поръ какъ никого, кромѣ себя
Не любишь.

КАРЛОСЪ.

*(бросается на кресло. После нѣкотораго молчанія, съ едва
скрываемыми слезами)*

Вижу, ты не уважаешь
Меня ужъ больше.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ, мой Карлосъ! Знаю
Я эту вспышку крови. Заблужденъ
Похвальныхъ чувствъ она была. Тебѣ
Принадлежала прежде королева,
Изъ рукъ твоихъ похитили ее,
Но всё же ты правамъ своимъ не вѣрилъ.
Филиппъ могъ быть ея достоинъ. Тихо,
Не слышно судъ свой сердце изрекало.
Письмо рѣшило все. Ты былъ достойнымъ,
И съ гордымъ чувствомъ смотришь на судьбу,
Изобличенную въ тиранствѣ, похищенъи.
Ты радъ, ты счастливъ тѣмъ, что ты обиженъ:
Страданье льститъ душамъ великимъ. Только
Твоя фантазія здѣсь заблудилась;
Нашла себѣ награду — гордость; сердце
Увидѣло надежду. Видишь-ли,
Я былъ увѣренъ въ томъ, что ты себя
Не понялъ.

КАРЛОСЪ.

(растроганный)

Нѣтъ, Родриго, ты ошибся.

Такъ благородно я совѣмъ не мыслилъ,
Какъ ты меня увѣрить хочешь.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ!

Тебя я знаю! Видишь ли, мой Карлосъ.

Когда ты заблуждаешься, всегда

Изъ сотни доблестей стараюсь я

Те отыскать, которую-бъ порокомъ

Назвать мнѣ можно было. Но теперь,

Такъ какъ съ тобой опять мы ладимъ — будь

По твоему, увидишь королеву!

КАРЛОСЪ.

(падаетъ къ нему на шею)

О! какъ краснѣю я передъ тобою!

МАРКИЗЪ.

Отъ слова я не отступлюсь. Теперь ужь

Ты предоставь мнѣ все. Прекрасной, смѣлой,

Счастливой мыслью умъ мой просвѣтлѣлъ.

Ее изъ лучшихъ устъ услышишь. Я

Дойду до королевы. Можетъ-быть,

Ты завтра же узнаешь обо всемъ.

До тѣхъ же поръ не забывай, что планы,

Рожденные разъ мудростью высокой,

Не могутъ быть покинуты, хотя

И притѣсняють ихъ людскія страсти

И слятся ихъ уничтожить. Слышишь?

О Нидерландахъ помни!

КАРЛОСЪ.

Обо всемъ,

Что ты и добродѣтель мнѣ велите.

МАРКИЗЪ.

(подходя къ окну)

Пора въ Мадритъ. Твою я вижу свиту.

(обнимаются)

Теперь опять — принцъ и вассаль.

КАРЛОСЪ.

Ты ѣдешь

Сей часъ же въ городъ?

МАРКИЗЪ.

Да.

КАРЛОСЪ.

Постой! Еще

Одно лишь слово! Чуть не позабылъ я!

Вѣсть важная: король читаетъ письма

Въ Брабантъ. Будь остороженъ. Почта знаю,

Имѣетъ тайные приказы...

МАРКИЗЪ.

Какъ

Узналъ ты это?

КАРЛОСЪ.

Донъ-Раймондъ Таксисъ

Мнѣ преданъ.

МАРКИЗЪ.

(посль нѣкотораго молчанія)

Гм! Такъ имъ прійдется сдѣлать

Крюкъ чрезъ Германію. Прощай, мой Карлосъ.

(расходятся въ разныя стороны)

ТРЕТІЙ АКТЪ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Спальня короля.

(На ночномъ столикѣ двѣ зажженные свѣчи. На послѣднемъ планѣ комнаты нѣсколько пажей спятъ. Король, полураздѣтый, стоитъ передъ столомъ, облокотившись рукою на кресло и погруженный въ глубокое размышленіе. Передъ нимъ лежатъ медальонъ и бумаги)

КОРОЛЬ.

Она всегда мечтательна была —

Въ томъ нѣтъ сомнѣнья. Я не могъ любви

Внушить ей никогда, и все же... все же, —

Кто замѣчалъ что въ ней она нуждалась?

И такъ доказано, она коварна.

(онъ дѣлаетъ движеніе и приходитъ въ себя. Встаетъ съ удивленіемъ)

Гдѣ былъ я? Видно здѣсь одинъ король

Не спитъ? — и свѣчи догорѣли? Странно,

Не день ли ужъ? Мой сонъ пропалъ. Возьми

И запиши его въ приходъ, природа.

Нѣтъ королю счастливаго досуга

Наверстывать недоспанные ночи:

Теперь я бодръ, и долженъ день настать.

(гаситъ свѣчи и отдергиваетъ оконную занавѣсь. Прохаживаясь взадъ и впередъ, замѣчаетъ спящихъ мальчиковъ и молча останавливается передъ ними; потомъ звонитъ въ колокольчикъ)

Пожалуй, и въ пріемной всѣ заснули.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Король. Графъ Лерма.

ЛЕРМА.

(замѣтивъ короля, останавливается въ удивленіи)

Ваше величество, вы не здоровы?

КОРОЛЬ.

Во флигелѣ огонь. Вы не слыхали-ль

Тамъ шуму, графъ?

ЛЕРМА.

Нѣтъ, государь.

КОРОЛЬ.

Нѣтъ?

Такъ стало-быть мнѣ это только снилось?

Само собой то не могло случиться.

Въ немъ почиваетъ королева?

ЛЕРМА.

Да,

Ваше величество.

КОРОЛЬ.

Сонъ испугалъ

Меня. Впередъ удвоить часовыхъ тамъ,
Вы слышите? При наступленьи ночи...
Но тайно только, тайно. Не хочу я...
Что вы такъ на меня глядите?

ЛЕРМА.

Очи,

Отъ бдѣнья воспаленныя, я вижу.
Осмѣлюсь вашему величеству напомнить
О драгоцѣнной жизни, о народахъ
Напомнить, что слѣды безсонной ночи
У васъ въ чертахъ прочли бы съ безпокойствомъ...
Лишь часъ одинъ предутренняго сна...

КОРОЛЬ.

(съ блуждающимъ взоромъ)

Сонъ я найду въ Эскуріалѣ. Здѣсь во снѣ
Король корону только лишь теряетъ,
Мужъ сердце женнино... Нѣтъ, нѣтъ! не правда,
То клевета! Вѣдь женщина объ этомъ
Шепнула мнѣ? вѣдь женщина шепнула?
Ложь — имя женщины. Я не повѣрю
Позору своему, пока мужчина
Его не подтвердитъ мнѣ.

(пажамъ, которые между тѣмъ разгулялись)

Позовите

Герцога Альбу! *(пажи уходятъ)* Подойдите ближе,
Графъ Лерма! это правда?

(останавливается и пристально смотритъ на графа)

О, на пульсъ

Единый только времени — всезнанья!...
Клянись мнѣ, то правда? я обмануть?
Обмануть? это правда?

ЛЕРМА.

Мой великій,
Мой дорогой король...

КОРОЛЬ.

Король! король!

И только лишь король!... Вотъ весь отвѣтъ ихъ!

Одно пустое звуковъ отраженъе!

Я бью въ утесы эти, я хочу

Воды, воды для ранъ своихъ — они

Мнѣ подаютъ kloкочущее злато.

ЛЕРМА.

Что правда, государь?

КОРОЛЬ.

Такъ, ничего.

Ступайте! я одинъ останусь.

(графъ хочетъ удалиться; онъ зоветъ его назадъ)

Вы

Женаты? да? отецъ семейства?

ЛЕРМА.

Да,

Ваше величество.

КОРОЛЬ.

Женаты и рѣшились

Ночь провести у своего монарха?

Вашъ волосъ сѣдъ, а вы и не стыдитесь

Женѣ своей такъ простодушно вѣрить?

Домой ступайте! Вы ее найдете

Въ кровосмѣсительныхъ объятяхъ сына.

О! вѣрьте вашему монарху, графъ!

Ступайте... Вы изумлены? вамъ странно?

Вы на меня значительно глядите?...

Что я, я самъ-то посѣдѣлъ? Несчастный,

Опомнись! Королевы не пятнають
Постели брачной. Горе вамъ, когда
Вы усумнились...

ЛЕРМА.

(съ жаромъ)

Кто, кто это смѣетъ?
Во всѣхъ огромныхъ вашихъ государствахъ,
Кто дерзкій ядовитымъ подозрѣньемъ
Дохнетъ на ангельскую добродѣтель?
Кто лучшую изъ королевъ такъ низко...

КОРОЛЬ.

А, лучшую? такъ и у васъ она
Попала въ лучшія? Она, какъ вижу,
Вокругъ меня друзей найти умѣла.
Ей это стоило не мало — больше,
Чѣмъ можетъ дать она, какъ мнѣ
Извѣстно. Вы свободны. Позовите
Мнѣ только герцога...

ЛЕРМА.

Онъ ужъ въ приѣмной...

(хочетъ идти)

КОРОЛЬ.

(смягченнымъ тономъ)

Графъ! ваше замѣчанье справедливо:
Бессонница меня волнуетъ... Позабудьте,
Что я въ бреду вамъ говорилъ. Смотрите-жь,
Забудьте это! Я вашъ благосклонный
Король.

*(подаетъ ему руку для поцѣлуя. Лерма уходитъ, отворивъ
двери герцогу Альбю)*

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Король. Герцогъ Альба.

АЛЬБА.

(подходитъ къ королю съ видомъ сомнѣнія)

Я удивленъ, такой приказъ...
Въ такое странно-выбранное время?...
И этотъ видъ...

КОРОЛЬ.

*(садится, беретъ медальонъ и смотритъ нѣкоторое время
молча на герцога)*

Такъ это точно правда?
Такъ у меня слугъ вѣрныхъ больше нѣтъ?

АЛЬБА.

(какъ вкопанный останавливается)

Какъ?

КОРОЛЬ.

Я смертельно оскорбленъ: объ этомъ
Все знаютъ, и никто не скажетъ мнѣ!

АЛЬБА.

(съ видомъ изумленія)

Какъ? оскорбленіе моему монарху,
И я объ немъ не знаю?

КОРОЛЬ.

(показывая ему письмо)

Этотъ почеркъ
Вы знаете?

АЛЬБА.

Да, это почеркъ принца.

КОРОЛЬ.

(пристально посмотрѣвъ на герцога)

Такъ всё-еще вамъ это не понятно?

Вы мнѣ грозили честолюбьемъ принца?

Но честолюбья-ль только, честолюбья-ль

Я долженъ былъ страшиться?

АЛЬБА.

Честолюбье

Имѣетъ смыслъ обширный, смыслъ великій,

Въ которомъ много, много кой-чего

Вмѣщаться можетъ.

КОРОЛЬ.

И у васъ

Нѣтъ ничего особеннаго, герцогъ,

Открыть мнѣ?

АЛЬБА.

(послѣ нѣкотораго молчанія, таинственно)

Государь, моимъ заботамъ

Вы предоставили свои владѣнья.

Имъ я и долженъ посвящать свое

Все знанье, всѣ идеи и заботы.

Что про себя я мыслю, вижу, знаю,

То мнѣ принадлежитъ. То даръ священный,

Что рабъ въ цѣпяхъ, какъ и вассаль таить

Отъ всѣхъ владыкъ земныхъ имѣютъ право.

Не все, что для *меня* понятно, ясно,

Не все то также ясно моему

Монарху. Если-жъ онъ желаетъ знать

Всю правду, то просить его я долженъ

Не спрашивать меня какъ государь.

КОРОЛЬ.

(подаетъ ему письмо)

Читайте.

АЛЬБА.

(читаетъ и потомъ съ испугомъ оборачивается къ королю)

Кто? какой безумный далъ
Всѣ эти страшные листки вамъ въ руки?

КОРОЛЬ.

Вы знаете о комъ здѣсь говорится?...

Какъ мнѣ извѣстно, имени здѣсь нѣтъ.

АЛЬБА.

(озадаченный отступаетъ)

Я поспѣшилъ.

КОРОЛЬ.

Вы знаете?

АЛЬБА.

(послѣ нѣкотораго молчанія)

Къ чему

Скрывать?... мой государь повелѣваетъ...

Отречься мнѣ нельзя... не отпираюсь...

Я знаю ту особу.

КОРОЛЬ.

(встаетъ въ ужасномъ волненіи)

О! пыткамъ новымъ научи меня

Ужасный мщенья богъ!... Такъ ясна всѣмъ,

Извѣстна, такъ гласна ихъ связь, что прямо,

Не разбирая, съ одного лишь взгляду

Ее угадываетъ всякій... Это

Ужъ слишкомъ! этого не зналъ я! нѣтъ!

И я послѣдній узнаю объ этомъ!

Послѣдній въ цѣломъ государствѣ...

АЛЬБА.

(бросается передъ королемъ на колѣни)

Да,

Я признаю себя виновнымъ, государь.

Стыжусь трусливой мудрости, велѣвшей
Молчать мнѣ тамъ, гдѣ имя, честь монарха,
Гдѣ справедливость, истина такъ громко
Мнѣ говорить повелѣвали... Такъ какъ
Всѣ онѣмѣли — такъ какъ красота,
Какъ волшебствомъ, сомкнула всѣхъ уста:
То я одинъ осмѣлюсь, хоть и знаю,
Что оправданья вкрадчивыя сына,
Что обольстительныя ласки, слезы
Супруги...

КОРОЛЬ.

(вспыльчиво)

Встаньте! Я ужь далъ вамъ слово...
Вы безопасны — говорите смѣло!

АЛЬБА.

(вставая)

Ваше величество не позабыли
Того, что разъ въ саду аранжуэцкомъ
Случилось съ королевой? Вы нашли
Ее одну, безъ свиты — всю въ волненьи,
Въ уединенномъ мѣстѣ...

КОРОЛЬ.

Га! что я
Услышу? Далѣе!

АЛЬБА.

Маркиза Мондекаръ
Была удалена изъ королевства,
Лишь потому, что изъ любви къ ея
Величеству собой ее покрыла;
Теперь мы знаемъ, что маркиза только
Исполнила что ей велѣли. Принцъ
Былъ тамъ.

КОРОЛЬ.

(въ страшномъ бѣшенствѣ)

Былъ тамъ? Но какъ же...

АЛЬБА.

Слѣдъ мужской,

Что по песку шелъ влѣво отъ аллеи
До грота, гдѣ еще платокъ нашли,
Потерянный инфантомъ, тутъ же насъ
Подозрѣвать заставилъ. Въ гротѣ принца
Садовникъ встрѣтилъ, и почти минута
Въ минуту было то, какъ ваше
Величество вошли въ аллею.

КОРОЛЬ.

(выходя изъ мрачнаго размышленія)

И она

Такъ плакала тогда! предъ всѣмъ дворомъ
Она меня заставила краснѣть!
Краснѣть передъ самимъ собой... Богъ видитъ!
Какъ осужденный я тогда стоялъ
Предъ добродѣтелью ея высокой...

(долгое, глубокое молчаніе. Онъ садится и закрываетъ лицо)

Да, герцогъ, вы сказали правду. Это
Къ чему нибудь ужасному меня
Сведетъ... Оставьте одного меня.

АЛЬБА.

Но это, государь, еще не вѣрно...

КОРОЛЬ.

(хватая бумаги)

И это тожъ? и это? все невѣрно?
И доказательствъ страшное созвучье?
О, это дня свѣтлѣе... Я давно
Предчувствовалъ все это... Преступленье

Ужъ началось, когда изъ вашихъ рукъ
Елисавету принялъ я въ Мадритѣ...
Еще я вижу мертвый взглядъ испуга,
Съ какимъ она, блѣднѣя и блѣднѣя
На сѣдинахъ моихъ остановилась.
Тогда же началась ихъ связь!

АЛЬБА.

Для принца
Невѣста въ юной мачихѣ погибла.
Они было въ желаньяхъ ужъ сошлись,
Въ созвучьяхъ чувства поняли другъ друга,
Какъ вдругъ все это новыя условия
Имъ запретили. Страхъ былъ побѣжденъ ужъ,
Страхъ, стерегущій первое признанье,
И бойче и смѣлѣе обольщенье
Заговорило въ образахъ знакомыхъ
Прошедшаго. Соединенны братской
Гармоніей и мнѣнія и лѣтъ,
Озлоблены одной судьбой, они
Волненьямъ страсти предались тѣмъ жарче.
Политика разстроила ихъ склонность,
Такъ и не диво, если королева,
Не признаетъ въ ней этихъ правъ насилья,
Не въ силахъ, подавивъ желанье, планы
Двухъ кабинетовъ разобрать подробнѣй.
Она любви искала и нашла —
Одну корону...

КОРОЛЬ.

(обиженный, съ горечью)

Очень, очень мудро
Вы разсудили, герцогъ... Удивляюсь

Я краснорѣчью вашему, по чести.
Благодарю васъ.

(вставая, холодно и гордо)

Ваша правда, герцогъ:
Жестоко проступилась королева,
Что эти письма скрыла отъ меня,
Что умолчала мнѣ о появленьи
Донъ-Карлоса въ саду. Она жестоко
Изъ доброты сердечной проступилась.
Я допросить ее съумѣю.

(дергаетъ за колокольчикъ)

Кто

Еще въ пріемной? Въ васъ же, герцогъ Альба,
Я не нуждаюсь больше. Удалитесь!

АЛЬБА.

Ужъ не навлекъ ли я своимъ усердьемъ
Въ другой разъ гнѣва своего монарха?

КОРОЛЬ.

(вошедшему пажу)

Позвать Доминго.

(пажъ уходитъ)

Я прощаю вамъ,
Что двѣ минуты битыхъ вы меня
Страшиться преступленья заставляли,
Что противъ васъ однихъ учинено.

(Альба уходитъ)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЬ (*ходитъ назадъ и впередъ въ глубокомъ раздумьи*).

ДОМИНГО (*входитъ немного спустя послѣ герцога, приближается къ королю и осматриваетъ его нѣсколько минутъ съ торжественнымъ молчаніемъ*).

ДОМИНГО.

Какъ я пріятно удивленъ, что ваше
Величество спокойны такъ, и бодры.

КОРОЛЬ.

Удивлены?

ДОМИНГО.

Благодаренье небу,
Что страхъ мой былъ напрасенъ. Тѣмъ скорѣе
Теперь могу надѣяться...

КОРОЛЬ.

Вашъ страхъ?

Чего-жь страшиться было?

ДОМИНГО.

Государь,

Не смѣю уклоняться, я узналъ
Сейчасъ о тайнѣ.

КОРОЛЬ.

(*мрачно*)

Развѣ изъявилъ я
Желанье съ вами ею подѣлиться?
Кто-жь это такъ меня предупредилъ?
Ужь это слишкомъ дерзко!

ДОМИНГО.

Государь!

Тотъ поводъ, мѣсто, гдѣ объ ней узналъ я,
И самый образъ, какъ объ ней узналъ я
Меня хоть въ этомъ могутъ оправдать.
На исповѣди мнѣ сознались въ томъ,
Сознались, какъ въ грѣхѣ, гнѣтущемъ совѣсть
И въ небѣ ищущемъ прощенья. Поздно
Принцесса сожалѣетъ о поступкѣ,
Могущемъ въ бездну горестныхъ послѣдствій
Вовлечь ея величество.

король.

Скажите!

Какая добрая душа! Доминго,
Вы угадали для чего за вами
Я посылалъ. Изъ темныхъ лабиринтовъ,
Куда меня слѣпая ревность ввергла,
Должны меня вы вывести. Отъ васъ
Я правды ожидаю. Откровенно
Скажите все мнѣ. Чтò начать? чтò дѣлать?
Отъ сана вашего я правды жду.

доминго.

О, государь, хоть святость сана мнѣ
Пощады въ сладкій долгъ и не вмѣняетъ,
Я всё-таки васъ стану умолять,
Ради самихъ себя васъ умолять,
Остановиться на открытьи — дальше
Не проникать въ предѣлы этой тайны,
Которая, какъ ни взгляни, не можетъ
Счастливо развязаться. Что пока
Извѣстно, тò еще простить возможно.
Король велить — и королева въ жизнь
Не проступалась. Воля государя
Даруетъ добродѣтель, какъ и счастье.

Одно спокойствіе лишь ваше въ силахъ
Разрушить мощно слухи, что злословье
Себѣ безстыдно позволяетъ.

КОРОЛЬ.

Слухи?

На счетъ меня? Въ моемъ народѣ?

ДОМИНГО.

Ложь!

Пустая ложь! Я заклянѣю ее.
Но есть конечно случаи, гдѣ вѣра
Народа, хоть и вздорная, пустая,
Становится значительной, какъ правда.

КОРОЛЬ.

И эта вѣра! именно вотъ здѣсь.

ДОМИНГО.

Конечно, имя доброе всегда
Есть рѣдкое, священное добро,
Чѣмъ королева съ каждою мѣщанкой
Соперничать должна.

КОРОЛЬ.

Тутъ, я надѣюсь,

Мнѣ нечего бояться?

*(онъ устремляетъ сомнительный взглядъ на Доминго. По-
слѣ нѣкотораго молчанія)*

Капелланъ,

У васъ таится что-то на умѣ.
Не медлите, скажите. Ужъ давно
Читаю я въ лицѣ зловѣщемъ вашемъ.
Скажите все скорѣе! Будь что будетъ!
Не мучайте меня на этой пыткѣ.
Что говорятъ въ народѣ?

доминго.

Государь,

Еще разъ, можетъ ошибиться онъ
И ошибается навѣрно. Слухи эти
Васъ не должны тревожить, государь.
Но только... что осмѣлится могли
Ихъ подтверждать въ народѣ.

король.

Что? Я долженъ

Такъ долго васъ просить о каплѣ яду?

доминго.

Въ народѣ вспоминаютъ, государь,
То время, какъ вы при смерти лежали,
Больной, разслабленный и хилый... тридцать
Недѣль спустя читаютъ въ манифестѣ
О разрѣшеніи отъ бремени...

(король встаетъ и звонитъ. Герцогъ Альба входитъ)

доминго

(озадаченный)

Сирь!

король.

(идя на встрѣчу къ Альбѣ)

О, герцогъ! вы мужчина. Защитите
Меня отъ этого монаха!

доминго.

(онъ и герцогъ мѣняются взглядами. Послѣ молчанія)

Еслибъ

Могли предвидѣть мы, что эта вѣсть
На вѣстника падетъ...

король.

Бастардъ, сказали вы?

Отъ смерти, вы сказали, я едва
Воскресъ, какъ стала матерью она?

Какъ? Но, вѣдь, если я не ошибаюсь,
Тогда во всѣхъ церквахъ вы сами, сами
Святаго Доминика восхваляли
За это чудо надо мной? Что чудомъ
Звалось тогда, теперь уже не чудо?
Такъ вы тогда, иль нынѣ мнѣ солгали?
Чему теперь хотите, чтобъ я вѣрилъ?
О, я насквозь васъ вижу. Будь готовъ
Вашъ заговоръ, тогда ужь... о тогда
Святому не было-бъ молебновъ.

АЛЬБА.

Заговоръ!

КОРОЛЬ.

Какъ-будто вы съ гармоніей такою
Могли сойтись въ одномъ и томъ же мнѣнн
И не стакнуться напередъ? Меня
Хотите вы увѣрить въ томъ? Меня?
По-вашему, я, вѣрно, не замѣтилъ,
Какъ жадно бросились вы на добычу?
Какъ сладострастно вы подстерегали
Мои мученья, гнѣвъ мой? Не замѣтилъ
Какъ, полонъ рвенья, герцогъ выжидаетъ
Лишь случая, чтобъ броситься на милость,
Чтò сыну я готовилъ? Какъ лукаво
Почтенный этотъ мужъ ничтожный гнѣвъ свой
Рукою мощной гнѣва моего
Впередъ подвинуть хочетъ? Я вашъ лукъ,
Вообразили вы, чтò по желанью
Натягивать умѣетъ всякій?
Еще во мнѣ есть воля — и когда
Я сомнѣваться долженъ, то начну
Я съ васъ по-крайней мѣрѣ.

АЛЬБА.

Этой рѣчи

Не ожидала наша вѣрность.

КОРОЛЬ.

Вѣрность!

Она предупреждаетъ преступленье:

Лишь мечь одна доносить о свершонномъ.

Скажите, что-жь я выигралъ отъ вашей

Услужливости? Справедливъ доносъ вашъ:

Мнѣ остается только скорбь развода,

Тріумфъ печальный мести. Нѣтъ, вы только

Бойтесь, жметесь; только подозрѣнья,

Одни лишь только шаткія догадки

Вы мнѣ внушаете... предъ адской бездной

Вы ставите меня и прочь бѣжите.

ДОМИНГО.

Возможны-ль доказательства другія,

Гдѣ самый глазъ не можетъ убѣдиться?

КОРОЛЬ.

*(послѣ долгаго молчанія, важно и торжественно обращает-
ся къ Доминго)*

Я созову всѣхъ грандовъ королевства,

И буду самъ судьей. Выходите

Тогда впередъ — коль столько смѣлы вы —

И назовите вы ее блудницей!

Она умретъ — клянусь вамъ въ томъ! она

И принцъ умрутъ! Но не забудьте также,

Что если оправдаются они —

Умрете вы! Хотите ли почтить

Такою жертвой правду словъ своихъ?

Рѣшайтесь. Не хотите? Онѣмѣли?

Вы не хотите?... Такъ вы лгали мнѣ?

АЛЬБА.

(молча стоявшій вдали, холодно и спокойно)

Я
Хочу.

КОРОЛЬ.

(въ удивленіи оборачивается и смотритъ пристально на герцога)

Довольно смѣло! Но я вспомнилъ,
Что вы въ кровавыхъ битвахъ жизнь свою
За мѣньшее гораздо рисковали:
Вы съ легкомыслемъ игрока за славы
Ничтожность ея слѣпо рисковали, —
И что вамъ жизнь?... Нѣтъ, крови королевской
Я не отдамъ безумному въ добычу,
Кто потерялъ надежду, кто лишь хочетъ
Ничтожность бытія отдать со славой, —
Я этой жертвы не пріиму. Ступайте,
Ступайте всѣ вы въ залъ аудіенцій
И тамъ дальнѣйшихъ ждите приказаній.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Король

(одинъ)

Теперь дай человѣка мнѣ, Создатель...
Ты много далъ мнѣ; только человѣка
Ты дай теперь мнѣ! Ты, о, ты единъ!
Ты сокровенное все видишь окомъ.
Молю тебя о другѣ: я не такъ,

Какъ ты, всевѣдущъ. Слуги, мнѣ тобой
Посланные, самъ вѣдаешь, какіе
Они мнѣ слуги. Изъ за денегъ только
Они мнѣ служатъ. Жалкія ихъ страсти
Уздой смиренныя, моимъ полезны цѣлямъ,
Какъ міру грѣзы страшныя твои.
Мнѣ правды надо... мирный токъ ея
Средь щебня заблужденій отрывать
Не намъ, царямъ, досталось. О, пошли
Мнѣ мужа рѣдкаго съ открытымъ сердцемъ,
Съ прямымъ умомъ и неподкупнымъ глазомъ,
Чтобъ мнѣ помогъ съискать ее. Я жребьи
Мѣшаю всѣ: изъ многихъ, многихъ тысячъ,
Что къ сферѣ солнечной престола жмутся,
Лишь одного найти мнѣ помощи!

(отворяетъ шкатулку и беретъ изъ нея записную книжку.

Послѣ долгаго перелистыванія)

Имена —

Лишь имена стоятъ здѣсь; ни одной
Замѣтки о заслугахъ, по которымъ
Они сюда попали; а что такъ
Забывчиво, какъ благодарность? Здѣсь же
Зато на оборотѣ каждый изъ проступковъ
Отмѣченъ акуратно. Это дурно.
Иль память мести въ помощи подобной
Нуждается?

(читаетъ дальше)

Графъ Эгмонтъ? Онъ зачѣмъ
Сюда попалъ? Побѣда подъ Кентеномъ
Давно забыта. Въ мертвые его!

*(вычеркиваетъ его имя и пишетъ на оборотъ. Читаетъ
про себя дальѣ)*

Маркизь де-Поза?... Поза?... Поза?
Едва могу о немъ я вспомнить! Поза?
И два раза подчеркнуть: стало-быть
Его для высшихъ цѣлей прочилъ я.
Возможно ли? онъ отъ меня до-сихъ-поръ
Все уклонялся? взоровъ убѣгалъ
Онъ своего монарха-должника.
Ей-Богу, въ цѣломъ кругѣ царствъ моихъ
Вотъ человѣкъ единственный, который
Не ищетъ милостей у трона! Еслибъ
Онъ честолюбьемъ жаднымъ былъ одержимъ,
То ужъ давно-бъ явился предо мною.
Не попытаться-ль съ этимъ чудакомъ?
Кто безъ меня умѣетъ обходиться,
Тотъ съ правдой на устахъ прійдетъ ко мнѣ.
(уходитъ)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Аудіенцъ - зала.

Донъ - Карлосъ въ разговоръ съ Принцемъ Парм-скимъ. Герцоги Альба, Феріа, Медина-Сидонія. Графъ Лерма и еще нѣсколько другихъ испанскихъ грандовъ съ бумагами въ рукахъ. Всѣ въ ожиданіи короля.

МЕДИНА-СИДОНІА.

(явно избѣгаемый всѣми придворными, обращается къ герцогу Альбѣ, который одиноко въ раздумьѣ ходитъ взадъ и впередъ)

Вы говорили съ государемъ, герцогъ;
Какъ вы нашли? онъ въ духѣ?

АЛЬБА.

Не въ пріятномъ
Для васъ и вашей вѣсти.

МЕДИНА-СИДОНІА.

Средь огня
Англійскихъ батарей мнѣ было легче,
Чѣмъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ.

(Карлосъ, съ нѣмымъ участіемъ слѣдившій за нимъ, подходитъ къ нему и пожимаетъ ему руку)

Благодарю
Васъ за слезу участья, принцъ. Вотъ сами
Вы видите, какъ все бѣжитъ меня.
Теперь моя гибель неизбѣжна.

КАРЛОСЪ.

Надѣйтесь, другъ, на милость короля
И на свою невинность.

МЕДИНА-СИДОНІА.

Я лишилъ

Его, досель невиданнаго, флота.
Что значить голова моя въ сравненьи
Со множествомъ погибшихъ галліоновъ?
Но, Принцъ— пять сыновей, какъ вы, надежныхъ,—
Вотъ что щемитъ мнѣ сердце.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЬ (*входитъ совсѣмъ одѣтый*). ПРЕЖНІЕ.

(*Всѣ снимаютъ шляпы и даютъ ему дорогу, образуя около него полукругъ. Молчаніе*)

КОРОЛЬ.

(*бѣгло осматривая весь кругъ*)

Накройтесь!

(*Донъ-Карлосъ и принцъ Пармскій первые подходятъ и целуютъ руку у короля. Онъ съ нѣкоторою ласковостію начинаетъ говорить съ послѣднимъ, не обращая никакого вниманія на сына*)

Ваша мать, племянникъ,
Желаетъ знать, довольны ли мы вами.

ПАРМСКІЙ.

Пускай она объ этомъ, государь,
Васъ спроситъ послѣ перваго сраженья.

КОРОЛЬ.

Терпѣнье; и до васъ чередъ дойдетъ,
Когда столпы подломятся всѣ эти.

(*герцогу Феріи*)

Вы съ чѣмъ?

ФЕРІА.

(*преклоня колено*)

Великій-Комтуръ калатравскій
Скончался нынѣче утромъ. Крестъ его
Препровожденъ назадъ.

КОРОЛЬ.

(*беретъ орденъ и осматриваетъ весь кругъ*)

Кто всѣхъ достойнѣй

Носить его?

*(киваетъ Альбъ, который становится передъ нимъ на ко-
льна. Король надѣваетъ на него крестъ)*

Вы, герцогъ Альба, первый
Нашъ полководецъ: будьте-жь имъ, не *больше*,
И мы всегда къ вамъ будемъ благосклонны.

(замѣчаетъ герцога Медину-Сидонію)

А! мой адмиралъ!

МЕДИНА-СИДОНІА.

*(шатаясь, подходитъ къ нему, и съ поникшей головою ста-
новится на кольна)*

Вотъ, государь,
Все что я спасъ отъ вашихъ кораблей,
Отъ вашей многочисленной армады.

КОРОЛЬ.

(послѣ долгаго молчанія)

Богъ надо мной. Я васъ противъ людей
Послалъ не противъ бурь и скалъ подводныхъ.
Добро пожаловать въ Мадритъ.

(протягиваетъ ему руку для поцѣлуя)

И спасибо,
Что вы въ себѣ достойнаго слугу
Мнѣ сберегли! Да, гранды, герцогъ
Слуга достойный мнѣ, и я хочу
Чтобъ всѣми онъ былъ признанъ за такого.

*(дѣлаетъ ему знакъ встать и покрыться, потомъворачи-
вается къ другимъ)*

Что тамъ еще?

(Донъ-Карлосу и принцу Пармскому)

Благодарю васъ, принцы.

*(они отступаютъ. Остальные гранды приближаются и пе-
редаютъ королю съ коленнопреклоненіемъ бумаги. Онъ было
ихъ просматриваетъ и отдаетъ Альбъ)*

Все это въ кабинетъ. Ну, все теперь?

(никто не отвѣчаетъ)

Что значить, что въ средѣ моей грандецы

Не видно никогда маркиза Позы?

Я знаю хорошо, что этотъ Поза

Мнѣ съ честію служилъ. Онъ умеръ, вѣрно?

Зачѣмъ же нѣтъ его здѣсь.

ЛЕРМА.

Кавалеръ

Недавно возвратился лишь изъ странствій,

Предпринятыхъ по всей Европѣ. Онъ

Теперь въ Мадритѣ и, какъ слышно, ждетъ

Лишь случая, чтобъ броситься къ стопамъ

Монарха своего.

АЛЬБА.

Гм! Маркизь Поза?

Да, точно! Это тотъ Мальтіецъ смѣлый,

Ваше величество, о комъ молва

Еще рассказывала странный подвигъ.

Когда, по приглашенью своего магистра,

Всѣ рыцари на островъ собирались,

Султаномъ Солиманомъ осажденный,

Исчезъ внезапно изъ алькальской школы

Ребенокъ лѣтъ осьмнадцати. Незванный

Явился онъ предъ ла-Валетой. «Мнѣ

Купили крестъ,» сказалъ онъ: «но теперь

Его я заслужить хочу.» Онъ былъ

Изъ сорока тѣхъ рыцарей однимъ,

Что противъ Піали, Улукчіали

И Мустафы и Гасема, — Сентъ-Эльмо

Средь жара страшнаго и трехъ

Ужасныхъ штурмовъ защищали въ полдень.

Когда-жъ враги Сентъ-Эльмо одолѣли,
И рыцари вокругъ него все пали,
Онъ въ море вплавъ бросается и быстро
Назадъ одинъ приходитъ въ ла-Валету.
Спустя два мѣсяца врагъ оставляетъ островъ,
И рыцарь возвращается въ Алькалу
Оканчивать свое образованье.

ФЕРІА.

И тотъ же самый Поза, государь,
Открылъ тотъ знаменитый заговоръ,
Чуть Каталоньи всей не возмущившій,
И только твердостью одной своею
Престолу спасъ одну изъ самыхъ важныхъ
Провинцій.

КОРОЛЬ.

Удивляюсь!... Человѣкъ,
Все это сдѣлавшій, и не имѣетъ
Ни одного завистника межъ вами?
Клянуся! или въ немъ необычайный
Характеръ, или вовсе никакого.
Ужъ чуда ради я его увижу.

(герцогу Альбъ)

Какъ кончится обѣдня, приведите
Его въ мой кабинетъ.

(герцогъ уходитъ. Король къ герцогу Феріи)

А вы ужъ, герцогъ,
Побудьте за меня въ совѣтѣ тайномъ.

(уходитъ)

ФЕРІА.

Король сегодня милостивъ.

МЕДИНА-СИДОНІА.

Скажите:
Онъ богъ! — Онъ для меня былъ сущимъ богомъ.

ФЕРІА.

Да вы и стоите такого счастья!
Повѣрьте, адмиралъ, я принимаю
Живѣйшее участіе.

ОДИНЪ ИЗЪ ГРАНДОВЪ.

Я тоже.

ВТОРОЙ.

И я, повѣрьте, тоже.

ТРЕТІЙ.

Сердце билось
Во мнѣ. Такой достойный генералъ!

ПЕРВЫЙ.

Король былъ къ вамъ, любезный адмиралъ,
Не милостивъ, но только справедливъ.

ЛЕРМА.

(мимоходомъ къ Мединь-Сидоніи)

Какъ вы богаты вдругъ отъ пары словъ!

(все расходятся)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Кабинетъ короля.

МАРКИЗЪ ПОЗА. ГЕРЦОГЪ АЛЬБА.

МАРКИЗЪ.

(входя)

Меня желаетъ видѣть онъ? Меня?...
Не можетъ быть. Вы въ имени ошиблись...
Чего-жъ онъ хочетъ отъ меня?

АЛЬБА. Онъ хочетъ,
Маркизь, узнать васъ покороче.

МАРКИЗЪ. А!
Изъ любопытства... О! въ такомъ случаѣ,
Мнѣ жаль потерянной минуты... Жизнь
Такъ коротка

АЛЬБА.
Передаю васъ вашей
Звѣздѣ счастливой. Государь теперь
У васъ въ рукахъ. Воспользуйтесь, смотрите,
Искуснѣе подобною минутой,
И обвиняйте самого себя,
Лишь одного себя, когда ее
Упустите.

(уходитъ)

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

МАРКИЗЪ
(одинъ).

Прекрасно, герцогъ. Точно
Должно умѣть справляться съ рѣдкимъ мигомъ,
Единожды дающимся намъ въ руки.
И въ самомъ дѣлѣ, этотъ царедворецъ

Даетъ прекрасный мнѣ совѣтъ... хоть правда,
Въ другомъ, превратномъ смыслѣ, но прекрасный.

(прошедшисъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ)

Но какъ попалъ сюда я?... Своенравье-ль

Капризнаго случая только кажется

Мнѣ образъ мой вотъ въ *этихъ* зеркалахъ?

Изъ милліона именно меня,

Меня оно избрало и Филиппу

Мое шепнуло имя? Только случай?

Быть-можетъ болѣе... и что же этотъ случай,

Какъ не простой, шероховатый камень,

Рукой ваятеля воззванный къ жизни?

Намъ небо посылаетъ случай — къ цѣли

Онъ долженъ быть обдѣланъ человѣкомъ.

Чего-бъ ни ждалъ король здѣсь отъ меня,

Что мнѣ за дѣло, если мнѣ извѣстно,

Чего я самъ хочу отъ короля...

И хоть бы искру правды удалося

Мнѣ бросить въ душу короля... пожаромъ

Она вѣдь можетъ вспыхнуть въ длани Бога!

Такъ стало быть, что мнѣ казалось страннымъ,

Быть можетъ, цѣль имѣеть и большую.

Имѣеть или нѣтъ — мнѣ все-равно;

Я въ этомъ духѣ стану поступать.

(прохаживается нѣсколько разъ по комнатѣ и останавливается наконецъ передъ одной картиной. Король показывается въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ отдаетъ нѣкоторыя приказанія. Потомъ входитъ, останавливается въ дверяхъ и разсматриваетъ нѣкоторое время маркиза, не будучи имъ замѣченъ.)

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Король. Маркизь Поза.

МАРКИЗЪ.

(увидѣвъ короля, сейчасъ же идетъ ему на встрѣчу, преклоняетъ передъ нимъ колѣно, встаетъ и стоитъ передъ нимъ безъ всякаго замѣшательства)

КОРОЛЬ.

(съ удивленіемъ смотритъ на него)

Мы съ вами видѣлися прежде?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ.

КОРОЛЬ.

Вы съ честью мнѣ служили. Для чего же

Вы благодарности моей бѣжите?

Людей довольно въ памяти моей

Тѣснится. Богъ одинъ всевѣдущъ. Вамъ бы

Должно самимъ искать очей монаршихъ.

Зачѣмъ вы такъ не поступили?

МАРКИЗЪ.

Сиръ,

Два дня лишь только, какъ я возвратился

Въ Испанію.

КОРОЛЬ.

Я не намѣренъ быть

Въ долгу у добрыхъ слугъ моихъ... Просите

Себѣ награды!

МАРКИЗЪ.

Сиръ, я наслаждаюсь

Законами.

КОРОЛЬ.

Тожъ скажетъ и убійца.

МАРКИЗЪ.

Тѣмъ больше добрый гражданинъ! Сиръ, я
Доволенъ.

КОРОЛЬ.

(про себя)

Много смѣлости сознанья;
Но этого я ожидалъ... Испанецъ
Быть долженъ гордымъ. Мнѣ пріятно, если
И черезъ край вино идетъ... Вы вышли
Въ отставку?

МАРКИЗЪ.

Чтобъ лучшему дать мѣсто,
Я, государь, посторонился.

КОРОЛЬ.

Жаль!

Когда такія головы гуляютъ,
Какъ много терпитъ государство!... Вы
Бойтесь миновать, быть можетъ, сферы,
Достойной вашего ума?

МАРКИЗЪ.

О, нѣтъ!

Увѣренъ я, что опытный знатокъ
Въ сердцахъ людей, измѣрившій ихъ глубь,
При первомъ взглядѣ быстро прочитаетъ,
На что гожусь, иль не гожусь ему я.
Съ благоговѣніемъ цѣню я милость,
Которую такимъ высокимъ мнѣньемъ,
Вамъ, государь, угодно оказать мнѣ;
Но я...

(останавливается)

КОРОЛЬ.

Вы не рѣшаетесь, маркизъ?

МАРКИЗЪ.

Я... я сознаться долженъ, государь,
Въ минуту эту я не приготовленъ,
То, что, какъ міра гражданинъ, я мыслилъ,
Предъ вами высказать, какъ вашъ слуга.
Съ-тѣхъ-поръ, какъ навсегда съ короной я
Дѣла окончилъ, я себя считалъ
И отъ нужды свободнымъ ей давать
Отчетъ въ своихъ поступкахъ.

КОРОЛЬ.

Такъ онъ слабъ,
Отчетъ вашъ? Вы боитесь риску,
Быть можетъ?

МАРКИЗЪ.

Если времени мнѣ станетъ
Его развить... готовъ рискнуть хоть жизнью,
Но истинѣ боюсь я измѣнить,
Когда мнѣ въ немъ откажете. Мнѣ выборъ
Данъ межъ опалой вашей и презрѣньемъ...
По моему, я лучше соглашусь
У васъ въ глазахъ преступникомъ прослыть,
Чѣмъ дуракомъ ничтожнымъ.

КОРОЛЬ.

(съ видомъ ожиданія)

Ну?

МАРКИЗЪ.

Я не могу Филиппа быть слугою.

(король смотритъ на него съ удивленіемъ)

Я не хочу обманывать купца, Сиръ.

Когда вы мнѣ даете постъ иль мѣсто,

То отъ меня хотите вы лишь дѣла,
Ужъ напередъ обдуманнаго вами.
Хотите только рукъ моихъ средь битвы,
Да головы моей одной въ совѣтъ.
Не подвиги мои, но одобренье,
У трона ими снисканное должно
Тогда быть цѣлью подвиговъ моихъ.
Но для меня, Сирь, для меня имѣть
Здѣсь добродѣтель собственную цѣну.
То счастье, что монархъ моей рукой
Посѣть, самъ бы создалъ я, и радость
И счастье добровольнаго труда
Я-бъ ощущалъ, а не сознанье долга.

А вы, того-ль хотите? — Вы могли бы
Другихъ творцовъ терпѣть въ своемъ созданьи?
И мнѣ-ли сдѣлаться рѣзцомъ послушнымъ,
Гдѣ я бы самъ ваятелемъ быть могъ?
Я человѣчество люблю, — у васъ же
Я люблю себя лишь одного.

КОРОЛЬ.

Въ васъ этотъ жаръ похваленъ. Вы хотите
Добро здѣсь дѣлать. *Какъ* бы вы его
Здѣсь стали дѣлать, патріоту
И мудрецу до этого нѣтъ дѣла.
Даю самимъ вамъ постъ любой на выборъ
Въ любомъ изъ королевствъ моихъ, гдѣ-бъ вы
Могли прекрасное стремленье это
На дѣлѣ выказать.

МАРКИЗЪ.

Не нахожу
Ни одного я.

КОРОЛЬ.

Какъ такъ?

МАРКИЗЪ.

То, что ваше

Величество моей рукой свершите —

То счастье-ль, полно? То ли это счастье,

Какого чистая моя любовь

Желала-бъ людямъ? Передъ этимъ счастьемъ

На васъ корона-бъ задрожала — Нѣтъ!

Другое счастье создали вы ловко

И щедро имъ дарите вы людей,

Чтобъ усыплять въ нихъ вредные порывы.

.....

.....

Меня не избирайте, государь,

Быть раздавателемъ такого счастья:

Я не могу Филиппа быть слугою.

КОРОЛЬ.

(быстро)

Вы протестантъ.

МАРКИЗЪ.

(посль нѣкотораго размышленія)

Сирь, ваша вѣра

Есть также и моя.

(посль нѣкотораго молчанія)

Я ложно понять.

Вотъ этого я только и боялся.

Вы видите, какъ я снимаю съ власти

Всѣ тайные покровы, и вамъ страшно,

Что для меня теперь не свято то,

Чего страшиться пересталъ я. Вреденъ

Я потому, что мыслилъ о себѣ.

Нѣтъ, я не вреденъ, государь. Мои
Желанья тлѣютъ здѣсь, и умираютъ.
(прикладывая руку къ сердцу)

Смѣшная эта страсть нововведеній, —
Которая, цѣпей не разбивая,
Ихъ тяжесть только умножаетъ, — *миль*
Не распаляетъ крови. Вѣкъ щедушный
Не вызрѣлъ для моихъ прекрасныхъ идеаловъ;
Я гражданинъ грядущихъ поколѣній.
Картина можетъ ли смутить покой вашъ?
Дохнете вы, и нѣтъ ея.

КОРОЛЬ.

Я первый
Узналъ васъ съ этой стороны?

МАРКИЗЪ.

Вотъ съ этой —
Да!

КОРОЛЬ.

(встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и, остановясь передъ
маркизомъ, про себя)

Новъ по-крайней-мѣрѣ этотъ тонъ!
Лестъ истощается, а подражанье
Для умной головы несносно... Средство
Противное, быть можетъ... Почему же?
Внезапность счастье ловить. Если такъ,
То я вамъ предложу другое мѣсто,
Гдѣ сильный духъ...

МАРКИЗЪ.

Я слышу, Сирь, какое
Ничтожное, пустое вы понятие
Имѣете о людяхъ; даже въ вольной рѣчи
Вы видите льстеца, уловку только,

И, какъ мнѣ кажется, я знаю, кто
Къ тому васъ принуждаетъ. Люди, люди
Принудили къ тому васъ: добровольно
Они себя лишили благородства,
Всѣхъ лучшихъ качествъ сердца, добровольно
На этой низкой степени себя
Поставили. Они бѣгутъ въ испугѣ
Отъ призрака величья своего;
Довольные судьбою, украшаютъ
Свои оковы подлымъ резонерствомъ,
И добродѣтелью зовется въ свѣтѣ
Носить прилично ихъ. Такъ приняли вы свѣтъ,
Такъ онъ и вашему отцу достался.
Ну какъ въ такомъ печальномъ искаженьи,
Ну какъ вамъ было уважать людей?

КОРОЛЬ.

Тутъ, можетъ-быть, есть нѣсколько и правды.

МАРКИЗЪ.

Но вотъ что жаль! Изъ Божіихъ созданій
Въ свои созданья обративъ людей,
И этимъ вновь созданнымъ креатурамъ
Себя давъ богомъ — вы не досмотрѣли
Бездѣлки лишь: что сами человѣкомъ
Остались, человѣкомъ Божьихъ рукъ.
Вы просите сочувствій, а предъ Богомъ
Лишь можно жертвовать — молиться — трепетать!
Обмѣнъ ужасный! Жалкое увѣчье
Божественной природы. Человѣка
Вы сдѣлали лишь клавишью своею —
Кому-жъ созвучьемъ съ вами подѣлиться?

КОРОЛЬ.

(Клянусь, онъ проникаетъ въ душу мнѣ!)

МАРКИЗЪ.

.....
..... Прошу васъ —
Позвольте мнѣ уйти, Сиръ. Я увлекся
Предметомъ. Духъ мой переполненъ — слишкомъ
Заманчиво стоять передъ единымъ
И говорить съ нимъ смѣло глазъ на глазъ.

*(графъ Лерма входитъ и говоритъ тихо съ королемъ. Тотъ
даетъ ему знакъ удалиться и остается на своемъ мѣстѣ въ
прежнемъ положеніи)*

КОРОЛЬ.

(маркизу, когда Лерма вышелъ)

Договорите.

МАРКИЗЪ.

(послѣ минутнаго молчанія)

Сиръ, я чувствую всю цѣну...

КОРОЛЬ.

Окончите. Вы болѣе сказать
Хотѣли.

МАРКИЗЪ.

Сиръ! Я только возвратился
Изъ Фландріи и изъ Брабанта.
Что за цвѣтушія провинціи такія!
Могучій, честный все народъ — все добрый,
Прямой народъ — и быть отцомъ такого
Народа — какъ божественно, какъ свято,
Невольно я подумалъ, — и наткнулся
На обгорѣлыя людскія кости...

*(онъ останавливается; глаза его устремляются на короля,
который пытается выдержать взглядъ этотъ, но смущен-
ный потупляетъ взоры)*

Вы правы. Вы должны. Что въ состояньи
Вы то свершить что кажется вамъ долгомъ
На дѣлѣ видѣлъ я и содрогался.

О, жаль, что жертвы, плавая въ крови,
Своимъ жрецамъ воспѣть хвалы немогутъ,
Что люди лишь, не духи высшихъ сферъ,
Всемирную исторію здѣсь пишутъ.
Филиппа вѣкъ смѣняютъ вѣка другія.
Родится мудрость кроткая, и счастье
Гражданъ въ согласьи съ тронъ уживется.
Престоль народомъ будетъ дорожить
И укротить свой мечъ необходимость.

КОРОЛЬ.

Такъ вы увѣрены, что если придутъ
Такіе кроткіе вѣка, надъ мною
Обрушится ихъ грозное проклятье.
Но поглядите на мою Испанью:
Здѣсь всѣ живутъ въ безоблачномъ покоѣ,
И этотъ-то покой даю я Нидерландамъ.

МАРКИЗЪ.

(скоро)

Покой кладбища! Какъ? И вы дерзнете
Окончить то что начали? дерзнете
Остановить перерожденъе міра,
Остановить всеобщую весну,
Которая весь міръ помолодитъ.

.....
..... Тысячи
Бѣжали ужъ изъ вашихъ государствъ,
И пострадавшій гражданинъ за вѣру
Былъ лучший гражданинъ. Въ свои объятья
Ихъ принимаетъ всѣхъ Елизавета,
И нашими искусствами цвѣтетъ
Британія. Безъ новыхъ христіанъ,
Безъ ихъ труда Гренада опустѣла,

И съ злобной радостью Европа смотреть
Какъ врагъ ея отъ своеручныхъ ранъ
Въ изнеможеньи кровью истекаетъ.

(король взволнованъ; маркизъ замѣчаетъ это и подходитъ ближе)

Для вѣчности хотите вы садить
И смерть лишь сѣете?

. Одной

Неблагодарности вы дань копили.

Напрасно вы боролися съ природой,

Напрасно всею царственною жизнью

Пожертвовали планамъ разрушенья.

.

.

Они съ Нерономъ, Бузирисомъ васъ

Поставятъ рядомъ — а мнѣ больно это —

Вѣдь отъ природы вы добры.

Король.

Кто-жь васъ

Въ томъ такъ увѣрилъ?

Маркизъ.

Да! клянусь Всевышнимъ!

Да — да — я смѣло повторяю это.

Отдайте намъ чего вы насъ лишили!

Съ великодушьемъ сильнаго позвольте

Излиться счастию на насъ обильно —

Умамъ созрѣть въ державахъ вашихъ. Дайте

Намъ то назадъ, чего вы насъ лишили!

И сдѣлайтесь монархомъ изъ монарховъ!

(смѣло подходитъ къ нему и устремляетъ на него пристальный, огненный взглядъ)

О, еслибъ краснорѣчье цѣлыхъ тысячъ,
Причастныхъ часа этаго, могло
Изъ устъ моихъ потоками излиться
И лучъ, мерцающій во взорѣ этомъ,
Раздуть въ широкій пламень! Отженитесь
Отъ неестественныхъ боготвореній,
Уничтожающихъ насъ только. Будьте
Намъ образцомъ высокаго, святаго!
О никогда, никто изъ человѣковъ
Не обладалъ столь многимъ для того
Чтобъ такъ божественно раздать. Монархи
Европы всей признали вашу силу.
Пойдите-жь во главѣ царей Европы!
Перомъ черкнуть вамъ стоитъ, и земля
Обновлена.

(бросается къ ногамъ его)

КОРОЛЬ.

*(озадаченный отворачивается, но вскорѣ снова устремляетъ
взглядъ на маркиза)*

Станный вы мечтатель!

Но встаньте — встаньте — я...

МАРКИЗЪ.

О, оглянитесь

На эту чудную природу! На свободѣ
Она созиждена — и какъ богата
Она свободой! Онъ, великій Зодчій,
Червя въ росинкѣ терпитъ; Онъ даетъ
И въ самыхъ мертвыхъ капищахъ истленья
Большую волю произволу. — Вы же?...
Какъ бѣдно, тѣсно дѣло вашихъ рукъ!
Листка нежданный шорохъ васъ пугаетъ,

Владыку христіанства. — Трепетать
Предъ каждой добродѣтелью должны вы.
А Онъ? — изъ нежеланья повредить
Свободы усладительнымъ явленьямъ, —
Онъ дозволяетъ лучше бушевать
Всѣмъ легіонамъ страшныхъ золь
Въ своей Вселенной — въ ней Его,
Художника, и не примѣтишь. Скромно
Себя Онъ скрылъ въ законахъ, имъ созданныхъ.
Ихъ видитъ вольнодумецъ, не *Его*.
Нѣтъ Бога, говоритъ онъ: въ мірѣ все!
И ни одинъ изъ христіанъ не можетъ
Ему воздать достойнѣйшихъ хваленій,
Какъ это богохульство вольнодумца.

КОРОЛЬ.

И вы желали-бъ этотъ идеаль
Во всѣхъ моихъ державахъ водворить?

МАРКИЗЪ.

Вы, вы лишь это можете. Кто-жь больше?

.....
.....

Тогда вы только въ правѣ, государь
Свѣтъ покорять себѣ...

КОРОЛЬ.

(*послѣ долгаго молчанія*)

Я вамъ позволилъ

Договорить все до конца... Иначе, —

Я понимаю это, — чѣмъ въ другихъ умахъ,

У васъ въ умѣ рисуются предметы.

Подъ мѣрку общую я не хочу

Васъ ставить. Я былъ первый, передъ кѣмъ

Такъ откровенно сердце вы излили.

Я вѣрю этому, зятѣмъ что знаю.
И потому зато, что эти мнѣнья,
Хотя они и пламенны и рѣзки,
До-сихъ поръ вы скрывали... ради этой
Предусмотрительности скромной, я
Хочу забыть, что я, я самъ узналъ ихъ,
И какъ узналъ ихъ! Встаньте. Я хочу
Неопытнаго юношу, какъ старецъ,
Не какъ король судить. И я хочу,
Затѣмъ что такъ угодно мнѣ. Вотъ такъ-то
Въ благоустроенныхъ натурахъ ядъ
Принять видъ лучшаго чего-то можетъ.
Не бойтесь инквизиціи!... Мнѣ будетъ
Жаль...

МАРКИЗЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? точно будетъ?...

КОРОЛЬ.

Я

Еще не зналъ такого человѣка.
Нѣтъ, нѣтъ, маркизъ! вы слишкомъ уже строги!
Я не хочу Нерономъ быть здѣсь! Нѣтъ,
Я не хочу... для васъ я не хочу.
Не всякое блаженство у меня
Черствѣетъ. Вы, вы сами на глазахъ
Моихъ должны остаться человѣкомъ.

МАРКИЗЪ.

(скоро)

Но братья, Сиръ, мои?... О! не о мнѣ
Шла рѣчь, не о себѣ я хлопоталъ.
Но ваши подданные, Сиръ?

КОРОЛЬ.

И если вамъ такъ хорошо извѣстно,

Какъ обо мнѣ судить потомство будетъ,
То пусть оно на васъ самихъ увидитъ
Какъ обойдтись умѣлъ я съ человѣкомъ,
Когда нашолъ его.

МАРКИЗЪ.

О! самый справедливый
Изъ всѣхъ монарховъ, да не станетъ разомъ
Несправедливѣйшимъ изъ нихъ... У васъ
Во Фландріи есть милліоны лучшихъ,
Чѣмъ я. Но только вы — осмѣлюсь ли
Въ томъ прямо вамъ признаться, Государь —
Вы въ первый только разъ теперь узнали
Подъ этимъ кроткимъ образомъ — свободу.

КОРОЛЬ.

(съ смягченною важностію)

Ни слова болѣе!... Я знаю,
Вы перемѣните свой образъ мыслей,
Когда, какъ я, узнаете людей...
Но мнѣ бы не хотѣлось видѣть васъ
Въ послѣдній разъ. Какъ мнѣ начать, скажите,
Чтобъ привязать къ себѣ васъ?

МАРКИЗЪ.

Сирь, оставьте
Меня какъ есть. Чѣмъ былъ бы я для васъ,
Когда-бъ меня вы подкупили?

КОРОЛЬ.

Нѣтъ!

Не потерплю я гордости такой.
Вы у меня на службѣ съ этихъ поръ...
Безъ возраженій! Я хочу того.

(помолчавъ)

Но что-жь? чего-жь хотѣлъ я? Правды,

Вѣдь кажется, хотѣлъ я? И нашолъ
Немного больше даже... Вы, маркизь,
Меня изобразили на престолѣ,
Но не въ кругу домашнемъ...

(замѣтивъ, что маркизь нерѣшительно на него смотритъ)

Понимаю
Но если я изъ всѣхъ отцовъ на свѣтѣ
Несчастнѣйшій, то развѣ мнѣ нельзя ужь
Быть счастливымъ супругомъ?

МАРКИЗЪ.

Если
Надежды полный сынъ и обладанье
Прелестною супругою даютъ
Здѣсь человѣку право на блаженство,
То вы счастливѣйшій отецъ на свѣтѣ,
Счастливѣйшій супругъ.

КОРОЛЬ.

(мрачно)

Нѣтъ, нѣтъ!

И что несчастливъ я, я никогда
Того не чувствовалъ такъ живо, сильно
Какъ вотъ теперь...

(съ нѣкоторою горестью смотря на маркиза)

МАРКИЗЪ.

Принцъ мыслить благородно
И здраво. Никогда я принца
Не зналъ другимъ.

КОРОЛЬ.

А я узналъ... Чтò онъ
Похитилъ у меня, того ничто,
Того короны всѣ не замѣнятъ...
Такую рѣдкую жену!

МАРКИЗЪ.

Кто это

Осмѣлится?...

КОРОЛЬ.

Кто? Свѣтъ! людскіе толки!

Я самъ!... Вотъ здѣсь улики, что ее

Невозвратимо, страшно осуждаютъ;

Другія есть еще, къ которымъ я

Боюсь и приступиться... Но, маркизъ,

Мнѣ тяжело, тяжело объ одномъ подумать:

Кто обвинилъ ее?... Когда она,

Она сама могла такъ низко пасть,

Такъ какъ же тутъ скорѣй не усумниться,

Что Эболи безсовѣстно клевететь?

Развѣ монахъ ея не ненавидитъ?

И Альба къ принцу местию не дышетъ?

Моя жена дороже мнѣ ихъ всѣхъ.

МАРКИЗЪ.

Сиръ,

И въ сердцѣ женщины зарыто нѣчто,

Что выше всѣхъ и толковъ и злорѣчій:

То добродѣтель женская.

КОРОЛЬ.

Маркизъ,

Я то же думаю. Какъ ни шипи

Они, а такъ ужасно, низко пасть

Не такъ легко! Не такъ легко, маркизъ,

Какъ тамъ они меня ни увѣрай,

Святыя узы чести разорвать.

Маркизъ, вы глубоко людей постигли.

Давно не доставалъ мнѣ человѣкъ

Такой, какъ вы. Вы добры, вы пріятны

И знаете людей, и потому
Я васъ избралъ...

МАРКИЗЪ.

(озадаченный, испуганный)

Меня, Сирь?

КОРОЛЬ.

Вы стояли

Передъ своимъ монархомъ и себѣ

Не испросили ровно ничего.

Мнѣ это ново... Прямы, справедливы

Вы будете. Страсть вашихъ смѣлыхъ взоровъ

Не помрачить... Войдите въ связи съ принцемъ,

Узнавайте сердце, мысли королевы.

Я дамъ вамъ полномочье съ нею быть

Наединѣ. Теперь меня оставьте.

(дергаетъ за колокольчикъ)

МАРКИЗЪ.

Если

Отъ васъ уйду я хоть съ *одной* надеждой

Исполненной, то этотъ день мнѣ будетъ

Прекраснѣйшимъ днемъ въ жизни.

КОРОЛЬ.

(протягиваетъ ему руку къ поцѣлу)

Вѣрьте,

Онъ непотерянный и для меня.

(маркизъ встаетъ и удаляется. Графъ Лерма входитъ)

Маркиза Позу допускать ко мнѣ

Впередъ безъ всякаго доклада.

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЪ.

—

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Зала у королевы.

КОРОЛЕВА. ГЕРЦОГИНЯ ОЛИВАРЕЦЪ. ПРИНЦЕССА
ЭБОЛИ. ГРАФИНЯ ФУЭНТЕСЪ и другія дамы.

КОРОЛЕВА.

(къ гофмейстеринь, вставая)

Такъ ключъ пропалъ? Необходимо будетъ

Мнѣ разломать шкатулку, и сейчасъ...

*(замъчая принцессу Эболи, которая къ ней подходитъ и
цѣлуетъ руку)*

Привѣтствую васъ, милая принцесса!

Я рада, что вы стали поправляться...

Блѣдны еще вы, правда...

ФУЭНТЕСЪ.

(немного лукаво)

Злая лихорадка

Такъ сильно дѣйствуетъ на наши нервы!
Не правда-ли, принцесса?

КОРОЛЕВА.

Очень, очень

Я навѣстить васъ, милая, желала,
Но, сами знаете, не смѣла.

ОЛИВАРЕЦЪ.

Въ посѣщеньяхъ

Принцесса не терпѣла недостатка,
Ваше величество.

КОРОЛЕВА.

Охотно вѣрю...

Что съ вами? Вы дрожите.

ЭБОЛИ.

Ничего,

Пройдетъ, ваше величество. Прошу васъ,
Позвольте мнѣ уйти.

КОРОЛЕВА.

Принцесса, вы,
Отъ насъ скрываетесь; больнѣе вы
Чѣмъ увѣрять хотите? И стоять
Совсѣмъ не можете. Графиня, помогите
Ей сѣсть на этотъ табуретъ.

ЭБОЛИ.

Мнѣ будетъ
На воздухѣ полегче.

(удаляется)

КОРОЛЕВА.

Потрудитесь

За ней пойти, графиня. О, какой
Припадокъ!

(входитъ пажъ и тихо говоритъ съ герцогиней, которая по-
томъ обращается къ королеву)

ОЛИВАРЕЦЪ.

Маркизь Поза, ваше
Величество. Онъ присланъ къ вамъ нарочно
Его величествомъ.

КОРОЛЕВА.

Я жду его.

(пансъ уходитъ и отворяетъ маркизу двери)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

МАРКИЗЪ ПОЗА. ПРЕЖНІЯ.

*(Маркизь преклоняетъ колено предъ королевой; она даетъ
ему знакъ встать)*

КОРОЛЕВА.

Какой приказъ отъ государя вы
Ко мнѣ приносите? Могу-ль его
При всѣхъ я...

МАРКИЗЪ.

Я имѣю порученье
Лишь къ вашему величеству однѣмъ.

(по знаку королевы дамы удаляются)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЕВА. Маркизь Поза.

КОРОЛЕВА.

(съ удивленіемъ)

Какъ? вѣрить ли глазамъ своимъ, маркизь?

Вы присланы ко мнѣ отъ короля?

МАРКИЗЪ.

Чтожь вашему величеству тутъ странно?

КОРОЛЕВА.

Конечно, странно! Вѣрно, сбился свѣтъ

Съ пути. Вы и король — я признаюсь...

МАРКИЗЪ.

Такими-ль чудесами наше время

Чревато, государыня!

КОРОЛЕВА.

Скажите-жь,

Какими, напримѣръ?

МАРКИЗЪ.

Положимъ,

Я наконецъ, себя далъ обратить:

Наскучило мнѣ при дворѣ Филиппа

Играть роль чудака! Что-жь изъ того?

Кто хочетъ быть полезнымъ людямъ, долженъ

Сперва стараться сдѣлаться имъ равнымъ.

Къ чему счастливая одежда секты?

Положимъ, — кто-жь свободенъ отъ тщеславья? —

Положимъ, я для своего ученья

Ищу приверженцевъ... ищу, положимъ,

Ну хоть на тронѣ.

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, маркизъ!

И даже въ шутку не хочу я вѣрить,
Чтобъ вы такимъ незрѣлымъ помышленьямъ
Могли предаться. Вы вѣдь не мечтатель,
Вы не предпримете чего-нибудь,
Чего бы не надѣялись окончить.

МАРКИЗЪ.

Какъ знать?

КОРОЛЕВА.

Скорѣй повѣрю я, маркизъ, —
Что, впрочемъ, въ васъ меня бы удивило,
Что вы... что вы...

МАРИКЗЪ.

Двуличенъ? Можетъ-быть

КОРОЛЕВА.

Не прямы ужъ по-крайней-мѣрѣ. Только
Король, ужъ вѣроятно, не за тѣмъ
Васъ избралъ въ вѣстники своихъ вельній,
Чтобъ въ нихъ я отказала.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ.

КОРОЛЕВА.

Но развѣ

Благое дѣло можетъ благородить
Дурныя средства? Можетъ, — вы простите
Мнѣ эти всѣ сомнѣнья, — ваша гордость
Согласоваться съ должностью подобной?
Не думаю.

МАРКИЗЪ.

Я также, еслибъ дѣло
О томъ шло, какъ-бы обмануть монарха,

Я не хочу того. Хочу, напротивъ,
Служить ему и ревностнѣй и больше,
Чѣмъ самъ онъ поручилъ мнѣ.

КОРОЛЕВА.

Въ этомъ снова
Я узнаю васъ. Но довольно! Что
Онъ дѣлаетъ?

МАРКИЗЪ.

Король? Какъ кажется,
Я очень скоро буду отомщенъ
За эту строгость вашихъ замѣчаній.
Я не спѣшу рассказывать, а вы
Гораздо менѣе спѣшите слушать.
Но все же слушать надобно. Король
Ваше величество покорно проситъ
Посланника французскаго двора
Не принимать сегодня. Вотъ что мнѣ
Поручено сказать вамъ. Я окончилъ.

КОРОЛЕВА.

И это все, что вы отъ короля
Мнѣ сообщить имѣли?

МАРКИЗЪ.

Все почти,
Что поводомъ мнѣ служить быть у васъ.

КОРОЛЕВА.

Я откажусь, маркизъ, отъ любопытства
Знать то, что, можетъ-быть, мнѣ тайной должно...

МАРКИЗЪ.

Да, должно, королева. Правда, еслибъ
Вы не были *вы* сами, я не медля,
Кой-о-какихъ вещахъ вамъ рассказалъ бы,
Кой-отъ-кого бы васъ предостерегъ...

Но съ вами этаго не нужно. Пусть
Опасности восходятъ и заходятъ
Надъ вами, вамъ объ нихъ не должно знать.
Все это мелко, низко, недостойно
Того, чтобъ отгонять сонъ золотой
Отъ ангельскихъ очей. И не за этимъ
Пришолъ я къ вамъ. Принцъ Карлосъ...

КОРОЛЕВА.

Какъ его

Здоровье?

МАРКИЗЪ.

Онъ живетъ здѣсь, какъ мудрецъ,
Которому вѣняють въ преступленье
Служенье истинѣ, но въ состояньи
Любви своей пожертвовать собою,
Какъ истинѣ мудрецъ. Я мало словъ
Принесъ о немъ — но здѣсь весь Карлосъ самъ.

(передаетъ королеву письмо)

КОРОЛЕВА.

(прочитавъ)

Онъ пишетъ, что ему свиданье нужно.

МАРКИЗЪ.

Я тоже думаю.

КОРОЛЕВА.

Но будетъ-ли

Онъ счастливъ, оттого когда увидить,
Что я сама несчастна?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ — но взглядъ вашъ
Ему рѣшительность и смѣлость возвратить.

КОРОЛЕВА.

Какъ это?

МАРКИЗЪ.

Герцогъ Альба ужъ назначень
Во Фландрію.

КОРОЛЕВА.

Назначень — слышала.

МАРКИЗЪ.

Король ужъ ни за-что не перемѣнитъ.
Мы знаемъ короля. Но ясно также,
Что оставаться здѣсь не долженъ Карлосъ...
Не долженъ ни за-что, теперь подавно...
Притомъ и Фландріи нельзя-жъ погибнуть.

КОРОЛЕВА.

Не знаете-ль вы средствъ помочь бѣдѣ?

МАРКИЗЪ.

Быть-можетъ. Только это средство страшно,
Какъ и сама опасность; смѣло, дерзко,
Какъ и отчаянье. Другаго я
Не знаю.

КОРОЛЕВА.

Назовите мнѣ его.

МАРКИЗЪ.

Вамъ, вамъ одной-лишь только я дерзаю
Открыть его. Отъ васъ лишь только Карлосъ
Его безъ отвращенья можетъ слышать... Носить,
Оно немного-жосткое названье...

КОРОЛЕВА.

Бунтъ?

МАРКИЗЪ.

Долженъ онъ послушаться Филиппа,
Онъ долженъ въ Брюссель тайно удалиться,
Гдѣ ждутъ его Фламандцы съ нетерпѣньемъ.
На зовъ его возстанутъ Нидерланды.

Сильнѣй ихъ дѣло станетъ съ царскимъ сыномъ.
Пусть онъ оружіемъ въ трепетъ приведетъ
Престолъ испанскій. Въ чемъ ему въ Мадритѣ
Отецъ всегда отказывалъ, на то
Онъ согласится въ Брюсселѣ.

КОРОЛЕВА.

Вы нынче
Съ нимъ видѣлись, и это ваше мнѣнье?

МАРКИЗЪ.

Да, оттого, что видѣлся съ нимъ нынче.

КОРОЛЕВА.

(послѣ нѣкотораго молчанія)

Вашъ планъ, я признаюсь, меня пугаетъ
И нравится мнѣ вмѣстѣ. Но я вижу,
Что правы вы. Смѣла идея ваша,
И потому то, думаю, она
И нравится мнѣ такъ. Хочу ее
Я вынянчить сперва. А знаетъ принцъ
О ней?

МАРКИЗЪ.

Хотѣлось мнѣ, чтобъ онъ услышалъ
Ее изъ вашихъ устъ впервые.

КОРОЛЕВА.

Правда!

Идея велика. Когда бы только
Не молодость его...

МАРКИЗЪ.

Что нужды!

Тамъ онъ найдетъ Оранскаго, Эгмонта,
Все Карла-Пятаго вождей искусныхъ,
Въ совѣтѣ столь-же мудрыхъ, какъ и страшныхъ
На полѣ битвы.

КОРОЛЕВА.

(съ живостію)

Да, идея велика,
Прекрасна! Принцъ такъ долженъ поступить.
Я живо это чувствую. Та роль,
Что здѣсь въ Мадритѣ онъ играть обязанъ,
Мнѣ за него мучительна. Ему
Я Францію заранѣ обѣщаю,
Савойю также. Съ вами совершенно
Согласна я маркизъ: Донъ-Карлосъ долженъ,
Онъ долженъ дѣйствовать. Но вѣдь на это
Понадобятся деньги.

МАРКИЗЪ.

И они

Готовы.

КОРОЛЕВА.

Это ужъ моя забота.

МАРКИЗЪ.

Такъ я могу надѣяться на ваше
Свиданье?

КОРОЛЕВА.

Я подумаю.

МАРКИЗЪ.

Донъ-Карлосъ,
Ваше величество, отвѣта просить.
А я его увѣрилъ, что съ пустыми
Руками я къ нему не возвращусь.

(подавая королеву свою записную книжку)

Двухъ строкъ пока довольно...

КОРОЛЕВА.

(окончивъ писать)

Съ вами я
Увижусь?

МАРКИЗЪ.

Всякій разъ, какъ только вы
Прикажете.

КОРОЛЕВА.

Какъ только прикажу я?
И всякій разъ, какъ только прикажу?...
Маркизъ! Какъ понимать должна я это?

МАРКИЗЪ.

Какъ только можете безпечнѣй. Намъ
Дана эта свобода... и довольно...
Для государыни моей довольно.

КОРОЛЕВА.

Какъ буду рада я, маркизъ, когда
Хоть этотъ выходъ будетъ у свободы,
И чрезъ него. Такъ положитесь
На все участие скромное мое...

МАРКИЗЪ.

(съ жаромъ)

О, я увѣренъ былъ, меня поймутъ здѣсь...

ГЕРЦОГИНЯ ОЛИВАРЕЦЪ

(показывается въ дверяхъ)

КОРОЛЕВА.

(холодно къ маркизу)

Что государь мой мнѣ повелѣваетъ,
То я вмѣню себѣ въ законъ. Ступайте
Въ покорности моей его увѣрить.

(даетъ ему знакъ. Маркизъ уходитъ)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Галерея.

ГЕРЦОГЪ ЛЕРМА. ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

КАРЛОСЪ.

Намъ здѣсь не помѣшаютъ. Что угодно
Вамъ мнѣ открыть?

ЛЕРМА.

Ваше высочество
Здѣсь при дворѣ имѣли друга.

КАРЛОСЪ.

(озадаченный)

Друга?

Что этимъ вы сказать хотите, графъ?

ЛЕРМА.

Такъ я у васъ просить прощенья долженъ,
Что болѣе узналъ, чѣмъ было нужно.
Однако-жь, чтобы успокоить ваше
Высочество, скажу, что я изъ вѣрныхъ
Рукъ знаю это, словомъ отъ себя.

КАРЛОСЪ.

О комъ же говоримъ мы?

ЛЕРМА.

О маркизѣ Поза...

КАРЛОСЪ.

Ну?

ЛЕРМА.

Если вы, ваше высочество

Ему открыли больше, нежели каждый
Знать можетъ, какъ я сильно опасаюсь...

КАРЛОСЪ.

Что? Какъ вы опасаетесь?

ЛЕРМА.

Онъ былъ

У короля.

КАРЛОСЪ.

О!

ЛЕРМА.

Два часа, мой принцъ,
И въ очень тайномъ разговорѣ.

КАРЛОСЪ.

Право?

ЛЕРМА.

Рѣчь шла не о бездѣлицѣ у нихъ.

КАРЛОСЪ.

Я думаю.

ЛЕРМА.

И ваше имя, принцъ,
Я часто слышалъ.

КАРЛОСЪ.

Я надѣюсь, въ этомъ
Нѣтъ ничего дурнаго.

ЛЕРМА.

Также утромъ
Сегодня въ спальнѣ королевы было
Загадочно говорено о ней.

КАРЛОСЪ.

(испуганный отступаетъ)

Графъ Лерма!

ЛЕРМА.

Не успѣлъ уйдти маркизь,
Какъ мнѣ король изволилъ приказать
Его впускать впредь безъ доклада.

КАРЛОСЪ.

Это

Ужъ вправду много.

ЛЕРМА.

Безпримѣрно, принцъ,
Съ-тѣхъ-поръ какъ я служу монарху.

КАРЛОСЪ.

Много!

Ужасно много!... Но скажите, какъ же
Говорено о королевѣ было?

ЛЕРМА.

(отступая)

Нѣтъ, принцъ,
Нѣтъ! это противъ долга моего.

КАРЛОСЪ.

Какъ странно! объ одномъ мнѣ говорите,
А о другомъ скрываете!

ЛЕРМА.

Одно

Я долженъ вамъ, другое королю.

КАРЛОСЪ.

Вы правы.

ЛЕРМА.

Правда, я всегда маркиза
Зналъ честнымъ человѣкомъ.

КАРЛОСЪ

Стало-быть,

Его вы знали очень хорошо, графъ Лерма.

ЛЕРМА.

Но добродѣтель всякая чиста
До часу испытанья.

КАРЛОСЪ.

Правда, правда.

ЛЕРМА.

А милость короля, по моему,
Чего-нибудь да стоитъ.

КАРЛОСЪ.

О, конечно!

ЛЕРМА.

И иногда полезнѣе бываетъ
Заранѣе пойти открыть все то,
О чемъ умалчивать уже опасно.

КАРЛОСЪ.

Конечно! Но вы говорите сами,
Что знали Позу честнымъ человѣкомъ?

ЛЕРМА.

Когда онъ и теперь все также честенъ,
Его не сдѣлаютъ мои сомнѣнья худшимъ,
Для васъ же, принцъ, здѣсь выигрышъ двойной.

(хочетъ идти)

КАРЛОСЪ.

(растроганный, идетъ за нимъ и жметъ ему руку)

Тройной, достойный человѣкъ! Я вижу
Себя богаче другомъ, и не стоитъ
Мнѣ это прежняго.

(Лерма уходитъ)

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

МАРКИЗЪ ПОЗА (*идетъ по галлерей*). ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

МАРКИЗЪ.

Донъ-Карлосъ!

КАРЛОСЪ.

Кто тутъ?

Ахъ, это ты! Какъ кстати! Я спѣшу
Въ нашъ монастырь. Смотри же, приходи
Туда скорѣе.

МАРКИЗЪ.

Только двѣ минуты...

Постой.

КАРЛОСЪ.

А если насъ съ тобой застанутъ.

МАРКИЗЪ.

Не бойся. Я тебя не задержу.
Отъ королевы...

КАРЛОСЪ.

Ты у короля былъ,
Я слышалъ?

МАРКИЗЪ.

Да. Онъ призывалъ меня.

КАРЛОСЪ.

(*въ ожиданіи*)

Ну?

МАРКИЗЪ.

Все обдѣлано. Ее увидишь.

КАРЛОСЪ.

Но что-жь король? Чего хотѣлъ король?

МАРКИЗЪ.

Король? Да ничего почти... Одно
Лишь любопытство знать, кто я... Друзей
Непрошенныхъ прислужливость и только.
Кто знаетъ ихъ? Онъ предлагалъ мѣста мнѣ.

КАРЛОСЪ.

Но ты отъ нихъ, конечно, отказался?

МАРКИЗЪ.

Ужъ разумѣется.

КАРЛОСЪ.

А какъ разстались вы?

МАРКИЗЪ.

Порядочно.

КАРЛОСЪ.

А обо мнѣ ни слова?

МАРКИЗЪ.

Какъ о тебѣ? Ну, да... такъ вообще.

(вынимаетъ бумажникъ и подаетъ его принцу)

Вотъ здѣсь покуда нѣсколько лишь строчекъ
Отъ королевы. Завтра я узнаю
Гдѣ и когда

КАРЛОСЪ.

*(читаетъ разсѣянно, прячетъ записную книжку и хочетъ
идти)*

Такъ у пріора мы
Съ тобой увидимся.

МАРКИЗЪ.

Да погоди же!

Куда спѣшишь? Никто нейдетъ вѣдь.

КАРЛОСЪ.

(съ принужденною улыбкой.)

Право, мы

Перемѣнились ролями съ тобою.
Ты нынче удивительно какъ смѣлъ.

МАРКИЗЪ.

Зачѣмъ же нынче?

КАРЛОСЪ.

Что же королева

Мнѣ пишетъ?

МАРКИЗЪ.

Такъ еще ты не прочелъ?

КАРЛОСЪ.

Я? Да, и въ самомъ дѣлѣ.

МАРКИЗЪ.

Что съ тобою?

Что у тебя на сердцѣ?

КАРЛОСЪ.

(читаетъ въ другой разъ съ восхищеніемъ и жаромъ)

Ангель Неба!

Да, я хочу быть... я хочу тебя
Достойнымъ быть... Великія сердца
Растутъ въ любви взаимной. Будь, что будетъ!
Когда ужъ ты велишь, я повинуюсь.
Она мнѣ пишетъ, чтобы я готовъ былъ
На важную рѣшимость. Что же этимъ
Она сказать мнѣ хочетъ? Ты не знаешь?

МАРКИЗЪ.

Хотя-бъ и зналъ, ты Карлосъ, въ состояньи-ль
Сегодня выслушать меня?

КАРЛОСЪ.

Тебя

Я оскорбилъ? Я такъ разсѣянъ нынче.
Прости меня!

МАРКИЗЪ.

Разсѣянъ? Отчего же?

КАРЛОСЪ.

Такъ, оттого... да я и самъ не знаю.

Такъ стало-быть, бумажникъ этотъ — мой?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ, несовсѣмъ! Я даже твой хочу

Къ себѣ взять.

КАРЛОСЪ.

Это для чего?

МАРКИЗЪ.

И всѣ

Другія мелочи, что въ третьи руки

Попастъ не могутъ, не должны... Замѣтки,

И письма разныя... короче, твой

Портфель...

КАРЛОСЪ.

Къ чему же?

МАРКИЗЪ.

Такъ, на всякій случай.

Кто поручиться можетъ за внезапность?

А у меня не стануть ихъ искать.

Отдай мнѣ ихъ!

КАРЛОСЪ.

(въ сильномъ безпокойствѣ)

Но, странно! отчего же

Такая вдругъ...

МАРКИЗЪ.

О будь покоенъ, Карлосъ.

Я этимъ ни на что не намекаю.

Клянуся, ничего! Лишь осторожность

Передъ опасностью. Нѣтъ, право я,
Повѣрь мнѣ, не хотѣлъ пугать тебя.

КАРЛОСЪ.

(отдавая ему записную книжку)

Смотри же, береги.

МАРКИЗЪ.

Ужь будь спокоенъ.

КАРЛОСЪ.

(значительно смотритъ на него)

Родригъ! Я много далъ тебѣ.

МАРКИЗЪ.

Но все

Не столько, сколько получилъ ужь я
Отъ дружбы нашей... Такъ о прочемъ тамъ...
Теперь прощай, прощай!

(хочетъ идти)

КАРЛОСЪ.

*(въ сомнѣніи борется съ самимъ собою, наконецъ зоветъ его
назадъ)*

Дай письма мнѣ

Еще разъ перечестъ. Одно письмо,
Которое тогда еще, какъ я
Былъ болѣнъ при смерти, она въ Алкалу
Писала мнѣ. Оно хранится тутъ же.
Его всегда носилъ я на груди.
Мнѣ тяжело разстаться будетъ съ нимъ.
Оставь его мнѣ... только лишь его...
Все прочее возьми, пожалуй.

(вынимаетъ письмо и отдаетъ назадъ записную книжку)

МАРКИЗЪ.

Карлосъ,

Мнѣ очень жаль, но именно вотъ это
Письмо и нужно было мнѣ.

КАРЛОСЪ.

Прощай!

(онъ идетъ медленно и тихо, останавливается на нѣсколько минутъ у дверей, потомъ вдругъ возвращается и отдаетъ маркизу письмо)

Возьми.

(рука его дрожитъ. Слезы выступаютъ на глазахъ; онъ падаетъ на грудь маркиза и прислоняетъ къ ней лицо свое)

Нѣтъ! этого отецъ не можетъ сдѣлать!

Не правда-ль, мой Родригъ! Онъ этого не можетъ?

(быстро уходитъ)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

МАРКИЗЪ.

(въ удивленіи смотритъ за нимъ вслѣдъ)

Возможно-ли? Я, стало-быть, еще

Не зналъ его? Неужли въ сердцѣ Карла

Такой изгибъ могъ скрыться отъ меня?

Не довѣряетъ другу онъ? О, нѣтъ,

Нѣтъ, нѣтъ! о! какъ я золъ!... Что сдѣлалъ онъ,

Что я, изъ слабыхъ слабый, обвиняю

Его? Чѣмъ я клеймлю его, тѣмъ былъ бы

Я самъ... Ему лишь страннымъ показалось...

Вотъ это такъ, вотъ этому я вѣрю.

Онъ скрытностью такою никогда

Предъ другомъ не грѣшилъ! Но онъ страдаетъ!

Я не могу помочь тебѣ, мой Карлосъ;

Твое я сердце долженъ дольше мучить.

Король вѣдь также ввѣрился сосуду,
Куда свою священнѣйшую тайну
Самъ вылилъ; за довѣренность такую
Я долженъ благодарностью ему.
Къ чему бы послужила болтовня,
Когда мое молчанье не приносить
Тебѣ страданій? можетъ-быть еще
Отъ нихъ предохраняетъ? Для чего
Уснувшему показывать на тучу,
Надъ нимъ висящую грозою страшной?
Довольно, если мнѣ удастся тихо
Ее отъ головы твоей отвести,
И ты проснувшись надъ собой увидишь
Лазурное, безоблачное небо.

(уходитъ)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Кабинетъ короля.

КОРОЛЬ *сидитъ въ креслахъ, возлѣ него инфанта*

КЛАРА ЕВГЕНІЯ.

КОРОЛЬ.

(*послѣ спокойнаго молчанія*)

Нѣтъ! Это все же дочь моя. Какъ можетъ
Природа лгать съ такою правдой? Эти
Лазурные глаза — мои глаза!
Въ ея чертахъ я нахожу себя!

Да, ты дитя моей любви. Я жму
Тебя къ груди своей — ты кровь моя!

(вдруг останавливается, пораженный мыслию)

Кровь?

Чего-жь могу я худшаго страшиться?

Мои черты — *его* черты вѣдь также!

*(схватываетъ медальонъ и смотритъ то на портретъ,
то въ зеркало, стоящее напротивъ; наконецъ бросаетъ
медальонъ на полъ, быстро встаетъ и отталкиваетъ
отъ себя инфанту)*

Прочь, прочь! Я въ этой пропасти теряюсь.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ГРАФЪ ЛЕРМА. КОРОЛЬ.

ЛЕРМА.

Ея величество изволили

Пожаловать въ пріемную сейчасъ.

КОРОЛЬ.

Теперь?

ЛЕРМА.

И приказали позволенья

Просить у вашего...

КОРОЛЬ.

Теперь? теперь?

Въ такое время?... Нѣтъ! теперь нельзя,

Нельзя мнѣ съ нею говорить... нельзя!...

ЛЕРМА.

Ея величество ужь здѣсь

(уходитъ)

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Король. Королева (входитъ). Инфанта (бѣжитъ на встрѣчу къ королеви и жметъ къ ней. Королева падаетъ на колѣни предъ королемъ, который молча и въ смущеніи смотритъ на нее)

КОРОЛЕВА.

Супругъ и государь... принуждена я...

Должна у трона вашего искать

Себѣ я правосудья.

КОРОЛЬ.

Правосудья?...

КОРОЛЕВА.

Со мной здѣсь недостойно поступили.

Замѣкъ взломали у шкатулки...

КОРОЛЬ.

Что?

КОРОЛЕВА.

И вещи дорогія для меня

Пропали...

КОРОЛЬ.

Вещи дорогія?... Вамъ?

КОРОЛЕВА.

По своему значенью, что чрезъ дерзость

Непосвященныхъ въ наши тайны можетъ...

КОРОЛЬ.

Значенье... дерзость... но... Да встаньте-жь! встаньте!

КОРОЛЕВА.

Не прежде, мой супругъ, какъ обѣщанье

Вы мнѣ дадите королевской властью

Мнѣ или похитителя представить,
Или смѣнить прислугу, средь которой
Скрывается...

КОРОЛЬ.

Но встаньте-жь, королева!
Въ подобномъ положеньи... встаньте, встаньте!

КОРОЛЕВА.

(встаетъ)

Что онъ изъ знатныхъ долженъ быть, я знаю —
Затѣмъ что жемчугу и брилліантовъ
Въ шкатулкѣ больше чѣмъ на миллионъ
Лежало: онъ же взялъ лишь только письма...

КОРОЛЬ.

Я бы хотѣлъ...

КОРОЛЕВА.

Охотно, мой супругъ.
То были письма вмѣстѣ съ медальономъ
Инфанта.

КОРОЛЬ

Чьи?

КОРОЛЕВА.

Инфанта, мой супругъ,
Донъ-Карлоса.

КОРОЛЬ.

И къ вамъ?

КОРОЛЕВА.

Ко мнѣ.

КОРОЛЬ

Инфанта?

И это *мнѣ* вы говорите? мнѣ?

КОРОЛЕВА.

А почему-жь не вамъ, супругъ мой?

КОРОЛЬ.

Съ этимъ
Лицомъ!

КОРОЛЕВА.

Что это съ вами? Полагаю,
Вы помните еще объ этихъ письмахъ,
Которыя съ согласья двухъ дворовъ,
Донъ-Карлосъ въ Сень-Жерменъ писалъ мнѣ.
Включенъ ли въ это позволенье медальонъ,
Иль своевольно скорая надежда
Ему такую смѣлость придала,—
Объ этомъ я судить теперь не смѣю.
То опрометчивость была, быть можетъ,
Но не проступокъ: потому-что, вѣрно,
Тогда ему на умъ и не впадало,
Что это къ мачихѣ своей...

(замѣчая волненіе короля)

Что это?

Что съ вами?

ИНФАНТА.

(которая, поднявъ между тѣмъ медальонъ съ полу, и поигравъ имъ, подноситъ наконецъ его къ королевы)

Посмотри мамà, картинка!

КОРОЛЕВА.

Что это? мой...

*(узнаетъ медальонъ и останавливается блѣдная, окаменѣлая. Оба смотрятъ другъ на друга неподвижными глазами.
Послѣ долгаго молчанія)*

По правдѣ, государь,
Вы средство точно царское нашли
Испытывать своей супруги сердце.
Но я желала-бъ только васъ спросить...

КОРОЛЬ.

Здѣсь спрашивать прилично только мнѣ.

КОРОЛЕВА.

По крайней мѣрѣ, пусть невинность, сирѣ,
Избавится отъ лишнихъ подозрѣній.

Такъ если это воровство случилось

По вашему приказу...

КОРОЛЬ.

Что-жь тогда?

КОРОЛЕВА.

Тогда

Мнѣ некого винить, и сожалѣть

Мнѣ больше некого какъ только васъ,

Которому супруги не досталось

Такой, чтобъ эти средства впрокъ пошли.

КОРОЛЬ.

Я эти рѣчи знаю. Къ сожалѣнью,

Онѣ меня ужъ больше не обмануть,

Какъ обманули разъ въ Аранжуэцѣ.

О! добродѣтельную королеву,

Которая съ достоинствомъ такимъ

Себя тамъ защищала, я теперь

Узналъ короче!

КОРОЛЕВА.

Это что?

КОРОЛЬ.

И такъ

Сударыня, скорѣе, безъ уловокъ!

Скажите: правда-ль, правда ли еще,

Что вы ни съ кѣмъ тогда не говорили?

Ни съ кѣмъ? Скажите, точно-ль это правда?

КОРОЛЕВА.

Съ инфантомъ тамъ я говорила, да.

КОРОЛЬ.

Да?... Ну, такъ дѣло ясно! очевидно!
Такъ дерзко, такъ безщадно поступить
Съ моею честью!

КОРОЛЕВА.

Съ честью, государь?

Когда за честь свою вы такъ боитесь,
Мнѣ кажется, тутъ бѣлая была
Въ опасности, чѣмъ та, какую мнѣ
Кастилія въ приданое дала.

КОРОЛЬ.

Зачѣмъ же вы тогда мнѣ не признались?

КОРОЛЕВА.

Затѣмъ, что не привыкла, я еще
Чтобъ мнѣ, въ присутствіи всего двора,
Такой судейскій дѣлали допросъ.
Отъ правды я не отклонюсь, когда
Ее попросятъ съ должнымъ уваженьемъ
И добротою у меня. А развѣ такъ,
Ваше величество, въ Аранжуэцѣ
Со мною говорили? Развѣ дворъ
Быть можетъ судіею, предъ которымъ
Должны въ своихъ поступкахъ сокровенныхъ
Давать отчетъ и королевы? Принцу
Я точно тамъ назначила свиданье.
Онъ умолялъ меня. Я поступила такъ,
Затѣмъ что я того хотѣла, сирѣ;
Затѣмъ, что я обычай не хочу
Своимъ судьею ставить въ тѣхъ дѣлахъ,
Какія я пристойными признала...

Отъ васъ же потому я это скрыла,
Что не имѣла никакой охоты
Съ вашимъ величествомъ объ этомъ правѣ
Предъ всею челядью дворцовой спорить.

КОРОЛЬ.

Вы говорите слишкомъ смѣло, слишкомъ...

КОРОЛЕВА.

И также потому, прибавлю я,
Что принцъ едва ли въ сердцѣ своего
Отца находить милость, снисхожденье,
Какихъ онъ стòить, сирь...

КОРОЛЬ.

Какихъ онъ стòить?

КОРОЛЕВА.

И для чего скрывать мнѣ это, сирь?
Я уважаю принца и люблю
Какъ близкаго роднаго своего,
Который прежде былъ почтёнъ достойнымъ
Носить другое имя... Я до-сихъ-поръ
Все не могу еще понять, что мнѣ
Онъ именно затѣмъ быть долженъ чуждымъ,
Что нѣкогда онъ былъ мнѣ очень дорогъ.
Когда политика умѣетъ связи
Завязывать, какъ вздумаетъ, то ей
Едва-ли не труднѣе ихъ расторгнуть.
Не стану я по долгу ненавидѣть,
И, — если я принуждена сознаться, —
Я не хочу такого долга знать!

КОРОЛЬ.

Елисавета! Вы меня видали
Въ минуты слабости. Воспоминанье
Объ нихъ даетъ вамъ эту смѣлость. Вы

Надѣтесь на всемогущество свое,
Которымъ вамъ случилось побѣждать
Мой непреклонный нравъ. Но бойтесь
Тѣмъ болѣе. Чтò къ слабостямъ меня
Склоняло, то и къ бѣшенству сведеть.

КОРОЛЕВА.

Но что-жь я сдѣлала?

КОРОЛЬ.

(беретъ ее за руку)

Что сдѣлала?

Послушайте: когда виновны вы,
Когда полна проступковъ вашихъ мѣра,
Когда обмануть я...

(опускаетъ ея руку)

Я въ состояньи

Въ себѣ и эту слабость подавить.
И подавлю... Тогда и мнѣ и вамъ
Бѣда, Елисавета!

КОРОЛЕВА.

Но что-жь я сдѣлала?

КОРОЛЬ.

Тогда польется кровь!

КОРОЛЕВА.

Ужь до того

Дошло, о, Боже!

КОРОЛЬ.

Я тогда себя

Не знаю... Я тогда не чту ни нравовъ,
Ни голоса природы, ни народныхъ
Священныхъ договоровъ...

КОРОЛЕВА.

Какъ мнѣ жаль васъ,
Ваше величество!...

КОРОЛЬ.

(внѣ себя)

Жаль! Состраданье
Преступницы!

*(инфанта со страхомъ жметъ къ матери. Король гнѣвно
отталкиваетъ дитя отъ королевы)*

КОРОЛЕВА.

(съ кротостью и достоинствомъ, но дрожащимъ голосомъ)

Дитя свое я огражду отъ притѣсненій.

Пойдемъ со мною, дочь моя!

(беретъ ее на руки)

Когда

Король тебя не хочетъ больше знать,

За Пиренеями мы для себя

Защитниковъ поищемъ.

(хочетъ идти)

КОРОЛЬ.

Королева?

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, не могу я больше... Это слишкомъ...

*(она хочетъ дойти до дверей, но падаетъ съ дитятей на
порогъ)*

КОРОЛЬ.

(подбѣгая къ ней въ безпокойствѣ)

О, Боже мой! что это?

ИНФАНТА.

(въ испугъ съ крикомъ)

Маменька

Въ крови!

(убѣгаетъ)

КОРОЛЬ.

(испуганный хлопочетъ около королевы)

Какой ужасный случай! Кровь!

За что меня наказывать такъ строго?

О, встаньте! успокойтесь!... Встаньте!... Или

Весь дворъ нашъ будетъ любоваться сценой!

(она поднимается, поддерживаемая королемою)

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНИЕ. АЛЬБА. ДОМИНГО *(входятъ въ испугъ.*

За ними дамы).

КОРОЛЬ.

Скорѣе проводите королеву

Въ ея апартаменты. Дурно ей.

(королева уходитъ, въ сопровожденіи дамъ. Альба и Доминго подходятъ ближе)

АЛЬБА.

Ея величество въ слезахъ, въ крови

Ея лицо...

КОРОЛЬ.

И это дьяволовъ,

Меня смутившихъ, изумляетъ?

АЛЬБА И ДОМИНГО.

Мы?

КОРОЛЬ.

Которые навѣтами своими

Меня до бѣшенства лишь довели,
Но убѣдить не въ силахъ были.

АЛЬБА.

Мы

Вамъ говорили то, что сами знали...

КОРОЛЬ.

Пусть адъ спасибо скажетъ вамъ за это.

Къ несчастію, послушался я васъ.

Иль это голосъ совѣсти виновной?

МАРКИЗЪ ПОЗА.

(за сценою)

Монарха можно видѣть?

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. Маркизъ Поза.

КОРОЛЬ.

(услышавъ голосъ маркиза, дѣлаетъ радостное движеніе и на нѣсколько шаговъ идетъ къ нему на встрѣчу)

Ахъ, вотъ онъ!

Добро пожаловать, маркизъ. Васъ, герцогъ,

Теперь не нужно мнѣ. Оставьте насъ!

(Альба и Доминго взглядываютъ другъ на друга съ нѣмымъ удивленіемъ и уходятъ)

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Король. Маркизь Поза.

Маркизь.

Сирь! старику, который въ двадцати
Сраженьяхъ смерти шолъ на встрѣчу, горько
Быть такъ удалену!

Король.

Такъ думать вамъ

Прилично, мнѣ *такъ* дѣйствовать. Чѣмъ были
Вы для меня въ короткія минуты,
Тѣмъ въ цѣлый вѣкъ свой онъ мнѣ не бывалъ.
Я не хочу изъ подъ-тишка любить.
Печать моихъ благоволеній свѣтло
Да озарить у васъ чело. Хочу,
Чтобъ всѣ завидовали человѣку,
Кого себѣ я другомъ выбралъ.

Маркизь.

Даже

Тогда, какъ оболочка темноты
Одна его лишь дѣлаетъ достойнымъ
Такого имени?

Король.

Съ чѣмъ вы пришли
Ко мнѣ?

Маркизь.

Какъ проходилъ я по пріемной,
Услышалъ я о странныхъ, страшныхъ слухахъ,

Какимъ повѣрить трудно. Сильный споръ...
Кровь... королева...

КОРОЛЬ.

Вы пришли оттуда?

МАРКИЗЪ.

Ужасно-бъ было, еслибъ эти слухи
Не ложны были, еслибъ что случилось,
Черезъ васъ случилось, государь... Открытья,
Которыя я сдѣлалъ, измѣняютъ
Все положенье дѣла.

КОРОЛЬ.

Ну?

МАРКИЗЪ.

Я случай

Нашолъ у принца взять его портфѣль
Съ бумагами, которыя, надѣюсь,
Прольютъ немного свѣту...

(подаетъ королю бумажникъ Карлоса)

КОРОЛЬ.

(съ жадностію пересматриваетъ его)

Какъ? письмо

Отъ моего отца... О немъ я, право,
И не слыхалъ еще?

*(читаетъ его, кладетъ къ сторонѣ и принимается за другія
бумаги)*

Планъ крѣпости...

Идеи и тирады изъ Тацита...

А это что? Знакомъ мнѣ что-то почеркъ!

Отъ дамы это.

(внимательно читаетъ, то громко, то про себя)

«Этотъ ключъ отворить...

«Покоевъ въ павильонѣ королевы...»

Га! это что?... «Тамъ громко и свободно

«Любовь. . признанья... чистая награда...»
Чертовское предательство! Теперь я знаю,
Это она. Это ея рука!

МАРКИЗЪ.

Рука ея величества? возможно-ль...

КОРОЛЬ.

Принцессы Эболи...

МАРКИЗЪ.

Такъ это правда,
Въ чемъ мнѣ пажъ Генарецъ признался... Онъ
Письмо и ключъ самъ принцу приносилъ.

КОРОЛЬ.

(схватываетъ маркиза за руку, въ сильномъ волненіи)

Маркизъ, я окруженъ ужасными людьми!

Та женщина... я признаюсь вамъ...

Та женщина шкатулку королевы

Взломала... Первые намеки также

Отъ ней, маркизъ, вѣдь были... Кто ихъ знаетъ,

Въ какой ужасной стачкѣ съ ней монахъ?...

Я черезъ плутни низкія обмануть.

МАРКИЗЪ.

Тогда и то ужъ счастье, что...

КОРОЛЬ.

Маркизъ!

Маркизъ! я начинаю ужъ бояться —

Не слишкомъ ли я много королевъ...

МАРКИЗЪ.

Когда съ донъ-Карлосомъ у королевы

И точно были тайныя сношенья,

То ужъ, навѣрное, совсѣмъ, совсѣмъ

Другаго рода, нежели какъ о томъ

Вамъ донесли. И мнѣ извѣстно даже,

Что принцу мысль уѣхать въ Нидерланды
Внушила королева.

КОРОЛЬ

Я и самъ

Такъ полагалъ.

МАРКИЗЪ.

Она честолюбива...

Сказать ли больше... Ей досадно, больно,

Что обманулась такъ она въ надеждахъ;

Что отъ всѣхъ дѣлъ она отстранена.

Инфанта воспріимчивая юность

Ея уму представилась... а сердце...

Я сомнѣваюсь, чтобъ она могла

Любить.

КОРОЛЬ.

Ихъ замысловъ премудрыхъ

Я не боюсь.

МАРКИЗЪ.

Любима ли она?...

Опасенъ точно-ли инфантъ? Объ этомъ

Подумать стòитъ. Тутъ, я полагаю,

Неутомимый нуженъ присмотръ...

КОРОЛЬ.

Вы

Мнѣ отвѣчаете за принца.

МАРКИЗЪ.

(послѣ нѣкотораго размышленія)

Если,

Ваше величество, меня способнымъ

Къ тому считаете, то долженъ я

Просить васъ безгранично и совѣмъ

Мнѣ это дѣло въ руки передать.

КОРОЛЬ.

Хорошо.

МАРКИЗЪ.

По-крайней-мѣрѣ никакихъ
Помощниковъ мнѣ не давать въ дѣлахъ,
Какія-бъ я ни началъ.

КОРОЛЬ.

Никакихъ.

Я понимаю васъ и одобряю.
Вы были добрымъ геніемъ моимъ.
Какъ наградить мнѣ васъ за вашъ намекъ!

(Лермъ, который при этихъ словахъ входитъ)

Что королева?

ЛЕРМА.

Всё еще слаба

Послѣ припадка.

(двусмысленно взглядываетъ на маркиза и уходитъ)

МАРКИЗЪ.

(помолчавъ, королю)

Я бы полагалъ

Еще одно имѣть въ соображеньи.
Предостеречь донъ-Карлоса здѣсь могутъ.
Друзей довольно у него... быть-можетъ,
Съ бунтовщиками гентскими сношенья.
Страхъ въ состояньи привести его
Къ отчаяннымъ поступкамъ... Потому,
Я бы совѣтовалъ теперь же мѣры
Принять, чтобы при случаѣ сейчасъ же
Употребить внезапное рѣшенье.

КОРОЛЬ.

Вы правы. Но...

МАРКИЗЪ.

Секретную бумагу
Къ немедленному задержанью принца
Когда-бъ ваше величество мнѣ дали,
Чтобъ, въ мигъ опасности, сейчасъ же ею
Воспользоваться, и...

(король по видимому не рѣшается)

Пусть это будетъ
Покуда государственною тайной...

КОРОЛЬ.

(подходитъ къ письменному столу и подписываетъ бумагу)

Здѣсь рѣчь идетъ о цѣломъ королевствѣ...

Опасность требуетъ чрезвычайныхъ средствъ...

Вотъ вамъ, маркизъ... Вамъ мнѣ не нужно :

Наказывать пощады...

МАРКИЗЪ.

(беретъ бумагу)

Это только

Про самый крайній случай, государь.

КОРОЛЬ.

(кладетъ руку ему на плечо)

Ступайте, дорогой маркизъ, ступайте...

Покой моей уязвленной душѣ

И сонъ ночамъ моимъ вы возвратите.

(расходятся въ разные стороны)

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Галлерей.

КАРЛОСЪ (*входитъ въ сильномъ волненіи*). ГРАФЪ
ЛЕРМА (*ему на встрѣчу*).

КАРЛОСЪ.

Я васъ ищу, графъ.

ЛЕРМА.

А я васъ, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Правда-ль?

Скажите, ради Бога, правда-ль?

ЛЕРМА.

Что?

КАРЛОСЪ.

Что на нее кинжалъ онъ поднялъ? что

Ее въ крови всю вынесли оттуда?

Ради святыхъ всѣхъ, отвѣчайте мнѣ!

Что думать мнѣ? что правда?

ЛЕРМА.

Ничего!

Она лишь въ обморокъ упала только

И оцарапалась. Вотъ вамъ и все тутъ.

КАРЛОСЪ.

И нѣтъ опасности? нѣтъ никакой?

Честное слово ваше, графъ?

ЛЕРМА.

Если

Не для нея — тѣмъ болѣе для васъ.

КАРЛОСЪ.

Такъ королева точно безопасна?
Ну, слава Богу! До меня дошли
Ужаснѣйшіе слухи, что король
Въ ожесточеніи на мать и дочь,
И тайна будто бы открыта.

ЛЕРМА.

Это

Послѣднее, быть можетъ, справедливо...

КАРЛОСЪ.

Какъ, справедливо?

ЛЕРМА.

Принцъ, я нынче васъ
Предостерегъ... Вы презрѣли намекъ мой.
Такъ ужъ воспользуйтесь вторымъ.

КАРЛОСЪ.

Графъ Лерма!

ЛЕРМА.

Когда не ошибаюсь, принцъ, я какъ-то видѣлъ
У васъ бумажникъ голубаго цвѣта,
Обшитый золотомъ...

КАРЛОСЪ.

(смѣшавшись)

Такой бумажникъ
Есть точно у меня. Ну, что же?

ЛЕРМА.

На покрывкѣ,
Въ обдѣлкѣ жемчужовой, силуэтъ...

КАРЛОСЪ.

Такъ точно.

ЛЕРМА.

Въ кабинетѣ королевскомъ

Такой я точно видѣлъ у монарха
Въ рукахъ, и маркизь Поза тутъ же былъ...

КАРЛОСЪ.

(послѣ короткаго молчанія, вспыльчиво)

Неправда это.

ЛЕРМА.

Такъ я стало-быть

Обманщикъ.

КАРЛОСЪ.

(долго на него смотритъ)

Вы обманщикъ, да!

ЛЕРМА.

Ахъ! я

Прощаю вамъ.

КАРЛОСЪ.

(ходитъ въ ужасномъ волненіи по галлерей, наконецъ останавливается передъ Лермой)

Что сдѣлалъ онъ тебѣ?

Что наша дружба сдѣлала тебѣ,

Что ты съ такимъ ожесточеньемъ адскимъ

Хлопочешь разлучить насъ?

ЛЕРМА.

Принцъ, я уважаю

То огорченье, что несправедливымъ

Васъ дѣлаетъ.

КАРЛОСЪ.

О, Боже!... Боже!... Боже,

Спаси меня отъ подозрѣнья!

ЛЕРМА.

Также

Запомнилъ я и слово короля:

«Какъ наградить мнѣ васъ, сказалъ онъ, за...

КАРЛОСЪ.

О! полно, полно!

ЛЕРМА.

Герцогъ Альба палъ...

У принца Рюи Гомеца печать

Отобрана и отдана маркизу...

КАРЛОСЪ.

(погруженный въ глубокое размышленіе)

И мнѣ онъ умолчалъ объ этомъ! Мнѣ

Онъ умолчалъ объ этомъ?

ЛЕРМА.

Цѣлый дворъ

Глядитъ ужъ на него какъ на министра,

Какъ на всемогущаго любимца...

КАРЛОСЪ.

Онъ

Меня любилъ. Онъ очень, очень много

Меня любилъ. Я былъ ему дороже

Зѣницы собственнаго ока.

О, я увѣренъ въ этомъ! Доказали

Мнѣ это тысячи уже примѣровъ.

Но милліоны, но отчизна развѣ

Ему не драгоцѣннѣй одного?

Для *одного* его душа была

Ужъ слишкомъ велика, а счастье Карла

Ужъ слишкомъ мало для его любви.

Онъ мною добродѣтели своей

Пожертвовалъ. Могу-ль я на него

За то сердиться?... Да, то очевидно!

Теперь то очевидно. Я его

Лишился, да!

(отходитъ въ сторону и закрываетъ лицо)

ЛЕРМА.

(посль нѣкотораго молчанія)

Любезный принцъ, что я
Могу для васъ тутъ сдѣлать?

КАРЛОСЪ.

(не глядя на него)

Къ королю
Пойти и заодно предать меня.
Мнѣ нечего дарить.

ЛЕРМА.

Неужли вы
Хотите ждать послѣдствій?

КАРЛОСЪ.

*(облоканивается на балюстрадѣ и смотритъ неподвижно
впередъ)*

Я его

Лишился. О, теперь я совершенно
Оставленъ!

ЛЕРМА.

(приближается къ нему съ участіемъ)

Но подумайте о вашемъ
Спасеньи, принцъ, о вашемъ...

КАРЛОСЪ.

О моемъ
Спасеньи? Добрый человѣкъ!

ЛЕРМА.

А больше
Ни за кого вамъ нечего страшиться?

КАРЛОСЪ.

(содрогаясь)

О Боже, Боже мой! о чемъ вы мнѣ
Напомнили, графъ!... Королева! Ахъ,

Письмо, которое ему я отдалъ!

Котораго ему я не хотѣлъ

Еще отдать и все же отдалъ!

(въ сильномъ волненіи, ломая руки, ходитъ взадъ и впередъ)

Чѣмъ же

Она-то это заслужила? Онъ бы

Ее хотъ пощадить былъ долженъ Лерма,

Вѣдь долженъ бы?

(быстро, рѣшительно)

Мнѣ нужно къ ней... мнѣ нужно

Ее предостеречь и приготовить!

О, Лерма, добрый Лерма! Говорите,

Кого послать мнѣ къ ней? Я никого

Ужъ больше не имѣю! Слава Богу!

Есть другъ еще — и здѣсь ужъ нечего

Мнѣ больше портить.

(быстро уходитъ)

ЛЕРМА.

(идетъ за нимъ)

Принцъ! куда, куда вы?

(уходитъ)

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЕВА. ГЕРЦОГЪ АЛЬБА. ДОМИНГО.

АЛЬБА.

Если позволите, ваше величество...

КОРОЛЕВА.

Что вамъ угодно?

ДОМИНГО.

Безпокойство

О вашего величества высокой
Особѣ намъ не позволяетъ дольше
Хранить молчаніе о важномъ дѣлѣ,
Вамъ угрожающемъ бѣдою.

АЛЬБА.

Мы

Спѣшимъ предостеречь васъ объ интригѣ,
Что противъ васъ умышленно ведется...

ДОМИНГО.

И нашу ревность, вѣрность и услуги
Къ стопамъ мы вашего величества
Спѣшимъ повергнуть.

КОРОЛЕВА.

(съ удивленіемъ смотритъ на нихъ)

Вы, отецъ святой,

И вы, мой благородный герцогъ Альба,
Вы точно удивляете меня.

Такую преданность въ отцѣ Доминго

И въ герцогѣ Толедскомъ я найти

Совсѣмъ не думала. Я очень знаю,

Какъ мнѣ дѣлать ее... Вы говорите

Мнѣ объ интригѣ, будто мнѣ грозящей:

Могу-ль узнать я, кто...

АЛЬБА.

Мы просимъ васъ

Остерегаться кавалера Позы,

Который служить нашему монарху

По тайнымъ порученьямъ.

КОРОЛЕВА.

Мнѣ пріятно,

Что счастливо такъ избралъ мой супругъ.

Насчетъ маркиза мнѣ дошла молва,

Что рѣдкій онъ, великій человѣкъ,

И милость высочайшая не можетъ,

По мнѣ, достаться справедливѣй...

ДОМИНГО.

О!

Мы это лучше знаемъ.

АЛЬБА.

Ужъ давно

Извѣстно всѣмъ, на что способенъ онъ.

КОРОЛЕВА.

На что же? Я горю отъ нетерпѣнья...

ДОМИНГО.

Давно-ль ваше величество въ шкатулкѣ

Своей перебирали?

КОРОЛЕВА.

Какъ?

ДОМИНГО.

И въ ней

Вы не замѣтили-ль какой пропажи?

КОРОЛЕВА.

Пропажи? Какъ? Что у меня пропало,

О томъ всѣ знаютъ при дворѣ... Но Поза,

Какъ могъ тутъ замѣшаться Поза?

АЛЬБА.

Да очень просто: и у принца тоже

Пропали очень важныя бумаги;

Ихъ нынче утромъ видѣли въ рукахъ

У короля, въ то время, какъ маркизъ

Былъ въ кабинетъ у него.

КОРОЛЕВА.

(послѣ нѣкотораго размышленія)

Странно,

Ей Богу, странно! Вдругъ я нахожу
Врага, о комъ мнѣ даже и не снилось,
И вмѣстѣ двухъ друзей, которыхъ дружбой
Не помню, обладала ли когда я...

(устремивъ проницательный взоръ на обоихъ)

Притомъ же, право, я должна признаться,
Я ужъ боялось-было, что за службу,
Которую мнѣ кто-то сослужилъ
У короля, мнѣ должно будетъ вамъ
Простить.

АЛЬБА.

Намъ?

КОРОЛЕВА.

Да, вамъ.

ДОМИНГО.

Герцогъ Альба! намъ!

КОРОЛЕВА.

(все-еще пристально смотря на нихъ)

Какъ мнѣ пріятно потому такъ скоро
Замѣтить опрометчивость свою...
И безъ того рѣшилась я просить
Его величество представить мнѣ
Сегодня же доносчиковъ моихъ.
Тѣмъ лучше! Стало быть могу я смѣло
На васъ сослаться, герцогъ.

АЛЬБА.

На меня?

И вы серьезно гсворите?

КОРОЛЕВА.

Очень.

ДОМИНГО.

Чтобъ разомъ уничтожить всѣ услуги,

Что мы вамъ оба втайнѣ...

КОРОЛЕВА.

Въ тайнѣ?

(гордо и серьезно)

Хотѣла-бъ знать я, герцога Альба, что

Супруга вашего монарха съ вами,

Иль съ вами, патеръ, можетъ говорить,

Чего-бъ не долженъ знать ея супругъ...

Невинна я, иль нѣтъ?

ДОМИНГО.

Что за вопросъ!

АЛЬБА.

Но если государь несправедливо

Поступить? если онъ по-крайней-мѣрѣ

Теперь поступить такъ?

КОРОЛЕВА.

Тогда я буду ждать,

Пока онъ станетъ справедливымъ... Благо

Тому, кто въ томъ свой выигрышъ находитъ.

(она кланяется имъ и удаляется; тѣ уходятъ въ противоположную сторону)

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Комната принцессы Эболи.

ПРИНЦЕССА ЭБОЛИ. *Тотчасъ послѣ того*

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

ЭБОЛИ.

Такъ справедлива странная та новость,
Что цѣлый дворъ приводитъ въ удивленье?

КАРЛОСЪ.

(входитъ)

Принцесса, не пугайтесь, ради Бога!

Я, какъ ребенокъ, буду тихъ.

ЭБОЛИ.

Принцъ... эта

Внезапность.

КАРЛОСЪ.

Сѣрдитесь еще вы? да?

ЭБОЛИ.

Принцъ!

КАРЛОСЪ.

(навязчивѣе)

Сѣрдитесь вы? сѣрдитесь еще?

Прошу, скажите мнѣ.

ЭБОЛИ.

Что это значить?

Вы, кажется, забыли, принцъ... Чего

Вамъ отъ меня угодно?

КАРЛОСЪ.

(съ жаромъ, схватывая ея руку)

Ангелъ кроткій,
Ты можешь вѣчно ненавидѣть? Развѣ
У огорченной страсти нѣтъ прощенья?

ЭБОЛИ.

(вырываясь отъ него)

Ахъ, принцъ, о чемъ напомнили вы мнѣ!

КАРЛОСЪ.

О добротѣ твоей и о своей
Неблагодарности... Ахъ! знаю, знаю!
Я сильно оскорбилъ тебя, я сердце
Твое святое растерзалъ, я слезы
Изъ кроткихъ глазъ твоихъ жестоко вызвалъ...
Ахъ! и теперь къ тебѣ не съ тѣмъ пришолъ я,
Чтобы раскаяться, чтобы просить...

ЭБОЛИ.

Оставьте, принцъ, меня... Оставьте!

КАРЛОСЪ.

Я

Пришолъ къ тебѣ, затѣмъ что ты кротка,
Что я на сердце чистое твое
Надѣюсь. Видишь ли, здѣсь нѣтъ,
Кромѣ одной тебя, нѣтъ больше друга
На всемъ огромномъ свѣтѣ у меня.
Ты прежде такъ меня любила... ты
Не будешь вѣчно ненавидѣть, нѣтъ,
Не будешь вѣчно ты непримиримой!

ЭБОЛИ.

(отворачивается)

О, полно! ради Бога, принцъ!

КАРЛОСЪ.

О, дай

Тебѣ напомнить о златыхъ минутахъ...

Дай о любви твоей тебѣ напомнить,

Ахъ! о любви, противъ которой я

Такъ недостойно проступился. Дай мнѣ

Теперь напомнить, чѣмъ я былъ тебѣ,

Что дали мнѣ сны сердца твоего.

Еще одинъ разъ... только лишь одинъ разъ

Въ душѣ своей возстанови мой образъ,

Такимъ какъ онъ тогда къ тебѣ являлся,

И этой тѣни хоть пожертвуй тѣмъ,

Чѣмъ для меня пожертвовать не можешь.

эболи.

О, Карлосъ! какъ жестоко вы со мною

Играете!

КАРЛОСЪ.

Будь выше, чѣмъ твой полъ.

Забудь обиды! Сдѣлай то, чего

Здѣсь женщины не дѣлали еще.

Чего онѣ не сдѣлаютъ во вѣки.

Я отъ тебя неслыханнаго жду...

Позволь мнѣ... на колѣняхъ умоляю...

Позволь мнѣ только пару словъ... не больше...

Промолвить съ королевой!

(бросается предъ нею на колѣни)

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. МАРКИЗЪ ПОЗА (*вламывается въ двери, за нимъ два офицера королевской гвардіи*)

МАРКИЗЪ.

(*запыхавшись, внѣ себя, становится между Карлосомъ и Эболи*)

Не вѣрьте вы ему!

КАРЛОСЪ.

(*все-еще на коленяхъ, возвышая голосъ*)

Ради всего

Святаго...

МАРКИЗЪ.

(*вспыльчиво перебивая его*)

Онъ помѣшанъ. Не внимайте

Безумному!

КАРЛОСЪ.

(*громче*)

Здѣсь жизнь въ борьбѣ со смертью!

Сведите къ ней меня, я умоляю...

МАРКИЗЪ.

(*силой отталкиваетъ принцессу отъ него*)

Я васъ убью, когда его вы слушать

Не перестанете.

(*къ одному изъ офицеровъ*)

Графъ Кордуа!

По волѣ короля!

(*показываетъ ему бумагу*)

Принцъ арестованъ.

(Карлосъ стоитъ, будто громомъ пораженный. Принцесса вскрикиваетъ и хочетъ бѣжать; офицеры въ изумленіи. Долгое и глубокое молчаніе. Маркизъ сильно дрожитъ и только съ трудомъ удерживаетъ присутствіе духа)

(къ принцу)

Позвольте вашу шпагу... Вы, принцесса,
Останетесь покуда здѣсь! а вы

(къ офицеру)

Смотрите, чтобъ никто не говорилъ
Съ его высочествомъ... никто... смотрите...
Ни даже сами вы; вы головой
Своей ручаетесь за это!

(онъ говоритъ еще тихо офицеру; потомъ обращается къ другому)

Я же

Спѣшу повергнуться къ стопамъ монарха,
И дать отчетъ ему...

(къ Карлосу)

И также вамъ...

Я къ вамъ явлюсь, принцъ... черезъ часъ.

(Карлосъ позволяетъ увести себя, не подавъ никакого знака памяти. Только, проходя мимо, онъ бросаетъ томный, умирающій взглядъ на маркиза, который закрываетъ лицо. Принцесса пытается еще разъ удалиться; маркизъ приводитъ ее за руку назадъ)

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Принцесса Эболи. Маркизь Поза.

ЭБОЛИ.

О, ради всѣхъ святыхъ, позвольте мнѣ...

МАРКИЗЪ.

(приводитъ ее къ самой авансценѣ; съ важностію)

Несчастливая, что онъ сказалъ тебѣ?

ЭБОЛИ.

О, ничего... пустите... ничего...

МАРКИЗЪ.

(наильно удерживая ее)

Что ты узнала? Ты ужъ не спасешься.

Ты никому того не перескажешь.

ЭБОЛИ.

(испуганная, смотритъ ему въ глаза)

О, Боже! Что сказать хотите вы?

Вы вѣрно не хотите умертвить

Меня?

МАРКИЗЪ.

(вынимаетъ кинжалъ)

Да, нѣчто въ этомъ родѣ я

Намѣренъ точно сдѣлать. Будь готова!

ЭБОЛИ.

Меня? меня? О, всемогущій промыслъ!

Но что-жь я сдѣлала?

МАРКИЗЪ.

(взглянувъ на небо и приставивъ кинжалъ къ груди Эболи)

Еще есть время.

Еще ея уста не взмокли ядомъ.
Я разобью сосудъ и будетъ все
Опять по-прежнему... Судьба Испаньи
Или жизнь женщины!

*(обуреваемый сомнѣніемъ, онъ остается въ этомъ
положеніи)*

ЭБОЛИ.

(закинувъ голову, смотритъ прямо въ глаза маркизу)

Что-жь медлите?

Я не прошу пощады... нѣтъ! Я смерти
Заслуживаю и хочу.

МАРКИЗЪ.

(медленно опускаетъ руку. Послѣ короткаго размышленія)

Нѣтъ! это

Ужъ варварствомъ и низостію было-бъ...

Нѣтъ! слава Богу! есть еще другое средство!

*(роняетъ кинжалъ и скоро уходитъ. Принцесса опрометью
убѣгаетъ въ другія двери)*

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Комната королевы.

КОРОЛЕВА. ГРАФИНЯ ФУЭНТЕСЪ.

КОРОЛЕВА.

Но что за суматоха во дворцѣ?
Меня приводитъ въ ужасъ всякій шумъ

Сегодня. О, ступайте, поглядите,
Графиня, что все это значить?

(графиня удаляется; въ комнату вбѣгаетъ принцесса Эболи)

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЕВА. ПРИНЦЕССА ЭБОЛИ.

ЭБОЛИ.

На помощь, королева! Онъ подъ стражей.

КОРОЛЕВА.

Кто?

ЭБОЛИ.

Маркизь Поза, по приказу короля,
Арестоваль его.

КОРОЛЕВА.

Кого-жь? кого?

ЭБОЛИ.

Донъ-Карлоса.

КОРОЛЕВА.

Въ умѣ-ли ты?

ЭБОЛИ.

Сейчасъ

Его уводятъ.

КОРОЛЕВА.

Кто же взялъ его

Подъ стражу?

ЭБОЛИ.

Маркизь Поза.

КОРОЛЕВА.

Слава Богу

Еще, что арестованъ онъ маркизомъ!

Эболи.

Это

Вы такъ спокойно, смѣло говорите,

Такъ холодно?... О, Боже! вы

Не догадались?... вы не знаете...

КОРОЛЕВА.

За что

Онъ арестованъ?... За проступокъ вѣрно

Какой-нибудь, который въ пылкомъ нравѣ

Инфанта очень натураленъ.

Эболи.

Нѣтъ, нѣтъ!

Я знаю лучше... нѣтъ... О, королева!

Ужасный, дьявольскій поступокъ!... Нѣтъ

Ему спасенья больше! Онъ умретъ!

КОРОЛЕВА.

Умретъ?

Эболи.

И я его убійца!

КОРОЛЕВА.

Онъ

Умретъ! Безумная, въ умѣ ли ты?

Эболи.

И почему умретъ онъ?... почему?...

О, если-бъ я могла предвидѣть это!

КОРОЛЕВА.

(милостиво беретъ ее за руку)

Вы вѣдь себя, принцесса! Соберитесь

Вы съ силами и расскажите мнѣ

Все это по порядку, не въ такихъ
Ужасныхъ, страшныхъ образахъ, что въ трепетъ
Меня приводятъ. Что же вамъ извѣстно?
Что тамъ случилось съ принцемъ?

Эболи.

О! не съ этой
Небесной добротою, королева!
Не съ этой кротостью! Какъ адскій пламень,
Онѣ бичуютъ душу мнѣ и совѣсть.
Я недостойна оскверненнымъ взоромъ
Глядѣть на вашу славу. Раздавите
Несчастную, что съ трепетомъ, стыдомъ,
Съ раскаяньемъ лежитъ у вашихъ ногъ!

КОРОЛЕВА.

Несчастливая! что значать эти рѣчи?

Эболи.

Небесный ангелъ! кроткая святая!
Не знаете вы дьявола, кому
Вы такъ любовно кротко улыбались...
Узнайте же его... Вѣдь это я
Васъ обокрала!

КОРОЛЕВА.

Вы?

Эболи.

И эти писъма

Передала Филиппу...

КОРОЛЕВА.

Вы?

Эболи.

Я, я

Осмѣлилась васъ обвинять...

КОРОЛЕВА.

Вы? вы

Могли...

эболи.

Любовь... месть... бѣшенство... безумье...

Я ненавидѣла васъ, я любила

Инфанта...

КОРОЛЕВА.

Потому что вы любили?....

эболи.

Ахъ! потому, что я ему призналась,

И не нашла взаимности.

КОРОЛЕВА.

(послѣ нѣкотораго молчанія)

О, все

Теперь понятно мнѣ!... Но... встаньте! Вы

Его любили — я прощаю васъ.

Да будетъ все забыто... Встаньте!

(подаетъ ей руку)

эболи.

Нѣтъ, нѣтъ!

Еще одно ужасное признанье.

Не прежде, королева...

КОРОЛЕВА.

(внимательно)

Что еще

Услышать мнѣ придется? Говорите...

эболи.

Король... Обольщена... Вы отвернулись...

О! я читаю казнь во взорахъ вашихъ...

То преступленье, въ чемъ васъ обвиняла,

Его сама я совершила.

(Она лицомъ пылающимъ припадаетъ къ полу. Королева уходитъ. Долгое молчаніе. Нѣсколько минутъ спустя, герцогиня Оливарецъ выходитъ изъ кабинета, куда удалась королева и видитъ принцессу въ томъ же положеніи. Услышавъ шумъ, она медленно поднимается и, не видя королевы, какъ сумасшедшая вскакиваетъ)

ДВАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРИНЦЕССА ЭБОЛИ. ГЕРЦОГИНЯ ОЛИВАРЕЦЪ.

ЭБОЛИ.

Боже!

Она меня оставила! Теперь
Все кончено.

ОЛИВАРЕЦЪ.

Принцесса Эболи...

ЭБОЛИ.

Я знаю для чего вы, герцогиня,
Пришли. Васъ королева шлетъ ко мнѣ,
Чтобъ возвѣстить мнѣ приговоръ... Скорѣе!

ОЛИВАРЕЦЪ.

Мнѣ велѣно отъ королевы крестъ вашъ
И ключъ отъ васъ принять...

ЭБОЛИ.

(снимаетъ съ шеи орденскій крестъ и отдаетъ)

Но разъ еще

Позволено мнѣ, вѣрно, руку лучшей
Изъ королевъ поцѣловать?

ОЛИВАРЕЦЪ.

Принцесса,
Въ монастырѣ Святой Маріи вы
Узнаете свой приговоръ.

ЭБОЛИ.

(сквозь слезы)

Какъ! я
Ужъ не увижу больше королевы?

ОЛИВАРЕЦЪ.

(обнимаетъ ее отворачиваясь)

Живите счастливо!

(она скоро уходитъ. Принцесса слѣдуетъ за ней до дверей кабинета, которыя сейчасъ же затворяются за герцогиней. Нѣсколько минутъ въ молчаніи и неподвижно остается она передъ ними на колыняхъ, потомъ быстро встаетъ и поспѣшно уходитъ, закрывъ лицо руками)

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЕВА. МАРКИЗЪ ПОЗА.

КОРОЛЕВА.

Ахъ! наконецъ, маркизъ! Какъ хорошо,
Что вы приходите.

МАРКИЗЪ.

(блѣдный, съ встревоженнымъ видомъ, дрожащимъ голосомъ, и въ продолженіе всей этой сцены въ торжественномъ, глубокомъ волненіи)

Однѣ ли вы,

Ваше величество? Никто не можетъ
Насъ изъ сосѣдней комнаты подслушать?

КОРОЛЕВА.

Никто... Зачѣмъ же? Чтò вы скажете?

(пристально всматриваясь въ него и боязливо отступая)

Но какъ перемѣнились вы! Чтò съ вами?

Маркизь, вы въ страхъ приводите меня...

Лицо у васъ искажено, какъ будто

У мертвеца...

МАРКИЗЪ.

Вы знаете ужь, вѣрно...

КОРОЛЕВА.

Что Карлосъ арестованъ нынче вами...

Такъ это точно правда! Не хотѣла

Я никому повѣрить кромѣ васъ.

МАРКИЗЪ.

Да, это правда.

КОРОЛЕВА.

Вами?

МАРКИЗЪ.

Мной.

КОРОЛЕВА.

(нѣсколько времени сомнительно на него смотритъ)

Всѣ ваши

Поступки я привыкла уважать,

Хотя и не пойму ихъ... Въ этотъ разъ

Простите робкой женщинѣ... боюсь я,

Играете вы въ трудную игру.

МАРКИЗЪ.

Я проигралъ ее.

КОРОЛЕВА.

Избави Боже!

МАРКИЗЪ.

О, успокойтесь, королева. Я

Объ немъ ужъ позаботился заранѣ.

Я для себя лишь проигралъ её.

КОРОЛЕВА.

Что слышу я! о, Боже!

МАРКИЗЪ.

Кто-жь велѣлъ мнѣ

Все положить на карту? такъ надежно,

Такъ дерзновенно съ Промысломъ играть?

Кто изъ людей осмѣлится здѣсь править

Кормиломъ труднымъ случая, не бывши

Всевѣдущимъ? О, это справедливо!...

Но рѣчь должна идти не обо мнѣ

Теперь! минуты дороги, какъ жизнь!

И кто поручится, что изъ скупой

Десницы Судии на долю мнѣ

Не выпали послѣднія ужъ капли?

КОРОЛЕВА.

Десницы Судии?... Чтò это съ вами?

Я не могу понять словъ вашихъ, но

Они меня приводятъ въ ужасъ...

МАРКИЗЪ.

Онъ

Спасенъ! Какой цѣною, всё-равно!

Но только на сегодня У него

Лишь нѣсколько мгновений остается.

Пусть сбережетъ онъ ихъ. Онъ въ эту ночь

Мадритъ оставить долженъ.

КОРОЛЕВА.

Въ эту ночь?

МАРКИЗЪ.

Распоряженья сдѣланы. Въ томъ самомъ

Монастырѣ, который ужъ давно

Святымъ убѣжищемъ былъ нашей дружбы,
Его ждетъ почта. Вотъ здѣсь въ векселяхъ
Все, что мнѣ счастье даровало въ жизни.
А неостанетъ, приложите сами.
Хотя и много на сердцѣ моемъ,
Ахъ, много есть для Карла моего,
Что знать онъ долженъ бы, однако
Легко случиться можетъ, что мнѣ будетъ
Сказать то лично Карлу недосугъ...
Съ нимъ вы увидите повечеру,
И потому я къ вамъ ужь обращаюсь...

КОРОЛЕВА.

Ради покоя моего, маркизъ.
Скажите мнѣ яснѣе... не въ такихъ
Загадкахъ страшныхъ говорите мнѣ...
Что вдругъ случилось?

МАРКИЗЪ.

Остается мнѣ

Еще вамъ сдѣлать важное признанье:
Его я въ ваши руки завѣщаю.
Судьба дала мнѣ счастье, что немногимъ
Въ удѣлъ на этомъ свѣтѣ достается:
Я сына царскаго любилъ... Душою,
Ему лишь посвященною, я міръ
Весь обнималъ!... Въ душѣ прекрасной Карла
Я создалъ рай для многихъ милліоновъ.
О, сны мои велики были, чудны!
Но Богу преждевременно угодно
Меня въ свою обитель отозвать.
Меня у Карла скоро ужь не будетъ;
Другъ для него въ возлюбленной умереть.
Здѣсь... здѣсь... на этомъ алтарѣ священномъ,

На сердцѣ нашей королевы я
Свое слагаю завѣщанье; здѣсь
Пусть онъ найдетъ его, когда меня не станетъ...

(онъ отворачивается, слезы задушаютъ его голосъ)

КОРОЛЕВА.

Но это, право, рѣчи передъ смертью.
Я все надѣюсь, что волненье крови...
Иль точно смыслъ сокрытъ въ нихъ?

МАРКИЗЪ.

(собравшись съ духомъ, продолжаетъ болѣе твердымъ голосомъ)

Принцу вы

Скажите, чтобъ онъ клятвы не забылъ,
Которую во дни мечтаній юныхъ
Мы надъ остією другъ другу дали.
Свою сдержалъ я; вѣрнымъ до конца
Ему я былъ... Теперь и онъ пусть сдержитъ.
Скажите вы ему, чтобъ упованье
Питалъ онъ къ грезамъ юности своей,
Когда быть хочетъ мужемъ... чтобы онъ
Не открывалъ мертвящему червю,
Уму давно прославленному, сердца,
Прекраснаго цвѣтка боговъ... чтобъ онъ
Себя съ пути сбивать не позволялъ,
Когда лжемудрость праха поносить
Здѣсь чадомъ Неба, вдохновенье, станетъ.
Я ужь предсказывалъ ему...

КОРОЛЕВА.

Маркизъ,
Что это значить?...

МАРКИЗЪ.

И скажите также

Ему, чтобъ человѣческое счастье
Онъ свято на сердцѣ своемъ носилъ;
Что я предъ смертью требовалъ того...
Да, требовалъ! и требовать былъ вправѣ.
Мнѣ стоило хотѣть, и новымъ утромъ
Я освѣтилъ бы эти государства.
Король открылъ мнѣ сердце. Онъ назвалъ
Меня своимъ любимымъ сыномъ... Мнѣ
Свою печать онъ поручилъ, и Альбы
Не существуютъ ужь.

*(онъ останавливается и молча нѣсколько минутъ смотритъ
на королеву)*

Вы плачете...

О, эти слезы мнѣ давно знакомы,
Прекрасная душа! Ихъ только радость
Изъ этихъ глазъ обильно выжимаетъ.
Но ужь довольно. Карлосъ или я!
Ужасенъ, скорь былъ выборъ. Долженъ былъ
Одинъ изъ насъ погибнуть, и погибнуть
Досталось мнѣ... ужь лучше мнѣ... Знать больше
Зачѣмъ вамъ, королева?

КОРОЛЕВА.

О теперь,

Теперь я начинаю наконецъ
Васъ понимать... Несчастный! что вы это
Надѣлали?

МАРКИЗЪ.

Два краткіе часа

Я отдалъ, чтобъ спасти день лѣтній, свѣтлый.
Судьба Европы зрѣетъ въ сердцѣ Карла.
Ему Испанію я поручаю.
До тѣхъ же поръ пусть кровь течетъ рѣкою

Изъ подъ руки Филиппа! Но бѣда
Ему и мнѣ, когда ошибся я,
Когда избралъ я худшее!... Нѣтъ, нѣтъ!
Я знаю Карла... никогда того
Не будетъ... и моей порукой вы,
Вы, королева!

(послѣ нѣкотораго молчанія)

Я видѣлъ, какъ она рождалась, эта
Любовь, я видѣлъ какъ несчастной страстью
Болѣло постепенно сердце Карла...
Ее тогда-жъ я могъ бы побороть.
Я этого не сдѣлалъ. Эту страсть,
Въ которой я несчастій не предвидѣлъ,
Я самъ питалъ. Свѣтъ иначе разсудить.
Я не раскаюсь. Сердце обвинять
Меня ни въ чемъ не въ правѣ. Жизнь я видѣлъ
Тамъ, гдѣ другіе смерть предполагали.
Я въ безнадежномъ пламени узрѣлъ
Заранѣ лучъ надежды благодатной.
Я до прекраснаго довести его хотѣлъ,
До высшей, чистой красоты возвысить.
Но смертность въ образахъ мнѣ отказала,
Языкъ въ словахъ. Тогда я указалъ
Ему на васъ... и жизнь моя была
Посвящена ему на изъясненіе
Его любви.

КОРОЛЕВА.

Маркизь, вы дотого
Своею дружбой занимались, что
Меня за этой дружбой позабыли.
Неужли вы и вправду полагали,
Что ужъ во мнѣ нѣтъ женственности вовсе,

И вы меня, давъ въ ангелы ему,
Ужъ думали, что дали и орудье
Ко всѣмъ прекраснымъ доблестямъ? Вамъ, вѣрно,
Того и въ голову не приходило
Какъ трудно отвѣчать за наше сердце,
Когда мы страсть такими именами
Облагороживать начнемъ?

МАРКИЗЪ.

За всѣ

Сердца, но только не за ваше сердце.
Я имъ клянусь... иль точно вы стыдитесь
Изъ всѣхъ желаній высшаго: быть здѣсь
Создательницей доблестей геройскихъ?
Что нужды королю Филиппу, если
Его «Преображенъ», въ Эскурьялѣ
Воспламенить художника на подвигъ,
О вѣчности задуматься заставить?
Принадлежитъ ли сладкая гармонья,
Что въ инструментѣ чудно заперта,
Его купцу, глухому для его
Небесныхъ звуковъ? Онъ купилъ лишь право
Его разбить, но вовсе не искусство
Въ его струнахъ гармонію рождать
И таять сердцемъ въ сладкихъ, чудныхъ пѣсняхъ.
Для мудреца здѣсь истина дана,
И красота чувствительному сердцу.
Онѣ принадлежатъ другъ другу обѣ.
И этой вѣры я не дамъ разрушить
Трусливымъ предразсудкамъ. Общайте
Мнѣ вѣчно, вѣчно Карлоса любить;
Ни страхомъ свѣта, ни геройствомъ ложнымъ
Не соблазняясь къ отреченью... вѣчно,

Неодолимо Карлоса любить!

Вы общаете-ль мнѣ это?

КОРОЛЕВА.

Сердце...

Я общаю вамъ, — лишь только сердце

Я сдѣлаю судьей любви своей.

МАРКИЗЪ.

Теперь спокойно я умру... Моя

Работа кончена.

(низко кланяется королеву и хочетъ идти)

КОРОЛЕВА.

(молча, провожаетъ его глазами)

Какъ! вы идете,

Маркизъ, мнѣ не сказавъ, когда... какъ скоро

Увидимся мы съ вами?

МАРКИЗЪ.

(возвращается)

Да, конечно!

Еще увидимся мы съ вами.

КОРОЛЕВА.

Я поняла васъ, Поза... поняла

Васъ очень хорошо... Зачѣмъ же это

Вы сдѣлали?

МАРКИЗЪ.

Онъ, или я.

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, нѣтъ!

Вы сами бросились на это дѣло,

Которое возвышеннымъ зовете.

О, ужь не отпирайтесь. Я васъ знаю;

Давно, давно вы жаждали того.

Хоть тысячи сердець терзаться стануть,

Что вамъ за дѣло, если ваша гордость
Одна насытится? О, лишь теперь,
Теперь я поняла васъ! Удивленья
Вы одного хотѣли.

МАРКИЗЪ.

(смущенный, про себя)

НѢТЬ! къ этому

Я не былъ приготовленъ... нѢТЬ...

КОРОЛЕВА.

(послѣ нѣкотораго молчанія)

Маркизъ!

Ужъ нѢТЬ спасенья развѣ?

МАРКИЗЪ.

НѢТЬ.

КОРОЛЕВА.

НѢТЬ? точно нѢТЬ?

Подумайте. НѢТЬ точно никакого?

И чрезъ меня нѢТЬ даже никакого?

МАРКИЗЪ.

НѢТЬ даже и чрезъ васъ.

КОРОЛЕВА.

Вы вполонину

Меня лишь знаете... Во мнѣ есть смѣлость.

МАРКИЗЪ.

Я знаю.

КОРОЛЕВА.

И все нѢТЬ спасенья?

МАРКИЗЪ.

НѢТЬ

КОРОЛЕВА.

(оставляетъ его, закрывая лицо руками)

Ступайте-жь! Я не дорожу теперь

Ужъ ни однимъ мужчиной.

МАРКИЗЪ.

(въ сильнѣйшемъ волненіи бросается къ ногамъ ея)

Королева!...

О, Боже! жизнь такъ хороша!

(встаетъ и быстро уходитъ. Королева удаляется въ кабинетъ)

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Приемная короля.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБА. Доминго молча и отдѣльно ходятъ
взадъ и впередъ. ГРАФЪ ЛЕРМА выходитъ изъ кабинета
короля, потомъ ДОНЪ-РАЙМОНДЪ ТАКСИСЪ
оберъ-почтмейстеръ.

ЛЕРМА.

Маркизъ еще здѣсь не былъ?

АЛЬБА.

Нѣтъ еще.

(Лерма хочетъ идти въ кабинетъ)

ТАКСИСЪ.

(входитъ)

Графъ Лерма, доложите обо мнѣ.

ЛЕРМА.

Король не принимаетъ.

ТАКСИСЪ.

Попросите;

Мнѣ нужно говорить съ нимъ... Королю

То очень важно. Поспѣшите. Дѣло
Не терпитъ отлагательства.

(Лерма уходитъ въ кабинетъ)

АЛЬБА.

(подходитъ къ оберъ-почтмейстеру)

Любезный

Таксисъ, привыкните къ терпѣнью. Вамъ
Не говорить съ монархомъ...

ТАКСИСЪ.

Отчего же?

АЛЬБА.

Вамъ для того бы нужно позволенья
Сперва спросить у кавалера Позы,
Который сына и отца содержитъ
Подъ стражей.

ТАКСИСЪ.

Поза? Какъ? Такъ точно!... Это
Тотъ самый, отъ кого письмо я принялъ...

АЛЬБА.

Письмо?

ТАКСИСЪ.

Которое я въ Брюссель долженъ
Отправить...

АЛЬБА.

(съ напряженнымъ вниманіемъ)

Въ Брюссель?

ТАКСИСЪ.

И которое

Я приношу теперь монарху...

ЛЕРМА.

Въ Брюссель!

Вы слышите, Доминго? Въ Брюссель!

ДОМИНГО.

(подходитъ)

Это

Весьма ужь подозрительно.

ТАКСИСЪ.

И какъ

Покорно и съ какимъ смущеньемъ было
Оно мнѣ отдано!

ДОМИНГО.

Съ смущеньемъ? Вотъ что!

АЛЬБА.

Къ кому-жь надписанъ адресъ?

ТАКСИСЪ.

Къ принцу

Оранскому.

АЛЬБА.

Къ Вильгельму... Капелланъ,
Здѣсь кроется измѣна!

ДОМИНГО.

Не иначе...

Да, правда, нужно доложить тотчасъ же.
Что за заслуга вамъ, достойный человѣкъ,
Быть строгимъ такъ по королевской службѣ!

ТАКСИСЪ.

Святой отецъ, я только долгъ исполнилъ.

АЛЬБА.

Вы поступили хорошо.

ЛЕРМА.

(выходитъ изъ кабинета къ оберъ-почтмейстеру)

Король васъ хочетъ видѣть.

(Таксисъ уходитъ въ кабинетъ)

Маркиза всё-еще здѣсь нѣтъ?

ДОМИНГО

Его

Повсюду ищутъ.

АЛЬБА.

Странно! очень странно!

Принцъ государственный преступникъ, а король
Еще и самъ не знаетъ — почему?

ДОМИНГО.

Ему онъ не далъ даже и отчета.

АЛЬБА.

Но какъ же принялъ то король?

ЛЕРМА.

Король

Еще ни слова не промолвилъ.

(шумъ въ кабинетъ)

АЛЬБА.

Чу!

Что это тамъ такое? Тише! Тсъ!

ТАКСИСЪ.

(изъ кабинета)

Графъ Лерма!

(оба уходятъ туда)

АЛЬБА.

(къ Доминго)

Что здѣсь происходитъ?

ДОМИНГО.

Все

Въ какомъ-то ужасѣ. Что если это
Письмо?... Да, герцогъ, это не къ добру.

АЛЬБА.

Зоветь онъ Лерму! Но ему извѣстно,
Что вы и я въ пріемной...

ДОМИНГО.

Наше время

Прошло.

АЛЬБА.

Иль я не тотъ ужь, предъ которымъ
Бывало настѣжъ двери растворялись?
Какъ все перемѣнилось вкругъ меня...
Какъ чуждо стало...

ДОМИНГО.

*(тихо подкрадывается къ дверямъ кабинета и подслуши-
(ваетъ))*

Чу!

АЛЬБА.

(послѣ нѣкотораго молчанія)

Все стихло вдругъ.

Дыханье слышно.

ДОМИНГО.

Занавѣсъ двойной

Звукъ всякій задушаетъ.

АЛЬБА.

Прочь! Идутъ.

ДОМИНГО.

(отходитъ отъ дверей)

Мнѣ на сердцѣ такъ страшно, такъ ужасно,
Какъ-будто этотъ мигъ рѣшить нашъ жребій.

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ПРИНЦЪ ПАРМСКІЙ. ГЕРЦОГИ: ФЕРІА
и МЕДИНА-СИДОНІА (*входятъ съ нѣкоторыми другими
грандами*).

ПАРМСКІЙ.

Что можно видѣть короля?

АЛЬБА.

НѢТЬ.

ПАРМСКІЙ.

НѢТЬ?

Кто у него?

ФЕРІА.

Ужъ вѣрно Поза?

АЛЬБА.

НѢТЬ.

Его ежеминутно ожидаютъ.

ПАРМСКІЙ.

А мы сейчасъ изъ Сарагоссы только
Пріѣхали. Весь въ ужасѣ Мадритъ...
Такъ это правда?

ДОМИНГО.

Къ сожалѣнью!

ФЕРІА.

Правда?

Мальтійцемъ онъ посаженъ подъ арестъ?

АЛЬБА.

Такъ точно.

ПАРМСКІЙ.

Но за что же? Что случилось?

АЛЬБА.

За что? Того еще никто не знаетъ,
Кромѣ монарха и маркиза Позы.

ПАРМСКІЙ.

И безъ вмѣшательства кортесовъ?

ФЕРІА.

Горе

Участнику въ подобномъ преступленіи
Противъ законовъ!

АЛЬБА.

Горе! говорю

И я.

МЕДИНА-СИДОНІА.

И я.

ПРОЧІЕ ГРАНДЫ.

Мы всѣ.

АЛЬБА.

Кто въ кабинетъ

Пойдетъ за мною?... Тамъ къ стопамъ монарха
Я брошусь.

ЛЕРМА.

(выбѣгаетъ изъ кабинета)

Герцогъ Альба!

ДОМИНГО.

Наконецъ-то!

Благодаренье Богу!

(Альба уходитъ)

ЛЕРМА.

(запыхавшись, въ сильномъ волненіи)

Если кавалеръ

Прійдетъ сюда — король не принимаетъ...

Онъ позоветъ его...

ДОМИНГО.

(къ Лермъ, между-тъмъ какъ всѣ собрались около него въ любопытномъ ожиданіи)

Графъ, что случилось?

Вы блѣдны, какъ мертвецъ.

ЛЕРМА.

(въ намѣреніи идти дальше)

О, это страшно!

ПАРМСКІЙ И ФЕРІА.

Но что же? что?

МЕДИНА-СИДОНІА.

Что дѣлаетъ король?

ДОМИНГО.

(вмѣстѣ)

Что страшно? что?

ЛЕРМА.

Король заплакалъ.

ДОМИНГО.

Заплакалъ?

ВСѢ.

(вмѣстѣ, съ удивленіемъ)

Какъ? король заплакалъ?

(слышенъ колокольчикъ въ кабинетъ. Графъ Лерма уходитъ туда)

ДОМИНГО.

(ему въ-слѣдъ)

Графъ, подождите, извините... Ну,
Ушоль!

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Принцесса Эболи.

ЭБОЛИ.

(запыхавшись, вѣтъ себя)

Гдѣ государь? гдѣ? Я должна сейчасъ же
Съ нимъ говорить.

(къ Феріи)

Вы, герцогъ, проведете
Меня къ его величеству.

ФЕРІА.

Король,

Принцесса, занятъ важными дѣлами.

Никто теперь къ нему войти не смѣетъ.

ЭБОЛИ.

А! такъ ужъ онъ подписываетъ, вѣрно,

Ужасный приговоръ? О, онъ обмануть.

Я докажу ему, что онъ обмануть.

ДОМИНГО.

(издали дѣлаетъ ей знаки)

Принцесса Эболи!

ЭБОЛИ.

(идетъ къ нему)

И вы здѣсь, капелланъ?

Прекрасно. Мнѣ васъ нужно. Вы должны

Все подтвердить.

(хватаетъ его за руку и хочетъ увлечь въ кабинетъ)

ДОМИНГО.

Я? я?... Принцесса,

Въ умѣ-ли вы?

ФЕРІА.

Постойте! королю
Теперь васъ слушать некогда.

ЭБОЛИ.

Онъ долженъ
Меня сейчасъ же выслушать. Онъ долженъ
Всю правду выслушать... всю правду!

ДОМИНГО.

Что вы?

Вы всѣмъ рискуете. Остановитесь.

ЭБОЛИ.

Ты трепещи предъ гнѣвомъ своего
Кумира. Мнѣ ужъ нечѣмъ рисковать.

*(только-что она хочетъ войти въ кабинетъ, оттуда
выходитъ*

АЛЬБА.

*(глаза его горятъ; торжество въ походкѣ. Онъ бѣжитъ къ
Доминго и обнимаетъ его)*

Во всѣхъ церквяхъ велите пѣть молебны.
Побѣда наша!

ДОМИНГО.

Наша?

АЛЬБА.

(къ Доминго и прочимъ грандамъ)

А теперь
Къ монарху! Послѣ расскажу подробнѣй.

ПЯТЫЙ АКТЪ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Комната въ королевскомъ дворцѣ, съ рѣшетчатою дверью, ведущею въ большой корридоръ, въ которомъ ходятъ часовые.

КАРЛОСЪ (*сидитъ за столомъ. Голова его поκειται на рукѣ; можно подумать, что онъ спитъ. На заднемъ планѣ нѣсколько офицеровъ, вмѣстѣ съ нимъ заключенныхъ*).

МАРКИЗЪ ПОЗА (*входитъ, незамѣченный Карлосомъ и тихо говоритъ съ офицерами, которые тотчасъ удаляются. Потомъ онъ подходитъ къ Карлосу и молча, печально смотритъ на него нѣсколько минутъ. Наконецъ, дѣлаетъ движеніе, которое выводитъ принца изъ безчувственности. Карлосъ встаетъ, видитъ маркиза и содрагается. Потомъ смотритъ на него нѣсколько времени неподвижно и во весь глаза, и третъ рукою лобъ, какъ будто желая что-то припомнить*).

МАРКИЗЪ.

Мой Карлосъ, это я.

КАРЛОСЪ.

(*подаетъ ему руку*)

Ты! ты пришолъ

Ко мнѣ? Вотъ это благородно, право.

МАРКИЗЪ.

Я полагалъ, что Карлу другъ теперь
Понадобиться можетъ.

КАРЛОСЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Ты это думалъ? Ну, я очень радъ,
Невыразимо радъ. Ахъ! я вѣдь зналъ,
Что ты меня по-прежнему все любишь.

МАРКИЗЪ.

И эту вѣру заслужилъ я, Карлосъ.

КАРЛОСЪ.

Не правда-ль? О, еще не разучились
Мы понимать другъ друга! Эта нѣжность,
Пощада эта такъ обыкновенна
Въ душахъ великихъ, какъ у насъ съ тобою.
Пускай одно изъ Карловыхъ желаній
Несправедливо было... оттого
Ему ты не откажешь въ справедливыхъ.
Тверда, рѣзка быть можетъ добродѣтель,
Но не жестока, не безчеловѣчна.
Тебѣ то много стоило! Я знаю,
Какъ у тебя болѣло, ныло сердце,
Когда свою ты жертву вѣлъ на ножъ.

МАРКИЗЪ.

Что ты подъ этимъ разумѣешь, Карлосъ?

КАРЛОСЪ.

Ты самъ теперь окончишь и свершишь,
Что я бы долженъ и не могъ. Ты самъ
Создашь Испанцамъ золотые дни,
Что отъ меня они напрасно ждали.
Со мной все кончено... и навсегда.
Ты то провидѣль... О, моя любовь

Всѣ ранніе цвѣты души моей
Невозвратно оборвала. Умеръ
Я для твоихъ возвышенныхъ надеждъ.
Случай иль Промыслъ предають тебѣ
Монарха... стоить тайны лишь моей,
И онъ въ рукахъ твоихъ... ты можешь быть
Его спасителемъ. А мнѣ ужъ нѣтъ
Спасенья больше... нѣтъ-ли для Испаньи?...
Ахъ, въ этомъ ничего дурного нѣтъ,
Кромѣ нелѣпой слѣпоты моей,
Не позволявшей до-сихъ-поръ мнѣ видѣть,
Что также ты великъ, какъ нѣженъ.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ!

Вотъ этого я не предвидѣлъ... нѣтъ,
Я не предвидѣлъ, чтобъ великодушье друга
Изобрѣтательнѣе быть могло
Моихъ всемірно-мудрыхъ замышленій.
Мое все зданье рушится внезапно...
Я о твоёмъ запомятовалъ сердцѣ.

КАРЛОСЪ.

Когда-бъ *ее* ты только пощадилъ...
Вотъ видишь-ли, за это я тебѣ
Невыразимо былъ бы благодаренъ.
Или одинъ не могъ страдать я? Развѣ
Должна была второй она быть жертвой?...
Но полно! упрекать тебя не стану.
И что тебѣ до королевы? Развѣ
Ты любишь королеву? И твоей-ли
Высокой добродѣтели пещись
О мелкихъ радостяхъ моей любви?
Прости... я былъ несправедливъ.

МАРКИЗЪ.

Ты точно

Несправедливъ... но не за эти пѣни.

Одну я заслужи, я заслужу

Ихъ всѣ... а ужь тогда передъ тобою

Я такъ бы не стоялъ.

(вынимаетъ портфель)

Вотъ здѣсь изъ писемъ

Есть нѣсколько, что ты на сохраненье

Мнѣ отдалъ. Спрячь къ себѣ ихъ.

КАРЛОСЪ.

(смотритъ съ удивленіемъ, то на портфель, то на маркиза)

Какъ?

МАРКИЗЪ.

Я отдаю тебѣ назадъ ихъ, Карлосъ:

Въ твоихъ рукахъ они теперь вѣрнѣе.

КАРЛОСЪ.

Что это? Такъ король ихъ не читалъ?

Такъ онъ ихъ не видалъ?

МАРКИЗЪ.

Твой-то письма?

КАРЛОСЪ.

Ты показалъ ему не всѣ?

МАРКИЗЪ.

Но кто

Сказалъ тебѣ, что ихъ я королю

Показывалъ?

КАРЛОСЪ.

(въ сильномъ удивленіи)

Возможно-ли? Графъ Лерма.

МАРКИЗЪ.

Такъ онъ сказалъ тебѣ? Ну, такъ теперь

Все ясно! Кто-же могъ предвидѣть это?...
Такъ это Лерма?... Нѣтъ, онъ клеветы
Не знаетъ... Точно такъ... Другія письма
Лежатъ у короля.

КАРЛОСЪ.

(долго смотритъ на него съ безмолвнымъ удивленіемъ)

За что-жь я здѣсь?

МАРКИЗЪ.

Чтобъ удержать тебя на случай, еслибъ
Ты Эболи въ другой разъ пожелалъ
Своей повѣренною сдѣлать.

КАРЛОСЪ.

(будто пробужденный отъ сна)

Га!

Ну, наконецъ... теперь я понимаю!...

Теперь все стало ясно...

МАРКИЗЪ.

(идетъ къ дверямъ)

Кто идетъ?

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ГЕРЦОГЪ АЛЬБА.

АЛЬБА.

*(почтительно приближается къ принцу. Впродолженіе всей
этой сцены онъ стоитъ спиною къ маркизу)*

Принцъ, вы свободны. Посланъ королемъ я

Вамъ это возвѣститъ.

*(Карлосъ смотритъ съ изумленіемъ на маркиза. Въ мол-
чатъ)*

Свѣтлѣйшій принцъ,
Я чту себя счастливымъ, что я первый
Имѣю честь...

КАРЛОСЪ.

*(смотритъ на обоихъ съ величайшимъ удивленіемъ. Потомъ
обращается къ герцогу)*

Меня берутъ подъ стражу,
Мнѣ говорятъ потомъ, что я свободенъ,
А я и самъ не вѣдаю, за что
Я взятъ подъ стражу, и за что мнѣ
Свободу объявляютъ?

АЛЬБА.

По ошибкѣ,
Ваше высочество, какъ слышалъ я,
Къ какой одинъ обманщикъ короля
Склонилъ.

КАРЛОСЪ.

Но все-жъ я здѣсь по повелѣнью
Монарха нахожусь?

АЛЬБА.

Да, по ошибкѣ
Его величества.

КАРЛОСЪ.

Мнѣ очень жаль...
Но если ошибается король,
Такъ пусть же самъ король, своей особой,
Свою ошибку и поправитъ.

*(онъ ищетъ глазами маркиза и сохраняетъ гордое презрѣніе
къ герцогу)*

Здѣсь

Зовутъ меня Филиппа сыномъ. Очи
И клеветы, и любопытства зорко
Слѣдятъ за всякимъ изъ моихъ движеній.
То, что монарха долгъ заставилъ сдѣлать,
Я не хочу принять того какъ милость.
Пожалуй, я готовъ предъ судъ кортесовъ
Немедленно предстать... но шпаги, герцогъ,
Я не прійму изъ вашихъ рукъ.

АЛЬБА.

Король

Вамъ вѣрно не откажетъ въ исполненіи
Такого справедливаго желанья,
Когда, ваше высочество, мнѣ только
Позвольте васъ проводить къ нему...

КАРЛОСЪ.

Я здѣсь останусь до-тѣхъ-поръ пока
Меня король, или его Мадритъ
Не выведутъ отсюда. Потрудитесь
Ему отвѣтъ мой передать.

(Альба удаляется. Нѣсколько времени онъ стоитъ въ кор-
ридорѣ и раздаетъ приказанія)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

КАРЛОСЪ. Маркизь Поза.

КАРЛОСЪ.

Но что-жь

Все это значить? Изъясни мнѣ.

Ты развѣ не министръ?

МАРКИЗЪ.

Я былъ, какъ видишь

(подходитъ къ нему въ сильномъ волненіи)

О, Карль, подѣйствовало это... Да...

Ужь удалось... Все сдѣлано теперь...

О, слава Богу!

КАРЛОСЪ.

Удалось? Но что-же?

Я словъ твоихъ не понимаю.

МАРКИЗЪ.

(схватываетъ его за руку)

Ты

Спасень, мой Карль... свободенъ... я же...

(останавливается)

КАРЛОСЪ.

Ты?

МАРКИЗЪ.

А я... я жму тебя къ груди своей

Впервые съ полнымъ, совершеннымъ правомъ:

Я вѣдь купилъ его всѣмъ, всѣмъ, что мнѣ

Здѣсь дорого... О, Карль, какъ велика,

Какъ сладостна минута эта! Я
Собой доволенъ.

КАРЛОСЪ.

Что за перемѣна
Въ твоихъ чертахъ? Еще я никогда
Тебя такъ не видалъ. Вольнѣе грудь
Твоя вздымается, а очи блещутъ.

МАРКИЗЪ.

Другъ съ другомъ должно намъ проститься, Карлосъ.
О, не пугайся. Будь мужчиной! Что бы
Ты ни услышалъ отъ меня, мой Карлосъ,
Дай слово мнѣ неукротимымъ горемъ,
Сердцеъ великихъ вовсе недостойнымъ,
Не дѣлать тягостнѣй разлуки нашей...
Меня теряешь ты — на много лѣтъ...
Глупцы зовутъ это навѣки.

*(Карлосъ отдергиваетъ руку, пристально смотритъ на него
и ничего не отвѣчаетъ)*

Будь

Мужчиной! Я увѣренъ былъ въ тебѣ,
Я положилъ съ тобой провести тотъ часъ,
Что здѣсь послѣднимъ страшно называютъ...
Признаться ли тебѣ, мой Карль? Я даже
Былъ радъ тому... Пойдемъ-ка, сядемъ...
Я весь измученъ и ослабъ.

*(онъ придвигается къ Карлосу, который все еще погруженъ
въ мертвое оцѣпенѣніе и машинально садится подле него)*

Гдѣ-жь ты?

Ты мнѣ не отвѣчаешь?... Слушай, Карлосъ:
Спусти лишь день, какъ мы въ послѣдній разъ
У Картезійцовъ видѣлись съ тобою,
Потребовалъ меня къ себѣ король.

Послѣдствія ты знаешь, знаетъ цѣлый
Мадритъ. Не знаешь только, что ужь тайна
Твоя была извѣстна королю,
Что письма найдены у королевы
Въ шкатулкѣ и что я отъ короля
Узналъ объ этомъ, потому что былъ
Его повѣреннымъ.

*(останавливается въ ожиданіи отвѣта отъ Карлоса, кото-
рый упорствуетъ въ молчаніи)*

Да, Карлосъ! я своими
Устами дружбѣ нашей измѣнилъ.
Я самъ комplotомъ управлялъ, который
Тебѣ готовилъ гибель. Слишкомъ громко
Ужь говорило дѣло. Оправдать
Тебя ужь было поздно. Овладѣть
Филиппа мщеніемъ — вотъ одно, что я
Еще могъ сдѣлать для тебя. И такъ,
Я сталъ врагомъ твоимъ, чтобъ тѣмъ сильнѣе
Тебѣ служить... Ты слушаешь меня?

КАРЛОСЪ.

Я слушаю, но дальше, дальше!

МАРКИЗЪ.

До-сихъ-поръ нѣтъ на мнѣ вины. Но вотъ
Мнѣ измѣняетъ непривычный лучъ
Великой милости монарха. Толки
Доходятъ до тебя, какъ я предвидѣлъ.
Но я, подкупленный любовью ложной,
Тщеславіемъ надменнымъ ослѣпленный —
Окончить безъ тебя все дѣло, — я
Отъ дружбы тайну страшную скрываю.
Вотъ здѣсь огромная ошибка! Сильно
Я проступился. Знаю, сумасбродствомъ

Была моя увѣренность. Прости мнѣ —
Я основалъ довѣрчиво ее
На вѣчности твоей высокой дружбы.

*(онъ умолкаетъ. Карлосъ изъ своего оцѣпененія переходитъ
къ сильному волненію)*

Чего я опасался, то случилось.
Тебя пугаютъ вымышленнымъ страхомъ.
То королева вся въ крови — то ужасъ
Смятеннаго дворца — то графа Лермы
Несчастливая услужливость — кому-жъ
И странное мое молчанье, все
Въ твое въ распахъ застигнутое сердце
Ударило внезапно, разомъ... Ты
Колеблешься... Ты думаешь, что я
Потерянъ для тебя... но слишкомъ благородный,
Чтобъ сомнѣваться въ благородствѣ друга,
Его паденье ты величьемъ называешь:
И лишь тогда рѣшаешься признать
Его измѣну ты, когда въ измѣнѣ
Онъ твоего достоинъ уваженья.
И вотъ покинутый ты другомъ въ руки
Бросаешься принцессы вѣроломной;
Несчастный! въ дьявольскія руки:
Она вѣдь это предала тебя.

(Карлосъ встаетъ)

Я вижу, какъ ты къ ней бѣжишь. Всѣ злыя
Предчувствія вонзаются мнѣ въ сердце.
Я за тобой иду. Ужъ поздно! Ты
Лежишь у ногъ ея. Признанье съ устъ
Твоихъ уже слетѣло. Для тебя
Нѣтъ болѣе спасенья...

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ, она
Была растрогана. Ты обманулся.
Она была растрогана.

МАРКИЗЪ.

Въ глазахъ
Тутъ у меня стемнѣло, помутилось.
Нигдѣ..., нигдѣ нѣтъ средства... нѣтъ спасенья...
Нѣтъ больше помощи во всей вселенной!
Отчаянье овладѣваетъ мною...
Я демономъ, я звѣремъ становлюсь...
Я женщинѣ кинжаломъ угрожаю...
И вдругъ... вдругъ мысль, какъ солнца лучъ блестящій,
Мою внезапно душу озаряетъ.
Что если-бъ обмануть Филиппа? если-бъ
Въ его глазахъ мнѣ самому прослыть
Виновнымъ? Вѣроятно-ль, нѣтъ ли,
Лишь только бы прослыть! — Для короля
Филиппа виду одного довольно;
Повѣрить онъ, какъ всякому дурному.
Пусть будетъ такъ. Рѣшаюсь я. Онъ станетъ
Раздумывать, а Карлосъ между тѣмъ
Успѣетъ въ Нидерланды удалиться.

КАРЛОСЪ.

И это... ты ужь сдѣлалъ?

МАРКИЗЪ.

Я пишу
Во Фландрію, къ Оранскому, что я
Влюбился въ королеву, что склонивши
Все подозрѣнье на тебя, мнѣ удалось
Уже Филиппа обмануть, что я
Черезъ монарха самого дорогу

Умѣлъ себѣ къ ней проложить. Но тутъ же
Я прибавляю, что страшусь открытій,
Что ты, узнавъ объ этой страсти, прямо
Къ принцессѣ Эболи пошелъ въ покои,
Съ намѣреньемъ, быть можетъ, чрезъ нее
Предостеречь Елисавету... что тебя
Я посадилъ подъ стражу, и теперь
Намѣренъ въ Брюсселѣ укрыться. Это
Письмо...

КАРЛОСЪ.

(испуганный, перебиваетъ его)

Не отдалъ ли ужъ ты на почту?
Ты знаешь, что всѣ письма въ Нидерланды...

МАРКИЗЪ.

Передаются королю. Какъ видно,
Уже Таксисъ свой долгъ исполнилъ.

КАРЛОСЪ.

Боже!

Такъ я погибъ!

МАРКИЗЪ.

Ты? Почему же ты?

КАРЛОСЪ.

Несчастный! вѣдь и ты погибъ со мною.
Подобнаго обмана мой отецъ
Намъ не простить во вѣки. Нѣтъ такого
Онъ не простить обмана никогда!

МАРКИЗЪ.

Обмана? Ты разсѣянъ, Карлъ. Опомнись.
Кто-жъ объ обманѣ этомъ ему скажетъ?

КАРЛОСЪ.

(пристально смотритъ ему въ глаза)

Кто, спрашиваешь ты? Я самъ.

(хочетъ идти)

МАРКИЗЪ.

Съ ума
Сошелъ ты что-ли? Стой. Куда ты?

КАРЛОСЪ.

Прочь, прочь!

О, ради Бога! не держи меня!

МАРКИЗЪ.

Остановись! намъ дороги, священные
Эти минуты. Намъ еще довольно
Есть передать другъ другу.

КАРЛОСЪ.

Что? А онъ

И не узнаетъ...

(хочетъ опять идти)

МАРКИЗЪ.

(взявъ его за руку)

Слушай, Карлосъ, былъ ли
Я такъ поспѣшенъ, также щекотливъ,
Какъ за меня ты кровью истекалъ
Тогда... ты помнишь?

КАРЛОСЪ.

(растроганный, въ удивленіи останавливается передъ нимъ)

О, великій Промыслъ!

МАРКИЗЪ.

Спаси себя для Фландріи! Престолъ
Твое призванье. За тебя погибнуть —
Было моимъ.

КАРЛОСЪ

Нѣтъ, нѣтъ! Не будетъ онъ,
Не можетъ онъ быть непреклоннымъ!
Я поведу тебя къ нему. Рука
Съ рукой къ нему пойдёмъ мы оба вмѣстѣ.

Родитель мой, ему скажу я, вотъ что
Здѣсь сдѣлалъ другъ для друга своего.
Онъ будетъ тронуть. Вѣрь мнѣ, вѣрь,
Онъ не совсѣмъ еще безчеловѣченъ,
О, да! Онъ будетъ тронуть этимъ. Очи
Его нальются жаркими слезами,
И онъ тебѣ и мнѣ простить...

*(сквозь рѣшетчатую дверь раздается выстрѣлъ. Карлосъ
вздрагиваетъ)*

Га!

Въ кого же это?

МАРКИЗЪ.

Кажется въ меня.

(падаетъ)

КАРЛОСЪ.

(съ крикомъ падаетъ возлѣ него на полъ)

О, милосердый Боже!

МАРКИЗЪ.

(замирающимъ голосомъ)

Онъ скоръ...

Король... я думалъ... дольше... Позаботься

Ты о спасеньи... слышишь? о спасеньи...

Все знаетъ королева... не могу...

*(Карлосъ, какъ мертвый, лежитъ возлѣ трупа. Спустя нѣ-
сколько времени, входитъ король въ сопровожденіи многихъ
грандовъ, и при взглядѣ на эту сцену, въ смущеніи отсту-
паетъ назадъ. Всеобщее глубокое молчаніе. Гранды стано-
вятся полукругомъ и смотрятъ попеременно то на короля,
то на его сына. Пѣсѣдній лежитъ все еще безъ всякаго при-
знака жизни. Король смотритъ на него, погруженный въ
глубокое размышленіе)*

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Король. Карлосъ. Герцоги: Альба, Феріа и
Медина-Сидоніа. Принцъ Пармскій. Графъ
Лерма. Доминго и другіе гранды.

КОРОЛЬ.

(милостиво)

Твое желаніе исполнено, инфантъ.

Я здѣсь; я самъ со всей своей грандецей

Пришолъ тебѣ свободу возвратить.

*(Карлосъ, очнувшись, оглядывается вокругъ какъ пробужден-
ный отъ сна. Глаза его останавливаются то на король, то
на маркизъ. Онъ ничего не отвѣчаетъ)*

Вотъ мечъ твой, Карлъ. Произошла ошибка.

*(приближается къ нему, подаетъ руку и помогаетъ ему
встать)*

Ты не на мѣстѣ здѣсь, мой Карлосъ. Встань.

Приди въ мои объятія.

КАРЛОСЪ.

*(безсознательно, падаетъ въ объятія короля — но внезапно
приходитъ въ себя и пристально всматривается въ него)*

Отъ тебя

Убійствомъ пахнетъ. Не могу я

Тебя обнять.

(отталкиваетъ его. Гранды приходятъ въ движеніе)

Чего вы испугались!

.....

..... О, не бойтесь.

Я на него руки не наложу.

Иль вы не видите: клеймомъ пылаетъ

Чело его. Самъ Богъ его отмѣтилъ.

КОРОЛЬ.

(быстро отворачивается)

Пойдемте, гранды.

КАРЛОСЪ.

(крепко держитъ его рукою, схвативъ другою мечъ, принесенный королемъ. При сильномъ движеніи мечъ обнажается)

КОРОЛЬ.

Мечъ поднять на отца?

Всѣ гранды.

(вынимая мечи)

Цареубійство!

КАРЛОСЪ.

(по прежнему не выпуская короля; съ обнаженнымъ мечемъ)

Мечи въ ножны! Чего хотите вы?

Иль думаете я сошелъ съ ума.

Я не сошелъ съ ума. Иначе дурно

Вы поступили бы, напомнивъ мнѣ,

Что на концѣ вотъ этаго меча

Жизнь короля висить. Прошу васъ, станьте

Поодаль. Я теперь не такъ настроенъ,

Чтобъ безопасно можно было мнѣ

Перечить. Потому, — посторонитесь.

Что королю имѣю я сказать,

То не касается присяги вашей.

Смотрите сколько крови у него

На пальцахъ! О, смотрите на него!

Вы видите-ль? Теперь сюда смотрите! —

Вотъ что онъ сдѣлалъ мудрый сердецѣдецъ!

КОРОЛЬ.

(грандамъ, которые было его окружили)

Посторонитесь всѣ. — Чего боитесь?

Иль мы не сынъ съ отцомъ? Хочу я видѣть

Къ какому злодѣянію природа...

КАРЛОСЪ.

Природа? Я не знаю никакой.
Теперь убійство лозунгъ. Узы крови
Теперь расторгнуты. Ты самъ расторгъ ихъ
Во всѣхъ своихъ державахъ, государь.
Мнѣ-ль уважать, надъ чѣмъ ты самъ глумишься?
Сюда, сюда взгляните. Никогда
Такого преступленья какъ сегодня
Еще не совершалось. — Иль Бога нѣтъ?
Иль могутъ сильные въ его созданьяхъ
Самоуправствовать такъ дерзко? Развѣ,
Я повторяю, нѣту Бога? — Съ той поры
Какъ матери рожаютъ — ни одинъ,
О ни одинъ еще не умиралъ
Безвинно такъ. — Но знаешь ли ты полно,
Что сдѣлалъ ты? — Нѣтъ, онъ того не знаетъ,
Не знаетъ онъ, что онъ укралъ изъ міра
Такую жизнь, что лучше, благороднѣй
И драгоцѣннѣе была, чѣмъ онъ
Со всѣмъ своимъ столѣтьемъ.

КОРОЛЬ.

(смягченнымъ голосомъ)

Если я
Былъ слишкомъ скоръ, то для тебя же, сынъ мой,
И не тебѣ меня въ томъ упрекать.

КАРЛОСЪ.

Возможно-ль? вы не знаете до-сихъ-поръ
Кѣмъ былъ покойникъ мнѣ. — Такъ вы ему скажите
Его всевѣдѣнью придите *вы* на помощь.
Покойникъ былъ мнѣ другомъ. — А хотите-ль
Вы знать зачѣмъ онъ умеръ? — За меня
Онъ умеръ.

КОРОЛЬ.

О предчувствіе мое!

КАРЛОСЪ.

Прости окровавленный прахъ, прости,
Что подвигъ твой предъ этими ушами
Разоблачаю я! Но пусть отъ срама
Поникнетъ этотъ гордый сердецѣдецъ
При мысли, что его съдую мудрость
Перехитрилъ умъ юноши! Да, братья
Мы были, братья, государь, по узамъ,
Которыя священнѣй узъ природы.
Его вся жизнь была любовь. Любовь
Ко мнѣ была его великая кончина.
Моимъ онъ былъ тогда какъ уваженьемъ
Его вы такъ гордились, какъ шутила
Рѣчь бойкая его съ всезнаньемъ вашимъ.
Имъ управлять, вы думали — и были
Орудіемъ его великихъ плановъ.
Что арестованъ я, то было дружбы
Его глубоко сознаннымъ поступкомъ.
Меня спасти онъ написалъ письмо
Къ Оранскому. — О Боже, это было
Его прекрасной жизни первой ложью!
Меня спасти — онъ бросился на смерть.
Вы милостью своей его взыскали —
Онъ умеръ за меня. Вы дружбу, сердце
Свое ему навязчиво всучили;
Вашъ скипетръ былъ въ рукахъ его игрушкой:
Онъ бросилъ все и умеръ за меня!

*(король стоитъ безъ движенія, поникнувъ головою. Гранды
находятся въ страхъ и нерѣшительности)*

И что-жь? Возможно-ль? Вы могли повѣрить

Такой невѣроятной, грубой лжи?
И за кого считалъ онъ васъ, какъ вздумалъ
Васъ обмануть такою балаганной,
Такою площадною шуткой! Дружбы
Его искать дерзали вы и пали
На этомъ легкомъ испытаньи! Нѣтъ!
О, нѣтъ! То было не для васъ!
Рукой желѣзной вы разбили эту
Прелестную гармонию нѣжныхъ струнъ.
Убить его — могли вы только, и...
Убили!

АЛЬБА.

(все это время не спускалъ глазъ съ короля, и слѣдилъ за его движеніями съ явнымъ безпокойствомъ. Боязливо подходитъ къ нему)

Государь, что вы молчите?

Взгляните хоть на насъ! Скажите слово!

КАРЛОСЪ.

И къ вамъ онъ былъ равнодушенъ. Къ вамъ
Питалъ онъ съ давнихъ поръ участие. Могъ бы
И васъ онъ счастьемъ одѣлать. Богата
Была душа его и даже васъ
Могла своимъ избыткомъ осчастливить.
Онъ богомъ могъ васъ сдѣлать! Сами
Себя вы обокрали, государь,
Да и меня съ собою. — Что теперь
Дадите вы, чтобъ къ жизни воскресить
Такую душу?

(глубокое молчаніе. Многіе гранды отворачиваются или закрываютъ лица плащами)

О вы, что здѣсь стоите, и отъ страха
Немѣете, — не осуждайте сына,

За эту рѣчь съ отцомъ и королемъ.
Сюда взгляните. — Для меня онъ умеръ!
Когда у васъ есть слезы, если въ жилахъ
У васъ не раскаленное желѣзо,
А кровь течетъ, — сюда, сюда взгляните,
И будьте снисходительны ко мнѣ.

(съ большимъ спокойствіемъ обращается къ королю)

Теперь вы ждете, можетъ-быть, чѣмъ эта
Вся сцена кончится? — Вотъ мечъ мой. Вы,
Вы снова мой король. Я не боюсь
Ни гнѣва вашего, ни вашей мести.
Убейте и меня, какъ вы убили
Великаго изъ человѣковъ. Жизнь
Моя ужъ не долга. Я это знаю.
И что мнѣ жизнь теперь? Вотъ здѣсь слагаю
Я все, чѣмъ свѣтъ меня прельщалъ. Ищите
Изъ чуждыхъ вамъ себѣ другого сына —
Вотъ здѣсь мои державы!

(склоняется надъ трупомъ и не принимаетъ болѣе никакого участія въ окружающемъ. Между-тѣмъ, изъ-дали слышится громкій говоръ и шумъ приближающейся толпы. Вокругъ короля глубокое молчаніе. Онъ останавливается глазами на всѣхъ, но не встрѣчаетъ ни чьихъ взоровъ)

КОРОЛЬ.

Ну?... Никто

Не отвѣчаетъ. — Смотрятъ въ землю всѣ —
И лица всѣхъ закрыты. — Приговоръ,
Какъ видно, мнѣ прочтенъ. Онъ чотокъ въ этихъ
Нѣмыхъ глазахъ. Я вами осужденъ?

(прежнее молчаніе. Шумъ становится ближе и слышнѣе. Въ рядахъ грандовъ возникаетъ шопотъ; они дѣлаютъ другъ другу знаки; графъ Лерма, наконецъ тихо герцогу Альбъ)

ЛЕРМА.

Но, право, это бунтъ!

АЛЬБА.

(тихо)

Боюсь и я

Того же.

ЛЕРМА.

Герцогъ, чу! идутъ сюда.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Офицеръ Лейбъ-гвардіи.

ОФИЦЕРЪ.

(запыхавшись)

Бунтъ! Гдѣ король?

(проталкивается сквозь толпу; королю)

Мадритъ въ волненіи! Чернь,
Вооруженные солдаты окружили
Дворецъ. Принцъ Карлосъ, говорятъ, посаженъ,
И жизнь его въ опасности. Народъ
Его живаго хочетъ видѣть, или
Мадритъ зажечь.

Всѣ гранды.

(въ движеніи)

Спасайте короля!

АЛЬБА.

(королю, стоящему спокойно и безъ движенія)

Бѣгите, государь. Опасно здѣсь.

Еще не знаемъ мы кто чернью править.

КОРОЛЬ.

(вдруг пробуждается, какъ-будто вырастаетъ и величественно къ нимъ подходитъ)

Престолъ мой цѣль-ли или нѣтъ? Король-ли
Я въ этомъ государствѣ, или нѣтъ? — Нѣтъ,
Я больше не король здѣсь. Эти трусы
Расплакались, какъ бабы, отъ рѣчей
Мальчишки. Ждутъ ужь, можетъ-быть, лишь знака,
Чтобы меня оставить. Проданъ я
Преступною измѣной.

АЛЬБА.

Государь,

Какая мысль!

КОРОЛЬ.

Туда! Предъ нимъ склоняйтесь!
Предъ молодымъ, цвѣтущимъ королемъ
Сгибайте спины! — Я уже ничто —
Старикъ безпомощный и хилый!

АЛЬБА.

Какъ!

Ужъ до того дошло? — Испанцы!

(все тѣснятся около короля и съ обнаженными мечами преклоняютъ предъ нимъ колѣна. Карлосъ, одинъ, оставленный всѣми, остается у трупа)

КОРОЛЬ.

(срываетъ съ себя мантию и бросаетъ ее)

Вотъ его

Одѣньте королевскою одеждой —

Его черезъ поруганный мой трупъ
Несите.

(въ обморокъ падаетъ на руки Альбы и Лермы)

ЛЕРМА.

Помогите! Боже! Боже!

ФЕРІА.

Что за ужасный случай!

ЛЕРМА.

Онъ

Въ безпамятствѣ.

АЛЬБА.

(сдастъ короля на руки Лермъ и Феріа)

Снесите короля

Въ опочивальню! Я же, между тѣмъ

Дарую миръ Мадриту.

(уходитъ. Короля уносятъ; гранды сопровождаютъ его)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

КАРЛОСЪ одинъ остается у трупа. Нѣсколько минутъ спустя входитъ ЛЮДВИГЪ МЕРКАДО, боязливо оглядывается и стоитъ молча нѣсколько времени за принцемъ, который не замѣчаетъ его.

МЕРКАДО.

Я присланъ къ вамъ отъ королевы.

(Карлосъ снова смотритъ въ сторону и не отвѣчаетъ)

Имя

Мое Меркадо... Я лейбъ-медикъ

Ея величества... и вотъ мое,

Принцъ, полномочье.

(показываетъ принцу перстень. Принцъ все еще не отвѣчаетъ)

Королева хочет
Васъ видѣть нынче... Важныя дѣла...

КАРЛОСЪ.

На этомъ свѣтѣ ничего мнѣ больше
Не важно.

МЕРКАДО.

Порученье, говорила,
Отъ кавалера Позы...

КАРЛОСЪ.

(быстро встаетъ)

Что?... Сейчасъ.

МЕРКАДО.

(хочетъ идти съ нимъ)

Нѣтъ, не теперь, свѣтлѣйшій принцъ. Вамъ должно
До ночи подождать. Проходы всѣ
Заставлены; удвоена вся стража.
Рѣшительно нельзя въ то отдѣленье
Дворца, не бывъ замѣченнымъ, войти.
Безумствомъ это было бы...

КАРЛОСЪ.

Но...

МЕРКАДО.

Только

Одно еще есть средство... королева
Сама нашла его и предлагаетъ
Теперь на разсмотрѣнье ваше, принцъ;
Но средство это смѣло и опасно.

КАРЛОСЪ.

Скажите.

МЕРКАДО.

Ужъ давно идетъ преданье,
Какъ сами знаете, что ровно въ полночь

Подъ сводами дворцовыхъ галерей
Усопшій духъ покойнаго монарха
Въ одеждѣ мрачной инока блуждаетъ.
Чернь вѣритъ этимъ слухамъ; часовые
Со страхомъ занимаютъ этотъ постъ.
Когда-бъ рѣшились вы переодѣться,
То вамъ бы можно было безопасно
Дойти до комнатъ королевы; ихъ
Вамъ этотъ ключъ отворить. Видъ священный
Васъ оградить отъ всякихъ нападеній.
И такъ рѣшайтесь, принцъ, сейчасъ рѣшайтесь.
Одежду, маску у себя найдете,
А я межъ-тѣмъ отвѣтъ вашъ королевѣ
Пойду снесу.

КАРЛОСЪ.

А время?

МЕРКАДО.

Время — полночь.

КАРЛОСЪ.

Скажите-жъ королевѣ, чтобъ она
Меня ждала.

(Меркадо уходитъ)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

КАРЛОСЪ. Графъ Лерма.

ЛЕРМА.

Спасайтесь, принцъ. Король
На васъ разгнѣванъ и свобода ваша
Въ опасности, а можетъ быть и жизнь.
Не спрашивайте болѣе меня.
Я скрылся, чтобы васъ предостеречь.
Не медлите, бѣгите!

КАРЛОСЪ.

Я въ рукахъ

Всевышняго.

ЛЕРМА.

Какъ королева мнѣ
Дала замѣтить, вы еще сегодня
Должны Мадридъ оставить и бѣжать
Въ Голландію. Смотрите-жь принцъ,
Не медлите. Вамъ возмущенье
Благопріятствуетъ. Вотъ потому
И королева такъ распорядилась.
Теперь едва-ль осмѣлятся насилье
Противу васъ употребить. Васъ ждетъ
Въ монастырѣ картезіанскомъ почта;
А вотъ вамъ и оружіе на случай,
Когда-бъ принудили...

(подаетъ ему кинжалъ и пистолеты)

КАРЛОСЪ.

Благодарю,

Благодарю, графъ Лерма!

ЛЕРМА.

Вашъ разсказъ

Меня до глубины души растрогалъ.

Такъ болѣе не любятъ! Патріоты

До одного всѣ съ вами вмѣстѣ плачутъ.

Но больше вамъ сказать теперь не смѣю.

КАРЛОСЪ.

Графъ Лерма! Васъ покойникъ называлъ

Прямымъ и благороднымъ человѣкомъ.

ЛЕРМА.

Еще разъ, добрый принцъ, счастливый путь вамъ!

Дастъ Богъ, настанетъ лучшій вѣкъ; меня

Тогда на свѣтѣ ужъ не будетъ.

Пріимите же теперь мою присягу.

(преклоняетъ предъ нимъ колѣно)

КАРЛОСЪ.

(хочетъ удержать его, въ сильномъ волненіи)

Не такъ, не такъ, графъ Лерма... Вы меня

Растрогали... Мнѣ-бъ не хотѣлось быть

Растроганнымъ.

ЛЕРМА.

(цѣлуетъ его руку съ чувствомъ)

Король моихъ дѣтей!

Мои лишь дѣти будутъ въ состояннѣ

За васъ животъ свой положить. А я

Того не смѣю. Вспомните меня

Въ дѣтяхъ моихъ... Счастливо возвращайтесь

Назадъ въ Испанью. Будьте человѣкомъ

На тронѣ короля Филиппа. Вы

Страдали сами. Не предпринимайте

Противъ родителя вы ничего

Кроваваго. О, ничего, мой принцъ!

Филиппъ Второй принудилъ отказаться
Отъ трона дѣда вашего — и вотъ
Филиппъ Второй теперь трепещетъ самъ
Передъ своимъ единороднымъ сыномъ!
Подумайте о томъ, и Богъ храни васъ.

*(онъ поспѣшно уходитъ. Карлосъ хочетъ идти въ противо-
положную сторону, но возвращается, преклоняется передъ
тѣломъ маркиза и заключаетъ его въ объятія, потомъ
встаетъ и быстро оставляетъ комнату)*

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Приемная короля.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБА. ГЕРЦОГЪ ФЕРІА
(входятъ разговаривая).

АЛЬБА.

Мадритъ спокоенъ. Какъ вы короля
Оставили?

ФЕРІА.

Въ ужасномъ раздраженъи.
Онъ заперся. Чтò-бъ ни случилось, онъ
Къ себѣ впускать души не приказалъ.
Измѣна Позы всю его натуру
Внезапно измѣнила. Мы его
Не узнаемъ.

АЛЬБА.

Мнѣ надобно къ нему.
На этотъ разъ нельзя щадить его.
Открытъе важное, что лишь сейчасъ...

ФЕРІА.

Какъ! новое оттрытье?

АЛЬБА.

Картезіійскій

Монахъ, прокравшійся тайкомъ къ инфанту,

И очень подозрительно внимавшій

Разсказу о кончинѣ кавалера,

Попался въ руки караула. Тутъ же

Его остановили. Ужасъ смерти

Его признаться наконецъ заставилъ,

Что у него есть важныя бумаги,

Которыя покойникъ поручилъ

Ему отдать инфанту въ руки, если

Онъ до заката солнечнаго самъ

Съ нимъ не увидится.

ФЕРІА.

Ну, что-жь?

АЛЬБА.

Изъ писемъ

Увидѣлъ я, что Карлосъ нынче въ полночь

Мадритъ оставить долженъ.

ФЕРІА.

Что?

АЛЬБА.

Что судно

Его ждетъ въ Кадиксѣ для перевоза

Во Флисингенъ; что штаты Нидерландовъ

Его лишь только ждутъ, чтобы сорваться

Съ испанской цѣпи.

ФЕРІА.

Это что еще?

АЛЬБА.

Другія письма извѣщаютъ, что
Флотъ Солимана вышелъ изъ Родоса,
Чтобъ въ Средиземномъ морѣ на нашъ флотъ
Напасть...

ФЕРІА.

Возможно-ли?

АЛЬБА.

Вотъ эти письма

Мнѣ и даютъ понятіе о поѣздкахъ,
Предпринятыхъ Мальтійцомъ по Европѣ.
Не о бездѣлицѣ какой шло дѣло,
Но о возстаньи сѣверныхъ монарховъ
За независимость Фламандцевъ.

ФЕРІА.

Это

Онъ сдѣлалъ?

АЛЬБА.

Наконецъ изъ этихъ писемъ
Весь видѣнъ планъ войны кровопролитной,
Что отъ испанскаго владычества на вѣки
Должна была освободить Голландцевъ.
Тамъ ничего не выпущено. Все
Исчислено: сопротивленіе, силы,
Всѣ средства, всѣ источники даны;
Съ подробностью неимовѣрно-ясной,
Показано какъ все устроить должно,
Какіе съ кѣмъ союзы заключить.

ФЕРІА.

Ахъ, Боже мой! какой опасный, страшный
Предатель!

АЛЬБА.

Упомянуто еще
Въ его письмѣ о тайномъ совѣщаньи,
Въ ночь предъ отъѣздомъ, принца съ королевой.

ФЕРІА.

Да это нынче, герцогъ.

АЛЬБА.

Въ полночь. Я
На всякій случай ужъ распорядился.
Вы сами видите — необходимость...
Нельзя терять минуты... Отворите
Мнѣ дверь къ его величеству.

ФЕРІА.

Не смѣю.
Входъ запрещенъ.

АЛЬБА.

Такъ отворю я самъ...
Опасность оправдаетъ эту смѣлость...

(только что онъ подходитъ къ дверямъ, какъ онѣ отворяются и входитъ король)

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. КОРОЛЬ.

(при взглядъ на него всѣ ужасаются, отступаютъ и почти-
тельно даютъ ему дорогу. Онъ идетъ, будто погружен-
ный въ сонъ, какъ въ лунатизмъ. Его одежда показываетъ
еще безпорядокъ отъ недавняго обморока. Медленными шага-
ми проходитъ онъ мимо присутствующихъ грандовъ, при-
стально взглядывая на каждаго и ни одного не замѣчая. Онъ
останавливается, погруженный въ думы, потупивъ взоръ, по-
ка наконецъ не проявляется его внутреннее движеніе)

КОРОЛЬ.

Покойника мнѣ этого отдай!

Онъ нуженъ мнѣ.

ДОМИНГО.

(тихо къ Альбѣ)

Начните говорить съ нимъ

КОРОЛЬ.

(какъ выше)

Онъ умеръ, но онъ нуженъ мнѣ. Я долженъ,
Хочу опять имѣть его. Онъ долженъ
Иначе думать обо мнѣ.

АЛЬБА.

(со страхомъ приближается)

Сирь...

КОРОЛЬ.

Кто

Здѣсь говоритъ?

(онъ долго осматриваетъ всѣхъ грандовъ)

Забыли вы кто я?

Зачѣмъ не на колѣнахъ, тварь пустая?

Еще я вашъ король. Подобострастье
Хочу я видѣть. Иль ужь всѣ меня
Не ставятъ ни вочто, за то что презрѣлъ
Меня одинъ?

АЛЬБА.

О немъ ни слова, сирь!
Другой опаснѣйшій и злѣйшій врагъ
Ступилъ на сердце вашей монархіи.

ФЕРІА.

Принцъ Карлосъ...

КОРОЛЬ.

У него былъ другъ, который
Пошолъ на смерть для друга, — для него!...
Со мной онъ раздѣлилъ бы королевство!
Какъ гордо на меня смотрѣлъ онъ! Съ троновъ
Не смотрятъ такъ надменно. Ясно было,
Что онъ своей побѣдою гордился!
О томъ что потерялъ онъ — плакалъ онъ.
О пустякахъ вѣдь такъ не плачутъ. Еслибъ
Онъ жилъ! — за это-бъ Индію я отдалъ.
Что въ власти мнѣ, когда она не можетъ
Въ гробахъ рукой порыться и поправить
Свою ошибку жизнью человѣка!
Покойники не воскресаютъ. Кто же
Осмѣлится сказать мнѣ, что я счастливъ?
Въ гробу лежитъ теперь меня презрѣвшій.
Какое-жъ дѣло до живыхъ мнѣ? Умъ
Великій, человѣкъ свободный всталъ
Во все столѣтье разъ — и тотъ презрѣлъ
Меня и умеръ

АЛЬБА.

Стало-быть напрасно

Мы жили! Ляжемъ въ гробъ, Испанцы!
И даже мертвый этотъ человѣкъ
У насъ монарха сердце похищаетъ!

КОРОЛЬ.

(садится, подперши голову рукою)

О, если-бъ такъ онъ умеръ для меня!
Я полюбилъ его; какъ сынъ родной,
Онъ былъ мнѣ дорогъ Въ этомъ человѣкѣ
Всходило для меня другое утро,
Прекраснѣй, чище прежняго. Кто знаетъ,
Что могъ бы для него сберечь я!
Онъ былъ моею первою любовью.
Пускай Европа вся клянеть меня,
Что мнѣ за дѣло до ея проклятій,
Но отъ него я ждалъ благодареній.

ДОМИНГО.

Какой волшебной силой...

КОРОЛЬ.

.....
.....
И бѣдный пламень дружбы переполнить
Не въ силахъ сердца Позы. Это сердце
Для человѣчества лишь только билось.
Его единственной любовью былъ —
Весь міръ со всѣмъ грядущимъ поколѣньемъ.
Чтобъ утолить любовь свою — онъ тронъ
Умѣлъ найти — и вдругъ проходить мимо?
Неужли Поза можетъ быть виновенъ
Предъ человѣчествомъ въ такой измѣнѣ?
Его я лучше знаю. Не Филиппомъ
Онъ жертвуетъ Карлосу — старика лишь

Мѣняетъ онъ на юношу. Отца
Почти зашедшее ужъ солнце новой
Не оживляетъ жизни. Сыну берегутъ
Труды и силы. Это ясно. Ждутъ
Моей лишь только смерти.

АЛЬБА.

Въ этихъ письмахъ
Прочтете подтвержденъ этой мысли.

КОРОЛЬ.

(встаетъ)

А могъ вѣдь онъ и ошибаться. Я, —
Еще я живъ. Благодарю, природа!
Я въ мышцахъ юношеской силы
Біенья слышу. Я надъ нимъ потѣшусь.
На перекоръ ему пойду; и пусть
Его всѣ идеалы будутъ бредомъ
Мечтателя пустаго. Какъ глупецъ,
Пусть скажутъ, умеръ онъ, и смерть его
Задавить пусть и вѣкъ его и друга.
На вечеръ міръ еще въ моихъ рукахъ.
И этотъ вечеръ такъ употреблю я,
Что ни одинъ оратай ни зерна
Не возраститъ на этомъ пожарищѣ.
Меня принесъ онъ въ жертву своему
Кумиру - человѣку. — Человѣкъ
Мнѣ за него пускай и отвѣчаетъ.
Начну же я покамѣсть съ куклы,

(герцогу Альбъ)

Что вы
Мнѣ про инфанта говорили. Повторите.
Что въ этихъ письмахъ?

АЛЬБА.

Эти письма, Сиръ,
Въ себѣ содержатъ завѣщаніе маркиза
Донъ-Карлосу.

КОРОЛЬ.

*(пересматриваетъ бумаги, при чемъ всѣ окружающіе слѣ-
дятъ за его малѣйшимъ движеніемъ. Перечитавъ, онъ от-
кладываетъ ихъ въ сторону и молча ходитъ по комнатѣ)*

Позвать ко мнѣ

Немедля инквизиторъ-кардинала.

Прошу его на нѣсколько минутъ.

*(одинъ изъ грандовъ выходитъ. Король беретъ бумаги, чи-
таетъ опять, и снова кладетъ ихъ въ сторону)*

Такъ въ полночь это будетъ?

ТАКСИСЪ.

Ровно въ два

Часа его ждетъ почта въ картезійскомъ

Монастырѣ.

АЛЬБА.

А посланные мною

Мнѣ донесли, что видѣли, какъ много

Дорожной клади за гербомъ казеннымъ

Къ монастырю носили нынче.

ФЕРІА.

Также

Большія суммы нынче собирали

На имя королевы съ мавританскихъ

Агентовъ, съ переводомъ въ Брюссель.

КОРОЛЬ.

А гдѣ оставили инфанта?

АЛЬБА.

У тѣла кавалера Позы.

КОРОЛЬ.

Есть-ли
Свѣтъ въ комнатахъ у королевы?

АЛЬБА.

Тамъ

Все тихо. Также дамъ своихъ она

Гораздо раньше нынче отослала.

Графиня Арносъ ужъ въ глубокомъ снѣ

Ее оставила.

(офицеръ лейбъ-гвардіи входитъ, отводитъ герцога Ферію въ сторону и тихо говоритъ съ нимъ. Этотъ въ смущеніи обращается къ герцогу Альбъ, другіе тѣсняются къ нимъ и между ними слышенъ шопотъ)

ФЕРІА. ТАКСИСЪ. ДОМИНГО.

(вмѣстѣ)

Не можетъ быть!

КОРОЛЬ.

Что тамъ такое?

ФЕРІА.

Новость, государь,

Какой едва повѣрить можно.

ДОМИНГО.

Два

Швейцарца, только лишь съ своихъ постовъ

Смѣненные, рассказываютъ... но

Смѣшно и повторять...

КОРОЛЬ.

Ну, что же?

АЛЬБА.

Что нынче въ лѣвомъ флигелѣ дворца

Духъ императора имъ появился,

И твердымъ, мѣрнымъ шагомъ мимо ихъ

Прошолъ. И эту новость подтверждаютъ

Всѣ часовые въ этомъ павильонѣ,
И говорятъ, что духъ исчезъ въ покояхъ
Ея величества.

КОРОЛЬ.

Въ какомъ-же видѣ
Явился онъ?

ОФИЦЕРЪ.

Въ одеждѣ той же самой,
Какую онъ носилъ въ монастырѣ
Святаго Юста.

КОРОЛЬ.

Какъ монахъ? Такъ стало
Его при жизни знали часовые?
Иначе какъ могли они подумать,
Что это императоръ?

ОФИЦЕРЪ.

Видно было
По скипетру, что былъ въ его рукахъ.

ДОМИНГО.

Но утверждаютъ, что и прежде онъ
Являлся, какъ идетъ сказанье, въ этой
Одеждѣ.

КОРОЛЬ.

Съ нимъ никто не говорилъ?

ОФИЦЕРЪ.

Кто-жъ бы осмѣлился? Однѣ молитвы
Читали часовые и впустили
Его съ подобострастьемъ.

КОРОЛЬ.

И въ покояхъ
Ея величества исчезло привидѣнье?

ОФИЦЕРЪ.

Въ приѣмной королевы.

(общее молчаніе)

КОРОЛЬ.

(быстро оборачивается)

Ваше мнѣнье?

АЛЬБА.

Мы нѣмы, государь.

КОРОЛЬ.

(послѣ нѣкотораго молчанія къ офицеру)

Удвоить стражу,

И приказать стеречь ей каждый выходъ.

Мнѣ хочется словечко перемолвить

Съ незваннымъ этимъ привидѣньемъ.

(офицеръ удаляется. Пажъ входитъ)

ПАЖЪ.

Сиръ, инквизиторъ-кардиналъ.

КОРОЛЬ.

(присутствующимъ)

Уйдите.

(кардиналъ великій инквизиторъ, старецъ девяноста лѣтъ и слѣпецъ, входитъ, опершись на посохъ и ведомый двумя доминиканцами. Въ то время, какъ онъ проходитъ мимо грандовъ, они бросаются ницъ передъ нимъ и дотрогиваются до полы его платья. Онъ раздаетъ имъ благословеніе; всѣ удаляются)

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Король. Великій Инквизиторъ.

(длгое молчаніе)

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Стою ли я передъ монархомъ?

КОРОЛЬ.

Да.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Я этого не ожидалъ ужъ больше.

КОРОЛЬ.

Я повторяю сцену лѣтъ прошедшихъ:

Филиппъ инфантъ совѣта снова просить

У своего учителя.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Въ совѣтъ

Мой ученикъ, великій вашъ родитель,

Ни разу не нуждался.

КОРОЛЬ.

Онъ былъ счастливъ...

Я учинилъ убійство, кардиналъ,

И нѣтъ покою...

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Для чего-жь убійство

Вы учинили?

КОРОЛЬ.

Я вдался въ обманъ

Ужасный, безпримѣрный...

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Да, я знаю.

КОРОЛЬ.

Какъ! что вы знаете?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Ужъ много лѣтъ

Я знаю то, что узнаете вы

Лишь съ захожденья солнца.

КОРОЛЬ.

(съ отчаяніемъ)

Такъ вы знали

Объ этомъ человѣкѣ?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Жизнь его

Давно съ начала до конца —

Въ святыхъ регистрахъ Санта-Казы.

КОРОЛЬ.

И онъ свободенъ былъ?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Нить, на которой

Онъ былъ привязанъ здѣсь, была длинна,

Но неразрывна.

КОРОЛЬ.

Но онъ былъ за границей

Моихъ владѣній.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Гдѣ бы ни былъ онъ,

Я былъ при немъ.

КОРОЛЬ.

(съ негодованіемъ ходитъ взадъ и впередъ)

Вы знали, въ чьихъ рукахъ

Я находился... и ни словомъ даже

Объ этомъ мнѣ не намекнули?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Этотъ

Вопросъ назадъ пріймите... Почему же

Вы не спросили насъ, когда въ объятъя

Вы бросились къ такому человѣку?

Его вы знали! Взглядъ единый вамъ

Изобличалъ еретика... Что-жь васъ

Могло заставить скрыть такую жертву

Отъ инквизиціи?

КОРОЛЬ.

Онъ также въ жертву

Былъ принесенъ.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Нѣтъ, онъ убитъ... безславно,

Кощунственно!... Та кровь, что намъ во славу

Должна бы течъ обильными ручьями,

Убийцъ лишь подлыхъ руки обагрила.

Онъ нашимъ былъ... Что васъ могло заставить

Чужимъ добромъ, какъ тать, распоряжаться?

Онъ жилъ, чтобъ умереть чрезъ насъ. Его

На бѣдность вѣку нашему Господь

Самъ подарилъ, чтобъ мудрствующій умъ

Во всѣхъ его постыдныхъ заблужденьяхъ

Торжественно, открыто обличить.

То былъ обдуманый мой планъ. И вотъ

Что сталося съ работой столькихъ лѣтъ!...

Мы обокрадены, а вы остались

Лишь съ кровью на рукахъ.

КОРОЛЬ.

Я страстью

Былъ увлеченъ. Прости мнѣ!

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Страстью?

Филиппъ-инфантъ мнѣ развѣ отвѣчаетъ?

И развѣ постарѣлъ одинъ я? — Страстью!

(качаетъ головой)

.....
.....

КОРОЛЬ.

Въ такихъ дѣлахъ я новичекъ

Еще. Имѣй со мной терпѣнье.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Нѣтъ,

Я вами не доволенъ, сирѣ. Гдѣ-жъ былъ

Тогда Филиппъ, чья твердая душа,

Какъ та звѣзда на небѣ, неизмѣнно

И вѣчно вокругъ себя одной вертится?

Прошедшее за вами провалилось?

Или въ тотъ мигъ, когда ему объятья

Свои открыли вы, свѣтъ сталъ не свѣтомъ?

Ядъ болѣе не ядомъ? Иль стѣна

Межъ зломъ и благомъ, истиной и ложью

Разрушилась? Чтò значить цѣль, чтò твердость,

Мужское слово, если въ слабый мигъ

Шестидесяти-лѣтнія принципы

Колеблются, какъ женскіе капризы?

КОРОЛЬ.

Ему въ глаза глядѣлъ я... Снизойди

Ты къ недостаткамъ смертности моей.

Одною дверью къ сердцу твоему

Бѣди́те мѣръ. Твои глаза потухли.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

И чтò вамъ было въ этомъ человѣкѣ?

Что новаго онъ могъ вамъ показать,
Чего бы вы еще не знали? Развѣ
Такъ мало вамъ извѣстенъ фанатизмъ
Нововведенья? Иль вамъ непривычны
Еще хвастливыя, пустыя фразы
Всѣхъ этихъ геніевъ всемірныхъ? Если
Уже отъ словъ однихъ распалось зданье
Всѣхъ вашихъ правилъ... то съ какимъ лицомъ,
Я спрашиваю васъ, стамъ-тысячъ слабымъ
Душамъ вы подписали приговоры?
За что-жь они-то на костеръ всходили?...

КОРОЛЬ.

Я въ человѣкѣ нужду ощутилъ.
Доминги эти...

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Что вамъ въ человѣкѣ?

Для васъ онъ цифра — больше ничего.
Иль мнѣ съ сѣдымъ своимъ ученикомъ
Подъ старость лѣтъ начать твердить зады?
Земной владыка разучись нуждаться,
Въ чемъ претерпѣть отказъ онъ можетъ. Если
Сочувствія вы станете искать,
То сдѣлаете свѣтъ своею ровней.
И, я хотѣлъ бы знать, какое право
Вы послѣ этаго имѣете надъ ровней?

КОРОЛЬ.

(бросается въ кресло)

Я слабый человѣкъ. Не жди отъ твари
Того, что лишь Творецъ исполнить можетъ.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Нѣтъ, государь, меня не проведешь.

Я разгадалъ васъ: насъ вы не уйдете.

Васъ Орденъ тяготитъ тяжелой цѣпью:
Свободы, государь, вамъ захотѣлось,
Вамъ одному, безъ насъ быть захотѣлось.

(останавливается. Король молчитъ)

Но мы отомщены... Благодарите
Святую церковь, что такъ благосклонно,
Такъ матерински наказуетъ васъ.
Тотъ выборъ, что такъ слѣпо допустили
Васъ сдѣлать, есть ужь ваше наказанье.
Впередъ наука. Вы теперь опять
Къ намъ возвращаетесь... Когда-бъ теперь
Я не стоялъ предъ вами... передъ Богомъ!...
Вы завтра-жъ такъ стояли-бъ предо мною.

КОРОЛЬ.

Не говори такъ дерзко, попъ! Языкъ
Свой удержи! Не слишкомъ терпѣливъ я.
Такихъ рѣчей я не люблю.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Зачѣмъ же

Вамъ было вызывать тѣнь Самуила?
Двухъ королей Испаніи я далъ,
И полагалъ, что трудъ мой ужь незыблемъ.
И вотъ плодъ жизни всей моей потерянъ:
Самъ Донъ-Филиппъ потрясъ мое все зданье.
И что же, сирь... зачѣмъ сюда я позванъ!
Чтò здѣсь мнѣ дѣлать?... Я не повторю
Въ другой разъ своего прихода.

КОРОЛЬ.

Есть

Еще одна послѣдняя работа...
А тамъ отъиди съ миромъ въ вѣчность.

Забудемъ прошлое, пусть миръ межъ нами,
Какъ прежде, водворится... Миръ иль нѣтъ?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Миръ, если вы раскаялись.

КОРОЛЬ.

(послѣ минутнаго молчанія)

Мой сынъ

Мнѣ измѣнилъ.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Чего же вы хотите?

КОРОЛЬ.

Всего иль ничего.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Что значить *все*?

КОРОЛЬ.

Я помогу уйти ему, коль смертию
Его нельзя мнѣ будетъ наказать.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

И такъ?

КОРОЛЬ.

Создашь-ли ты такую вѣру,
Что защищала бы дѣтоубійство?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Чтобъ умирить святую справедливость —
На древѣ Божій Сынъ былъ распятъ.

КОРОЛЬ.

И эту мысль по всей Европѣ станешь
Ты проповѣдывать?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Доколѣ крестъ

Народы чтутъ.

КОРОЛЬ.
Я согрѣшаю противъ
Природы — этотъ мощный голосъ ты
Молчать заставишь ли во мнѣ?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Предъ вѣрой
Нѣтъ голоса природы.

КОРОЛЬ.
Я даю
Тебѣ мои права судьи. Мнѣ можно-ль
Совсѣмъ отсторониться будетъ?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Дайте
Мнѣ ихъ.

КОРОЛЬ.
Онъ мой единый сынъ. Кому же
Я все оставлю?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Лучше тлѣнью, чѣмъ
Свободѣ.

КОРОЛЬ.
(встаетъ)

Мы согласны. Въ путь теперь.
ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Куда?

КОРОЛЬ.
Принять обѣщанную жертву.
(уводитъ его)

ПОСЛѢДНІЙ ВЫХОДЪ.

Комната королевы.

КАРЛОСЪ. КОРОЛЕВА, потомъ КОРОЛЬ со свитой.
(Карлосъ въ монашеской одеждѣ съ маскою на лицѣ, которую онъ тутъ же снимаетъ; подъ мышкою обнаженный мечъ. Совершенно темно. Карлосъ подходитъ къ двери, которая отворяется. Королева входитъ въ ночномъ платьѣ съ зажженною свѣчею)

КАРЛОСЪ.
(преклоняетъ колѣно)

Елисавета!

КОРОЛЕВА.
(смотря на него съ тихою грустью)

Вотъ какъ мы свидѣлись?

КАРЛОСЪ.
Вотъ какъ мы свидѣлись!

(молчаніе)

КОРОЛЕВА.
(стараясь успокоиться)

Но встаньте!
Не будемъ мы разстраивать другъ друга.
Не немощной слезой должны мы тризну
По другъ нашему править, Карлосъ. Слезы
Годятся лишь для мелкой скорби!... Онъ же
Пожертвовалъ собою вамъ! Онъ жизнью
Своею вашу искупилъ... И кровь
Свою не попусту-жъ онъ пролилъ!... Карлосъ!
За васъ дала ему свое я слово,

Сама за васъ ему я поручилась,
И онъ спокойнѣй съ жизнію разстался.
Вы, вѣрно, не допустите, чтобъ ложью
Себя я запятнала, Карлосъ.

КАРЛОСЪ.

(съ вдохновеніемъ)

Я

Ему надгробный памятникъ поставлю,
Какого не бывало у монарховъ...
Надъ прахомъ друга раи зацвѣтутъ!

КОРОЛЕВА.

Отъ васъ ждала я этого. И въ этомъ
Вся мысль его прекрасной, славной смерти!
Меня въ душеприкащицы свои
Онъ избралъ. Я напоминаю вамъ:
Обѣтовъ этихъ я держаться буду.
Еще другое завѣщанье мнѣ
Оставилъ нашъ покойникъ... Я ему
Дала въ томъ слово... и... зачѣмъ же мнѣ
Умалчивать? Онъ Карла передалъ мнѣ..
На перекоръ пойду я свѣту... я
Предъ нимъ не стану больше трепетать;
Какъ другъ, хочу быть смѣлой. Сердце
Пусть говоритъ во мнѣ. Онъ нашу страсть
Великой добродѣтелью назвалъ.
Я вѣрю и не стану больше сердца...

КАРЛОСЪ.

Довольно, королева!... Я лежалъ
Все это время въ долгомъ, тяжкомъ снѣ.
Я васъ любилъ... Теперь я пробудился.
Забудемъ прошлое! Вотъ ваши письма.
Мои вы уничтожьте и не бойтесь

Ужъ больше никакихъ моихъ волненій.
Все кончено. Чистительнымъ огнемъ
Все существо мое воспламенилось.
Отнынѣ лишь въ могилахъ у усопшихъ
Живетъ любовь моя. Желанья смертныхъ
Не разпалаютъ больше этой груди.

(послѣ нѣкотораго молчанія, схватывая ея руку)

Проститься съ вами я пришолъ сюда...
О, королева! лишь теперь я вижу,
Что есть другое, высшее блаженство,
Чѣмъ обладать тобой. Одна лишь ночь
Моихъ годовъ лѣнивое теченье
Внезапно окрылила, изъ меня
Вдругъ мужа сдѣлала. Мнѣ въ жизни
Не остается больше ничего,
Какъ только память объ усопшемъ! Жатвы
Мои пропали...

*(онъ приближается къ королевы, которая закрываетъ
лицо)*

Вы не говорите
Мнѣ ничего?

КОРОЛЕВА.

На эти слезы, Карлосъ,
Вниманья вы не обращайтесь. Я
Не въ силахъ удержать ихъ. . Но, повѣрьте,
Я удивляюсь вамъ.

КАРЛОСЪ.

Вы нашей дружбы
Единственной повѣренною были, —
Подъ этимъ именемъ вы для меня
Дороже будете всего на свѣтѣ.
Свою я дружбу также мало въ силахъ

Вамъ подарить, какъ и любовь вчера
Могъ подарить я женщинѣ другой.
Но царственной вдовы покой мнѣ будетъ
Всегда священенъ, если Провидѣнье
Меня на тронъ испанскій возведетъ.

*(король въ сопровожденіи великаго инквизитора и грандовъ
является въ углубленіи сцены, не замѣченный ими)*

Теперь Испанію я оставляю
И не увижусь болѣе съ отцомъ...
По крайней мѣрѣ, въ этой жизни. Въ сердцѣ
Моемъ природа вымерла... Вы будьте
Опять ему супругой. Онъ лишился
Навѣки сына. Долгу своему
Вы снова будьте вѣрны. Такъ,
Въ послѣдній разъ прощайте!

(цѣлуетъ ее)

КОРОЛЕВА.

Карлосъ! Карлосъ!

Что изъ меня вы сдѣлали? Не смѣю
Возвыситься до этого величья;
Но понимать и удивляться вамъ
Могу я, вѣрьте.

КАРЛОСЪ.

Развѣ я не силенъ,
Еласавета? Я держу въ объятіяхъ
Своихъ тебя и не колеблюсь.
Еще вчера меня отъ этихъ мѣстъ
Не оторвалъ бы ужасъ близкой смерти.

(оставляетъ ее)

Но все прошло. Теперь на перекорь я
Готовъ идти враждующей судьбѣ.
Я васъ въ объятіяхъ сейчасъ держалъ

И самъ не колебался... Тише! чу!
Вы ничего не слышите?

(бьютъ часы)

КОРОЛЕВА.

Лишь только
Одинъ ужасный колоколъ, который
Разлуку возвѣщаетъ.

КАРЛОСЪ.

Такъ прощайте-жь!

Изъ Гента ждите перваго письма,
Что гласной сдѣлаетъ всю тайну нашихъ
Сношеній. Все, все будетъ ясно. Это
Пусть мой обманъ послѣдній будетъ.

(хочетъ взять маску. Король становится между ними)

КОРОЛЬ.

Онъ твой послѣдній!

(королева падаетъ въ обморокъ)

КАРЛОСЪ.

(бѣжитъ къ ней и принимаетъ ее въ объятія)

Умерла?

О, небо и земля!

КОРОЛЬ.

(холодно и спокойно великому инквизитору)

Свое я сдѣлалъ дѣло.

Теперь чередъ за вами, кардиналъ.

(уходитъ)

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

	Стр.
Отъ Издателя.	V

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

1. Разбойники. Драма въ пяти актахъ. Переводъ М. Достоевскаго.	1
2. Донъ-Карлосъ, инфантъ Испанскій. Драматическое стихотвореніе въ пяти актахъ. Переводъ М. Достоевскаго.	173

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

—

1. Понятие о...

Стр.
V

СТАТУСНО-ПРАВОВЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

2. Понятие о...

3. Понятие о...

4. Понятие о...

5. Понятие о...

6. Понятие о... 178

—

Schiller, Friedrich, 1759-1805

Lyrische, dramatische uund historische Werke Schillers in Übersetzungen
russischer Schriftsteller Liričeskije i dramatičeskije sočinenija

Bd.: III

St. Petersburg 1857 - 59

P.o.germ. 1274-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10119173-0